

ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

Коллекция журнала «Техника-Молодежи»

Артур Кларк

ФОНТАНЫ РАЯ

2010: ОДИССЕЯ-2

Фантастические романы

Памяти художника Роберта Авотина

**серия
«НИГДЕ НЕ КУПИШЬ»
2020 год**

Публикации и иллюстрации:

«Техника – молодежи»:

1980, №1, – №12

Артур Кларк. «Фонтаны рая»

Научно-фантастический роман

Пер. с англ. М.Беккер, Г.Островской и А.Стависской.

Рис. Роберта Авотина

«Техника – молодежи»:

1984, №2, №3

1989, №11, №12, 1990 №1, – №5

Артур Кларк. «2010: Одиссея-2»

Научно-фантастический роман

Пер. с англ. М.Романенко и М.Шевелева.

Рис. Роберта Авотина

Ознакомительный тираж: 1 экземпляр.

**Перевод: М.Беккер, Г.Островской и А.Стависской.
М.Романенко и М.Шевелева.**

Работа с текстом и иллюстрациями: by formally,

ФОНТАНЫ РАЯ

Часть I. ДВОРЕЦ

1. КАЛИДАСА

Корона становилась тяжелее с каждым годом. Когда преподобный Бодхидхарма Маханаяке Тхеро скрепя сердце возложил корону ему на голову, принц Калидаса удивился, что она так легка. Теперь, 20 лет спустя, царь Калидаса с радостью обходился без инкрустированного бриллиантами золотого обруча, если позволял этикет.

Но посланцы из чужих стран редко испрашивали у него аудиенцию на грозных высотах Яккагалы. Многие из тех, кто совершал сюда путешествие, поворачивали назад перед последним участком пути, идущим прямо сквозь пасть припавшего к земле льва, который, казалось, вот-вот прыгнет со склона горы. Настанет день, когда и он, Калидаса, будет слишком немощен, чтобы добраться до собственного дворца. Но вряд ли он доживет до этого: многочисленные враги избавят его от унижительной старости.

Враги эти уже собирались вокруг. Калидаса посмотрел на север, словно мог увидеть там армии своего сводного брата Малгары, возвращавшегося на родину, чтобы заявить права на запятнанный кровью трон Тапробани. Но эта угроза была еще далеко, за морями. Гораздо более терпеливый и коварный враг таился рядом, на юге. Идеальный конус священной горы Шри Канды, возвышавшийся над центральной долиной, с незапамятных времен вселял благоговейный страх в сердца всех, кто его видел. Калидаса никогда не забывал о его безмолвном присутствии и той силе, которая стояла за ним.

А ведь у Маханаяке Тхеро не было ни армий, ни боевых слонов. Верховный Жрец был всего лишь старик в оранжевой тоге... непостижимым образом влиявший на судьбы царей.

В прозрачном утреннем воздухе Калидаса ясно видел храм на вершине Шри Канды, уменьшенный расстоянием до размеров наконечника белой стрелы. Отсюда до храма всего три дня пути: первый — по царской тропе через леса и рисовые поля, и еще два — в гору по каменной лестнице. Но Калидасе никогда туда не подняться: там его ожидал единственный враг, которого он не мог победить. Иногда царь завидовал пилигримам, глядя на тонкую цепочку факелов, движущуюся вверх по склону. Последний нищий мог встретить рассвет на Священной Горе, правитель Тапробани — нет.

Но у него были свои утешения. Вокруг, обнесенные крепостным валом и рвом, раскинулись Райские Сады с прудами и фонтанами, на которые он растратил богатства своего царства. А когда они надоедали, к услугам Калидасы были горные девы — двести неподвластных времени Бессмертных, с которыми он часто делил свои мысли, потому что никому другому не доверял. С запада донеслись раскаты грома. Муссон запаздывал этой весной, искусственные озера, снабжавшие водой оросительную систему острова, были почти пусты. В том числе самое большое, которое подданные Калидасы осмеливались по-прежнему называть по имени его отца — «море Параваны». Оно было закончено всего 30 лет назад. Принц Калидаса гордо стоял рядом с отцом, когда впервые открылись огромные ворота шлюза, и животворная влага хлынула на томимые жаждой поля. Во всем царстве не было зрелища прекраснее, чем зеркало огромного рукотворного озера, в котором отражались купола и шпили Ранапур — старой столицы, покинутой Калидасой ради своей мечты.

Сверкая оранжевым одеянием на фоне белой стены храма, Маханаяке Тхеро — восемьдесят пятый по счету — медленно подошел к парапету. Далеко внизу лежала шахматная доска рисовых полей, протянувшихся от горизонта до горизонта, темные нити оросительных каналов, голубое мерцание «моря Параваны» и на той стороне священные купола Ранупуры, призрачными пузырями плывущие по небу. Цвета и очертания этой мозаики менялись не только от сезона к сезону, но и с каждым облаком.

Лишь серая глыба Утеса Демона мешала изысканности ландшафта. Утес казался самозванцем, вторгшимся в чужие владения. Действительно, легенда гласит, что Яккагала — обломок одной из гималайских вершин, оброненный обезьяньим богом Хануманом...

С такого расстояния, естественно, нельзя было как следует рассмотреть дворцовые строения, смутно различалась лишь линия крепостного вала вокруг Райских Садов. Однако воображение Верховного Жреца отчетливо рисовало ему огромные львиные когти, выступающие из гранитного откоса, а наверху — зубчатые стены, по которым, казалось, все еще бродит преданный проклятью царь.

Сверху раздался грохот, он нарастал с каждой секундой, достигнув наконец такой мощи, что казалось, задрожала гора. Сотрясая воздух непрерывными, незатухающими толчками, гром стремительно пронесся по небу к востоку и замер вдали. Это не предвестник муссонов: их не будет еще три недели. Служба Муссонов не ошибается. Это другое. Придется, как всегда, послать протест на мыс Кеннеди или русским. И как всегда, безрезультатно. Вот Калидаса нашел бы управу на диспетчеров космических линий, которых волнует лишь стоимость веса, поднятого на орбиту... Приказал бы посадить на кол, бросить под подкованные ноги слонов, опустить в кипящее масло...

Да, двести веков назад жизнь была проще.

2. ИНЖЕНЕР

Друзья, число которых сокращалось с каждым годом, звали его Йохан. Остальному миру он был известен как Раджа. Полное имя отражало пятьсот лет истории: Йохан Оливер де Альвис Шри Раджасинха. Его деятельность принесла ему благодарность всего человечества. Никто не верил, что он надолго удалится от дел.

— Не пройдет и полугодя, как вы вернетесь, — сказал ему Президент Мира. — К власти, вы знаете, привыкаешь.

Тогда, 20 лет назад, Раджасинха числился Особым Посланником по Политическим Делах, подчиняющимся только Президенту и Совету, и весь его штат никогда не превышал десяти человек — одиннадцати, если считать АРИСТОТЕЛЯ (к Ари у него до сих пор было прямое подключение, так что они по-прежнему беседовали несколько раз в год). Но вмешательство Раджасинхи всякий раз кончалось одинаково — Совет принимал его рекомендации.

Он, Посредник, появлялся во всех взрывоопасных точках планеты, сглаживая острые углы, не давая вспыхивать кризисам, манипулируя правдой с поразительным мастерством. Ложь была бы губительна. Без непогрешимой памяти Ари ему бы ни за что не удалось держать под контролем ту сложнейшую паутину, которую подчас приходилось плести, чтобы человечество жило в мире. Когда же он начал получать удовольствие от этой игры, пришло время из нее выйти.

За прошедшие 20 лет Раджасинха ни разу не пожалел о своем решении. Он вернулся к полям и лесам своей юности и жил теперь в километре от огромного мрачного утеса, который господствовал над его детством. Его вилла находилась внутри широкого рва, окружающего Райские Сады, и фонтаны, построенные Калидасой, били теперь в саду Йохана после того, как промолчали две тысячи лет. Вода по-прежнему текла по старым каменным акведукам, ничего не

изменилось, разве что цистерны на вершине утеса наполнялись теперь электрическими насосами. То, что ему удалось поселиться на этом пропитанном ароматом истории участке земли, доставило Йохану удовольствие, которого он не испытывал на протяжении всей своей жизни, — сбылась мечта, в осуществление которой он никогда по-настоящему не верил...

На небе уже полыхал неистовый, как всегда, на Тапробани, закат, когда между деревьев показался небольшой трехколесный электромобиль и, бесшумно подкатив, остановился у гранитных колонн портика.

По долгому и печальному опыту Раджасинха научился не доверять первым впечатлениям, но и не пренебрегать ими. Он ожидал, что Ванневар Морган под стать своим достижениям, крупный, внушительный мужчина. Инженер, напротив, оказался значительно ниже среднего роста и выглядел даже хрупким. Однако его сухощавое тело состояло из одних мышц, а по лицу, обрамленному иссиня-черными волосами, ему никак нельзя было дать его пятидесяти двух лет.

Даже в те дни, когда Раджасинха находился на государственной службе, ему не приходилось иметь дело с Всемирной Строительной Корпорацией — деятельность ее трех огромных отделов — «Суша», «Океан», «Космос» — освещалась меньше, чем работа любого другого органа Всемирной Федерации. Лишь в случае какой-нибудь технической катастрофы и при конфликтах с Историческим Обществом или Обществом Защиты Окружающей Среды ВСК возникала из тени. Последнее столкновение такого рода было связано с Антарктическим Трубопроводом — этим венцом инженерного искусства XXI века, предназначенным для перекачки разжиженного угля из гигантских полярных месторождений на электростанции всего мира. В состоянии экологической эйфории ВСК предложила уничтожить последнюю, еще оставшуюся секцию трубопровода и вернуть эти земли их исконным владельцам — пингвинам. Немедленно раздались крики протеста со стороны промышленных археологов,

возмущенных таким вандализмом, и биологов, которые указывали, что пингвины прямо-таки обожают заброшенный трубопровод. Он предоставил им жилищные условия, какие им раньше и не снились, вызвав демографический взрыв, с которым еле справлялись касатки. Так что ВСК отступила без боя.

Раджасинха не знал, принимал ли Морган участие в этом мелком конфликте. Да это и не имело значения — имя Главного Инженера отдела «Суша» было связано с величайшим триумфом Корпорации...

Его творение окрестили Сверхмост, и с полным на то основанием. Вместе со всей планетой Раджасинха наблюдал, как «Граф Цеппелин» — сам по себе одно из чудес века — бережно поднял последнюю его секцию в небо. Все роскошное оснащение дирижабля было снято, чтобы избавить его от лишнего веса, из знаменитого плавательного бассейна спустили воду, а реакторы подавали избыточное тепло в газовые секторы оболочки, чтобы увеличить его подъемную силу. Впервые в истории тысячетонный груз был поднят на три километра, и все сошло без сучка, без задоринки.

Теперь каждый корабль, проплывающий мимо Геркуловых Столбов, салютует самому грандиозному мосту, построенному руками человека. Одинаковые пятикилометровые башни у слияния Средиземного моря и Атлантического океана сами по себе являются высочайшими сооружениями в мире. Их разделяют пятнадцать километров пустого пространства, перекрытого неправдоподобно легкой аркой Гибралтарского Моста. Да, встретиться с его создателем — большая честь, даже если тот опоздал на час.

— Приношу мои извинения, Посредник, — проговорил Морган, выходя из мобиля. — Надеюсь, задержка не причинила вам неудобств.

— Отнюдь, я хозяин своего времени. Но нам придется отложить разговор. Через полчаса я с друзьями иду на Утес. Там дают светозвуковое представление. Буду рад, если вы к нам присоединитесь. — Он видел, что Морган колеблется. —

Я представлю вас в качестве доктора Смита из Тасманского университета. Уверен, мои друзья вас не узнают.

— Я в этом не сомневаюсь, — сказал Морган, и от Раджасинхи не ускользнуло мгновенное раздражение, мелькнувшее на лице гостя. — Доктор Смит. Прекрасно. С вашего разрешения, я воспользуюсь пультом связи.

«Интересная реакция, — подумал Раджасинха, провожая гостя внутрь виллы. — Рабочая гипотеза: Морган недоволен своей жизнью, даже разочарован в ней. Но он ведущий специалист в своей области. Чего ему не хватает?»

Ответ мог быть только один: Раджасинха внезапно вспомнил, что колоссальную радугу, соединяющую Европу и Африку, почти всегда называют просто Мост... иногда — Гибралтарский Мост... и никогда — Мост Моргана.

«Ну, доктор Морган, — подумал Раджасинха, — если вы ищете славы, здесь вы ее не найдете. Так зачем же, скажите на милость, вы приехали на наш маленький Тапробани?»

3. ФОНТАНЫ

День за днем слоны и рабы, выбиваясь из сил, тащили под жгучим солнцем бесконечные ведра с водой вверх по склону Утеса. И вот наконец царский двор собрался в Райских Садах под шатрами из яркой ткани.

Все глаза были прикованы к Утесу Демона и крошечным фигуркам, движущимся по его вершине. Взвился флаг, далеко внизу пропел рожок. У подножия Утеса рабы, как безумные, работали рычагами, тянули канаты. Однако время шло, и ничего не происходило.

Царь нахмурился, и придворные затрепетали. Даже опала приостановились на миг, но тут же задвигались еще быстрее. От подножия Яккагалы донесся крик. Радостный и торжествующий, он становился все громче и громче, по

мере того как его подхватывали на обрамленных цветами дорожках. А вместе с ним раздался и еще один звук, не такой громкий, однако у всех, кто его слышал, возникло ощущение, что какие-то затаенные силы неудержимо рвутся к своей цели.

Один за другим, словно по волшебству возникнув из-под земли, взметнулись к безоблачному небу тонкие водяные стебли. На высоте, в четыре раза превышающей рост человека, на них распустились цветы из брызг. Солнечный свет окрашивал водную пыль всеми цветами радуги, делая зрелище еще более прекрасным и необычным. Никогда за всю историю Тапробани его жители не были свидетелями такого чуда.

Почти так же незаметно, как заходило солнце, фонтаны теряли высоту. Вот они вровень с человеком, наполненные с таким трудом резервуары почти опустели. Но царь был доволен, он поднял руку, струи фонтанов снизились и вновь поднялись, словно отдали последний поклон трону, затем беззвучно опали. Пруды снова стали зеркальными, заключив в свои берега отражение бессмертного Утеса.

— Рабы хорошо потрудились, — сказал Калидаса. — Отпустить их на волю.

Здесь, у подножия Утеса, он создал задуманный им Рай. Осталось одно — устроить Небеса на его вершине.

4. УТЕС ДЕМОНА

Искусно сотканые из света и звука живые картины даже сейчас не оставляли равнодушным Раджасинху, а ведь он видел эту программу десятки раз. Смотрели ее все, кто попадал на Утес, хотя знатоки, вроде профессора Сарата, недовольно ворчали, что это всего лишь «поп-история» для туристов. Однако «поп-история» лучше, чем никакая...

Небольшой амфитеатр располагался напротив западного склона Яккагалы. Было уже так темно, что Утес терялся во мраке, огромной тенью закрывая ранние звезды. И вот из темноты донесся приглушенный рокот барабана, а затем спокойный, бесстрастный голос:

«Эта история повествует о царе, который умертвил своего отца и сам был убит братом. В кровавой истории человечества это ненормально. Но этот царь оставил сохранившийся до наших дней памятник и легенду, пережившую века...»

Раджасинха кинул украдкой взгляд на Ванневару Моргану, сидящего в темноте справа от него. Тот уже попал под чары медленного повествования. Два других гостя — старые друзья по дипломатической службе, — сидящие слева, были также заморожены.

«Звали его Калидаса. Он родился через сто лет после начала нашей эры в Рананпуре, Золотом Городе, который много веков подряд был столицей Тапробани. Но рождение его было омрачено...»

Музыка стала громче и тревожнее, к барабану присоединились флейты и струнные инструменты. На отвесном склоне Утеса зажглась светлая точка, вот она увеличилась... и внезапно перед зрителями словно распахнулось волшебное окно в прошлое, открыв мир, более живой и яркий, чем в реальной жизни...

«Великолепная инсценировка», — подумал Морган, радуясь, что позволил на этот раз вежливости победить желание работать. Он видел радость царя Параваны, когда любимая младшая жена родила ему первенца, и понимал его чувства, когда всего лишь через сутки сама царица произвела на свет сына, имевшего больше прав. Хотя родился Калидаса первым, наследовать отцу он мог лишь вторым. Так были приготовлены декорации для трагедии.

«Однако в раннем детстве Калидаса и его сводный брат Малгара были закадычными друзьями. Мальчики росли вместе, не подозревая, что они соперники, не догадываясь

об интригах, которые плелись вокруг. Причина их раздора не имела никакого отношения к случайностям рождения.

Ко двору короля Параваны приезжали послы с дарами из разных стран — с шелком из Китая, золотом из Индустана, оружием из Римской империи. Однажды простой охотник из джунглей осмелился прийти в столицу с подарком, который, как он надеялся, понравится королевской семье...»

Морган услышал вокруг хор восхищенных возгласов. Крошечная снежно-белая обезьянка, доверчиво уюмившаяся на руках у принца Калидасы, была удивительно мила. Два огромных глаза глядели на Моргана через столетия... и через таинственную, однако не совсем непреодолимую пропасть между человеком и животным.

«Согласно хроникам, никто раньше не видел такой обезьянки, ее шерсть была белая, как молоко, глаза — розовые, как рубины. Некоторые считали, что это дурное предзнаменование, потому что белый цвет — цвет смерти и траура. И страх их, увы, имел под собой основания.

Принц Калидаса обожал своего любимца, которого он назвал Хануман в честь легендарного обезьяньего бога. Королевский ювелир сделал для обезьянки золотую колясочку, в которой она восседала с торжественным видом, когда ее везли по двору к удовольствию всех, кто там был.

Хануман, в свою очередь, любил Калидасу и не разрешал никому другому трогать себя. Особенно неприязненно он относился к принцу Малгаре, словно догадываясь о будущем соперничестве. И вот в один злосчастный день он укусил наследника трона.

Укус был пустяковый, но последствия огромны. Через несколько дней Ханумана отравили... без сомнения, по приказу царицы. Так кончилось детство Калидасы. Говорят, с этих пор он перестал любить людей и никому больше не верил. А симпатия к Малгаре сменилась враждебностью. Но это было не единственной неприятностью, проистекшей из смерти маленькой обезьянки. По повелению царя для Ханумана построили особую гробницу в форме полусферы —

традиционная форма усыпальниц-дагоб. Такого никто никогда не делал, и это вызвало ярость монахов, ибо в дагобах хоронили только мощи Будды, и поступок царя выглядел кощунством.

Вполне возможно, что его намерение было именно таково, ибо царь Паравана постепенно отходил от буддизма. Хотя принц Калидаса был слишком юн, чтобы участвовать в конфликте, ненависть монахов обратилась и против него. Так началась вражда, в дальнейшем расколовшая царство.

В течение почти двух тысяч лет у нас не было доказательств того, что эта история не является всего лишь прекрасной легендой. Но в 2015 году археологи обнаружили на территории Старого Дворца в Ранапуре фундамент небольшой усыпальницы. Сама усыпальница была разрушена. Ее ограбили много веков назад. Но у ученых были инструменты, о которых и мечтать не могли охотники за сокровищами прежних времен. С помощью нейтринного просвечивания они обнаружили вторую погребальную камеру, находившуюся куда глубже первой. Верхняя камера была всего лишь кенотафом — ложным погребением. В нижней камере все еще находился сосуд любви и ненависти, который она сохраняла в течение многих веков, пока он не попал в место своего последнего упокоения — Музей Ранапурь».

Морган пропустил часть последующей истории, когда он вытер глаза, прошло лет десять, сложная семейная ссора была в самом разгаре, и он не совсем понял, кто кого убивал. Когда замолк лязг оружия на поле брани, коронный принц Малгара и царица-мать бежали в Индию, а Калидаса захватил престол и заточил отца в тюрьму.

То, что узурпатор не лишил Паравану жизни, объяснялось не сыновними чувствами, а верой в то, что у старого царя спрятаны где-то сокровища, предназначенные для Малгары. Но Паравана в конце концов устал от обмана.

— Я покажу тебе мое богатство, — сказал он сыну. — Дай мне колесницу, и я отвезу тебя к нему.

В отличие от Ханумана, старый король отправился в свой последний путь на ветхой телеге, запряженной волом. Хроникеры отмечают, что одно колесо было сломано и всю дорогу скрипело. К удивлению Калидасы, отец приказал отвезти его к огромному искусственному озеру, воды которого орошали все центральное царство; Паравана отдал этому водоему почти всю свою жизнь. Он шел по краю огромной дамбы и глядел на собственную трехметровую статую, стоявшую лицом к воде.

— Прощай, старый друг, — сказал он, обращаясь к каменной фигуре, державшей в руках каменную карту внутреннего моря. — Охраняй мое наследство.

Он спустился по ступеням водослива, зашел в озеро по пояс, зачерпнул горстью воду и кинул ее через голову. Затем обернулся к Калидасе с гордым и торжествующим видом.

— Здесь, сын мой, — вскричал он, указывая рукой на живительную влагу, разлившуюся на многие лиги, — здесь... здесь все мое богатство!

— Убейте его! — вне себя от ярости и разочарования приказал Калидаса.

Солдаты повиновались.

Первые несколько лет Калидаса жил со своим двором в Ранапуре. Затем он переехал на одинокий утес Яккагала, возвышавшийся над джунглями в сорока километрах от Ранапур. Некоторые утверждали, что он искал неприступную крепость — укрыться от мести брата. Однако под конец Калидаса пренебрег ее защитой. К тому же, если Яккагала всего-навсего цитадель, то зачем он окружил утес необъятными Райскими Садами, создание которых потребовало не меньше труда, чем постройка вала и рва? И зачем тут фрески?

Когда рассказчик задал этот вопрос, западная стена утеса выступила из темноты... но в том виде, как две тысячи лет назад. По всей ширине утеса, в ста метрах от его подножия, протянулась ровная и оштукатуренная полоса, расписанная множеством поясных женских изображений в натуральную

величину. Все они были прекрасны и выполнены в одном стиле.

С золотистой кожей и пышногрудые, они были облачены в одеяния из прозрачной ткани, а то и вовсе украшены одними драгоценными камнями. У одних были высокие сложные прически, у других, по-видимому, короны. Многие держали в руках цветы.

«Некогда этих фигур было не менее двухсот. Но ветры и дожди многих столетий уничтожили все, кроме двадцати, укрытых нависающим горным уступом...»

Изображение увеличилось. Под мелодию «Танца Анитры» одна за другой уцелевшие девы Калидасы выплывали из темноты. Хотя и пострадавшие от непогоды, времени и рук вандалов, они пронесли свою красоту через века. Краски все еще были яркими, так и не выгорев под солнцем, более полумиллиона раз, обливавшего их закатными лучами. Богини или смертные, они не дали умереть легенде Яккагалы.

«Никто не знает, кто они и почему нарисованы в таком недоступном месте. Наибольшей популярностью пользуется гипотеза, состоящая в том, что они небожительницы, что Калидаса стремился создать Земной Рай и поселить там богинь. Возможно, он считал себя божеством, как египетские фараоны, возможно, именно поэтому он по примеру египтян поставил огромного сфинкса сторожить вход в свой дворец».

Изображение сместилось, теперь перед зрителями было небольшое озеро, в котором отражался утес. Вода покрылась рябью, очертания Яккагалы дрогнули и расплылись. Когда они вновь возникли, утес был увенчан зубчатыми стенами с бойницами, бастиянами и шпилями. Разглядеть их как следует было невозможно, они все время оставались не в фокусе. Никто никогда не узнает, как на самом деле выглядел воздушный дворец Калидасы до того, как пришли те, кто стремился самое имя царя стереть в памяти людей.

«И здесь он жил почти двадцать лет, ожидая уготованного ему рокового конца. С вершины Утеса Калидаса увидел, как с севера наступают войска Малгары. Возможно, он и считал свою крепость неприступной, но не стал подвергать это проверке. Он спустился навстречу брату на нейтральную полосу между двумя армиями. Содержание их беседы неизвестно. Говорят, перед расставанием они обнялись, возможно, это и правда.

Затем армии хлынули одна на другую. Калидаса сражался на своей территории, его воины хорошо знали местность, и казалось, победа будет за ним. Но вмешался один из тех случаев, которые определяют судьбы народов. Боевой слон Калидасы свернул в сторону, чтобы обойти небольшое болотце. Воины подумали, что царь отступает. Это, как сообщают хроники, сломало их боевой дух.

Калидасу нашли на поле брани, он покончил с собой. Малгара стал царем. А Яккагала была отдана джунглям и заброшена на семнадцать веков».

5. ТЕЛЕСКОП

«Мой тайный порок», — говорил об этом Раджасинха с улыбкой и сожалением. Стареющий дипломат давно был не в силах подняться пешком на вершину Яккагалы, однако у него был способ компенсировать потерю. Много лет назад он приобрел малогабаритный телескоп и с его помощью мог блуждать по всему западному склону Утеса, мысленно поднимаясь по тропе, по которой в прошлом не раз восходил на вершину. Когда он глядел в окуляр, ему казалось, что он висит в воздухе

около гранитной стены.

Раджасинха редко пользовался телескопом утром, потому что солнце вставало, с другой стороны, Яккагалы, и на теневом западном склоне почти ничего нельзя было разглядеть. Но сейчас, взглянув в широкое окно, Раджасинха с удивлением увидел на фоне неба силуэт крошечной фигурки,двигающейся по самому гребню Утеса. «Ранняя птичка, — подумал Раджасинха. — Кто бы это мог быть?»

Он встал с кровати, накинул саронг из яркого батика, вышел и повернул короткий тубус к Утесу.

«Мог бы и сам догадаться!» — сказал он себе не без удовольствия, углубляя увеличение. Значит, вчерашнее зрелище произвело на Моргана должный эффект. Инженер

захотел увидеть своими глазами, как архитекторы Калидасы справились с труднейшей задачей.

Но то, что увидел Раджасинха, испугало его: Морган быстро шел по самому краю площадки в нескольких сантиметрах от обрыва, к которому мало кто из туристов отважился подходить. Не у многих из них хватало смелости даже на то, чтобы посидеть на Слоновьем Троне, свесив над пропастью ноги, а инженер стоял рядом с ним на коленях, небрежно придерживаясь рукой за резной камень... и наклонялся над пустотой, чтобы рассмотреть поверхность отвесной стены. Раджасинха, хоть и привык к этим вершинам, с трудом мог на него смотреть.

Спустя несколько минут Раджасинха решил, что Морган, должно быть, один из тех редких людей, которые абсолютно

не бояться высоты. Память Раджасинхи, все еще превосходная, старалась прийти ему на помощь. Было что-то имеющее к этому отношение... что-то, касающееся Моргана. Морган... неделю назад он фактически ничего не знал о Моргане...

А, вот оно. В свое время в газетах шла полемика, привлекающая всеобщее внимание. Главный Конструктор Гибралтарского Моста объявил, что намерен ввести новшество. Поскольку весь транспорт будет на автоматическом управлении, нет смысла делать перила по краям Моста: отказ от них сэкономит тысячи тонн. Конечно, все сочли это бредовой идеей, а что, спрашивала публика, если у одной из машин откажет управление и она направится к краю?

У Главного Конструктора был на это ответ. Если испортится управление, тогда автоматически сработают тормоза, и экипаж остановится, не проехав и ста метров. Лишь на наружных полосах дороги есть риск, что машина свалится через край, для этого должны одновременно выйти из строя автоматическое управление, датчики и тормоза, что может произойти раз в двадцать лет.

Затем Главный Конструктор сказал то, чего говорить не следовало. Он добавил, что в этом маловероятном случае для его прекрасного Моста лучше, чтобы машина поскорее свалилась вниз.

Понятно, что в конце концов Мост огородили — тросами вдоль наружных полос, — и, насколько Раджасинха знал, еще никто не нырнул с него в море. Однако сам Морган, судя по всему, решил покончить жизнь самоубийством, принеся себя в жертву гравитации, иначе трудно было объяснить его поведение.

Инженер стоял спиной к пропасти, у самого Слоновьего Трона, держа в руках ящичек, похожий по форме и размеру на старомодную книгу. Раджасинха не мог разглядеть его, а движения Моргана ни о чем ему не говорили. Возможно, это какой-нибудь анализатор, хотя он не мог понять, зачем Моргану понадобился состав здешних гранитов.

И тут Раджасинха, который гордился умением сохранять спокойствие в самых драматических ситуациях, вскрикнул от ужаса. Ванневар Морган шагнул назад, прямо в пустое пространство.

6. ХУДОЖНИК

— Приведите ко мне перса, — сказал Калидаса, отдышавшись.

Подъем от фресок к Слоновьему Трону стал вполне безопасен, когда лестницу, идущую по отвесной скале, огородили. Но он был утомителен; сколько еще лет будет Калидаса в состоянии сам совершать этот путь? Он мог воспользоваться услугами рабов, но это не приличествовало царю. И нестерпима была мысль, что чужие глаза увидят сто богинь и сто их прекрасных прислужниц, составляющих свиту его небесного двора.

Но теперь у входа на лестницу днем и ночью будет стоять страж, охраняя единственный путь из Дворца на Небо, которое создал для себя Калидаса. После десяти лет тяжелого труда его мечта осуществилась. Что бы ни утверждали завистливые монахи, он стал наконец богом.

Несмотря на долгие годы, проведенные под солнцем Тапробани, Фирдаз по-прежнему был светлокож как римлянин; сегодня, склоняясь перед царем, он выглядел даже бледнее обычного. Калидаса задумчиво глядел на него, затем одобрительно улыбнулся.

— Ты хорошо справился со своим делом, перс. Есть ли на свете художник, который выполнил бы его лучше?

Поколебавшись, Фирдаз ответил:

— Не знаю такого, ваше величество.

— Я хорошо тебе заплатил?

— Вполне достаточно.

Этот ответ был не совсем точен: Фирдаз без конца требовал денег, помощников, дорогие материалы из далеких краев. Но от художника трудно ожидать, чтобы он разбирался в экономике или знал, что царская казна и так истощена чудовищными расходами.

— Чего ты желаешь теперь, когда работа закончена?

— Я бы хотел, ваше величество, чтобы мне разрешили вернуться в Исфаген.

Калидаса ожидал этого ответа и искренне сожалел о своем вынужденном решении. Но на долгом пути в Персию слишком много других правителей; они не выпустят

замечательного художника из своих жадных рук. А богини на западном склоне Утеса не должны иметь равных.

— Это не так-то просто, — сказал он; Фирдаз ссутулился и побледнел еще больше. Царь не обязан ничего объяснять, но сейчас один художник говорил с другим. — Ты помог мне стать божеством. Весть об этом проникла во многие страны. Когда ты лишишься моей защиты, многие потребуют от тебя того же.

С минуту художник молчал, затем произнес так тихо, что Калидаса с трудом его расслышал:

— Значит, я должен остаться?

— Можешь ехать, и с такой наградой, которой тебе хватит до конца твоих дней. Но обещаю, что ты не будешь рисовать для других.

— Я готов обещать это, — поспешно ответил Фирдаз.

Калидаса печально покачал головой.

— Я научился не доверять слову художников. Особенно когда они оказываются вне моей власти. Поэтому мне придется обеспечить исполнение твоих слов.

Казалось, Фирдаз принял какое-то важное решение.

— Понимаю. — Он выпрямился во весь рост, затем неторопливо повернулся спиной к Калидасе, словно его царственный властелин перестал существовать, и посмотрел прямо на солнце.

Калидаса знал, что персы поклоняются солнцу, и слова, которые бормотал Фирдаз, вероятно, были молитвой. Что ж, люди поклонялись и худшим богам. Художник глядел на ослепляющий диск так, словно это было последнее, что ему суждено видеть...

— Удержите его! — вскричал царь.

Стража стремительно бросилась вперед, но было поздно. Хотя Фирдаз, вероятно, уже ослеп, движения его были точны. За три шага он достиг парапета. Он не издал ни звука, пока падал к садам, на разбивку которых потратил столько лет, ничего не было слышно и тогда, когда зодчий Яккагалы достиг фундамента своего творения.

Калидаса грустил много дней, но грусть его перешла в гнев, когда ему перевели последнее письмо Фирдаза. Кто-то предупредил перса, что, когда он закончит свою работу, его ослепят, это было бессовестной ложью. Калидасе не удалось выяснить происхождение этих слухов, хотя не один человек умер медленной смертью, пытаясь доказать свою невиновность. Калидасу печалило, что перс поверил

такой сказке: ясно, что один художник никогда не отнимет у другого дар зрения.

Калидаса не был жесток или неблагодарен. Он нагрузил бы Фирдаза золотом... во всяком случае, серебром... и отпустил бы его на родину в сопровождении слуг, которые

заботились бы о нем до конца жизни. Ему бы ничего не пришлось делать своими руками, и совсем скоро ему перестало бы их недоставать.

7. СУПЕРВОЛОКНО

— Меня чуть не хватил удар, — с укором сказал Раджасинха, наливая кофе. — Даже я знаю, что антигравитация невозможна. Как вы это сделали?

— Прошу прощения, — улыбаясь, ответил Морган, — я не подозревал, что за мной наблюдают... Меня заинтересовало, почему каменная скамья стоит на самом краю, и я решил это выяснить.

— Никакой тайны нет. Некогда над бездной выдавался деревянный помост. От вершины к фрескам вела лестница. В стене до сих пор борозды от клиньев.

— Да, — печально сказал Морган, — значит, это уже открыли.

«Двести пятьдесят лет назад, — подумал Раджасинха. — Археолог Летбридж, спустившийся по обрыву, как и доктор Морган. Ну не совсем так...»

Морган достал металлический ящичек, позволивший ему совершить чудо. Несколько кнопок, щиток с индикаторами, с виду его можно было принять за карманный радиопhone.

— Вот она, — с гордостью произнес Морган. — Поскольку вы видели мою стометровую прогулку по вертикали, вы имеете представление о том, как она действует.

— Мой телескоп оказался бессилён. Я мог бы поклясться, что вы ни за что не держались.

— Да, вероятно, зрелище было впечатляющим. Обычно я покупаю людей на такой трюк... проденьте, пожалуйста, палец в это кольцо.

Раджасинха заколебался. Морган держал небольшое металлическое кольцо — всего в два раза больше обручального — так, словно оно было заряжено электричеством.

— А меня не ударит током?

— Нет, но, возможно, удивит. Потяните его к себе.

Раджасинха осторожно взялся за кольцо... и чуть не уронил его. Кольцо казалось живым, оно стремилось к Моргану, вернее к ящичку в его руке. В ящичке что-то негромко жужжало, и какая-то таинственная сила тащила палец Раджасинхи вперед. «Магнетизм?» — спросил он себя. Нет, магниты так себя не ведут. Здесь другое. Перетягивание каната — вот чем они сейчас занимались, только этот канат невидим.

Как Раджасинха ни напрягал глаза, он не мог заметить никакой нити или проволоки, соединяющей кольцо с ящичком Моргана. Он протянул руку, чтобы обследовать пустое, казалось, пространство, но инженер оттолкнул его в сторону.

— Прошу прощения, — сказал Морган. — Все пытаются это сделать. Вы могли сильно порезаться.

— Значит, у вас тут действительно невидимая проволока. Ловко... но на что она годится — только для розыгрыша?

Морган широко улыбнулся.

— Многие реагируют так же. Но вы не видите нить потому, что ее толщина не превышает нескольких микрон. Она тоньше самой тонкой паутинки.

— Невероятно!

— Это результат двухсотлетнего развития физики твердого тела — псевдоодномерный алмазный кристалл. Правда, это не абсолютно чистый углерод, тут есть дозированные микровключения некоторых элементов. Массовое производство таких нитей возможно лишь на орбитальных промышленных комплексах, где нет тяжести, мешающей росту кристалла.

— Поразительно, — прошептал Раджасинха. Он слегка подергал кольцо. — Ваша нить может иметь самые разнообразные применения. К примеру, для резания сыра...

Морган рассмеялся.

— С ее помощью можно за две минуты повалить толстое дерево. Но обращаться с ней не так просто... даже опасно. Нам пришлось сконструировать специальные микролебедки, чтобы разматывать и наматывать ее... Мы называем их «рулетки». Эта рулетка на аккумуляторах специально для демонстраций. Она с легкостью поднимает двухсоткилограммовый груз.

Раджасинха неохотно вынул палец из кольца. Оно устремилось к земле, затем принялось качаться взад-вперед без всякой, казалось, поддержки, но Морган нажал одну из кнопок, и рулетка с тихим жужжанием смотала нить.

— Вряд ли вы приехали в такую даль, доктор Морган, только чтобы удивить меня этим чудесным достижением науки... хотя я действительно поражен. Хотелось бы знать, какое отношение все это имеет ко мне.

— Весьма большое, господин Посредник, — ответил инженер. — Вы абсолютно правы, считая, что этот материал может иметь множество различных применений. Одно из них сделает ваш тихий островок центром мира. Нет, всей солнечной системы. Благодаря сверхпрочной нити Тапробани станет первой ступенькой на пути к планетам. А когда-нибудь, возможно, и к звездам.

8. МАЛГАРА

Даже ближайшие друзья не могли прочесть выражения на лице принца Малгары, когда он в последний раз глядел на брата, вместе с которым провел свое детство. На поле боя

все стихло, крики раненых смолкли под воздействием целебных трав или меча.

Наконец принц повернулся к фигуре в желтом одеянии, стоявшей рядом с ним.

— Вы короновали его, преподобный Бодхидхарма. Проследите, чтобы его похоронили с почестями, приличествующими царю.

Помолчав, монах тихо ответил:

— Он разрушил наши храмы и разогнал жрецов. Если он и поклонялся богу, то лишь одному Шиве.

Малгара обнажил зубы в гневной улыбке, которую Маханаяке предстояло хорошо узнать за те годы, что ему осталось жить.

— Ваше преосвященство, — сказал принц голосом, источающим яд, — он был первенцем Параваны Великого, он сидел на троне Тапробани, и зло, которое он причинил, умерло вместе с ним. Позаботьтесь, чтобы его прах был погребен должным образом, прежде чем вы осмелитесь ступить ногой на Шри Канду.

Маханаяке Тхеро еле заметно поклонился.

— Это будет сделано... раз вам так угодно.

— И еще одно, — сказал Малгара, на этот раз обращаясь к своим адъютантам. — Слава фонтанов Калидасы достигла наших ушей даже в Индостане. Мы взглянем на них, прежде чем отправимся в Ранапuru...

Дым от погребального костра Калидасы поднимался в безоблачное небо из сердца Райских Садов, разгоняя стервятников. Малгара сурово смотрел, как он устремляется ввысь, возвещая стране, что у нее новый правитель.

Словно продолжая извечное соперничество с огнем, взлетали в поднебесье и струи фонтанов. Потом резервуары опустели, водные струи сломались и сникли. Прежде чем

они вновь поднялись в садах Калидасы, пала Римская империя, по Африке прокатились мусульманские полчища, Коперник изгнал Землю из центра вселенной, была подписана Декларация независимости, человек ступил на Луну...

Малгара ждал, пока погребальный костер не сгорел дотла, выстрелив вспышкой искр. Когда последняя струйка дыма улетела к высотам Яккагалы, он поднял глаза к дворцу на вершине Утеса.

— Человек не должен бросать вызов богам, — сказал он, помолчав. — Сровняйте дворец с землей.

9. СВЕРХМОСТ

Поль и Максина были старинными друзьями Раджасинхи, но до сих пор никогда не встречались. Впрочем, за пределами Тапробани о профессоре Сарате вряд ли кто-нибудь слышал. Зато вся солнечная система знала лицо и голос Максины Дюваль.

Они сидели в библиотеке: гости в удобных креслах, Раджасинха у главного пульта связи. Все трое не сводили глаз с четвертого, стоявшего неподвижно.

Слишком неподвижно. Гость из прошлого, не имеющий понятия о повседневных электронных чудесах XXII века, через несколько секунд решил бы, что смотрит на восковой манекен. Однако при ближайшем рассмотрении обнаружились бы два странных обстоятельства. «Манекен» был прозрачен для прямых лучей света, а его ноги возле самого пола были нечеткими, расплывались.

— Вы знаете этого человека? — спросил Раджасинха.

— В жизни его не видел, — тотчас отозвался Сарат. — Надеюсь, важная птица, если вы оторвали меня от раскопок.

— А мне пришлось бросить свой тримаран в самом начале гонок в Сахаре на озере Саладин, — сказала Максина

Дюваль. Раздраженных ноток в ее знаменитом контральто было достаточно, чтобы поставить на место любого менее толстокожего типа, чем профессор Сарат. — Конечно, я его знаю. Он что, собирается строить мост отсюда до Индостана?

Раджасинха засмеялся.

— Нет. Извините, что я вызвал сюда вас обоих, хотя вы, Максина, уже двадцать лет обещаете меня навестить.

— Верно, — вздохнула она. — Я столько времени торчу в студии, что забываю о реальном мире, в котором живут пять тысяч близких друзей и пятьдесят миллионов хороших знакомых.

— К какой категории относится доктор Морган?

— Я с ним встречалась несколько раз. Мы готовили передачу в связи с завершением строительства моста. Он весьма выдающаяся личность.

В устах Максины Дюваль это был большой комплимент. Уже свыше тридцати лет она являлась, пожалуй, самым уважаемым представителем своей многотрудной профессии и была удостоена всех возможных наград. Премия Пулитцера и прочее — всего лишь верхушка айсберга. Совсем недавно она вернулась к активной деятельности после двухлетней профессуры на кафедре электронной журналистики Колумбийского университета.

Все это несколько ее смягчило, хотя и не заставило сбавить темп. Она уже не была той пламенной феминисткой, которая однажды заявила: «Поскольку женщины умеют рожать детей, то природа наверняка должна была наградить

мужчин каким-либо другим талантом. Но в данный момент он как-то не приходит мне в голову». Однако поставить кого угодно на место она могла и сейчас.

В ее женственности никто не сомневался, она была замужем четыре раза и прославилась выбором своих телеоператоров. Оператор в любом случае должен быть молод и силен, чтобы легко и быстро перемещаться с 20 килограммами коммуникационного оборудования на себе. Но операторы Максины Дюваль отличались к тому же мужественностью и красотой. Если на эту тему кто и шутил, то совершенно беззлобно, потому что даже самые лютые конкуренты любили Максину почти так же сильно, как завидовали ей.

— Жаль, что с гонками так получилось. Однако «Марлин III» выиграл и без вас. В конце концов, результат важнее... Но пусть Морган скажет все сам, — проговорил Раджасинха.

Он отпустил кнопку «Пауза», и статуя ожила.

— Меня зовут Ванневар Морган. Я главный инженер ВСК по отделу «Суша». Моей последней работой был Гибралтарский мост. Сейчас я расскажу о чем-то несравненно более грандиозном.

Раджасинха откинулся в кресле, приготовившись слушать рассказ об уже знакомом, но все еще немыслимом проекте. Странно, как быстро приспосабливаешься к условностям телепередачи и не обращаешь внимания на погрешности настройки. Даже то, что Морган «двигался», не сходя с

места, а перспектива была сильно искажена, не нарушало ощущения реальности происходящего.

— Космическая эра длится свыше двух веков. Вторую половину этого срока наша цивилизация всецело зависит от искусственных спутников. Глобальная связь, метеослужба, использование земных и океанских ресурсов, служба почты и информации — если что-нибудь случится с космическими системами, мы вновь погрузимся во тьму невежества. Возникнет хаос, и большая часть человечества погибнет от голода и болезней.

Заглядывая за пределы Земли, мы видим автономные колонии на Луне, Меркурии и Марсе, а также неисчислимы богатства, добываемые из недр астероидов. Однако, хотя ракеты стали сейчас наиболее надежным транспортным средством из всех, какие когда-либо были изобретены...

— А велосипед? — буркнул Саратов.

— ...они все еще малоэкономичны. Хуже того, их воздействие на природу чудовищно. Несмотря на все попытки контролировать коридоры входа и выхода, шум при взлете и посадке досаждают миллионам людей. Продукты выхлопа, накапливающиеся в верхних слоях атмосферы, уже привели к климатическим изменениям. Все помнят вспышку рака кожи в двадцатых годах, вызванную прорывом ультрафиолетового излучения, а также астрономическую стоимость химикатов, которые потребовались для восстановления озоносферы.

Экстраполяция роста перевозок на конец века показывает, что грузооборот на трассе Земля — орбита увеличится почти в полтора раза. Однако эксплуатационные характеристики ракет близки к абсолютному пределу, обусловленному законами физики.

Какова же альтернатива? В течение многих веков люди мечтали об антигравитации, нуль-переходах и тому подобных вещах. К сожалению, это всего лишь фантазия. Однако почти одновременно с запуском первого спутника один смелый русский инженер придумал систему, которая сделает

ракеты устаревшей. Прошло много лет, прежде чем кто-либо принял всерьез идеи Юрия Арцутанова. Потребовалось два столетия, чтобы наша техника достигла уровня, соответствующего глубине его прозрения...

Всякий раз, когда Раджасинха воспроизводил запись, ему казалось, что в этот момент Морган действительно ожидал. Здесь он вступал на свою территорию, и Раджасинха не мог хотя бы отчасти не разделить его энтузиазм.

— Гуляя в ясную ночь, — продолжал Морган, — вы видите привычное чудо нашего века — звезды, которые не восходят и не заходят, а неподвижно стоят в небе. Уже наши деды привыкли к синхронным спутникам и синхронным космическим станциям, которые вечно висят над экватором над одним и тем же местом земной поверхности. Вопрос, который поставил перед собой Арцутанов, отличался детской непосредственностью, свойственной истинным гениям. Если бы такая мысль пришла в голову просто умному человеку, он тут же отбросил бы ее как величайшую нелепость.

Если тело может оставаться неподвижным относительно поверхности Земли, нельзя ли спустить с него трос и таким образом связать Землю с космосом?

Но как осуществить эту идею на практике? Расчеты показали, что ни одно вещество не обладает достаточной прочностью. Трос из самой лучшей стали не выдержит собственного веса еще задолго до того, как будут перекрыты тридцать шесть тысяч километров между Землей и синхронной орбитой. Правда, в самом конце двадцатого века в лабораториях начали производить сверхпрочные суперволокна. Если бы появилась возможность наладить их массовое производство, мечта Арцутанова была бы воплощена в действительность. Но они были крайне дороги, гораздо дороже золота. Чтобы построить грузопассажирскую систему Земля — космос, понадобились бы миллионы тонн суперволокна, и поэтому мечта оставалась мечтой.

Но несколько месяцев назад ситуация изменилась. Теперь заводы дальнего космоса могут производить

практически неограниченные количества суперволокна. И мы можем построить космический лифт, или орбитальную башню, как я предпочитаю ее называть...

Изображение Моргана исчезло. Вместо него возникла медленно вращающаяся Земля величиной с футбольный мяч.

Над нею на расстоянии вытянутой руки, паря все время над одной и той же точкой экватора, ярко вспыхивающая звезда обозначала местонахождение синхронного спутника.

Из звезды начали вытягиваться два тонких световых луча: один к Земле, второй в противоположном направлении, в космос.

— Когда вы строите мост, — продолжал голос Моргана, — вы начинаете с двух концов и встречаетесь посередине. С орбитальной башней дело обстоит, наоборот. Вы должны строить одновременно вверх и вниз, чтобы центр тяжести сооружения оставался в стационарной точке. Если удержать равновесие не удастся, сооружение изменит свою орбиту и начнет медленно перемещаться вдоль экватора.

Спускающийся к Земле световой луч достиг ее поверхности, и в тот же миг движение второго луча тоже прекратилось.

— Общая высота башни должна составлять не менее сотки тысяч километров, причем наиболее опасна нижняя сотня километров, проходящая в плотных слоях атмосферы. Здесь следует бояться ураганов. Башня не будет устойчивой, пока ее надежно не прикрепят к земле.

И тогда впервые в истории мы обретем лестницу на небо — мост к звездам. Простая подъемная система — лифт, приводимый в движение дешевым электричеством, — заменит шумную и дорогостоящую ракету, которая отныне будет применяться лишь для дальних космических полетов.

Перед вами один из возможных проектов...

Изображение вращающейся Земли исчезло, телекамера показала поперечный разрез башни.

— Такая башня состоит из четырех одинаковых труб: две для подъема, две другие для спуска. Нечто вроде четырехколейной железной дороги с Земли на синхронную орбиту.

Капсулы для пассажиров, грузов и топлива будут двигаться вверх и вниз по трубам со скоростью нескольких сотен километров в час. Поскольку девяносто процентов энергии будет возвращаться в систему, стоимость перевозки одного пассажира не превысит нескольких долларов. Ведь при спуске капсулы на Землю ее двигатели действуют как магнитные тормоза, генерирующие электричество. В отличие от космических кораблей такая капсула не расходует энергию на нагрев атмосферы и создание ударных волн, ее энергия будет возвращаться в систему. Поезда, идущие вниз, будут помогать поездам, идущим вверх. По самым скромным подсчетам, лифт в сто раз экономичнее любой ракеты.

Раджасинха нажал кнопку, и Морган умолк.

— Я совершенно сбит с толку, — сказал профессор Сарат. — И вообще, при чем тут мы?

— Я сам не все понимаю. Мне кажется, Морган сражается сразу на нескольких фронтах. Он дал мне эту запись с

условием, что она не будет передана по коммерческим каналам связи. Поэтому мне и пришлось пригласить вас сюда.

— А он знает о нашей встрече?

— Конечно. Он даже обрадовался, узнав, что я собираюсь поговорить с вами, Максина. Он вам доверяет и хочет привлечь вас на свою сторону. Что до вас, Поль, то я убедил его, что вы, не рискуя инсультом, способны хранить тайну примерно неделю.

— Пожалуй, если на то есть важные причины.

— Я начинаю кое-что понимать, — сказала Максина Дюваль. — Некоторые вещи начинают обретать смысл. Прежде всего это проект космический, а Морган — главный инженер отдела «Суша».

— Ну и что?

— И это спрашиваете вы, Йохан! Подумайте о бюрократической буре, которая разразится, когда об этом узнают в авиационно-космической промышленности! Если Морган не будет сугубо осторожен, ему скажут: «Большое вам спасибо, а теперь за дело возьмемся мы. Были счастливы с вами познакомиться».

— Звучит убедительно, но у него тоже есть веские доводы. Ведь, по сути дела, орбитальная башня — строение, а не транспортное средство.

— Не знаю, как на это посмотрят юристы. Едва ли существует много строений, верхние этажи которых движутся на 10 км/с быстрее фундамента.

— Может, вы и правы. Кстати, когда у меня закружилась голова при мысли о башне, покрывающей добрый кусок дороги к Луне, доктор Морган сказал: «Считайте, что это не башня, поднимающаяся вверх, а мост, идущий вовне». Я пытаюсь, но без особого успеха.

— Ага! — неожиданно воскликнула Максина Дюваль. — Вот еще одна часть вашей головоломки. Мост.

— То есть?

— Известно ли вам, что директор ВСК, этот напыщенный осел сенатор Коллинз, требовал, чтобы Гибралтарскому мосту присвоили его имя?

— Но как удалось спасти мост от уготованной ему участи?

— Ведущие инженеры ВСК произвели небольшой дворцовый переворот. Морган, разумеется, в нем не участвовал.

— Так вот почему он прячет свои карты! Я все больше и больше его уважаю. Но несколько дней назад он обнаружил препятствие, обойти которое невозможно.

— Попробую угадать, — сказала Максина. — Это полезное упражнение — оно помогает быть впереди всех. На Земле, существует лишь ограниченное количество подходящих мест — ведь бóльшая часть экватора проходит по океану, — и Тапробани, несомненно, одно из них. Хотя я и не вижу, в чем его преимущество перед Африкой или Южной Америкой. Или Морган просто перебирает возможные варианты?

— Дорогая Максина, ваши способности к дедукции феноменальны. Вы на верном пути, но дальше вы не продвинетесь. Хотя Морган очень хотел объяснить мне суть дела, я не беру на себя смелость утверждать, что разобрался во всех научных деталях. Оказывается, Африка и Южная Америка непригодны для установки космического лифта. Это связано с неустойчивыми точками в гравитационном поле Земли. Годится только остров Тапробани — хуже того, всего лишь одна его точка. И здесь на сцену выступаете вы, Поль.

— Я?

— Да. К своей великой досаде, доктор Морган обнаружил, что единственное место, которое ему требуется, мягко выражаясь, занято. Он просит посоветовать, как вытеснить отсюда вашего любимого друга Будди.

— Кого? — в свою очередь, изумилась Максина.

Сарат не замедлил с ответом:

— Его преподобие Бодхидхарму Маханаяке Тхеро, Верховного Жреца храма Шри Канда, — речитативом произнес он, словно распевая литанию. — Так вот где собака зарыта!

На минуту воцарилось молчание. Потом на лице Поля Сарата, почетного профессора археологии университета Тапробани, появилось выражение злорадного восторга.

— Я всегда хотел знать, — мечтательно проговорил он, — что именно произойдет, когда неотразимая сила столкнется с непреодолимым препятствием.

ЧАСТЬ II. ХРАМ

10. ЗВЕЗДОЛЕТ

Сто лет люди ожидали подобного события и пережили немало ложных тревог. Но когда оно наконец свершилось, человечество было застигнуто врасплох.

Радиосигнал, шедший от Альфы Центавра, был настолько мощным, что его впервые засекли как помеху в обычных коммерческих каналах. Все радиоастрономы мира, которые десятилетиями обшаривали космос в поисках следов внеземных цивилизаций, не знали, куда деваться от стыда, тем более что давно списали со счета тройную систему Альфы и Проксимы Центавра.

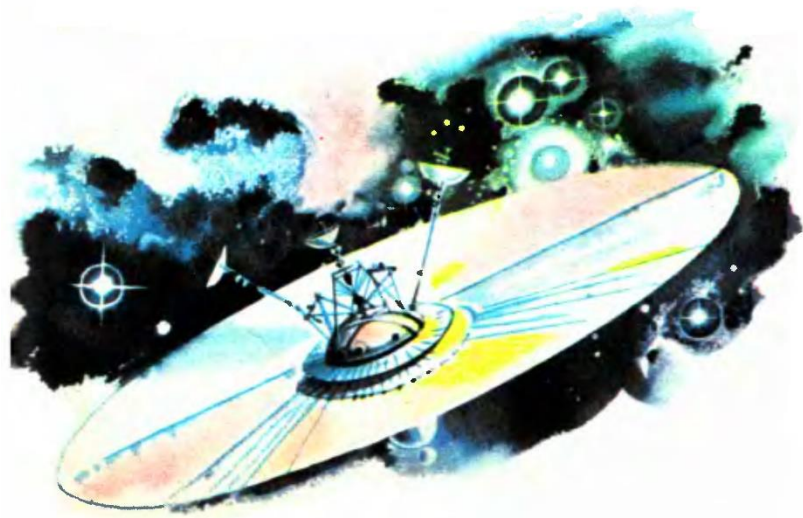
Немедленно в работу включились все радиотелескопы южного полушария, и через несколько часов мир узнал еще более ошеломляющую новость: источник сигнала находился вовсе не в системе Альфы Центавра, а в точке, отстоящей от нее на полградуса. И он перемещался.

Все стало на свои места. Мощность сигнала никого больше не удивляла, поскольку его источник уже вошел в пределы солнечной системы и приближался к Солнцу со скоростью шестьсот километров в секунду. Произошло то, чего так ждали — и так боялись — люди: появились инопланетяне...

Однако целый месяц гость из космоса бездействовал: он проносился мимо внешних планет, не отвечая на сигналы Земли, не пытаясь изменить свою траекторию, подобную орбите кометы, и излучая в эфир одну и ту же серию импульсов, означавшую: «Я здесь!» Его путь от Альфы Центавра — при условии, что он летел с неизменной скоростью, — должен был занять две тысячи лет. Одних это обстоятельство несколько успокоило, так как доказывало, что пришелец — космический зонд-робот, а других, напротив, разочаровало, лишив спектакль кульминации — появления живых инопланетян.

На свет были извлечены и со всей серьезностью проштудированы забытые сюжеты научной фантастики, начиная от пришествия на Землю благожелательных богов до вторжения кровопийц-вампиров. Лондонская компания «Ллойд» сильно обогатилась, так как люди стремились застраховать свою жизнь на случай самых непредвиденных поворотов судьбы.

Затем, как только инопланетянин прошел орбиту Юпитера, земные приборы принесли о нем первые вести.

Панику, к счастью недолгую, вызвало сообщение, что поперечник объекта составляет пятьсот километров. Вдруг это действительно летающая колония с вражеским десантом на борту?..

Однако вскоре выяснилось, что диаметр твердого корпуса инопланетянина равен всего нескольким метрам. Пятисоткилометровый ореол вокруг него оказался явлением знакомым — это была ажурная параболическая антенна, подобная орбитальным радиотелескопам земных астрономов. С ее помощью, очевидно, пришелец посылал на свою далекую родину сообщения об открытиях, которые делал, обшаривая солнечную систему и подслушивая радиопередачи.

Вскоре мир потрясла еще одна сенсация — антенна величиной с астероид была нацелена не на Альфу Центавра, а совсем на другую часть неба. Вероятно, ближайшая к нам звезда была просто последней промежуточной станцией, а не местом старта пришельца.

Установить его происхождение помог случай: один из автоматических аппаратов для исследования солнечной активности внезапно замолк и только через минуту вновь обрел голос. Анализ записей показал, что приборы были на мгновение парализованы интенсивной радиацией. Аппарат пересек луч космического гостя, и это позволило определить, куда нацелена передача.

В том направлении на расстоянии пятидесяти двух световых лет находился очень слабый — и очевидно очень древний — красный карлик, одно из тех скромных маленьких солнц, которые будут спокойно светить через миллиарды лет после угасания великолепных звезд-гигантов. Все радиотелескопы мира, не занятые наблюдением за пришельцем из космоса, были наведены на его предполагаемую родину.

Сигнал был — ясный сигнал в сантиметровом диапазоне. Те, кто много тысяч лет назад создал зонд, все еще поддерживали с ним связь. Впрочем, послания, которые он принимал теперь, шли к нему всего-навсего полвека.

Войдя внутрь орбиты Марса, пришелец дал понять, что знает о человечестве. Он выбрал самый драматический и самый верный способ — стал передавать 3075-строчечные телефильмы, сопровождая их текстами на хорошем земном языке. Так началась первая в истории человечества космическая беседа — и с запаздыванием не в десятки лет, как — предполагали раньше, а всего лишь в несколько минут.

11. ТЕНЬ НА РАССВЕТЕ

Морган вышел из ранапурского отеля в четыре часа. Стояла ясная, безлунная ночь. Он не был в восторге от времени, назначенного для поездки, однако доктор Сарат пообещал, что все неудобства окупятся.

— Вы так и не поймете, что такое Шри Канда, если не увидите рассвет с вершины, — сказал он. — Кроме того, Будди, то есть Маханаяке Тхеро, не принимает посетителей в другое время. Он считает, что это лучший способ отвадить любопытных туристов.

Как назло, шофер-тапробанец оказался ужасно болтливый, он без умолку что-то рассказывал и что-то спрашивал — ему, видно, хотелось узнать как можно больше о пассажире. Правда, делал он это с таким добродушием, что сердиться на него было трудно.

Все же Морган предпочел бы, чтобы шофер молчал и уделял больше внимания поворотам, темнота была почти полной. Может, впрочем, и к лучшему, что нельзя видеть все пропасти и утесы, которые они миновали, пока машина взбиралась в горы...

— Вот она! — сказал шофер с гордостью, когда они обогнули очередной холм.

Шри Канда все еще была погружена в темноту, ничто не предвещало рассвета. Присутствие горы выдавала лишь

узенькая полоска света, зигзагом поднимающаяся к звездам и будто чудом висящая в небе. Морган знал, что это просто фонари, поставленные двести лет назад для того, чтобы облегчить пилигримам подъем по самой длинной лестнице в мире, но эта полоска света, противоречащая логике и гравитации, казалась ему сейчас воплощением его собственной заветной мечты. За много веков до его рождения вдохновленные неведомыми ему философами люди начали труд, который он надеялся завершить. Это они возвели первые ступени на пути к звездам...

Моргана уже не клонило в сон. Приближающаяся светящаяся полоса распалась, став нитью мерцающих бус. Черный треугольник горы угадывался на фоне неба. В ее безмолвии таилось что-то зловещее. Она казалась жилищем богов, которые, прознав о цели Морганов, собирают все силы против него.

Эти мрачные мысли остались позади, когда машина прибыла на станцию канатной дороги. Хотя было только пять часов утра, в маленьком зале ожидания толпилось не менее ста человек. Морган заказал две чашки спасительного кофе — для себя и своего словоохотливого шофера, который, к счастью, не проявил желания штурмовать вершину.

— Я был там раз двадцать, — заявил он с подчеркнутым равнодушием. — Лучше посплю в машине, пока вы не спуститесь.

Морган купил билет. По его расчетам, он попадал в третью или четвертую очередь. Холодно было уже здесь, на высоте двух километров. На вершине, в трех километрах выше, будет еще холоднее.

Плетясь в шеренге молчаливых и сонных людей, он с удивлением обнаружил, что только у него нет фотоаппарата. «А где же праведные паломники? — подумал он. — Впрочем, их здесь и не должно быть. Нет легких путей на небо. Совершенство достигается только собственными усилиями, а не с помощью машин. Но бывают обстоятельства, когда без машины не обойтись».

Наконец все расселись и вагончик под скрип канатов тронулся. И снова Моргана охватило странное чувство, будто он идет по чужим стопам. Лифт, который он задумал, будет поднимать в десять тысяч раз больше груза, чем эта система, созданная, вероятно, еще в XX веке. Но принцип их действия одинаков.

Вагончик, покачиваясь, двигался в темноте, но иногда в поле зрения попадала лестница, освещенная фонарями. На ней никого не было, будто многомиллионный поток паломников, на протяжении трех тысяч лет, поднимавшихся к вершине, разом иссяк. Но так только казалось: те, кто пешком шел на свидание с зарей, были сейчас далеко впереди.

На высоте четырех километров пассажиры, оставив вагон, перешли на другую станцию канатной дороги. Морган надел термоплащ, плотно запахнувшись в металлизированную ткань. Под ногами похрустывал иней, в разреженном воздухе трудно было дышать. Морган не удивился, увидев на станции кислородные баллоны, тут же на видном месте висела инструкция.

Вместе с последним подъемом появились первые признаки грядущего дня. На востоке еще горели звезды — ярче всех Венера, — когда высоко в небе вспыхнули зажженные зарей тонкие прозрачные облака. Но до рассвета оставалось еще полчаса.

Один из пассажиров указал на гигантскую лестницу, петлявшую вниз по склонам, которые становились все круче. Теперь она не была безлюдной. Медленно, как во сне, десятки мужчин и женщин с трудом поднимались по бесчисленным ступеням. Сколько они в пути? Всю ночь, а многие больше. Старики, неспособные за один день преодолеть подъем. Морган не подозревал, что на свете еще столько верующих.

Мгновенье спустя он увидел первого монаха — высокий человек в оранжевой тоге шагал с размеренностью метронома, глядя вперед и не обращая внимания на вагон, плывущий над его выбритой головой. Стихии, казалось, тоже

его не беспокоили: обнаженная по плечо правая рука была открыта леденящему ветру.

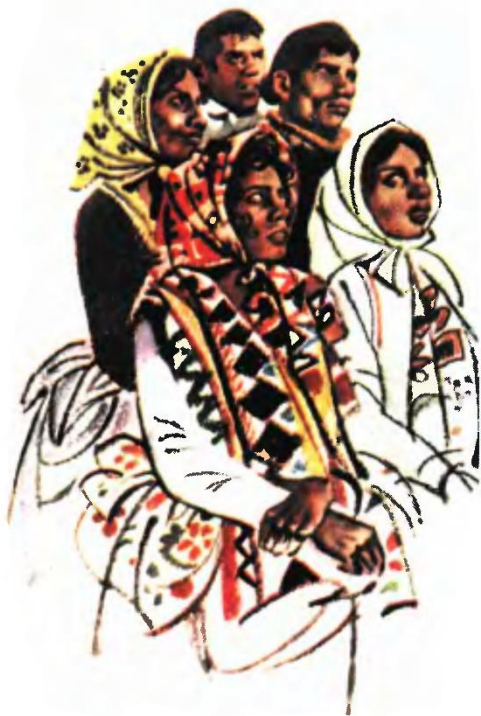
Вагон остановился у станции, выгрузил замерзших пассажиров и отправился в обратный путь. Морган присоединился к толпе из 200–300 человек, собравшихся в маленьком амфитеатре, вырубленном в западном склоне горы. Все напряженно всматривались в темноту, хотя пока ничего не было видно — лишь узкая полоска огней, зигзагами спускающаяся в бездну. Запоздалые путники с отчаянными усилиями одолевали последний участок лестницы — вера побеждала усталость.

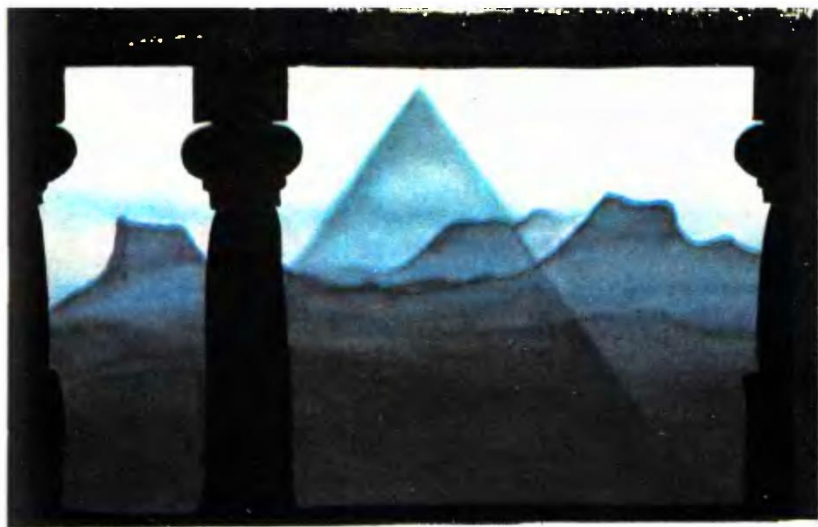
Морган посмотрел на часы: осталось десять минут. Никогда до этого он не встречался с таким множеством молчаливых людей. Туристов с фотоаппаратами и паломников

объединяла сейчас одна надежда.

С вершины горы, из храма, все еще невидимого в темноте, донесся нежный перезвон колокольчиков, и в ту же минуту на громадной лестнице погасли все фонари. Стоя спиной к невидимому рассвету, люди увидели, как слабый отблеск дня осветил облака, лежащие далеко внизу. Однако огромный массив горы все еще задерживал зарю.

По мере того, как солнце обходило с

флангов последний оплот ночи, склоны Шри Канды с каждой секундой выделялись все отчетливей и ярче. По толпе, застывшей в терпеливом ожидании, пронесся благоговейный шепот.

На мгновение все как бы замерло в неподвижности, а затем совершенно неожиданно чуть ли не на половину Тапробани лег идеально симметричный треугольник с четкими краями. Гора не забыла своих поклонников — в море облаков лежала знаменитая тень Шри Канды, символ, который каждый паломник волен толковать по своему разумению...

Совершенство прямых линий создавало иллюзию твердого тела — казалось, это поверженная пирамида, а не фантом из света и тени. Вокруг нее разливался свет, первые прямые лучи солнца вырывались из-за склонов горы, а тень по контрасту становилась все более темной и плотной. Но сквозь тонкую завесу облаков, источник ее недолгой жизни, Морган смутно различал озера, холмы и леса пробуждающейся земли.

Над горою вставало солнце, и вершина туманного треугольника с огромной скоростью приближалась к Моргану, но он не ощущал движения. Время как бы остановилось,

впервые в жизни он не думал об уходящих минутах. Тень вечности легла на его душу, как тень горы на рассветные облака.

Тень быстро таяла, и тьма растворялась в неба, как краска в воде. Призрачный мерцающий пейзаж внизу обретал материальность. Примерно на полпути к горизонту вспыхнул свет — солнечный луч отразился от восточных окон какого-то строения, а гораздо дальше, если не обманывал глаз, синела полоска моря.

Новый день пришел на Тапробани.

Люди медленно расходились. Одни вернулись на станцию, а другие, энтузиасты, направились к лестнице в обычном заблуждении, что спускаться легче, чем подниматься. Большинство будет благодарить судьбу, добравшись до нижней станции. Только немногие способны одолеть весь спуск.

Лишь Морган, провожаемый любопытными взглядами, двинулся вверх по ступеням, ведущим к монастырю на вершине горы. Дойдя до гладко оштукатуренной наружной стены, уже озаренной первыми прямыми лучами солнца, он с облегчением прислонился к тяжелой деревянной двери.

За ним, должно быть, следили. Не успел он отыскать кнопку звонка или как-нибудь иначе дать знать о своем приходе, дверь бесшумно отворилась, и монах в желтом одеянии приветствовал его, сложив ладони.

— Аю бован, доктор Морган. Маханаяке Тхеро будет рад вас видеть.

12. ОБУЧЕНИЕ ЗВЕЗДОЛЕТА

(Отрывок из «Конкорданции Звездолета». Издание первое, 2071 г.)

Мы теперь хорошо знаем, что межзвездный космический зонд, именуемый обычно Звездолетом, совершенно автономен и работает по программам, заложенным в него шестьдесят тысяч лет назад. Путешествуя от солнца к солнцу, он с помощью пятисоткилометровой антенны передает собранную информацию на свою родину и время от времени получает оттуда новейшие данные.

Однако, проходя через какую-либо планетную систему, Звездолет использует солнечную энергию и во много раз увеличивает скорость передачи информации. Кроме того, он «подзаряжает аккумуляторы», хотя аналогия здесь очень условна. А поскольку он, как наши первые «Пионеры» и «Вояджеры», использует гравитационные поля небесных тел, чтобы обеспечить себе движение от звезды к звезде, он будет действовать бесконечно долго, пока какое-нибудь механическое повреждение не положит конец его полету. Альфа Центавра была его одиннадцатым промежуточным пунктом назначения. Облетев, подобно комете, наше Солнце, он взял курс на Тау Кита, звезду, находящуюся на расстоянии двенадцати световых лет. И если там есть разумная жизнь, он вступит в новую беседу вскоре после 8100 года нашей эры...

...Ибо Звездолет одновременно выполняет две функции — посла и исследователя. Обнаружив в конце своего очередного тысячелетнего путешествия технологическую цивилизацию, он завязывает с ней дружеские отношения, и начинает обмен информацией — единственно возможную форму межзвездной торговли. И, прежде чем снова отправиться в свой бесконечный путь, Звездолет оставляет координаты своего родного мира, который уже ждет прямого вызова от нового абонента галактической «телефонной сети».

Мы, жители Земли, гордимся тем, что опознали его материнское солнце и даже передали туда сигналы еще до того, как он открыл нам свои звездные карты. Теперь мы должны лишь сто четыре года ждать ответа. Нам невероятно повезло — мы обрели таких близких соседей.

Из первых же сообщений стало ясно, что Звездолет знает несколько тысяч основных земных слов. Он вывел их смысл, проанализировав телевизионные и радиопередачи. Сведения, которые он собирал по мере приближения к нашей планете, являли собой совершенно нехарактерную выборку из спектра человеческой культуры. Среди них почти не было последних данных естественных наук, еще меньше современной математики — лишь случайные выжимки из произведений литературы, музыки и изобразительных искусств.

Как у всех гениев-самоучек, у Звездолета были огромные пробелы в образовании. И, следуя принципу, гласящему, что лучше дать слишком много, чем слишком мало. Звездолету, как только был налажен контакт, немедленно «подарили» несколько энциклопедических словарей, в том числе Большую Всемирную Энциклопедию. Их передача заняла около часа. После этого Звездолет замолк на четыре часа — это была самая долгая пауза в его передачах. Когда он вновь вышел на связь, словарь его стал неизмеримо богаче и в девяносто девяти случаях из ста он легко выдерживал тест Тьюринга. По сообщениям, полученным от Звездолета, невозможно заподозрить, что это машина, а не высокообразованный человек.

Случались и промахи: например, неправильное употребление слов, имеющих двойной смысл, и отсутствие эмоциональной окраски диалога. Но этого следовало ожидать. В отличие от самых совершенных земных компьютеров, которые в случае необходимости воспроизводят эмоции своих создателей, чувства и желания Звездолета отражают, очевидно, чувства и желания представителей совершенно чуждого нам биологического вида и поэтому в большинстве своем непонятны людям.

И наоборот. Звездолет прекрасно и безошибочно понимал, что «квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов», но вряд ли мог догадаться, что имел в виду Китс, когда писал:

Таинственные окна растворяла
В забытый мир над кружевом валов...

Еще менее доступными для него оказались строки Шекспира:

Сравню ли с летним днем твои черты?
Нет, ты милей, умеренней и краше...

Желая помочь Звездолету восполнить пробелы в образовании, его пичкали многочасовыми музыкальными передачами, без конца показывали пьесы, а также сцены из жизни людей и животных. Здесь не обошлось без цензуры. Хотя склонность человечества к насилию и войнам стала ему известна (к сожалению, было слишком поздно требовать назад Всемирную Энциклопедию), транслировались только тщательно подобранные передачи. И на время, пока Звездолет не вышел далеко за пределы слышимости, обычные радио- и видеопередачи почти прекратились.

Еще много столетий философы будут вести нескончаемые споры о том, насколько глубоко проник Звездолет в людские дела и заботы. В одном только пункте нет расхождений. Сто дней его пребывания в солнечной системе бесспорно изменили представления человека о вселенной, ее происхождении и своем месте в ней.

После ухода Звездолета земная цивилизация уже никогда не будет прежней.

13. БОДХИДХАРМА

Когда за Морганом с тихим щелчком закрылась массивная резная дверь с затейливым орнаментом из лотосов, у него возникло ощущение, будто он попал в другой мир. Он отнюдь не впервые ступал по земле, освященной великими

религиями. Он видел Нотр-Дам, Святую Софию, Стоунхендж, Парфенон, Корнак, собор Святого Павла и еще десяток прославленных храмов и мечетей. Но всегда воспринимал их как застывшие реликвии прошлого — замечательные образцы искусства или техники, ничем не связанные с современностью. Религии, создавшие и поддерживавшие их, давно канули в вечность.

Но тут время, казалось, застыло. Ураганы истории пронесли мимо этой цитадели веры, не поколебав ее. Здешние монахи продолжали молиться, размышлять и встречать восход так же, как и три тысячи лет назад.

Шагая по истертым плитам внутреннего двора, отполированным ступнями бесчисленных паломников, Морган вдруг ощутил несвойственную ему нерешительность. Во имя прогресса он собирается разрушить что-то очень древнее и благородное. Что-то, чего ему все равно не дано до конца понять.

Огромный бронзовый колокол в звоннице, вырастающей прямо из монастырской стены, приковал его внимание и заставил остановиться. Инженерное чутье подсказало, что такой колокол должен весить не менее пяти тонн. По всей видимости, он очень древний...

Монах заметил его любопытство и понимающе улыбнулся.

— Ему две тысячи лет, — сказал он. — Это дар Калидасы Проклятого, от которого нам нельзя было отказаться. Как гласит предание, понадобилось десять лет, чтобы поднять его сюда — это стоило жизни сотне людей.

— А когда в него звонят?

— Он несет на себе печать своего мрачного происхождения и звонит только во времена больших бедствий. Я никогда не слышал его голоса, как и никто из ныне живущих. Он зазвонил однажды сам во время великого землетрясения 2017 года. А до этого — в 1522 году, когда иберы сожгли Храм Зуба и захватили Священную Реликвию.

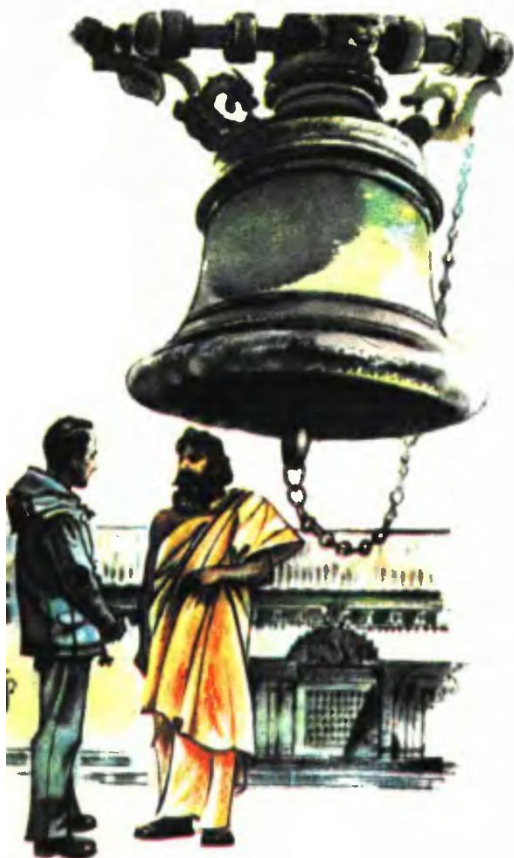
— Значит, в него никогда не звонят — и это после всех усилий?

— Десяток раз, не более, за две тысячи лет. На нем все еще лежит проклятие Калидасы.

«Вероятно, это благочестиво, но очень уж непрактично», — невольно подумал Морган. Промелькнула кощунственная мысль, что не один монах, наверное, испытывал искушение легонько постучать по колоколу, чтобы услышать неведомый звук его запретного голоса...

Они приблизились к огромному каменному монолиту, в котором были выбиты ступеньки, ведущие к позолоченному павильону. Морган догадался, что это и есть самая вершина горы. Он знал, какая святыня там сокрыта, но монах, не дожидаясь вопроса, снова с готовностью пояснил:

— Там след ноги. Мусульмане верили, что это нога Адама. Он ступил сюда после того, как был изгнан из рая. Индуисты считали, что это след Шивы или Самана, а буддисты, конечно, не сомневались, что это отпечаток ноги «Просветленного».

— Я заметил, что вы употребили прошедшее время, — подчеркнуто равнодушно сказал Морган. — Что думают теперь?

— Будда был обыкновенный человек, как мы с вами. Отпечаток на скале — на очень твердом камне — имеет два метра в длину.

Разговор был исчерпан и Морган не задавал больше вопросов. Они прошли короткую сводчатую галерею и оказались перед открытой дверью. Монах постучался и, не дожидаясь ответа, пригласил гостя войти.

Воображение Моргана рисовало ему Маханаяке Тхеро сидящим скрестив ноги на коврике в окружении курильниц с благовониями и поющих послушников. В прохладном воздухе действительно стоял легкий аромат, но сам настоятель храма Шри Канда сидел за обыкновенным письменным столом со стандартным дисплеем и запоминающими устройствами. Единственным необычным предметом в комнате была голова Будды, чуть больше натуральной величины. Она стояла в углу на постаменте. Было неясно, статуя это или объемное изображение.

Несмотря на обычность обстановки, главу монастыря трудно было спутать с чиновником. Помимо неизменного желтого облачения буддийского монаха, Маханаяке Тхеро отличался двумя особенностями, крайне редко встречающимися: череп его был абсолютно гол, а на глазах были очки.

— Аю бован, доктор Морган, — сказал настоятель, указывая на единственный свободный стул. — А это мой секретарь, преподобный Паракарма. Надеюсь, вы не станете возражать, если он будет записывать.

— Нет, разумеется.

Морган легким кивком поздоровался с сидящим. Молодой монах был обладателем лохматой шевелюры и внушительной бороды. Значит, бритые головы не были в монастыре правилом.

— Итак, доктор Морган, вам нужна наша гора, — сказал Маханаяке Тхеро.

— Боюсь, что так... ваше преподобие. По крайней мере, частично.

— Именно эти гектары? На всей планете?

— Выбирал не я, а природа. Наземную станцию нужно установить на экваторе, на возможно большей высоте, где плотность воздуха невелика.

— Но в Африке и в Южной Америке есть более высокие горы.

«Опять все сначала», — с тоской подумал Морган. По горькому опыту он знал, что непрофессионалу почти невозможно вникнуть в проблему, независимо от его сообразительности и степени заинтересованности. Если бы Земля была идеально симметричной, без впадин и выпуклостей гравитационного поля...

— Поверьте мне, мы рассмотрели все варианты. Котопахи, Кения и даже Килиманджаро — хотя последняя лежит на три градуса южнее — великолепно бы нас устроили, если бы не один роковой недостаток. Спутник на стационарной орбите не находится в одной точке. Из-за гравитационных возмущений — я не хочу вдаваться в подробности — он медленно дрейфует вдоль экватора. Чтобы наши спутники и космические станции были строго синхронными, необходимо сжигать топливо. Правда, не так много. Но этим способом не удержишь на месте миллионы тонн металла, особенно, если это тонкие балки длиной в десятки тысяч километров. Однако, к счастью для нас...

— Но не для нас, — вставил Маханаяке Тхеро.

— ...на синхронной орбите есть две устойчивые точки. Спутник, выведенный в такую точку, останется там навсегда, словно он находится на дне невидимой впадины. Одна из этих точек расположена над Тихим океаном, другая — прямо над нашей головой.

— Но почему нельзя правее или левее? Несколько километров роли не играют. На Тапробани есть и другие горы.

— Они минимум вдвое ниже Шри Канды. Там дуют ветры. Правда, ураганов на экваторе не так много, но вполне достаточно, чтобы поставить под угрозу сооружение. При этом в самой уязвимой точке.

— Но мы умеем управлять ветрами.

Это были первые слова молодого секретаря. Морган взглянул на него с интересом.

— До некоторой степени. Естественно, я советовался со Службой Муссонов. Они утверждают, что стопроцентной уверенности нет, особенно если речь идет об ураганах. В лучшем случае шансы относятся как пятьдесят к одному. Маловато для проекта стоимостью в миллиарды долларов.

Преподобный Паракарма, однако, был не склонен сдаваться.

— В математике есть почти забытая область, именуемая теорией катастроф. Она может превратить метеорологию в настоящую точную науку. И я уверен, что...

— Дело в том, — мягко вмешался Маханаяке Тхеро, — что мой коллега в свое время был широко известен трудами по астрономии. Вам, вероятно, знакомо имя доктора Чома Голдберга?..

Моргану показалось, что пол ушел у него из-под ног. Почему его не предупредили?! Но он тут же вспомнил, как профессор Сарат сказал: «Будьте особенно осторожны с личным секретарем Будды. Ему палец в рот не клади».

Под откровенно недоброжелательным взглядом преподобного Паракармы Морган почувствовал себя неудобно. Глупое положение. Он пытается втолковать наивным монахам суть орбитальной неустойчивости, тогда как даже Маханаяке Тхеро, бесспорно, уже получил самую компетентную консультацию.

Что касается доктора Голдберга, Морган хорошо помнил, что ученые всего мира разделились на два лагеря: одни считали, что он сумасшедший, а другие не были до конца в этом уверены. Голдберг был одним из самых перспективных молодых астрофизиков, но пять лет назад заявил: «Теперь,

когда Звездолет разрушил традиционные религии, настало время всерьез заняться проблемой Бога».

После чего исчез из поля зрения.

14. БЕСЕДЫ СО ЗВЕЗДОЛЕТОМ

Во время пребывания Звездолета в Солнечной системе ему задали тысячу вопросов, но прежде всего люди жаждали получить сведения о других цивилизациях и с нетерпением ждали ответа. Вопреки некоторым предположениям, робот отвечал охотно, признавшись, правда, что его самые свежие данные устарели более чем на сто лет.

Поскольку на Земле всего один биологический вид породил такое многообразие культур, то, что говорить о космосе! Но создателям Звездолета удалось составить приблизительную классификацию культур по единственному объективному критерию — уровню технического развития. Человечество попадало в пятую категорию. Схема имела такой вид: 1 — каменные орудия, 2 — обработка металлов, огонь, 3 — письменность, ремесла, корабли, 4 — паровые машины, математика, естественные науки, 5 — атомная энергия, космические полеты.

60 тысяч лет назад, когда Звездолет стартовал, его создатели тоже находились на пятой стадии. Затем они поднялись на следующую ступень, научившись властвовать над материей.

Звездолет тут же спросили, существует ли категория номер семь. Ответ гласил: «Да». Когда запросили подробности, зонд ответил, что не уполномочен давать описания высокоразвитых культур цивилизациям низших категорий. Тем дело и кончилось несмотря на множество изобретательных вопросов, составленных самыми выдающимися юристами Земли.

Впрочем, Звездолет к этому времени мог с успехом вести диспут с любым земным философом. Отчасти в этом были виноваты ученые из Чикагского университета, которые тайком протранслировали ему всю «Сумму Теологии». В ответ Звездолет незамедлительно выдал обстоятельный анализ сочинения Фомы Аквинского убедительно показав, что смысла в этом произведении содержится весьма мало.

В другом сообщении Звездолет провел ясную аналогию между вспышками религиозного фанатизма и такими событиями, как финал мирового футбольного чемпионата или выступления популярных вокально-инструментальных групп. Затем он сообщил, что поведение религиозного типа встречается лишь в трех из 15 известных культур первой категории, в 6 из 28 – второй, в 5 из 14, принадлежащих к третьей, в 2 из 10 – к четвертой и в 3 из 174 – пятой категории (большая статистика в последнем случае объяснялась тем что с цивилизациями этой категории возможна межзвездная радиосвязь).

Но по-настоящему потрясло многих последнее сообщение Звездолета.

11 июня 2069 года, 06.84 по Гринвичу, сообщение 8964, серия 2.

Звездолет – Земле:

456 лет назад мне сообщили что загадка происхождения вселенной наконец решена. Для получения соответствующей информации вы должны непосредственно связаться с моей родиной.

Перехожу на крейсерский режим прерываю связь. Прощайте.

По мнению многих, это заключительное и самое знаменитое из тысяч сообщений показывает, что Звездолет не лишен чувства юмора. Иначе вряд ли он отложил бы напоследок такую философскую бомбу. Но гораздо более вероятно, что это сообщение являлось частью тонко продуманного плана, рассчитанного на то, чтобы подтолкнуть

человечество на нужный путь и подготовить его к прямому межзвездному разговору, который начнется 104 года спустя.

Некоторые считали, что нельзя позволить Звездолету унести за пределы солнечной системы огромные запасы знаний и образцы техники, далеко опередившей земную. Хотя ни один существующий корабль не смог бы догнать Звездолет и вернуться на Землю, такой перехватчик нетрудно было построить.

К счастью, победили более разумные соображения. Зонд-робот наверняка был снабжен надежными средствами защиты, включая способность к саморазрушению. Но самый веский аргумент состоял в том, что создатели Звездолета живут всего в 52 световых годах от Земли. Многие тысячелетия, прошедшие после старта Звездолета, их космическая техника, разумеется, не стояла на месте. Если поведение человечества им не понравится, то через каких-нибудь 200–300 лет они появятся сами...

А их зонд не только оказал влияние практически на все области человеческой культуры, но и положил конец бесконечным религиозным спорам, которыми занимались вполне, казалось бы, разумные люди на протяжении многих веков.

15. ПАРАКАРМА

Вошли два юных послушника. Один держал в руках поднос с рисом, фруктами и лепешками, другой — неизменный чайник. Среди блюд не было ни одного мясного. Яйца, насколько знал Морган, тоже находились под запретом. Впрочем, слово «запрет» здесь не подходит. Имеется точно регламентированный список допустимого, в котором радости жизни занимают одно из последних мест.

Пробуя незнакомые блюда, Морган вопросительно взглянул на Маханаяке Тхеро. Тот покачал головой.

— Мы не едим до полудня. Утром мозг особенно ясен. В эти часы ничто постороннее не должно занимать наши мысли.

Этого Морган не понимал. Для него пустой желудок всегда был обстоятельством, отвлекающим от работы. Наделенный природным здоровьем, он привык воспринимать тело и душу как нечто единое.

Глаза Моргана невольно вернулись к изображению Будды. Вероятно, это была действительно статуя — ее постамент отбрасывал тень. Правда, сама голова могла быть все-таки лишь объемной проекцией...

Но это было произведение искусства. Лицо Будды, как и лицо Моны Лизы, отражало чувства зрителя, в то же время властно направляя их. В его глазах зияла бездонность озер, в которых можно утратить душу или обрести вселенную. На губах змеилась улыбка, еще более загадочная, чем улыбка Джоконды. Да и улыбка ли это? Или только световой эффект? И вот она исчезла, уступив место выражению неземного покоя. Морган не мог оторвать взгляд от этого гипнотического лица...

— Думаю, вы не откажетесь от маленького сувенира, — сказал Маханаяке Тхеро.

Морган взял протянутый ему листок. Это был кусок старинного пергамента, покрытый замысловатыми завитушками, в которых Морган узнал тапробанскую письменность.

— Благодарю вас, — сказал он. — Что это такое?

— Копия соглашения между царем Равиндрой и Маха Санха. Оно было подписано в восемьсот пятьдесят четвертом году по вашему летосчислению. Документ утверждает право монастыря на вечное владение храмовыми землями. Права, зафиксированные в этом документе, признавали даже иноземные захватчики.

— Но, по-моему, в соглашении восемьсот пятьдесят четвертого года говорится только о землях в пределах храма,

четко обозначенных монастырскими стенами. У вас нет прав на земли, лежащие вне храма.

— Но есть права. Общие для всех владельцев собственности.

Если соседи причиняют нам неудобства, мы можем апеллировать к судебным инстанциям. Подобный прецедент уже имел место.

— Знаю. В связи со строительством канатной дороги.

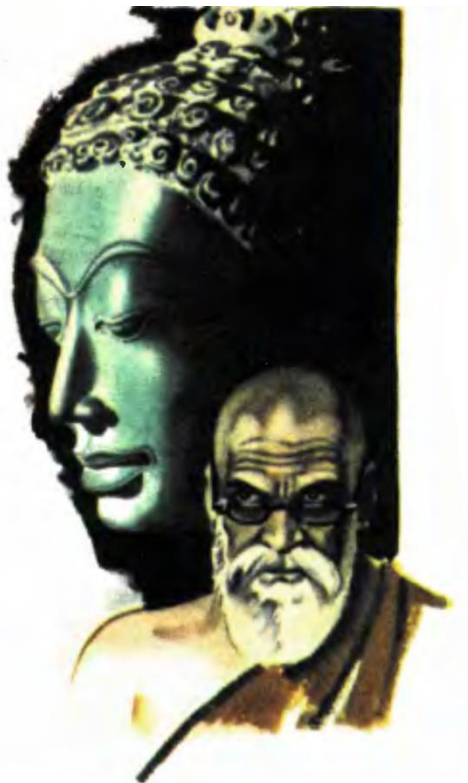
На губах Маханаяке Тхеро появилась улыбка.

— Вы, я вижу, хорошо подготовились. Действительно, у нас были серьезные возражения. — Он сделал паузу, потом добавил:

— Было много сложностей, но мы, как выяснилось, вполне можем сосуществовать. Туристы удовлетворяются видовой площадкой, а настоящих паломников мы всегда рады принять на вершине горы.

— Может, стоит поступить так же? Несколько сот метров для нас ничего не решают. Мы не будем трогать вершину. Просто вырубим в скале еще одну площадку...

Под пристальными взглядами монахов Морган чувствовал себя неуютно. Он не сомневался, что они прекрасно

понимают нелепость этой идеи, но он должен был ее выдвинуть — хотя бы из дипломатических соображений.

— Ваш юмор очень своеобразен, доктор Морган, — прервал наконец молчание Маханаяке Тхеро. — Что останется от духа священной горы, если установить здесь вашу чудовищную конструкцию? Что останется от одиночества, к которому мы стремимся вот уже три тысячи лет? Неужели вы думаете, что мы предадим миллионы верующих, стремящихся к этому священному месту?

— Я разделяю ваши чувства, — сказал Морган. — Мы сделаем все возможное, чтобы не причинять вам неудобств. Если убрать основание лифта под землю, общий вид горы совершенно не пострадает. Даже знаменитая тень Шри Канды...

Маханаяке Тхеро посмотрел на своего секретаря. Тот бросил пристальный взгляд на Моргана.

— А как насчет шума?

«Он прав, — подумал Морган. — Поднимающиеся грузы будут покидать шахту со скоростью в сотни километров в час. Чем больше начальная скорость, тем меньше напряжения в несущих конструкциях. Перегрузки будут невелики, однако скорость выхода капсул приблизится к звуковой».

Вслух он сказал:

— Конечно, шум будет, но гораздо меньше, чем рядом с крупным аэродромом.

— Это весьма утешительно, — сказал Маханаяке Тхеро, по-прежнему непроницаемый. Но молодой монах даже не старался скрыть гнева.

— Думаете, нам мало грохота от входа космических кораблей в атмосферу? Теперь вы собираетесь генерировать ударные волны прямо у наших стен!

— Основную энергию звуковых волн поглотит сама башня, — веско заявил Морган. — А когда космические корабли перестанут летать, на горе станет даже спокойнее.

— Ясно. Вместо редких сотрясений наш слух будет наслаждаться непрерывным ревом.

Оставалось переменить тему. Морган попытался осторожно ступить на зыбкую религиозную почву.

— Не находите ли вы, что у нас похожие цели? — спросил он. — Моя башня — это продолжение вашей лестницы. Просто я хочу дотянуть ее до самого неба.

Преподобный Паракарма даже онемел от такого кощунства. Его выручил Маханаяке Тхеро.

— Любопытная концепция, — сказал он бесстрастно. — Но наша философия отрицает загробную жизнь. Спасение надо искать в этом мире. Вы знаете историю Вавилонской башни?

— Смутно.

— Советую перечитать Ветхий завет. Там речь тоже идет о попытке построить сооружение, позволяющее взобраться на небо. Но ничего не получилось — люди не понимали друг друга, так как говорили на разных языках.

— Эта трудность, пожалуй, нам не грозит, — сказал Морган.

Но они действительно говорили на разных языках. Как и при переговорах человечества со Звездолетом, между собеседниками лежало сейчас море непонимания, которое, возможно, никогда не удастся преодолеть.

— А вдруг башня рухнет?

Морган пристально посмотрел в глаза преподобному Паракарме.

— Не рухнет, — сказал он с убежденностью человека, чье творение соединило два континента.

Но Морган отлично знал, что в таких вопросах нельзя быть абсолютно уверенным. Знал это и неумолимый Паракарма.

16. ЗОЛОТЫЕ БАБОЧКИ

Солнце ярко светило, дорога петляла среди сказочно красивых ландшафтов. Несмотря на это, Морган крепко уснул вскоре после того, как автомобиль тронулся. Из забытья его вывел внезапный толчок — машина со скрежетом затормозила, и в грудь Моргана врезался ремень безопасности.

Он не сразу сообразил, где находится. Неужели это продолжение сна? Ветерок, врывавшийся в полуоткрытое окно, был влажным и теплым, как из турецкой бани, а вокруг машины бушевала метель.

Морган протер глаза — и открыл их навстречу чуду. Никогда прежде он не видел золотого снега.

Ехать дальше было нельзя. Гигантская стая бабочек плотной тучей летела к востоку. Некоторые проникли в салон, другие облепили ветровое стекло. Шофер, разразившись изысканным тапробанским ругательством, полез из машины. Когда он очистил стекло, стая заметно поредела, и лишь одинокие отставшие насекомые порхали в воздухе над дорогой.

— Вы слышали легенду? — спросил шофер, когда автомобиль тронулся.

— Нет, — буркнул Морган. Легенда его не интересовала. Он мечтал об одном — поскорее снова уснуть.

— Легенду о золотых бабочках. Это души воинов Калидасы, погибших в битве за Яккагалу.

Морган хмыкнул, надеясь, что шофер поймет намек. Но тот безжалостно продолжал:

— Каждый год они устремляются к Шри Канде, погибая на нижних склонах. Иногда они достигают середины канатной дороги, но дальше не залетают, к счастью, для храма. Ведь если они доберутся до вершины, значит, победил Калидаса, и тогда монахам придется уйти. Так гласит пророчество, высеченное на каменной плите, хранящейся в Ранапурском музее. Хотите посмотреть?

— Как-нибудь в другой раз, — поспешно ответил Морган, откидываясь в мягком сиденье. Но заснуть удалось не скоро — перед глазами еще долго маячила картина, нарисованная шофером.

17. ТАНЦУЮЩИЙ МОСТ

Кабинет Моргана, где он проводил в среднем десять дней в месяц, находился в отделе «Суша» на шестом этаже огромного здания ВСК в Найроби. Этажом ниже располагался отдел «Море», а выше — администрация, то есть президент Коллинз со своей свитой. Верхний этаж архитектор, отдавая дань наивной символике, отвел под отдел «Космос». На крыше размещалась обсерватория с небольшим телескопом, который, впрочем, никогда не использовался по прямому назначению. Излюбленной мишенью сотрудников были окна отеля «Три планеты», находящегося всего в километре от здания корпорации. Телескоп позволял наблюдать весьма своеобразные формы жизни, причем самой интимной.

Поскольку Морган, будучи в отъезде, поддерживал постоянную связь с обоими секретарями (один из которых был роботом), он не ждал никаких сюрпризов по возвращении. Даже по нормам минувших веков отдел был сравнительно небольшим учреждением. Под руководством Моргана работало меньше трехсот человек, но компьютеры позволяли им производить такой объем вычислений, с которым без помощи ЭВМ не справилось бы все население земного шара.

— Как дела? — спросил Уоррен Кингсли, заместитель и давний друг Моргана, когда они остались вдвоем.

— Неважно. До сих пор не могу поверить, что нам мешает эта нелепость.

— Что говорят юристы?

— Все зависит от решения Международного суда. Если суд признает, что проект необходим обществу, монахам придется потесниться... В противном случае ситуация осложняется. Может, устроить им небольшое землетрясение?

Членство Моргана в Совете Тектоники служило предметом вечных шуток. Тектоники так и не нашли (к счастью для человечества) способа управлять землетрясениями. Впрочем, они никогда и не ставили такую задачу. Люди научились лишь надежно предсказывать землетрясения и слегка снижать их разрушительную силу.

— Я обдумваю ваше предложение, — сказал Морган. — А как насчет главного?

— Смотрите сами.

В комнате погас свет. Над ковром повис земной шар, покрытый сеткой координат. От него примерно на высоту человеческого роста вверх шла светящаяся нить орбитальной башни. Ряды букв и цифр возникали прямо в воздухе — скорости, ускорения, массы...

— Скорость воспроизведения в пятьсот раз больше нормальной. Начали.

Невидимая сила отклоняла светящуюся нить от вертикали. Возмущение распространялось вверх, моделируя с

помощью компьютера продвижение груза в гравитационном поле Земли.

— Величина смещения? — спросил Морган.

— Около двухсот метров. Дойдет до трехсот, прежде чем...

Нить оборвалась. Ленивым замедленным движением, имитировавшим скорости в тысячи километров в час, обе части перерезанной надвое башни отдалялись друг от друга — одна склонялась к Земле, вторая, вращаясь, устремилась в космос... Но воображаемую катастрофу, порожденную мозгом компьютера, уже заслонила реальная картина, преследовавшая Моргана многие годы.

Эту документальную ленту двухвековой давности он смотрел минимум 50 раз, а некоторые фрагменты изучал кадр за кадром, пока не запомнил мельчайших подробностей. Сюжет фильма обошелся штату Вашингтон в рекордную для мирного времени сумму — за каждой минутой съемок скрывались миллионы долларов.

Бесстрастный объектив запечатлел изящный (чересчур изящный!) мост, переброшенный через каньон, и одинокий автомобиль, остановленный на полпути испуганным

водителем. Неудивительно — с мостом происходило нечто неслыханное во всей истории техники.

Казалось невероятным, что тысячи тонн металла способны на такое: со стороны мост казался не стальным, а резиновым. Длинные, медленные волны высотой несколько метров бежали по массивной конструкции, делая ее похожей на разъяренную змею. Дувший вдоль каньона ветер нес в себе неслышимые колебания, возбуждавшие резонансную частоту сооружения. Вибрация постепенно усиливалась на протяжении нескольких часов, но никто не подозревал, к чему она приведет. А сейчас приближался финал, который вполне могли бы предвидеть незадачливые конструкторы.

Внезапно несущие тросы лопнули, ударив смертоносными бичами. Дорога рухнула в бездну, обломки сооружения, вращаясь, полетели в разные стороны. Даже при нормальной скорости пленки катастрофа выглядела как при замедленном воспроизведении, масштабы происходящего не с чем было сравнить. На деле все продолжалось пять секунд, по истечении этого времени мост через Такомское ущелье занял свое поучительное место в истории техники. Фотография последних моментов его жизни два века спустя висела в кабинете Моргана, снабженная надписью: «Одно из наших наименее удачных свершений».

Для Моргана это была не шутка, а постоянное напоминание о том, что неожиданность может подстергать всюду. Когда проектировали Гибралтарский Мост, он тщательно проштудировал классическую работу Кармана о Такомской катастрофе. И урок пошел не впустую — даже при самых сильных ураганах, приходивших с Атлантики, серьезных проблем, связанных с вибрацией, не возникало, хотя дорожное полотно и смещалось на сто метров вбок — в строгом соответствии с расчетами.

Однако проектирование космического лифта было настолько дерзким прыжком в неведомое, что избежать неприятных сюрпризов было почти невозможно. Рассчитать давление ветра на его нижнюю часть не составляло труда,

но следовало принимать во внимание и вибрацию, возникающую из-за движения грузов и даже под воздействием приливных сил от Солнца и Луны. При так называемом «анализе на худший случай» все эти факторы — плюс случайные землетрясения — необходимо учитывать не только порознь, но и одновременно.

— Все модели этого режима грузооборота приводят к одинаковым результатам, — сказал Уоррен. — Вибрации постепенно нарастают, затем примерно на высоте пятьсот километров происходит обрыв. Необходимо резко увеличить массу противовеса.

— Этого я и боялся. На сколько?

— На десять мегатонн.

Такую же цифру подсказывала Моргану и его инженерная интуиция. Теперь компьютер ее подтвердил. Десять миллионов тонн! Перед глазами возникла Яккагала на фоне тапробанского неба. И такую скалу надо поднять на высоту сорок тысяч километров! К счастью, это необязательно, есть и другие пути. Морган поощрял самостоятельность своих подчиненных. Это единственный способ воспитать чувство ответственности и снять с себя часть нагрузки. И его сотрудники часто находили решения, которых сам он не видел.

— Что будем делать, Уоррен?

— Можно использовать лунную катапульту. Но это долго и дорого. Лунный грунт придется перехватывать и затем переводить на нужную орбиту. Кроме того, возникнет психологическая проблема...

— Понимаю. Нам не нужно второго Сан Луис Доминго.

Так называлось небольшое (к счастью) селение в Южной Америке, на которое случайно обрушился груз лунного грунта, предназначенный для одной из околоземных станций. Прицел оказался неточным — и на Земле появился первый искусственный метеоритный кратер. Погибло двести пятьдесят человек. После этого население планеты Земля стало весьма неодобрительно относиться к космическим стрельбам.

— Гораздо лучше использовать астероид с подходящей орбитой, — продолжал Уоррен. — У нас есть уже три на прицеле. Но желательно, чтобы там был углерод для изготовления суперволокна. Так мы уьем одним камнем двух зайцев.

— Камешек, пожалуй, великоват, но идея мне нравится. Лунная катапульта не годится — мы заняли бы ее на многие годы, и часть грузов неизбежно будет потеряна. Если масса вашего астероида окажется недостаточной, мы поднимем недостающее с помощью самого лифта. Хотя я бы предпочел не тратить столько энергии.

— Этот способ может оказаться самым экономичным.

— Разве? — сказал Морган. И добавил после минутной паузы:

— Если так, космические инженеры скоро меня возненавидят.

«Почти так же, как преподобный Паракарма», — продолжил он про себя. Впрочем, он несправедлив. Истинным приверженцам религии чувство ненависти ныне непозволительно. Там, в храме, глаза Чома Голдберга выражали другое: непоколебимую решимость бороться до конца. Бороться любыми средствами.

18. ПРИГОВОР

Среди многочисленных качеств Поля Сарата было одно неприятное: он мог радостно или печально — в зависимости от события — позвонить в самое неожиданное время и спросить: «Вы уже слышали новость?» Раджасинху иногда так и подмывало ответить: «Слышал — и ничуть не удивлен», но у него не хватало духа лишать Поля маленькой радости.

— Ну, что на этот раз? — спросил он без энтузиазма.

— По второму каналу передают беседу Максины Дюваль с сенатором Коллинзом. Кажется, у нашего Моргана неприязности. Я вас вызову.

Раджасинха нажал клавишу. Возбужденное лицо Поля уступило место изображению Максины Дюваль. Она сидела в хорошо знакомой студии и разговаривала с Президентом ВСК, явно чем-то возмущенным.

— ...сенатор Коллинз, сейчас, когда приговор Международного суда уже вынесен...

Раджасинха надавил клавишу «Запись», выключил звук и тут же активировал канал личной связи с АРИСТОТЕЛЕМ.

— Доброе утро, Ари. Меня интересует сегодняшнее решение Международного суда по делу храма Шри Канда. Только кратко.

— Заключение 1. Право на вечную аренду храмовой земли подтверждается законодательством Тапробани, а также Всемирным законодательством и зарегистрировано под номером 2085. Решение единогласное. Заключение 2. Проектируемое сооружение орбитальной башни с сопутствующими ей шумом и вибрацией на территории, имеющей большую культурную и историческую ценность, противоречит статьям Гражданского кодекса. На данном этапе общественная значимость проекта недостаточна, чтобы повлиять на мнение суда. Принято четырьмя голосами против двух при одном воздержавшемся.

— Спасибо, Ари. Бумажной копии не нужно. До свидания.

Все произошло так, как и следовало ожидать. Однако Раджасинха не знал — радоваться ему или печалиться.

Ему, всеми корнями связанному с прошлым, приятно было сознавать, что древние традиции все еще чтут и сохраняют. Какие бы странные формы ни принимали убеждения людей, их нужно всячески оберегать. Если, разумеется, они не затрагивают общественных интересов.

В то же время Раджасинха испытывал легкое сожаление. Он почти убедил себя, что только фантастическая затея Моргана может спасти Тапробани (а заодно и весь остальной

мир) от сытого, самодовольного конца. Теперь суд закрыл этот путь. Если не навсегда, то на многие годы. На пульте уже с минуту горел огонек вызова. Раджасинха надавил клавишу.

— Вы все поняли? — спросил профессор Сарат. — Это конец Ванневара Моргана.

Несколько секунд Раджасинха задумчиво смотрел на старого друга.

— Вы склонны к поспешным выводам, Поль. Хотите пари?

Часть III. КОЛОКОЛ

19. ЛУНДОЗЕР

— Знаете, доктор Морган, в чем ваше несчастье? — сказал человек в кресле-каталке. — Просто вы не на той планете.

— По-моему, — отпарировал Морган, — это относится и к вам.

Министр финансов Народного Марса (Кларк употребляет русское слово «народный». — Ред.) понимающе улыбнулся.

— Ну, я-то здесь всего на неделю. Скоро Луна, нормальная тяжесть. Конечно, я мог бы и ходить, если нужно, но колеса, по-моему, лучше.

— А зачем вам вообще прилетать на Землю?

— Иногда необходимо самому находиться на месте событий. Вопреки распространенному мнению, связь — еще далеко не все.

Морган кивнул: министр прав. Нет числа случаям, когда структура какого-то материала, ощущение камня и почвы под ногой, запах леса, брызги воды на лице были жизненно важны для его проектов. Возможно, когда-нибудь даже это

научатся передавать по радио. Но нужно остерегаться подделок.

— Если вы прилетели специально ради меня, — сказал Морган, — я очень польщен. Но не предлагайте мне работу на Марсе. Я рад отставке: теперь я иногда вижусь с родными и друзьями и не собираюсь начинать все сначала.

— Но вам всего пятьдесят два. Как вы сможете без работы?

— Дел сколько угодно. Меня всегда интересовали древние инженеры — римляне, греки, инки, — но никогда не было на них времени. Мне предлагают курс во Всемирном Университете, предлагают написать учебник по новейшим методам строительства. Я мог бы развить некоторые свои идеи...

— Но все это не то. Рано или поздно вам надоест писать и говорить. Вы творец, доктор Морган. Один из тех людей, которые счастливы, лишь когда создают мир своими руками.

Морган не ответил. Стрела попала в цель.

— А как вы отнесетесь к тому, что мы очень интересуемся космическим лифтом?

— Скептически. К вам я уже обращался. Мне ответили, что идея превосходна, но средства пока нужны для развития Марса. Как обычно: с радостью поможем... когда помощь уже не будет нужна.

— Это было год назад, сейчас все изменилось. Теперь мы за строительство лифта. Но не на Земле. На Марсе. Интересно?

— Да. Продолжайте.

— На Марсе притяжение втрое меньше, чем здесь. Синхронная орбита ниже в два раза. Наши подсчитали, что строительство системы на Марсе обойдется на порядок дешевле.

— Вполне возможно.

— Это не все. Несмотря на разреженную атмосферу, ураганы на Марсе бывают. Но у нас есть недоступные для них

горы. Шри Канда — всего лишь жалкий пятитысячник. Наш Монт Павонис, находящийся точно на экваторе, поднимается на 21 километр. И никаких монахов... А Деймос, как вы помните, расположен всего в трех тысячах километров над стационарной орбитой, так что мы уже имеем несколько миллионов мегатонн как раз там, где нужен противовес.

— Но Земле нужен лифт, — сказал, помолчав, Морган. — Вы знаете почему. Зачем он Марсу?

— Вы слышали о проекте «Эос»? О плане возрождения Марса?

— Знаю. Вы хотите растопить полярные шапки?

— Именно так. Если это удастся, увеличится плотность атмосферы. Можно будет обходиться без скафандров, в дальнейшем воздух станет пригодным для дыхания. Появятся реки, небольшие моря, а потом и растительность. Через два века Марс превратится в райский сад. Это единственная планета, которую может преобразовать современная техника.

— Ясно. Но при чем здесь лифт?

— Потребуется поднять на орбиту несколько мегатонн. Чтобы разогреть Марс, нужны зеркала в сотни километров диаметром. Когда льды растают, они будут поддерживать нормальную температуру.

— Разве нельзя добыть сырье в ваших копиях на астероидах?

— Кое-что — несомненно. Но лучшие зеркала для таких целей изготавливают из натрия, а в космосе он редок. Удобнее воспользоваться соляными залежами Тарсиса. К счастью, они расположены рядом, у самого подножия Павониса.

— Что ж, все это очень интересно, — сказал Морган, — но вы, возможно, не понимаете, что предстоит большая работа в самых разных областях. Промышленное производство суперволокна, проблемы надежности и контроля... Я мог бы продолжать весь вечер.

— Не надо. Мы не выжили бы на Марсе, если бы не обращали внимания на мелочи. Наши инженеры ознакомились

со всеми вашими отчетами и предлагают провести модельный эксперимент. Он решит многие технические вопросы и докажет принципиальную осуществимость проекта.

— А что здесь доказывать?

— Я с вами согласен. Но наглядная демонстрация, как ни удивительно, изменит многое. Соорудите минимально возможную систему — просто проволоку с грузом в несколько килограммов. Спустите ее с орбиты на Землю. Если система работает здесь, то на Марсе и подавно. Затем поднимите по ней что-нибудь наверх, и все увидят, что ракеты устарели. Эксперимент обойдется сравнительно дешево, даст практический опыт и, как нам кажется, избавит от многолетних споров.

— Да, вы действительно все обдумали. Когда вам нужен ответ?

— Честно говоря, сейчас. Но, в конце концов, дело терпит.

— Хорошо. Направьте мне все ваши материалы. Свое решение я сообщу через неделю, самое позднее.

— Благодарю. Вот мой номер. Можете связаться со мной в любое время.

Морган ввел идентификатор министра в память своего коммуникатора. Но, пожалуй, он уже и так все решил.

Если в расчетах марсиан нет существенной ошибки — а она маловероятна, — его безделью конец. Морган знал за собой это: на сравнительно пустяковые шаги он решался с трудом, но в поворотные моменты жизни не колебался ни секунды. И почти никогда не ошибался.

Когда министр укатил в своем кресле — ему предстоял долгий путь в Порт Спокойствия через Осло и Гагарин, — Морган обнаружил, что не в состоянии заниматься делами, запланированными на этот длинный северный вечер. Мысли его лихорадочно зондировали неожиданно изменившееся будущее.

Безнадежно вздохнув, Морган встал из-за стола и вышел на веранду. Было безветренно, холод совсем не мешал — был скорее бодрящим. Небо сверкало звездами, и желтый серп

Луны опускался навстречу своему отражению в фиорде, таком темном и неподвижном, что его вода казалась полированным черным деревом.

Где же Марс? Морган, к стыду своему, понял, что не знает даже, виден ли он сегодня. Скользя взглядом вдоль всей эклиптики, от Луны до ослепительной Вены

и дальше, он не находил в россы

пях небесных алмазов ничего похожего на красную планету.

Удивительно — совсем скоро он, который никогда не был

дальше лунной орбиты, будет любоваться велико-

лепными пунцовыми ландшафтами и кро-

шечными марсианскими лунами,

быстро сменяющимися фазы...

В этот момент его мечта рух-

нула. На мгновение Морган при-

рос к месту, затем кинулся обратно

в отель, забыв о красоте ночи.

Вскоре он уже стоял в кабине

связи с глобальным информа-

ционным центром, один на

один со всеми человеческими знаниями.

В студенчестве Морган выиграл не одно соревнование по скоростному поиску информации, первым отвечая на запутанные вопросы, составленные изобретательными до садизма судьями. («Каково было количество атмосферных осадков в столице самого маленького государства в день, когда в бейсбольном матче студенческого первенства было набрано наибольшее число очков?» — этот вопрос Морган вспоминал с особенной нежностью.) Его сноровка с годами еще увеличилась, к тому же сейчас он задавал совершенно прямой вопрос. Через тридцать секунд дисплей выдал ответ.

Морган с минуту смотрел на экран, затем недоуменно покачал головой.

— Этого они проглядеть не могли, — пробормотал он. — Но как же они выкрутятся?

Морган нажал кнопку «бумажная копия» и забрал тонкий листок в комнату, чтобы как следует его изучить. Но что изучать? Проблема была ужасающе очевидной. Неужели Морган просто не видит столь же очевидного решения? Тогда поднять вопрос — значит выставить себя на посмешище. Однако другого выхода нет...

Морган взглянул на часы, полночь уже миновала. Но откладывать нельзя.

К облегчению Моргана, министр сразу ответил.

— Надеюсь, я вас не разбудил? — сказал Морган не совсем искренне.

— Нет, мы вот-вот приземлимся в Гагарине. В чем дело?

— В десяти тератоннах, движущихся со скоростью два километра в секунду. Ваша внутренняя луна, Фобос. Этот космический бульдозер будет проходить в районе лифта каждые одиннадцать часов. Я не делал точных подсчетов, но раз в несколько дней столкновение неизбежно.

На другом конце линии воцарилось молчание. Наконец министр произнес:

— Этот вопрос мог прийти в голову даже мне. Значит, у других есть и ответ. Возможно, придется отодвинуть Фобос.

— Он слишком тяжел.

— Я должен связаться с Марсом. Запаздывание сигнала сейчас двенадцать минут. Ответ будет в течение часа.

«Да, — подумал Морган. — И пусть он будет хороший... раз уж я берусь за эту работу».

20. ВЕРООТСТУПНИК

Ближе к вечеру, когда жара спала, преподобный Паракарма начал спуск. К наступлению ночи он достигнет верхнего приюта для пилигримов, а на следующий день вернется в мир людей.

Маханаяке Тхеро его не удерживал и никак не показал своих чувств. Лишь произнес нараспев:

— Все на свете преходяще, — попрощался и благословил.

Преподобному Паракарме, которого некогда звали доктор Чом Голдберг и скоро снова будут так звать, было бы очень трудно объяснить мотивы своего поступка. Но он знал, что делает правильно.

В монастыре Шри Канды он нашел душевный покой, но этого оказалось мало. Его математический ум не мог смириться с неопределенным отношением ордена к богу: равнодушие к вопросам веры казалось ему хуже откровенного неверия.

По-видимому, в жилах Голдберга текла кровь раввинов. Подобно многим своим предшественникам, Голдберг-Паракарма искал бога при помощи математики; его не смущало открытое Куртом Геделем существование недоказуемых теорем, которое потрясло научный мир в начале XX века. Он не понимал, как можно рассматривать глубокое и прекрасное в своей простоте равенство Эйлера: $e^{\pi} + 1 = 0$, не задаваясь вопросом о том, чей необъятный интеллект создал вселенную.

В свое время Голдберг прославился новой космогонической теорией, которая просуществовала десять лет, прежде чем ее опровергли, и был провозглашен вторым Эйнштейном. Но главное было не это. Он сумел получить выдающиеся результаты в метеорологии и гидродинамике, которые

давно уже считались мертвыми, не таящими неожиданностей науками. Сейчас его данный свыше талант вновь пробудился, предстоит колоссальная работа, а нужных для нее орудий нет, в стенах монастыря Шри Канды.

И вот, как новый Моисей, несущий с горы законы, которым суждено изменить судьбы людей, преподобный Паракарма спускался в мир, покинутый им 10 лет назад. Он был слеп к красотам земли и неба, окружавшим его, ибо они не могли сравниться с той, лишь одному ему доступной красотой, которую он видел мысленным взором в армии уравнилий, проходящих победным маршем у него в голове.

Гидродинамика и микрометеорология. Голдберг не напрасно занимался этими науками. Он даже не испытывал уже острой враждебности к Ванневару Моргану. Сам того не подозревая, инженер «включил зажигание», он тоже был, пусть слепым, но орудием бога. Он проиграл дело, но Шри Канда еще под угрозой: суд всегда может пересмотреть свое решение. Значит, храм нужно защищать. Любыми

средствами. А вернет ли Голдберга судьба под безмятежный монастырский кров или нет, не имеет значения.

Храм надо спасти, и спасет его он, Голдберг. Так будет, ибо так предначертано.

21. РУССКАЯ РУЛЕТКА

— Да, я бы мог догадаться, — сказал министр, — что это есть в одном из тех приложений, которые я никогда не читаю. Но ладно. Вы познакомились со всеми материалами, и я жду ответа. Меня, честно говоря, эта проблема ужасно беспокоит.

— Решение гениально простое, — сказал Морган. — Я обязан был найти его сам.

«И нашел бы... со временем», — сказал он себе без всякой ложной скромности. Мысленно он опять видел смоделированную компьютером колоссальную систему, подобную струне космической скрипки, по которой с Земли на орбиту и обратно идут низкочастотные колебания. На эту картину накладывался в тысячный раз прокрученный по памяти фильм о танцующем мосте. Вот и все необходимые ключи.

— Фобос пролетает мимо башни каждые одиннадцать часов десять минут, но, к счастью, движется немного в другой плоскости. Поэтому на большей части витков он минует башню, а моменты столкновений легко предсказать с точностью до миллисекунды. Пойдем дальше. Лифт, как всякое сооружение, не является абсолютно жесткой системой. У него есть собственные колебания, частота которых рассчитывается так же безошибочно, как орбиты планет. Ваши инженеры предлагают «настроить» лифт так, что собственные колебания, которых все равно не избежать, уберегут его от встречи с Фобосом. Каждый раз, когда спутник грозит

столкновением, башни на месте не будет — она уйдет на несколько километров от опасной зоны.

На другом конце линии воцарилось долгое молчание.

— Мне не стоило этого говорить, — произнес наконец министр Народного Марса, — но у меня волосы встали дыбом.

Морган рассмеялся.

— Конечно, если излагать упрощенно, это напоминает... — как это у вас говорят? — да, русскую рулетку. Но мы имеем дело с точно предсказуемым ритмом. Мы всегда знаем, где Фобос, и можем управлять смещением башни, выбирая нужный режим движения грузов.

Морган замолчал. Внезапно ему в голову пришло сравнение, такое точное и вместе с тем столь неожиданное, что он чуть не расхохотался.

Морган снова очутился в Такомском ущелье у танцующего моста, но на этот раз — в мире фантазии. Под мостом в строго определенный момент должен пройти корабль. К несчастью, его мачта на метр выше, чем надо.

Ничего страшного. Перед появлением корабля по мосту нужно пустить несколько тяжелых грузовиков с интервалами, подобранными так, чтобы возбудить его резонансную частоту. Вдоль моста от устоя к устью прокатится легкая волна, пик которой совпадает с моментом, прохождения судна...

— Я вам верю, — сказал министр. — Правда, у нас говорят так: «Доверяй, но проверяй». Так вот, прежде чем воспользоваться лифтом, я обязательно попрошу кого-нибудь проверить, где находится Фобос.

— Да? А ваши талантливые ребята — судя по их технической дерзости, они действительно молоды — хотят использовать критические моменты как приманку для туристов с Земли, Они считают, что можно взимать дополнительную плату за вид на Фобос, пролетающий на расстоянии вытянутой руки со скоростью сверхзвукового авиалайнера. Неплохой аттракцион, согласны?

— Возможно. Но, как бы то ни было, я рад слышать, что решение есть. И, как мне показалось, вам понравились наши инженерные таланты. А когда мы узнаем ваш окончательный ответ?

— Хоть сейчас, — сказал Морган. — Когда, приступаем к работе?

22. ПЕРСТ БОЖИЙ

Обычно эта орхидея расцветала с приходом юго-западных муссонов, но сейчас она их опередила. Любуясь в теплице замысловатыми розово-сиреневыми цветами, Йохан Раджасинха вспомнил, как в прошлом году был застигнут проливным дождем, когда рассматривал первые бутоны, и был вынужден просидеть здесь с полчаса.

Раджасинха с тревогой взглянул на небо: нет, сегодня ему дождь не грозит. Стоял прекрасный день. В вышине, смягчая палящий зной, плыли легкие ленты облаков. Но что это? Как странно...

Раджасинха никогда не видел ничего подобного. Почти прямо над его головой параллельные гряды облаков были искажены вращающимся возмущением. По-видимому, это был штормовой микроциклон всего в несколько километров шириной, но напомнил он Раджасинхе нечто совсем иное — дырку от сучка в гладко оструганной доске. Оставив свои любимые орхидеи, Раджасинха вышел наружу, чтобы лучше разглядеть небесный феномен. Теперь ему стало видно, что смерч медленно движется по небу, так как его путь был отмечен воронкой в облачных слоях.

Нетрудно было вообразить, что это перст божий, протянутый с неба, прорезает борозду в облаках. Даже Раджасинха, знакомый с основными принципами управления погодой, не думал, что возможна такая точность. Однако он

не без гордости сознавал, что сорок лет назад способствовал этому достижению.

Не так легко было убедить сверхдержавы отказаться от орбитальных крепостей и передать их Глобальной Службе Погоды. Но в результате, если здесь подходит столь широкая метафора, последние мечи были перекованы на орала. Теперь лазеры, угрожавшие некогда человечеству, направляют свои лучи на тщательно выбранные участки атмосферы или точки в пустынных районах Земли. Конечно, энергия лазера ничтожна по сравнению с мощностью самого слабого шторма, но это можно сказать и об энергии камня, вызывающего снежный обвал, или нейтрона, который начинает цепную реакцию.

Особые технические детали были неизвестны Раджасинхе, он знал лишь об обширной сети управляющих метеоспутников и компьютерах, в электронном мозгу которых заложена полная модель земной атмосферы, поверхности морей и суши. Глядя, как крошечный микроциклон целеустремленно движется на запад и наконец скрывается за рощицей грациозных пальм внутри крепостных валов, окружающих Райские Сады, Раджасинха чувствовал себя дикарем, вззирающим в священном ужасе на чудеса передовой техники.

Затем он поднял глаза вверх, где, оседлав рукотворные небеса, стремительно неслись вокруг планеты невидимые ему метеорологи.

— Весьма впечатляюще, — сказал он. — Но, надеюсь, вы точно знаете, что делаете.

23. СТАНЦИЯ «АШОКА»

С высоты тридцати шести тысяч километров Тапробани выглядел крошечным. Весь остров казался слишком малой

мишенью, а попасть нужно было в участок размером с теннисный корт.

Разумеется, Морган мог использовать для демонстрации орбитальную станцию «Кинте», избрав целью Килиманджаро или Кению. Правда, «Кинте» находилась в одной из самых неустойчивых точек стационарной орбиты и с трудом балансировала над Централь-

ной Африкой. Но это не имело значения для эксперимента продолжительностью всего несколько дней. Можно было спустить нить и на вершину Чимборасо, американцы даже предложили передвинуть станцию «Колумб» точно на долготу этой горы. Но все-таки Морган вернулся к Шри Канде.

К счастью, в эпоху электронных машин даже решения Всемирного Суда выносились за считанные недели. Естественно, монахи возражали против эксперимента, Морган доказывал, что он не является правонарушением, поскольку проводится за пределами монастырских земель и не сопровождается шумом или загрязнением. Срыв опыта поставит под угрозу всю проделанную работу и надолго задержит проект, жизненно важный для Марсианской Республики.

Такие аргументы могли бы убедить даже самого Моргана. Поверили и судьи — пять из семи, а может, Суду было достаточно трех других запутанных дел, в которых фигурировал Марс...

Но Морган, разумеется, понимал, что его действия продиктованы не только логикой. Он не смирился с

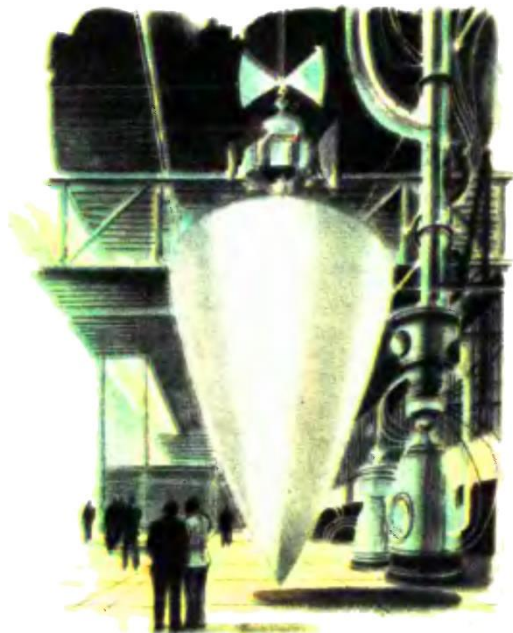
поражением и снова бросал вызов. Он как бы заявлял всему миру и упрямым монахам: «Я еще вернусь».

Станция «Ашока» ведала связью, управлением погодой и космическими перевозками в районе Индокитая. Случись со станцией что-нибудь, и миллиард жизней оказался бы под угрозой. Для страховки у «Ашоки» были два независимых спутника — «Бхаба» и «Сарабхай», удаленные на сто километров. А если какая-то непредставимая катастрофа уничтожит все три станции, на помощь придут «Кинте» и «Имхотеп» с запада или «Конфуций» с востока. Нельзя класть все яйца в одну корзину — человечество познало это на опыте.

Здесь, вдалеке от Земли, не было ни туристов, ни транзитных пассажиров: высоты геосинхронной орбиты принадлежали ученым и инженерам. Но ни один из них не посещал «Ашоку» со столь необычной целью и с таким уникальным снаряжением.

Ключ к операции «Паутинка» плавал сейчас в одном из тамбуров станции в ожидании последней предстартовой проверки. По его виду никто бы не догадался, сколько человеко-лет и миллионов пошло на его разработку.

Тускло-серый конус четыре метра в высоту и два в основании казался сплошным металлом, только под микроскопом можно

было обнаружить плотные витки суперволокна, образующие его поверхность. Но, если не считать сердечника и нескольких пластиковых прокладок, конус весь состоял из постепенно утончающейся нити длиной в сорок тысяч километров.

Для создания этого скромного конуса были возрождены два забытых технических приема. Триста лет назад начал действовать подводный телеграф, проложенный по океанскому дну, люди потеряли огромные суммы, пока овладели искусством сворачивать в бухты тысячи километров кабеля, а затем равномерно травить его с заданной скоростью от континента до континента, невзирая на штормы. А через столетие появились первые примитивные снаряды, управляемые по проводам. «Снаряд» Моргана полетит к цели в пятьдесят раз быстрее, чем эти реликвии из Военного Музея, да и мишень дальше в тысячи раз. Зато почти весь путь пролегает в полной пустоте, а цель не способна маневрировать.

Руководительница операции «Паутинка» смущенно кашлянула.

— Есть одно небольшое затруднение, доктор Морган. Со спуском все ясно — испытания и численные эксперименты прошли успешно. Службу безопасности беспокоит другое: как смотать нить обратно.

Морган прикрыл глаза; об этом он не подумал. Казалось очевидным, что смотать нить нетрудно. Достаточно простой лебедки, правда, оснащенной некоторыми специальными приспособлениями. Они необходимы, чтобы управлять такой тонкой нитью переменной толщины. Но в космосе ничто нельзя считать само собой разумеющимся.

«Так. Когда эксперимент закончится, мы освободим земной конец, и „Ашока“ начнет сматывать нить обратно. Но если потянуть — даже очень сильно — за веревку длиной в сорок тысяч километров, события начнутся не сразу. Понадобится полдня, чтобы импульс достиг противоположного

конца. Только тогда система сможет двигаться как целое. Поэтому нужно поддерживать натяжение... Ого!..»

— Мои коллеги кое-что подсчитали, — продолжала девушка. — Когда наконец удастся привести нить в движение, она устремится к станции со скоростью в тысячи километров в час. Это несколько тонн массы.

— Понимаю. А что можно сделать?

— Тянуть медленнее, следя за распределением импульса. В худшем случае нас заставят закончить операцию за пределами станции.

— Это нас задержит?

— Нет. Аварийный план уже разработан. При крайней необходимости можно вывести аппаратуру в космос за пять минут.

— А потом вы ее найдете?

— Конечно.

— Постарайтесь. Эта леска стоит кучу денег и понадобится мне снова.

«Сначала на Марсе, — подумал Морган, глядя на медленно расширяющийся серп Земли. — А как только лифт на Павонисе заработает, Земле придется последовать примеру Марса, и тогда все препятствия отпадут сами собой...» Так будет — и когда мост соединит берега самой грандиозной из пропастей, никто уже впредь не вспомнит имя Гюстава Эйфеля.

24. ПЕРВЫЙ СПУСК

Смотреть было не на что еще минимум двадцать минут, но все, кто не был занят, вышли из палатки с аппаратурой и глядели в небо. Даже Моргана то и дело тянуло к двери.

Рядом с ним все время околачивался оператор Максины Дюваль, здоровенный детина лет под тридцать. На его

плечах красовалось обычное для его профессии снаряжение — две камеры, глядящие, как это принято, «правая вперед, левая назад», а над ними небольшой шар, чуть крупнее грейпфрута. Антенна внутри шара вела себя очень умно и поэтому всегда была обращена к ближайшему спутнику связи, как бы ни кувырчался ее хозяин. А на другом конце линии, удобно расположившись в студии, Максина Дюваль смотрела глазами своего удаленного второго «я» и слушала его ушами, не утомляя своих легких холодным разреженным воздухом. Но так случалось далеко не всегда.

Морган не сразу согласился на просьбу Максины. Он знал, что предстоит «историческое событие», и охотно верил, что «парень не будет путаться под ногами». Но он боялся неприятностей, неизбежных при столь новаторском эксперименте, особенно на последних ста километрах полета в атмосфере. С другой стороны, он знал, что Максине можно верить: она не устроит сенсации ни из триумфа, ни из провала.

Как все крупные репортеры, Максина Дюваль не оставалась равнодушной к событиям, которые наблюдала. Она никогда не искажала и не опускала существенных фактов, но и не старалась скрыть собственных чувств. Она восхищалась Морганом с ревнивым благоговением человека, обделенного настоящими творческими дарованиями. После возведения Гибралтарского Моста она постоянно ждала следующего шага, и Морган ее не разочаровал. Но он не был ей по-настоящему симпатичен. Напор и безжалостность его честолюбия подняли его над обществом, но сделали менее человечным. Трудно не сравнить Моргана с его помощником Уорреном Кингсли. Вот кто действительно мил и деликатен («И лучше меня как инженер», — сказал однажды Морган, это была далеко не шутка). Но никто не знает об Уоррене, он всегда останется верным и тусклым спутником своего блестящего светила... Именно Уоррен терпеливо объяснял Максине весьма сложную механику спуска. На первый взгляд нет ничего проще, чем опустить что-то на экватор с

неподвижно висящего спутника. Но астродинамика полна парадоксов, если вы пытаетесь тормозить, то двигаетесь быстрее. Если выбираете кратчайший маршрут — расходуете больше топлива. Стремитесь налево — летите направо... Благодарить за все это следует гравитацию. А в данном случае требуется посадить зонд, за которым тянется сорокатысячекилометровый хвост...

Пока, до входа в верхние слои атмосферы, все шло строго по программе. Через несколько минут наступит последняя фаза спуска, руководить ею будут с Шри Канды. Неудивительно, что Морган нервничает.

— Ван, — тихо, но твердо сказала Максина по личному каналу. — Перестаньте сосать палец. Вы уже взрослый.

На лице Моргана отразилось негодование, затем удивление. Потом он смущенно рассмеялся.

— Спасибо. Не люблю выглядеть смешно на людях.

Он задумчиво посмотрел на искалеченный палец. Смешно! Столько раз останавливать других, чтобы потом поразиться тем же самым суперволокном! Боли, правда, практически не было, да и особенных неудобств. Когда-нибудь нужно будет этим заняться; сейчас просто невозможно потратить целую неделю на сидение возле регенератора ради какого-то несчастного сустава.

— Высота два пять ноль, — произнес спокойный, бесстрастный голос из палатки. — Скорость зонда один один шесть ноль метров в секунду. Натяжение нити — девяносто процентов номинала. Раскрытие парашюта через две минуты.

После секундного расслабления Морган был вновь собран и сосредоточен. «Как боксер перед незнакомым, но опасным противником», — невольно подумала Максина.

— Ветер? — внезапно спросил он.

Голос ответил, теперь уже далеко не бесстрастно:

— Это невероятно! Служба Муссонов только что передала штормовое предупреждение.

— Сейчас не время для шуток.

— Они не шутят. Я уже получил подтверждение.

— Но они гарантировали, что не будет больше тридцати километров в час!

— Они только что подняли потолок до шестидесяти — поправка, до восьмидесяти. Где-то что-то неладно...

— Еще бы, — пробормотала Дюваль. Затем обратилась к своим далеким глазам и ушам:

— Исчезни, ты для них сейчас лишний, но ничего не пропусти.

Предоставив оператору выполнять эти противоречивые указания, Максина переключилась на свою превосходную информационную службу. Понадобилось не больше полуминуты, чтобы узнать, какая метеорологическая станция отвечает за состояние погоды в зоне Тапробани. Дюваль разочаровало, но не удивило, что станция не отвечает на вызовы.

Поручив опытным помощникам преодолеть это препятствие, Максина «вернулась» на Шри Канду, за это время ситуация резко ухудшилась.

Небо потемнело, микрофоны улавливали отдаленный, пока еще слабый рев приближающегося урагана. Максине были знакомы такие внезапные перемены погоды, она не раз извлекала из них выгоду в океанских регатах. Но то было в море. Невероятное невезение: Моргана нельзя не пожалеть — этот незапланированный, невозможный ураган грозил смести его мечты и надежды.

— Высота два ноль-ноль. Скорость зонда один один пять метров в секунду. Натяжение девяносто пять процентов номинала.

Напряжение растет во всех смыслах этого слова. Эксперимент нельзя прекратить, Моргану остается одно — продолжать и надеяться на лучшее. Максине хотелось поговорить с ним, но в столь критический момент его лучше не трогать.

— Высота один девять ноль. Скорость один-один ноль. Натяжение сто пять процентов. Раскрытие первого парашюта... Пошел!

Итак, возврата нет. Зонд стал пленником земной атмосферы. Топливо, которое еще осталось, пойдет на то, чтобы направить его в сеть, натянутую на склоне. Тросы уже гудели под напором ветра.

Морган вышел из палатки и посмотрел в небо. Затем обернулся к объективу телекамеры.

— Что бы ни случилось, Максина, — сказал он медленно, подбирая слова, — эксперимент удался на девяносто пять процентов. Нет, на девяносто девять. Мы прошли тридцать шесть тысяч километров, осталось меньше двухсот.

Дюваль не ответила. Она знала, что слова Моргана предназначаются не ей, а человеку в кресле-каталке, расположившемуся рядом с палаткой. Кресло выдавало своего хозяина: лишь гость с другой планеты мог нуждаться в таком устройстве. Современные врачи давно умеют лечить все мышечные недуги, но физики пока еще не научились «лечить» от гравитации.

Сколько всего сосредоточено на этой горной вершине! Силы самой природы... Могучая экономика Народного Марса... Ванневар Морган (сам по себе крупное явление природы) ... И непримиримые монахи в орлином гнезде на перепутье ветров.

Максина Дюваль шепнула команду, и объектив скользнул вверх. Вот они, белые стены храма. Там и тут вдоль парапета плескали на ветру оранжевые тоги. Как и следовало ожидать, монахи смотрели.

Она резко увеличила изображение, так что смогла различать лица. Хотя встретиться с Маханаяке Тхеро ей не довелось (просьба об интервью была вежливо отклонена), она наверняка узнала бы его среди других. Но Верховного Жреца нигде не было, вероятно, он в святая святых, где сосредоточил свою грозную волю...

Впрочем, Максина Дюваль не верила, что главный противник Моргана занимается столь наивным делом, как молитва. Но если он действительно молился об этом

сверхъестественном шторме, его просьба была услышана. Боги горы пробуждались от сна.

25. ПОСЛЕДНЕЕ ПРИБЛИЖЕНИЕ

— Высота один пять ноль, скорость девяносто пять. Теплозащитный экран сброшен.

Значит, зонд благополучно вошел в атмосферу и сбавил скорость. Но радоваться рано. Предстояло пройти не только сто пятьдесят километров по вертикали, но и триста по горизонтали, что сильно осложнял бушующий шторм. Хотя у зонда все еще оставалось топливо, его маневренность ограничена. Если не удастся попасть на вершину с первой попытки, второй не представится.

— Высота один два ноль. Атмосферных воздействий нет.

Зонд спускался с небес как паук, раскручивающий свою шелковую лестницу. «Надеюсь, — подумала Дюваль, — что у них хватит нити, обидно, если она кончится в километре от цели!» Такие трагедии случались при прокладке подводных кабелей триста лет назад.

— Высота восемь ноль. Спуск нормальный. Натяжение сто процентов. Есть слабое сопротивление.

Итак, атмосфера уже дает себя знать, пусть лишь сверхчувствительным приборам на борту крошечного аппарата.

Возле автомобиля с контрольной аппаратурой был установлен небольшой телескоп, автоматически следивший сейчас за невидимым глазу зондом. Морган направился туда. Оператор тенью последовал за ним.

— Что-нибудь видно? — шепнула Максина спустя несколько секунд.

Морган смотрел в небо.

— Высота шесть ноль. Смещение влево. Натяжение сто десять процентов.

«Все еще в норме, — подумала Дюваль, — но там, по ту сторону стратосферы, что-то уже происходит. Наверняка Морган видит зонд...»

— Высота пять пять. Двухсекундная коррекция.

— Есть! — воскликнул Морган. — Вижу выхлоп!

— Высота пять ноль. Натяжение сто пять процентов. Трудно держать на курсе. Вибрация.

Не верилось, что, пройдя почти тридцать шесть тысяч километров, зонд закончит свое путешествие в полусотне километров от цели. Но сколько самолетов и космических кораблей разбивалось на последних метрах!

— Высота четыре пять. Сильный порывистый ветер. Зонд опять сносит. Трехсекундная коррекция.

— Потерял, — огорченно сказал Морган. — Облако.

— Высота четыре ноль. Сильная вибрация. Натяжение сто пятьдесят.

Плохо. Максина Дюваль знала, что натяжение разрыва составляет двести процентов. Один сильный рывок — и эксперимент закончится.

— Высота три пять. Ветер усиливается. Импульс — одна секунда. Топлива почти нет. Натяжение сто семьдесят. Расстояние три ноль...

— Есть! — воскликнул Морган. — Он пробил облака.

— Расстояние два-пять. Нечем восстановить курс. Опустится в трех километрах от цели.

— Неважно! — закричал Морган. — Приземляйте, где сможете!

— Постараюсь, Расстояние два ноль. Ветер усиливается. Зонд теряет устойчивость.

— Отпустите тормоз!.. Пусть нить идет сама!

— Сделано, — произнес голос абсолютно бесстрастно. Не знай Максина Дюваль, что для участия в эксперименте приглашен опытный диспетчер космических перевозок, она могла бы подумать, что говорит робот.

— Отказала размотка. Груз вращает. Пять оборотов в секунду. Вероятно, запуталась нить. Натяжение один восемь

ноль процентов. Один девять ноль. Два ноль ноль. Расстояние один пять. Натяжение два один ноль. Два два ноль. Два три ноль.

«Долго так не продлится, — подумала Дюваль. — Остался всего десяток километров, но проклятая проволока наматалась на вращающийся зонд».

— Натяжение ноль.

Конец. Нить лопнула и, извиваясь как змея, медленно возвращается к звездам. Несомненно, на «Ашоке» ее выберут, но даже Максина понимала, какое это долгое и сложное дело. А зонд упадет где-нибудь здесь, на поля или в джунгли Тапробани. Однако, как сказал Морган, эксперимент удался больше чем на девяносто пять процентов. В следующий раз, когда не будет ветра...

— Вот он! — крикнул кто-то.

Под облаками загорелась звезда, она была похожа на метеор. словно в насмешку над создателями зонда, включился световой маяк, призванный помочь управлению на заключительном отрезке пути. Что ж, он пригодится. Легче будет найти место падения...

Оператор медленно поворачивал камеру, чтобы Максина могла видеть, как сверкающая звезда

пролетает мимо и исчезает на востоке, вероятно, зонд упадет километрах в пяти от Шри Канды.

— Переключи на доктора Моргана.

Максина собиралась сказать несколько ободряющих слов, — достаточно громко, чтобы услышал министр-марсианин, — выразить уверенность, что в следующий раз спуск пройдет абсолютно удачно. Дюваль мысленно репетировала свою ободрятельную речь, когда вдруг у нее начисто вышибло все из головы. Она столько раз прокручивала, потом события следующих тридцати секунд, что выучила их наизусть, но у нее никогда не было полной уверенности, поняла ли она их до конца.

26. ЛЕГИОНЫ ЦАРЯ

Ванневар Морган привык к неудачам, даже к катастрофам, а эта, надеялся он, не так велика. Следя глазами за тем, как мигающий огонек исчезает за склоном горы, он с тревогой думал о другом: вдруг Народный Марс решит, что зря потратил свои деньги. Наблюдатель в кресле-каталке был на редкость неразговорчив, казалось, земная тяжесть сковала его язык не менее крепко, чем тело. Но сейчас он первым обратился к инженеру.

— Один вопрос, доктор Морган. Я знаю, этот шторм беспрецедентен, однако он достиг ваш зонд. Что произойдет, если шторм разразится, когда башня будет построена?

Мысли Моргана лихорадочно обгоняли одна другую. Было трудно так, сразу, дать правильный ответ. И он все еще не до конца поверил в случившееся.

— В худшем случае нам придется на короткий срок приостановить перевозки, может быть небольшая деформация «рельсов». Башне как таковой не угрожают даже самые сильные ветры.

Морган надеялся, что его слова соответствуют истине, через несколько минут Уоррен Кингсли сообщит, так ли это. К его облегчению, ответ, видимо, удовлетворил министра.

— Благодарю вас. Этого достаточно.

Морган, однако, был намерен довести мысль до конца.

— А на Монт Павонис такая проблема вообще не возникает. Плотность атмосферы составляет там меньше одной сотой...

Морган умолк. Прошло несколько десятилетий с тех пор, как он слышал звук, который обрушился сейчас на его уши, но ошибиться было нельзя. Властный зов, заглушивший рев бури, перенес инженера на другую половину планеты, под своды Айя-Софии. Он вновь с благоговейным восторгом глядел на творение людей, умерших шестнадцать веков назад, а в его ушах звенел мощный колокол, который некогда сзывал на молитву правоверных.

Память о Стамбуле померкла, Морган снова был на Шри Канде, в еще большем замешательстве и недоумении.

О чем рассказывал монах? Что непрощеный дар Калидасы безмолвствует в течение многих веков, ибо ему разрешается подавать голос только в годину бедствий? Но какое же бедствие произошло сейчас? Напротив, монахи, должны бы радоваться...

Морган смотрел на монастырь, откуда огромный колокол бросал вызов буре. За парашютом не было видно ни одной оранжевой тоги...

Что-то мягкое коснулось его щеки, Морган механически смахнул это прочь. Трудно было сосредоточить мысли, пока скорбный звук разносился волнами в воздухе, молотом бил по голове. Морган решил подняться в храм и попросить объяснений у Маханаяке Тхеро.

Снова мягкое, шелковистое прикосновение, на этот раз он увидел уголком глаза что-то желтое. У Моргана всегда была быстрая реакция: он взмахнул рукой и...

Доживая последние мгновения своей скоротечной жизни, у него на ладони лежала желтая бабочка, и

привычный мир зашатался. Необъяснимое поражение обернулось еще более чудесной победой, однако Морган не ощущал торжества, лишь замешательство и удивление. Ибо теперь он вспомнил легенду о золотых бабочках. Сотни тысяч их были взметены ураганом вверх по склону горы, чтобы умереть на ее вершине. Легионы Калидасы достигли наконец цели и отмщения.

27. ИСХОД

— Что же произошло? — спросил министр.

«На этот вопрос я никогда не смогу ответить», — подумал Морган, но вслух сказал:

— Шри Канда наша, монахи уже покидают ее. Невероятно... чтобы легенда двадцативековой давности... — Он покачал головой в полном недоумении.

— Если в легенду верят многие, она становится истиной. Во всяком случае, раз уж невозможное случилось, мы должны принять его с благодарностью.

«Я принимаю, — подумал Морган, — но против собственной воли. Мне непонятен мир, где несколько мертвых бабочек могут перетянуть чашу весов, на которой стоит башня весом в миллиард тонн».

Но какую все-таки трагикомическую роль сыграл преподаватель Паракарма! Вероятно, он чувствует себя орудием каких-то враждебных богов. Он сделал то, что считалось невозможным, и тут какие-то бабочки...

Администратор Службы Муссонов весьма сокрушался по поводу происшедшего. Морган принял его извинения с необычной для себя любезностью. Да, конечно, вполне можно поверить, что такой блестящий ученый, как доктор Голдберг, вернувшись в науку, полностью преобразил микрометеорологию... Да, разумеется, никто по-настоящему не

понимал, что именно делает он на своей станции... Да, несомненно, никто не ожидал, что у доктора Голдберга произойдет нервный срыв во время очередного эксперимента... Конечно, разумеется, несомненно...

Администратор заверил Моргана, что это больше не повторится. Морган выразил свою — вполне искреннюю — надежду, что доктор Голдберг скоро поправится, и намекнул, благо не растерял бюрократических инстинктов, что, в свою очередь, ожидает в будущем от Службы Муссонов соответствующих услуг. Администратор повесил трубку, выразив тысячу благодарностей и, без сомнения, удивляясь столь несвойственному Моргану великодушию.

— Между прочим, — сказал министр, — куда переселяются монахи? Мы могли бы предложить им приют. Мы на Марсе, вы знаете, очень радушны и гостеприимны.

— Не знаю. Но когда я спросил Раджасинху, он сказал: «Не беспокойтесь. Монашеский орден, который во всем себе отказывал на протяжении трех тысяч лет, не так уж беден».

— Гм-м... Возможно, мы могли бы найти применение их богатствам. Ваш скромный проект все дорожает и дорожает. Теперь нам придется искать какой-нибудь углеродистый астероид, чтобы перевести его на околоземную орбиту. Это решит одну из главных проблем.

— А углерод для вашей собственной башни?

— У нас неисчерпаемые запасы на Деймосе. По-моему, мы уже говорили об этом. Наши люди уже начали геологическую разведку наиболее удобных мест для разработок, хотя само производство суперволокна будет за пределами Деймоса. Правда, я не совсем понимаю почему.

— Это как раз ясно. Даже на Деймосе есть гравитация, хоть и ничтожная. Суперволокно нужно производить при полной невесомости. Лишь в этих условиях можно гарантировать необходимую кристаллическую структуру.

— Спасибо за объяснение. Можно спросить, почему вы изменили первоначальный проект? Мне был по душе этот пучок из четырех труб: две для движения вверх и две —

вниз. Просто туннель метро я еще мог понять... даже если он и был поставлен вертикально.

— Просто мы были в плену земных представлений. Вроде первых создателей автомобилей, которые производили те же кареты, только без лошадей. Теперь мы проектируем пустую прямоугольную башню с рельсами вдоль каждой грани. Представьте себе четыре вертикальных железнодорожных пути. На орбите каждый такой путь будет шириной в сорок метров, постепенно, к Земле, он сузится до двадцати.

— Как сталаг... сталак...

— Сталактит. С технической точки зрения, хорошей аналогией была бы Эйфелева башня... только перевернутая и вытянутая в сто тысяч раз. Еще у нас есть башня, идущая вверх, от синхронной орбиты к противовесу, который держит всю систему. А ниже синхронной орбиты, на высоте двадцати пяти тысяч километров, разместится станция «Центральная» — транзитный пункт, мощная электростанция и центр управления. Я убежден, что когда-нибудь она превратится в космический курорт и будет привлекать толпы туристов. Именно там мы устроим для вас банкет в честь торжественного открытия лифта.

— Вряд ли это получится, — сказал министр, помолчав. — Даже если вы не выйдете из графика, мне стукнет уже девяносто восемь. Сомневаюсь, что мне удастся там побывать.

«Но мне-то удастся, — подумал Ванневар Морган. — Теперь я знаю, что боги на моей стороне, если они вообще существуют».

28. КОСМИЧЕСКИЙ ЭКСПРЕСС

— Не говорите хоть вы, — попросил Кингсли, — что он никогда не взлетит.

Морган улыбнулся, рассматривая полномасштабный макет.

— Но он слишком похож на обычный железнодорожный вагон.

— Так и задумано. Вы покупаете на вокзале билет, сдаете багаж, садитесь в кресло и любуетесь пейзажем. Или идете в бар и проводите там пять часов, пока вас не доставят на станцию «Центральная». Дизайнеры собираются оформить интерьер под пультмановский вагон XIX века. Как вам эта идея?

— Не особенно. В спальнях вагонов никогда не было по пять этажей. Вот в одном очень старом научно-фантастическом фильме я видел космолет с круговой смотровой площадкой. Такая старина подойдет, видимо, больше.

— Вы не помните название фильма?

— Кажется, «Космические войны 2000 года»¹

— Хорошо, пусть поищут. А теперь прошу внутрь.

Когда они вошли в макет, Моргана охватил прямо-таки мальчишеский восторг. Графики и схемы — это не то. Здесь все настоящее, осязаемое. В один прекрасный день братья-близнецы этого макета прорвутся за облака...

Споткнувшись о зеленый ковер, Морган вернулся с небес на землю.

¹ Морган путает два фильма: «Звездные войны» и «Космическая одиссея 2000 года».

— Это еще одна идея дизайнеров, — сказал Кингсли. — Зеленый цвет должен напоминать о Земле. Потолки будут синие — чем выше отсек, тем темнее. А за окнами звезды.

Морган покачал головой.

— Идея прекрасная, но если света достаточно для чтения, то звезды видны не будут. В вагоне необходим отсек с полным затемнением.

— Это уже запланировано — в части бара можно заказать напитки и скрыться за непроницаемыми портьерами.

Они стояли на нижнем этаже капсулы — в круглой комнате диаметром восемь метров и высотой в три. Отсек заполняли всевозможные ящики, контейнеры и пульты управления, пока еще окончательно не расставленные.

— Похоже на космический корабль, — заметил Морган. — Кстати, на сколько, рассчитан ресурс?

— Не меньше недели, даже при полной загрузке. То есть пятьдесят пассажиров. Ну а спасатели доберутся до них максимум за три часа. Если, конечно, не будет повреждена сама

башня. Но в этом случае вряд ли кому-нибудь понадобится помощь...

Второй этаж пока пустовал, здесь не было даже временной аппаратуры. На вогнутой пластиковой стене чья-то рука начертила мелом большой прямоугольник и печатными буквами вписала: ВОЗДУШНЫЙ ШЛЮЗ.

— Здесь будет багажное отделение, хотя едва ли ему нужно так много места. В крайнем случае посадим сюда еще пассажиров. Третий этаж гораздо интереснее...

Поднявшись по винтовой лестнице, Морган увидел десяток авиационных кресел различного типа, на двух сидели манекены — мужчина и женщина. Им явно было скучно.

— Мы почти остановились на этом, — сказал Кингсли, указывая на роскошное вращающееся откидное кресло с прикрепленным к нему маленьким столиком. — Но потребуются еще кое-какие испытания.

Морган ткнул кулаком подушку сиденья.

— Кто-нибудь высидел тут пять часов?

— Доброволец весом в сто килограммов. Ничего страшного. Когда-то на перелет через Тихий океан требовались те же пять часов.

Следующий этаж был точно таким же, только без кресел. Морган и Кингсли, не задерживаясь, поднялись еще выше. Бар казался настоящим, действительно, кофейный автомат работал. Над ним, в искусно позолоченной рамке, висела старинная гравюра, которая была здесь настолько кстати, что у Моргана захватило дух. К огромной полной Луне, занимавшей верхний левый угол, несся на всех парах поезд — артиллерийский снаряд, влекущий за собой четыре вагончика. Из окон купе с надписью «Первый класс» люди в цилиндрах любовались открывающейся панорамой. Надпись внизу гласила:

ПОЕЗДОМ К ЛУНЕ

Гравюра из книги С ЗЕМЛИ НА ЛУНУ прямым сообщением за 97 часов 20 минут и ВОКРУГ ЛУНЫ

Сочинение Жюля Верна

— Не читал этой книги, — сказал Морган. — А жаль. Интересно, как он ухитрился без рельс...

— Жюль Верн ни при чем. Эта картинка всего лишь шутка художника.

— Ладно, передайте дизайнерам мои поздравления. Идея в высшей степени удачная.

Отвернувшись от мечты прошлого, Морган и Кингсли обратились к реальности будущего. На широкий смотровой иллюминатор снаружи проектировался потрясающий вид Земли, и не первый попавшийся, как с удовольствием отметил Морган, а правильный. Тапробани, конечно, был скрыт, ибо находился прямо внизу, но зато был виден весь полуостров Индостан, вплоть до Гималайских снегов.

— Мне кажется, — сказал Морган, — люди будут путешествовать на лифте лишь ради этой панорамы. Станция «Центральная» станет одной из величайших достопримечательностей. — Он взглянул на лазурно-голубой потолок. — Наверху есть что-нибудь интересное?

— Ничего особенного — воздушный шлюз оформлен, но мы еще не решили, где разместить электронное оборудование для центровки капсулы.

— Есть трудности?

— Нет. Новые магниты гарантируют безопасный зазор при скоростях до восьми тысяч километров в час.

Морган облегченно вздохнул. В этой области он должен был всецело полагаться на суждения других. С самого начала было ясно, что годится лишь магнитодинамическая двигательная установка. Малейший физический контакт — при скорости свыше километра в секунду! — немедленно приведет к катастрофе. Четыре пары направляющих пазов на гранях башни отделяло от магнитных движителей всего несколько сантиметров, но при малейшем отклонении капсулы возникнут огромные силы, возвращающие ее к центральной линии.

«А ведь я старею, — подумал Морган, спускаясь по винтовой лестнице вслед за Кингсли. — Конечно, нетрудно было

бы подняться на „чердак“, но как хорошо, что мы туда не пошли... Мне пятьдесят девять, а пройдет не меньше пяти лет, прежде чем первый пассажирский вагон поднимется на „Центральную“. Потом еще три года испытаний и проверок. Значит, лет через десять, не меньше...»

Хотя в макете было тепло, его пробрала дрожь. Впервые в жизни Морган осознал, что триумф, к которому он так стремился, может прийти слишком поздно.

29. КОРА

— Но почему вы так долго откладывали? — спросил доктор Сен тоном, каким говорят с умственно отсталыми детьми.

— Как обычно, — отвечал Морган. — Дела. Когда я начал задыхаться, то приписывал это высоте.

— Конечно, высота кое-что объясняет. Необходимо обследовать всех, кто работает на горе. Как вы могли упустить это из виду?

— А монахи? — сказал Морган. — Ведь некоторым было за восемьдесят. Они выглядели такими здоровыми...

— Монахи жили там много лет и полностью адаптировались. А вы по несколько раз в день за считанные минуты поднимались от уровня моря до середины атмосферы. Но пока ничего серьезного нет — если вы будете выполнять все предписания, которые дадим вам я и КОРА.

— КОРА?

— Коронарная тревога.

— А, одна из этих ваших штучек.

— Да, одна из этих наших штучек. Они спасают в год около десяти миллионов людей. Большинство — высокопоставленные общественные деятели, крупные администраторы, выдающиеся ученые, ведущие инженеры и тому

подобные кретины. Я часто думаю, стоило ли так стараться. Природа хочет что-то сказать, а мы ее не слушаем.

— Вспомните клятву Гиппократа, Билл, — усмехаясь, возразил Морган. — И вы должны признать, что я всегда был послушен. Например, за последние десять лет не прибавил ни килограмма.

— Ну, вы у меня не худший пациент, — смягчившись, сказал доктор. Он вытащил из стола большой альбом. — Выбирайте. Любой оттенок красного цвета.

Морган с отвращением рассматривал голограммы.

— Где ее нужно держать? — спросил он. — Или вы хотите ее имплантировать?

— Пока в этом нет необходимости. Может быть, лет этак через пять... Советую начать с этой модели — она помещается непосредственно на груди. Вы скоро перестанете ее замечать, и она не будет вас беспокоить, если не возникнет надобность.

— А если возникнет?

— Слушайте.

Доктор нажал кнопку на пульте, и приятное меццо-сопрано светским тоном заметило: «Мне кажется, вам следует сесть и минут десять отдохнуть». После короткой паузы оно продолжило: «Было бы совсем неплохо на полчаса прилечь». Еще одна пауза. «Как только представится возможность, свяжитесь с доктором Сенем». И в заключение: «Пожалуйста, немедленно примите красную таблетку. Я звала „Скорую помощь“, ложитесь и лежите спокойно. Все будет хорошо». Потом раздался такой пронзительный свист, что Морган невольно заткнул уши.

ВНИМАНИЕ. ГОВОРИТ КОРА. ПРОШУ КОГО-НИБУДЬ НАХОДЯЩЕГОСЯ В ПРЕДЕЛАХ СЛЫШИМОСТИ НЕМЕДЛЕННО ЯВИТЬСЯ. ВНИМАНИЕ. ГОВОРИТ КОРА. ПРОШУ...

— Надеюсь, суть вам ясна, — сказал доктор, восстановив тишину. — И я должен упомянуть об одном преимуществе нагрудных аппаратов.

— То есть?

— Один из моих пациентов — страстный теннисист. Когда он расстегивает рубашку, вид этой красной корбочки буквально парализует противника.

30. ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ

Некогда одним из важных дел каждого цивилизованного человека было регулярное обновление записной книжки. С введением универсального кода необходимость в этом отпала, ибо, зная личный номер человека, его можно найти за несколько минут. Но природа не терпит пустоты — ликвидировав одну скучную обязанность, та же самая техника подсунула человеку другую — составление Программы Личных Интересов.

Большинство обновляло свои ПЛИ под Новый год или в день рождения. Отнюдь не всегда преследовалась какая-либо позитивная цель, есть много людей, которым нравится настраивать свои пульты на классически невероятные события типа:

Динозавр, выклевание из яйца.

Круг, квадратура.

Атлантида, всплытие.

Христос, второе пришествие.

Лох-несское чудовище, поимка.

И в заключение:

Свет, конец.

Обычно эгоцентризм и профессиональные потребности заставляют абонента начинать список со своего собственного имени. Морган не составлял исключения, но последующие пункты были весьма необычны:

Башня, орбитальная.

Башня, космическая.

Башня, (гео) синхронная.

Лифт, космический.

Лифт, орбитальный.

Лифт, (гео) синхронный.

Это обеспечивало ему ознакомление почти с 90 % сообщений, касающихся проекта. Правда, все действительно важные новости он и так узнавал очень быстро.

У Моргана еще слипались глаза, а постель едва успела скрыться в стене его скромной квартиры, когда он заметил на пульте сигнал ВНИМАНИЕ. Нажав одновременно кнопки «КОФЕ» и «СЧИТЫВАНИЕ ДАННЫХ», он приготовился к очередной сенсации.

«ОРБИТАЛЬНАЯ БАШНЯ СВИТА» — гласил заголовок.

За последующие десять секунд недоверие Моргана сменилось возмущением, а затем тревогой. Тут же, переслав всю информацию Уоррену Кингсли с пометкой:

«Пожалуйста, свяжитесь со мною как можно скорее», он сел завтракать, все еще кипя от ярости.

Не прошло и пяти минут, как на экране появился Кингсли.

— Ну что ж, Ван, — проговорил он с комическим смирением, — будем считать, что нам еще повезло. Не следует реагировать слишком бурно. Пожалуй, этот тип кое в чем прав.

— Что вы хотите сказать?

Лицо Кингсли стало немного смущенным.

— Кроме технических проблем, существуют психологические. Подумайте об этом, Ван.

Изображение померкло, оставив Моргана в несколько подавленном состоянии. Он привык к критике и знал, как на нее реагировать, более того, он наслаждался пикировкой с равными противниками и почти никогда не огорчался в тех редких случаях, когда оказывался побежденным. Но какой-то Бикерстаф...

Впрочем, такие типы не переводились во все времена. Когда величайший инженер XIX века Брунель замыслил железнодорожный туннель длиной около трех километров,

они кричали, что это «нечто чудовищное и невообразимое, в высшей степени опасное и непрактичное». «Невозможно себе представить, чтобы люди выдержали столь тяжкое испытание», — утверждали критики. «Никто не захочет лишиться дневного света... шум двух встречающихся поездов потрясет нервы... никто не решится на вторую поездку...»

Как это знакомо! У подобных типов всегда один девиз: «Ничего не следует делать впервые».

Так и этот Бикерстаф. Обуреваемый фальшивой скромностью, он начал с того, что не берется критиковать технические аспекты космического лифта, он хочет слегка коснуться психологических проблем, которые тот может породить. Их можно суммировать в одном слове — ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ. Нормальному человеку, по его словам, присущ вполне обоснованный страх высоты, лишь акробаты и канатные плясуны не подвержены этой естественной реакции. Самое высокое сооружение на Земле не достигает и пяти километров — однако лишь немногие захотят, чтобы их втаскивали по вертикали на опоры Гибралтарского моста.

Но это ничто по сравнению с жуткой высотой орбитальной башни. «Есть ли на свете человек, — витийствовал Бикерстаф, — кто хоть раз не стоял у подножия какого-нибудь огромного строения, глядя вверх вдоль его отвесной стены, пока ему не начинало казаться, будто оно вот-вот опрокинется и рухнет? Теперь представьте себе, что такое строение взмывает в облака, поднимается в черную тьму космоса и, минуя орбиты всех крупных космических станций, уходит все выше и выше, пока не покроет значительную часть пути к Луне! Триумф техники — несомненно, но в то же время психологический кошмар. Некоторые индивиды потеряют рассудок от одной лишь мысли о чем-либо подобном. А много ли найдется таких, кто сможет выдержать головокружительный вертикальный подъем через двадцать пять тысяч километров пустоты до первой остановки на станции «Центральная»?

Утверждение, что вполне заурядные индивиды могут подниматься в космическом корабле гораздо выше, абсолютно не убедительно. Космический корабль ничем, в сущности, не отличается от самолета. Нормальный человек не испытывает головокружения даже в открытой гондоле воздушного шара, парящего в нескольких километрах над землей. Но поставьте его на краю утеса такой же высоты и проследите за его реакцией!

Причина различия предельно проста. В самолете отсутствует физическая связь наблюдателя с планетой. Поэтому психологически он совершенно отделен от земли, находящейся далеко внизу. Мысль о падении не вызывает у него ужаса, он может спокойно смотреть вниз на далекий пейзаж. Этой спасительной физической отчужденности как раз и будет недоставать пассажиру космического лифта. Возносимый по отвесной стене гигантской башни, он будет чрезвычайно остро ощущать свою связь с Землей. Где гарантия, что человек сможет пережить такой эксперимент? Я прошу доктора Моргана ответить на этот вопрос.

Доктор Морган все еще обдумывал ответы, один нелюбезнее другого, когда на пульте загорелся сигнал вызова. Нажав кнопку «ПРИЕМ», он ничуть не удивился при виде Максины Дюваль.

— Ну, Ван, — сказала она без вступления, — что вы собираетесь делать?

— Пытаюсь переварить свой завтрак. А что мне еще остается?

— Как что? Продемонстрировать работу установки. Ведь первый трос уже установлен.

— Не трос, а лента.

— Не все ли равно? Какой груз она выдержит?

— Тонн пятьсот, не больше.

— Вот и прекрасно. Пусть кто-нибудь прокатится. Например, я.

— Вы шутите?

— В такую рань никогда. И вообще, мои зрители уже соскучились по свежим материалам о башне. Макет капсулы очарователен, но неподвижен. Моя аудитория любит действие. Я тоже. Вы показывали чертежи небольших аппаратов, на которых инженеры собираются ездить вверх и вниз по тросам, то есть по лентам. Как они называются?

— «Пауки».

— Ф-ф-у, гадость! Но от идеи я просто в восторге. Ведь ничего подобного никогда не было. Человек впервые сможет сидеть неподвижно в небе, даже над атмосферой, и смотреть на Землю. Я хочу первой описать эту сенсацию.

Целых пять секунд Морган молча смотрел Максине прямо в глаза. Она говорила серьезно.

— Я еще мог бы поверить, — устало сказал он, — что какая-нибудь юная репортерша, чтобы создать себе имя, ухватится за такой случай. Я категорически против.

— Но почему? Я же не собираюсь садиться на вашего «паука», пока вы не проведете всех испытаний и не обеспечите стопроцентную безопасность.

— Все равно это слишком похоже на трюк.

— Ну и что?

— Послушайте, Максина, только что поступила «молния»: Новая Зеландия погрузилась в океан, и вас срочно вызывают в студию. Понятно?

— Доктор Ванневар Морган, я знаю, почему вы мне отказываете. Вы сами хотите быть первым.

Морган покачал головой.

— Это вам не поможет, Максина, — сказал он, — я очень сожалею, но ваши шансы равны нулю.

И вдруг почему-то вспомнил про тонкий красный диск у себя на груди.

31. ЖЕСТКОЕ НЕБО

Ночью лента лучше просматривалась невооруженным глазом. После захода солнца, когда включались сигнальные огни, она превращалась в тонкую ослепительную полосу, которая уходила ввысь, теряясь на фоне звезд.

Она уже стала величайшим чудом света. До тех пор, пока Морган не закрыл посторонним доступ на строительную площадку, бесконечный поток посетителей не ослабевал. «Пилигримы», как кто-то иронически их прозвал, приходили поклониться последнему чуду священной горы.

Все они вели себя одинаково. Сначала касались пятисантиметровой ленты руками, чуть ли не с благоговением поглаживая ее кончиками пальцев. Потом, приложив ухо к ее холодной поверхности, прислушивались, словно надеялись уловить музыку небесных сфер. Некоторые даже утверждали, будто им удалось различить низкую басовую ноту на пороге слышимости. Но они заблуждались. Даже самые высокие гармоники собственной частоты ленты были намного ниже уровня человеческого слуха. А кое-кто, уходя, качал головой и говорил: «Никто никогда не заставит меня ездить по этой штуковине!» Но точно такие же замечания произносились и по поводу ядерной ракеты, космического челнока, самолета, автомобиля и даже паровоза...

Обычно скептикам отвечали: «Не беспокойтесь, это просто строительные леса. Когда башню закончат, „вознесение“ в небо будет отличаться от подъема в обычном лифте лишь продолжительностью и гораздо большим комфортом».

Путешествие Максина Дюваль, наоборот, будет очень коротким и не особенно комфортабельным. Но раз уж Морган капитулировал, он приложил все усилия, чтобы сделать его спокойным.

Хрупкий «паук» — опытный образец капсулы, напоминающий моторизованную люльку для прокладки воздушного кабеля, уже неоднократно подымался на двадцать

километров с нагрузкой, вдвое превышающей ту, которую должен был нести теперь.

Как обычно, все было тщательно отрепетировано. Пристегивая себя ремнем, Максина не колебалась и не путалась. Затем она глубоко вдохнула кислород из маски и проверила все видео— и звуковые устройства. Потом, подобно пилоту истребителя из старинного фильма, просигналила большим пальцем «Подъем» и нажала рычаг скорости.

Собравшиеся вокруг инженеры, большинство из которых уже не раз совершали прогулки вверх на несколько километров, иронически зааплодировали. Кто-то крикнул: «Зажигание! Старт!», и «паук» со скоростью допотопного лифта двинулся ввысь.

Это напоминало полет на воздушном шаре. Плавный, легкий, бесшумный. Нет, не совсем бесшумный — до Максимины доносилось нежное жужжание моторов, приводящих в движение многочисленные колеса, которые захватывали плоскую поверхность ленты. Не было ни толчков, ни вибрации. Невообразимо тонкая лента, по которой она двигалась, была негнущейся как стальной стержень, а гироскопы капсулы обеспечивали устойчивость движения. Если закрыть глаза, можно даже вообразить, будто поднимаешься внутри уже построенной башни. Но нельзя закрывать глаза — слишком многое надо увидеть и воспринять. Многое можно и услышать — просто поразительно, как хорошо распространяется звук: разговоры внизу все еще отлично слышны.

Максина помахала рукой Ванневару Моргану, а потом стала искать глазами Уоррена Кингсли. Но его нигде не было. Он помог ей взобраться на борт «паука», а теперь куда-то исчез. Потом она вспомнила его чистосердечное признание — лучший инженер-строитель мира боялся высоты... Каждый одержим каким-нибудь тайным — или не совсем тайным — страхом. Максина терпеть не могла пауков и предпочла бы, чтоб аппарат, в котором она сейчас поднималась, назывался как-нибудь иначе, но настоящий ужас вселили в нее робкие и безвредные осьминоги...

Теперь была видна вся гора. Правда, отсюда трудно определить ее истинную высоту. Древние лестницы на склоне выглядели извилистыми горизонтальными дорогами. Совершенно безлюдными. Один марш преграждало упавшее дерево — Природа спустя три тысячи лет как бы предупреждала, что скоро потребует свои владенья назад.

Направив вниз одну телекамеру, Максина начала панорамировать второй. По экрану контрольного монитора плыли поля и леса, далекие белые купола Ранапур, темные воды внутреннего моря. И наконец Яккагала...

Максина разглядела смутные очертания руин на вершине утеса. Зеркальная стена оставалась в тени, Галерея Принцесс тоже — да к тому же едва ли можно увидеть фрески с такой высоты. Райские Сады с их прудами, аллеями и глубоким крепостным рвом просматривались совершенно ясно.

На секунду ее озадачил ряд тоненьких белых перышек, но она

тут же сообразила, что это райские фонтаны Калидасы. Интересно, что подумал бы царь, глядя, как она без всяких усилий поднимается к небу его мечты...

Прошло почти полгода с того дня, как Максина беседовала с Раджасиихой. Повинуясь внезапному порыву, она связалась с его виллой.

— Привет, Иохан. Вам нравится Яккагала сверху?

— Доброе утро. Значит, вам все-таки удалось уломать Моргана. Как самочувствие?

— Восхитительно — другого слова нет. Это ни на что не похоже — я путешествовала на всех видах транспорта, но здесь чувствуешь себя совершенно иначе.

— По жестокому небу спокойно летя...

— Откуда это?

— Один английский поэт начала XX века.

Мне теперь все равно: бороздишь ты моря,

По жестокому ль небу спокойно летишь...

— А мне не все равно, но я совершенно спокойна. Я вижу весь остров и даже берега Индостана. На какой я высоте, Ван?

— Около двенадцати километров. Осталось еще три. Как маска?

— Полный порядок. Кстати, поздравляю — вид отсюда великолепный. Настоящая смотровая вышка. От желающих отбоя не будет.

— Мы об этом уже думали — ребята со спутников уже подают заявки. Мы можем установить их ретрансляторы и датчики на любой высоте, какая требуется. Это поможет нам платить налоги.

— Я вас вижу! — внезапно воскликнул Раджасинха. — Поймал в телескоп. Сейчас вы машете рукой... Как там, не очень одиноко?

После короткой паузы раздался спокойный ответ:

— Не больше, чем было Юрию Гагарину, а ведь он поднялся на триста километров выше.

32. АЛМАЗ ВЕСОМ В МИЛЛИАРД ТОНН

За последние годы было сделано очень много. Сдвинуты с места горы, по крайней мере астероиды. У Земли, чуть выше синхронной орбиты, появился второй естественный спутник. Диаметр его, вначале составлявший около километра, быстро уменьшался, по мере выработки углерода. Все остальное — железное ядро и производственные отходы — впоследствии образует противовес, удерживающий башню в вертикальном положении. Словно камень в праще длиной сорок тысяч километров...

В пятидесяти километрах восточнее «Ашоки» работал огромный индустриальный комплекс, превращавший в суперволокно невесомые мегатонны сырья. Поскольку конечный продукт на девяносто процентов состоял из углерода с правильной кристаллической решеткой, башню прозвали «Алмаз весом в миллиард тонн». Амстердамская Ассоциация Ювелиров сердито заявила, что, во-первых, суперволокно вовсе не алмаз и, во-вторых, если уж это алмаз, то башня весит 5×10^{15} каратов.

Будь то караты или тонны, такие огромные количества материала требовали полной мобилизации всех ресурсов космических колоний. В автоматические рудники и заводы были вложены многие достижения технической мысли, с таким трудом приобретенные человечеством за двести лет космической эры. Затем все элементы конструкции башни — миллионы стандартных деталей — были собраны в огромные летающие штабеля.

Потом за дело принялись роботы-монтажники. Башня начала расти вниз, к Земле, и одновременно вверх, к орбитальному якорю-противовесу. Поперечное сечение башни в

обоих противоположных направлениях постепенно уменьшалось.

После завершения всех работ строительный комплекс переместится к Марсу. Марсиане заключили выгодную сделку: хотя их капиталовложения не сразу начнут приносить дивиденды, они, вероятно, все следующее десятилетие будут обладать строительной монополией. Морган подозревал, что башня Павонис станет всего лишь первой из многих. Марс как нельзя лучше приспособлен для расположения системы космических лифтов, и его энергичные жители вряд ли упустят такую блестящую возможность. Морган искренне желал им успеха, но перед ним стояли другие задачи.

Башня, несмотря на свои колоссальные размеры, служила всего лишь основой еще более сложного сооружения. Вдоль ее четырех граней пройдут пути длиной в 36 тысяч километров, работоспособные при скоростях, каких еще никогда никто не пытался достичь. Дорога по всей длине должна питаться энергией, подаваемой по сверхпроводящим кабелям от мощных ядерных генераторов. Управлять всем этим хозяйством будет невероятно сложная сеть безотказных компьютеров.

Конечная станция «Верх», где пассажиров и грузы примут состыкованные с башней космические корабли, сама по себе очень непростое сооружение. То же самое относится к станциям «Центральная» и «Земля», которую сейчас выжигают лазерами в сердце священной горы. А есть еще и проблема загрязнения космоса...

В течение двухсот лет на околоземных орбитах накапливались спутники всевозможных форм и размеров, начиная от отдельных болтов и гаек и кончая целыми космическими поселками. Три четверти этого материала — давно забытый, никому не нужный хлам, который следует разыскать и по возможности уничтожить, чтобы он не угрожал башне.

К счастью, старинные орбитальные крепости были прекрасно оборудованы для этой цели. Их радары,

предназначенные для обнаружения приближающихся ракет дальнего действия, легко засекали все, что засоряло космос. Затем их лазеры испаряли спутники помельче, а те, что покрупнее, переводились на более высокие безопасные орбиты. То, что представляло исторический интерес, восстанавливалось и возвращалось на Землю. Нередко случались сюрпризы — например, были обнаружены трупы трех китайских астронавтов, погибших при выполнении какого-то секретного задания, и несколько спутников-разведчиков, запущенных неизвестно кем. Впрочем, это не имело значения, ибо им было никак не меньше ста лет.

Что касается огромного количества действующих спутников и станций, которые должны работать на небольшом расстоянии от Земли, то их орбиты тщательно проверяли, а в некоторых случаях изменяли. Разумеется, подобно всем созданиям рук человеческих, башня оставалась не защищенной от метеоритов. По многу раз в день ее сейсмографы будут фиксировать удары силой в несколько миллиньютонов; раза два в год можно ожидать мелких повреждений. А когда-нибудь, рано или поздно, на башню натолкнется гигант, способный временно вывести из строя один или несколько рельсовых путей. В самом худшем случае башню может даже где-нибудь перебить.

Однако такое событие не более вероятно, чем падение крупного метеорита на Лондон или Токио, площадь которых сопоставима с общей площадью башни. Жители этих городов не лишались сна при мысли о такой возможности. Ван-невар Морган тоже.

33. КРАЙ БЕЗЗВУЧНЫХ ШТОРМОВ

Из речи профессора Мартина Сессуи при вручении ему Нобелевской премии по физике. Стокгольм, 16 декабря 2154 года

Между небом и Землей простирается невидимая область, о которой не подозревали философы древности. Лишь на заре XX века, 12 декабря 1901 года, она впервые оказала влияние на людские дела.

В этот день Гуильельмо Маркони передал по радио через Атлантический океан три точки — букву S по азбуке Морзе. Многие ученые, утверждали, что это невозможно, ибо электромагнитные волны распространяются лишь по прямой и не смогут обогнуть земной шар. Достижение Маркони не только возвестило начало эры дальней беспроводной связи, но показало, что высоко в атмосфере есть «электрическое зеркало», способное отражать радиоволны.

Выяснилось, что слой Кеннели-Хевисайда, как его первоначально назвали, состоит минимум из трех основных слоев, высота и интенсивность которых подвержены большим изменениям. Еще выше лежат радиационные пояса Ван Аллена, открытие которых стало первой научной победой космической эры.

Эта обширная область, начинающаяся на высоте около пятидесяти километров и простирающаяся ввысь на несколько земных радиусов, называется ионосферой, ракеты, спутники и радары исследуют ее свыше двух столетий. Я не могу не упомянуть моих предшественников на этом поприще — американцев Тьюва и Брейта, англичанина Эплтона, норвежца Стормера и особенно человека, в 1970 году удостоенного награды, которую я сейчас тоже имею честь получить, — вашего соотечественника Ханнеса Альфвена...

Ионосфера — это капризное дитя Солнца, даже теперь ее поведение не всегда предсказуемо.

В течение приблизительно ста лет, до появления спутников связи, она была нашим неоценимым, хотя и непостоянным слугой. Когда дальняя радиосвязь полностью зависела от ее настроений, она спасла немало жизней, но очень много людей погибло из-за того, что она бесследно поглотила их отчаянные сигналы.

Ионосфера служила цивилизованному человечеству очень недолго. Но если бы ее не было, человек бы не появился! Ибо ионосфера — часть щита, который ограждает нас от смертоносного рентгеновского и ультрафиолетового излучения Солнца. Если бы эти лучи достигали уровня моря, то, возможно, какие-то формы жизни и возникли бы на Земле, но они никогда не развились бы во что-то, даже отдаленно напоминающее нас...

Поскольку ионосферой, как и находящейся под ней атмосферой, в конечном счете управляет Солнце, она тоже имеет свою погоду. Во время солнечных вспышек в ионосфере бушуют глобальные штормы, и она перестает быть невидимой: огненные сполохи сияний озаряют жутким светом холодные полярные ночи...

Мы до сих пор познали не все процессы, происходящие в ионосфере. Наши приборы, размещенные на ракетах и спутниках, пронизывают ее со скоростью в многие тысячи километров в час. Мы просто никогда не могли остановиться и спокойно понаблюдать! Только орбитальная башня даст нам возможность создать в ионосфере неподвижные обсерватории. Не исключено, конечно, что башня слегка изменит характеристики ионосферы, хотя вопреки утверждениям доктора Бикерстафа никак не замкнет ее накоротко!

Но зачем изучать ионосферу, раз уж она утратила свое значение для связистов? Дело в том, что поведение ионосферы тесно связано с поведением Солнца, хозяина нашей судьбы. Мы теперь знаем, что Солнце отнюдь не спокойная благоденствующая звезда, как думали наши предки, оно подвержено как длительным, так и коротким возмущениям. В настоящее время оно все еще выходит из минимума 1645–

1715 годов, поэтому климат сейчас мягче, чем в любой период после начала средних веков. Но как долго будет продолжаться этот подъем? Когда начнется новый неизбежный спад солнечной активности? Какое влияние он окажет на климат и на судьбы цивилизации не только на Земле, но и на других планетах? Ведь все они дети Солнца...

Некоторые теоретики полагают, что Солнце сейчас вступило в полосу неустойчивости, которая может вызвать новый ледниковый период, более всеобъемлющий, чем имевшие место в прошлом. Если это справедливо, нам необходима вся информация, какую можно получить. Даже предупреждение за век вперед может оказаться запоздавшим.

Ионосфера способствовала появлению жизни, она вызвала революцию в радиосвязи, она может рассказать нам о нашем будущем. Вот почему мы должны продолжать изучение этой огромной бурной арены противоборства солнечных и электрических сил — этого таинственного края беззвучных штормов.

34. КОНЕЧНАЯ СТАНЦИЯ

Неудивительно, что ее называли «Транссибирской дорогой». Даже спуск от станции «Центральная» к основанию башни длился пятьдесят часов.

Настанет день, когда он займет всего пять, но это произойдет лишь через два года, когда подведут питание и рельсовые пути обзаведутся магнитными полями. Аппараты для контроля и технического обслуживания, ползавшие вверх и вниз по граням башни, приводились в движение старинными колесами, опирающимися на внутреннюю часть направляющих пазов. Даже если бы позволяла ограниченная мощность аккумуляторов, эксплуатировать такую

систему при скоростях выше пятисот километров в час небезопасно.

Но никто об этом не думал — все были слишком заняты делом. Профессор Сессуи и трое его студентов вели наблюдения и проверяли приборы, чтобы не тратить времени, когда прибудут на место. Водителю, бортинженеру и стюарду скучать также не приходилось. Рейс не совсем обычный. Станцию «Фундамент», находящуюся теперь на 25 тысяч километров ниже «Центральной», всего в шестистах километрах от Земли, никто не посещал с самого начала строительства. Контрольные индикаторы еще ни разу не засекали здесь никаких неполадок. Впрочем, «Фундамент» представлял собой всего лишь 15-метровую герметическую камеру — одно из десятков аварийных убежищ, расположенных через определенные промежутки на всем протяжении башни.

Профессор Сессуи употребил, все свое немалое влияние, чтобы воспользоваться этой уникальной смотровой площадкой, которая, делая два километра в сутки, ползла сквозь ионосферу к месту встречи с Землей. Необходимо установить научное оборудование до полного развития теперешнего максимума солнечных пятен, настаивал он.

Солнечная активность уже достигла небывалого уровня, и молодым ассистентам Сессуи нелегко было сосредоточиться на своих приборах — величественные полярные сияния с непреодолимой силой влекли их к себе. Небо на севере и на юге было заполнено медленно перемещающимися полотнощами и лентами зеленоватого света, которые внушали благоговение и трепет своей неземной красотой и величием. Однако это лишь бледный призрак небесных фейерверков, сверкающих вокруг полюсов. Очень редко полярное сияние забредает так далеко от своих законных владений, лишь раз в несколько поколений оно вторгается в экваториальные небеса.

Сессуи заставил студентов вернуться к работе — зрелищами можно будет заняться и во время долгого обратного подъема к «Центральной». Однако даже сам профессор по

несколько минут кряду простаивал у иллюминатора, замороженный пылающим небом.

Кто-то окрестил их рейс «Экспедицией к Земле». Что касается расстояния, это соответствовало действительности на 98 процентов. По мере того, как аппарат на своих ничтожных 500 километров в час сползал по грани башни, растущая близость планеты все больше давала о себе знать. Гравитация медленно возрастала — от бодрящего ощущения легкости ниже лунной на «Центральной» до почти полной земной величины. Всякий опытный астронавт очень бы удивился — ощущения какой-либо силы тяжести до вхождения в плотные слои атмосферы казались противоестественными.

Если не считать жалоб на скверное питание, которые стоически переносил замученный стюард, путешествие шло гладко. В ста километрах от «Фундамента» плавно заработали тормоза, и скорость уменьшилась вдвое. Через пятьдесят километров ее снова снизили вдвое. Один из студентов спросил: «А что, если в конце пути мы сойдем с рельсов?»

Водитель (он настаивал, чтобы его называли пилотом) сердито отвечал, что это невозможно, — направляющие пазы заканчиваются в нескольких метрах от конца башни; кроме того, имеются амортизаторы, специально на тот случай, если все четыре автономные системы торможения откажут одновременно. Все согласились, что шутка не только совсем не смешна, но и очень дурного тона.

35. РАНЕНОЕ СОЛНЦЕ

В последний раз, когда Морган видел племянника, тот был совсем маленьким. Сейчас Дэву двенадцать, а если они и впредь будут встречаться столь же часто, в следующий раз он станет уже взрослым.

Но вины за собой Морган не чувствовал. За последние два века семейные узы сильно ослабели, и Моргана почти ничто не связывало с сестрой. Каждые два месяца они общались по радио и были в самых хороших отношениях, но Морган не смог бы вспомнить место и время их последней встречи.

Однако, здороваясь с бойким смышленным подростком (которому его знаменитый дядя явно не внушал особого благоговения), Морган ощутил смутную горечь. У него не было сына, давным-давно он сделал тот выбор между работой и жизнью, от которого трудно уклониться на высших уровнях человеческой деятельности.

Он знал условия сделки, в которую вступал, и принял их. Ворчать по пустякам поздно — прошлого не вернешь. Смешивать гены может каждый дурак, большинство именно этим и занимается. Воздаст ему история должное или нет, неважно, лишь немногие могут сравниться с ним по тому, что он сделал и еще сделает.

За последние три часа Дэв видел на станции «Земля» гораздо больше любого знатного гостя. Он вошел внутрь горы у ее подножия, через почти законченный вестибюль Южной станции, где ему показали помещения для пассажиров и багажа, центр управления и сортировочные депо, где капсулы, спускающие по Восточному и Западному путям, будут передаваться для подъема на Северный и Южный. Он смотрел вверх со дна пятикилометровой шахты, подобной колоссальной пушке, нацеленное прямо в звезды. Вопросы Дэва довели до полного изнеможения трех гидов, пока наконец последний из них не догадался вернуть мальчика дяде.

— Возьмите его, Ван, — сказал Уоррен Кингсли, доставив Дэва на скоростном лифте на усеченную вершину горы. — По-моему, он уже нацелился на мое место.

— Я не знал, что ты так интересуешься техникой, Дэв.

Мальчик выглядел задетым и слегка удивленным.

— Разве ты не помнишь, как подарил мне конструктор на день рождения?

— Конечно, конечно, я просто пошутил. Тебе не холодно? Мальчик с презрением отмахнулся от легкой термокуртки.

— Нет, мне хорошо. Когда вы откроете шахту? Можно потрогать ленту? Она не порвется?

— Теперь вам ясно? — ухмыльнулся Кингсли.

— Во-первых, крышка останется закрытой, пока башня не достигнет горы и не спустится в шахту. Крышка служит нам рабочей платформой и защищает от дождя. Во-вторых, если хочешь, можешь потрогать ленту. В-третьих, она не порвется. Но только не вздумай бегать — на такой высоте это очень вредно.

— Только не в двенадцать лет, — заметил Кингсли.

Они догнали Дэва возле якоря Восточной грани. Мальчик, как многие тысячи до него, смотрел на узкую тускло-серую ленту, которая поднималась из земли и вертикально взмывала в небо. Все выше, выше и выше. Запрокинув голову, Дэв скользил по ней взглядом. Морган и Кингсли не последовали его примеру, хотя — даже теперь, через столько лет — искушение было все еще велико. Не стали они и говорить Дэву, что у некоторых посетителей так сильно кружилась голова, что они падали и без посторонней помощи не могли уйти.

Но мальчик был вполне здоров: почти минуту он вглядывался в зенит, словно надеясь увидеть тысячи людей и миллионы тонн грузов, парящие по ту сторону синевы неба. Потом поморщился, закрыл глаза, покачал головой и посмотрел себе на ноги, как бы желая убедиться, что все еще стоит на твердой надежной земле.

Протянув руку, он осторожно погладил узкую ленту, соединяющую планету с ее новой луной.

— А что будет, если она порвется?

Это был обычный вопрос. Ответ удивляет многих.

— Почти ничего. В этой точке она практически не нагружена. Если разрезать ленту, она просто повиснет, развеваясь на ветру.

Кингсли поморщился: оба знали, что это преувеличение. Нагрузка на каждую из четырех лент составляла сейчас около ста тонн, но эта величина ничтожно мала по сравнению с проектной нагрузкой. Но не стоит обременять мальчика такими подробностями.

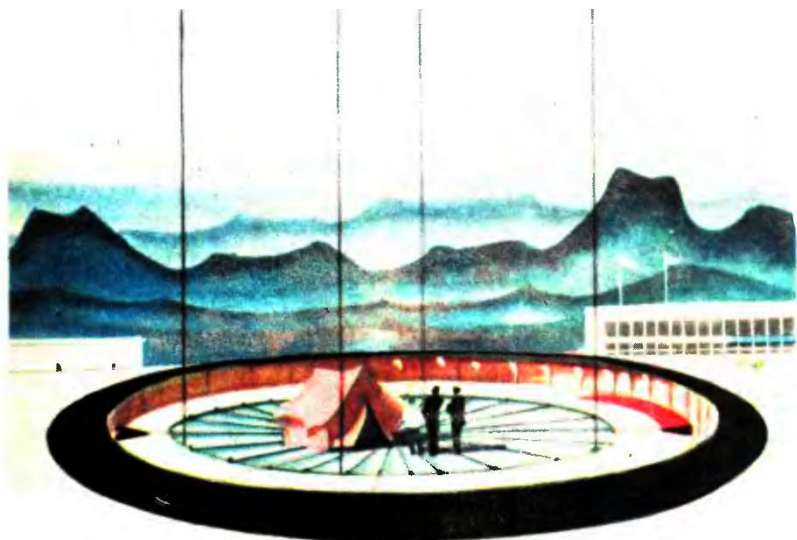
Дэв обдумал сказанное, потом в виде опыта щелкнул по ленте, словно хотел извлечь из нее музыкальную ноту. В ответ раздался краткий невыразительный звук.

— Если ты стукнешь по ней кувалдой и вернешься сюда часов через десять, то как раз успеешь поймать эхо с «Центральной», — сказал Морган.

— Вряд ли, — сказал Кингсли. — Слишком большое демпфирование.

— Ладно, не портите впечатления, Уоррен. Лучше пойдём дальше и посмотрим кое-что действительно интересное.

Они подошли к центру металлического диска, который теперь увенчивал гору, закрывая шахту, словно крышка огромной кастрюли. Здесь, на одинаковом расстоянии от четырех лент, по которым башню вели к Земле, стояла

маленькая неказистая геодезическая палатка. Из нее прямо в зенит смотрел телескоп, явно неспособный нацеливаться во что-то другое.

— Сейчас самое подходящее время. Перед закатом основание башни отлично освещено.

— Кстати, о Солнце. Оно сегодня еще ярче, чем было вчера, — сказал Кингсли, показывая на блестящий сплюснутый эллипс, погружавшийся в дымку на западе. Она настолько погасила его блеск, что на него можно было спокойно смотреть.

Пятна, ясно выделявшиеся на поверхности Солнца, появились около ста лет назад. Теперь они закрывали почти половину площади солнечного диска. Казалось, Солнце поражено неведомым недугом или даже чем-то пробито. Однако даже Юпитер не нанес бы светилу такого повреждения. Самое большое пятно достигало четверти миллиона километров в диаметре и могло бы поглотить сотни земель.

— Ночью снова ожидается большое полярное сияние. Профессор Сессуи и его команда выбрали удачное время.

— Давайте посмотрим, как у них дела, — сказал Морган, настраивая телескоп. — Взгляни-ка, Дэв.

Мальчик с минуту внимательно вглядывался.

— Все четыре ленты уходят внутрь, то есть вверх, а потом исчезают.

— А посередине ничего нет?

Дэв снова немного помолчал.

— Нет, башни не видно.

— Верно, она на шестистах километрах, а телескоп настроен на самое слабое увеличение. Но сейчас поднимем. Застегните привязные ремни.

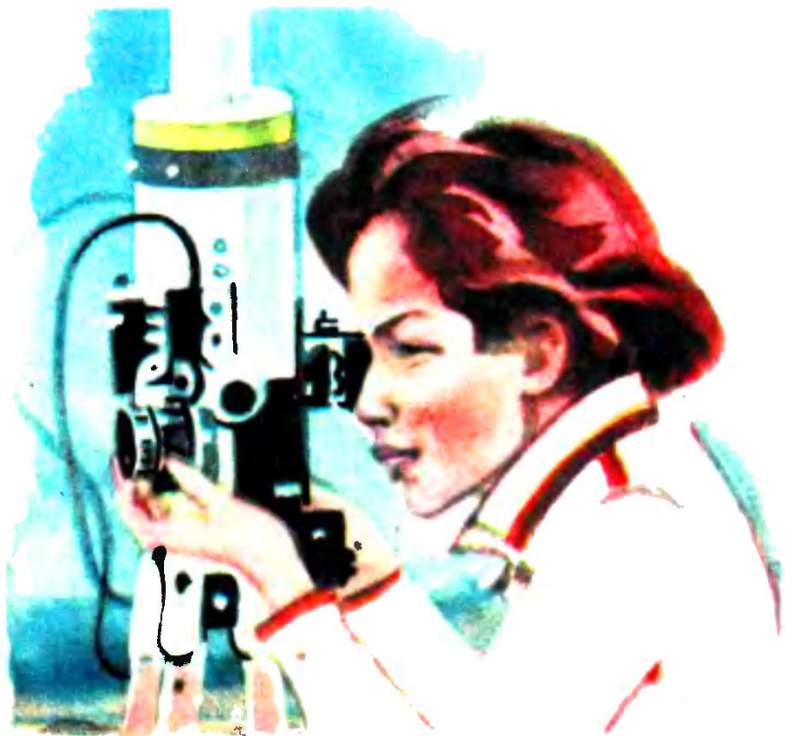
Дэв улыбнулся старинному штампу, знакомому по десяткам исторических пьес. Но он не заметил никаких изменений: лишь четыре линии, направленные к центру поля зрения, стали менее резкими. Через несколько секунд он сообразил, что никаких изменений не будет: он смотрит вверх

вдоль оси системы, и все четыре ленты в любой точке выглядят одинаково.

Потом совершенно неожиданно — хотя Дэв все время этого ждал — в самом центре поля зрения появилось крошечное яркое пятнышко. Оно быстро расширялось, и мальчик испытал ясное ощущение скорости.

Через несколько секунд он уже мог разглядеть маленький круг — нет, и мозг и глаз согласились, что это квадрат. Он смотрел прямо вверх, на основание башни, которая ползла к Земле вдоль направляющих лент, преодолевая два километра в день. Сами ленты исчезли — на таком расстоянии они были неразличимы. Но квадрат, словно по волшебству прикрепленный к небу, продолжал расти, хотя теперь, при максимальном увеличении, казался расплывчатым.

— Что ты видишь? — спросил Морган.

— Яркий квадратик.

— Хорошо. Это основание башни, ярко освещенное Солнцем. Когда у нас стемнеет, его можно будет наблюдать невооруженным глазом еще целый час, пока оно не скроется в тени. А еще что-нибудь видно?

— Не-е-ет, — после долгого молчания протянул мальчик.

— Странно. Группа ученых отправилась в нижнюю секцию установить там научные приборы. Они только что спустились с «Центральной». Всмотрись повнимательней, и ты увидишь их транспортер — он на Южном пути, это справа. Ищи яркое пятно, раза в четыре меньше башни.

— Извини, дядя, я не могу его найти. Посмотри сам.

— Возможно, ухудшилась видимость. Иногда башня совсем исчезает, хотя атмосфера кажется прозрачной...

Прежде чем Морган успел занять место Дэва у телескопа, его личный приемник издал два резких двойных гудка. Секунду спустя система сигнализации Кингсли сработала тоже.

Впервые за все время на башне объявили тревогу четвертой степени.

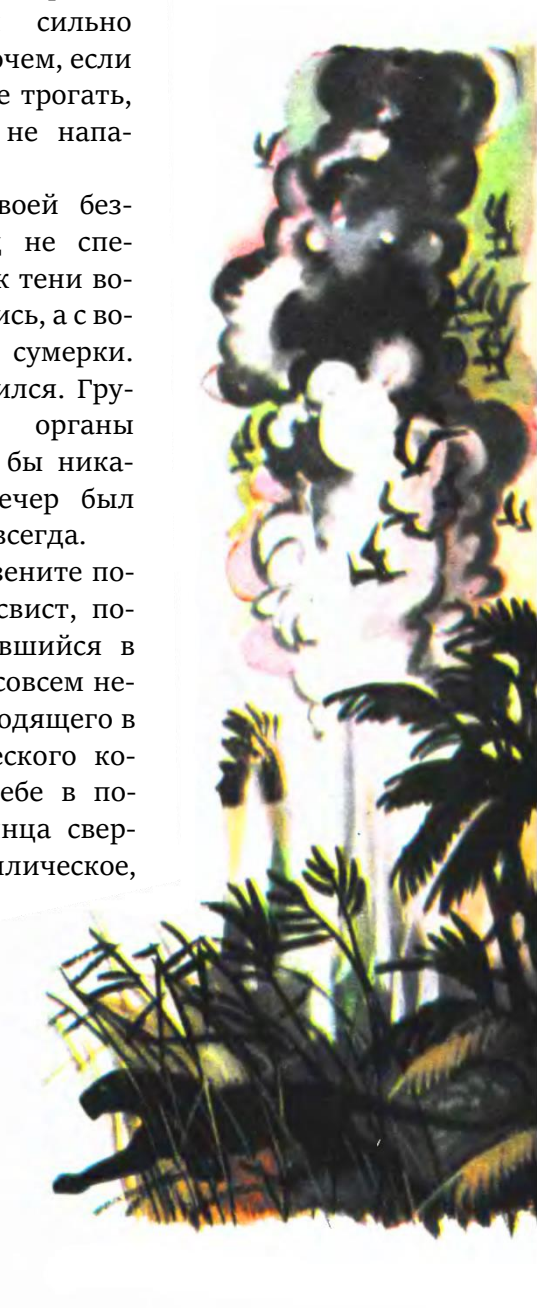
36. МЕТЕОР

Огромное искусственное озеро, в течение двух тысяч лет известное под названием Море Параваны, спокойно лежало под каменным взором своего создателя. Хотя лишь немногие посещали одинокую статую отца Калидасы, его создание пережило творения его сына и принесло стране бесконечно больше благ, снабдив едой и питьем сто поколений людей. И еще больше поколений птиц, коз, буйволов, обезьян и хищных зверей, подобных лоснящемуся коварному леопарду, который сейчас утолял свою жажду. Эти огромные кошки слишком расплодились и теперь, когда вымерли

устрашавшие их прежде охотники, начали сильно всем докучать. Впрочем, если их не дразнить и не трогать, то на людей они не нападают.

Уверенный в своей безопасности леопард не спешил, между тем как тени вокруг озера удлинялись, а с востока надвигались сумерки. Вдруг он насторожился. Грубые человеческие органы чувств не уловили бы никаких изменений. Вечер был безмятежным, как всегда.

Потом прямо в зените слышался слабый свист, постепенно превратившийся в неистовый грохот, совсем непохожий на шум входящего в атмосферу космического корабля. Высоко в небе в последних лучах Солнца сверкало что-то металлическое, оно становилось все больше и больше, а за ним тянулась длинная полоса дыма. Одновременно предмет распадался на куски, и горящие обломки с шипением разлетались во все

стороны. В течение нескольких секунд глаза, столь же зоркие, как у леопарда, могли бы видеть какой-то цилиндр, который тут же разорвался на бесчисленное число осколков. Но леопард, не дожидаясь финала, уже растворился в джунглях.

Внезапный гром взорвал Море Параваны. В воздух устремился гейзер из брызг и глины высотой в сотню метров — фонтан, далеко превосходящий фонтаны Яккагалы, почти такой же высокий, как сам Утес. Бросая отчаянный вызов земному тяготению, он на секунду повис в воздухе, а потом вновь обрушился во взбаламученное озеро.

Небо наполнили стаи водоплавающих птиц, в ужасе обратившихся в бегство, и полчища огромных летучих мышей, похожих на птеродактилей, ухитрившихся прорваться в современность. Одинаково испуганные птицы и летучие мыши делили между собой небо.

Последние отзвуки грома замерли в джунглях, и вокруг озера вновь воцарилась тишина. Но зеркальная поверхность еще долго волновалась, и мелкая рябь пробегала взад-вперед под невидящим оком Параваны Великого.

37. СМЕРТЬ НА ОРБИТЕ

Говорят, каждое крупное сооружение требует хотя бы одной человеческой жизни. На устоях Гибралтарского моста высечено четырнадцать имен. Однако, благодаря почти фанатической заботе о безопасности, несчастных случаев на строительстве башни было очень мало: один год обошелся вообще без единой жертвы.

Но был год, который принес четыре смерти, из них две особенно страшные. Один контролер по космическому монтажу, привыкший работать в условиях невесомости, забыл, что он не на орбите, хотя и в космосе, и опыт всей жизни его

предал. Камнем пролетев свыше пятнадцати тысяч километров, он, словно метеор, сгорел при входе в атмосферу. К несчастью, радиопередатчик его скафандра работал и в эти последние минуты...

То был очень тяжелый год. Вторая трагедия длилась гораздо дольше. Женщина-инженер на противовесе далеко за пределами синхронной орбиты не закрепила как следует ремень безопасности и, словно камень из пращи, сорвалась в космос. С этой высоты она не могла ни упасть на Землю, ни выйти за пределы земного тяготения, но, увы, воздуха в ее скафандре было всего на два часа. За такой короткий срок спасти ее было невозможно, и, несмотря на всеобщие вопли протеста, никто не сделал даже попытки. Жертва вела себя героически. Она передала прощальные приветствия, а потом разгерметизировала скафандр. Тело нашли через несколько дней, когда непреложные законы небесной механики возвратили ее в перигей эллиптической орбиты.

Воспоминания об этих трагедиях проносились в голове Моргана, когда он на скоростном лифте спускался в командный пункт в сопровождении угрюмого Кингсли и перепуганного Дэва. Но сегодня катастрофа совсем другая: зафиксирован взрыв в районе «Фундамента». Что транспортер упал на Землю, стало ясно еще до того, как было получено искаженное сообщение о «колоссальном метеорном ливне» где-то в центральной части Тапробани.

Пока не станут известны новые факты, размышлять на эту тему бесполезно, а фактов в данном случае скорее всего не будет вообще, ибо все улики, вероятно, уничтожены. Морган знал, что катастрофы в космосе редко бывают вызваны одной какой-нибудь причиной, чаще всего они являются следствием длинной цепочки совершенно невинных обстоятельств. Все предосторожности инженеров по технике безопасности не могут гарантировать абсолютную надежность: иногда к катастрофе приводит их же собственная перестраховка. Морган не стыдился того, что сейчас опасность сооружения беспокоила его гораздо больше, чем

гибель людей. Мертвым не поможешь ничем, но когда под угрозой оказалась почти законченная башня...

Лифт остановился, и он вошел в командный пункт как раз в тот момент, когда стало известно о второй ошеломляющей новости этого вечера.

38. АВАРИЯ

В пяти километрах от цели водитель-пилот Руперт Чанг вновь сбавил скорость. Теперь пассажиры впервые увидели, что грань башни не просто монотонная полоса, уходящая вверх и вниз в бесконечность. Правда, двойные пазы, по которым они двигались, все так же тянулись вверх на высоту двадцать пять тысяч километров, что по человеческим масштабам почти равно бесконечности, но зато внизу уже был виден конец. Усеченная основа башни четким силуэтом выделялась на зеленом фоне Тапробани, с которым она соединится через год с небольшим.

На приборной доске опять загорелись красные сигналы тревоги. Хмуро остановив на них взгляд, Чанг нажал кнопку «Восстановление». Они вспыхнули и погасли.

Когда это произошло в первый раз, на двести километров выше, он спешно проконсультировался с «Центральной». Быстрая проверка систем не обнаружила никаких неисправностей, да и вообще, если верить всем предупреждениям, пассажиры транспортера давно мертвы. За пределы допустимого вышло все.

Это явно неполадки в самой аварийной сигнализации, и все с облегчением выслушали теорию профессора Сессуи. Аппарат уже не находится в условиях полного вакуума, для которого предназначен, и ионосферные помехи воздействуют на датчики системы предупреждения.

— Кто-то должен был это предусмотреть, — сердито буркнул Чанг.

Он особо не волновался: остался всего час хода. Придется постоянно проверять все критические параметры. «Центральная» это одобрила: собственно, другого выхода все равно нет.

Больше всего Чанга беспокоили аккумуляторы. Ближайшая зарядная станция находится в двух тысячах километров выше. Если до нее не добраться, будет по-настоящему скверно. Однако при спуске двигателя транспортера работали как динамо-машины, и девяносто процентов его потенциальной энергии пошло в батареи. Теперь они полностью заряжены, а избыточные сотни киловатт, которые еще продолжают генерироваться, отводятся в космос большими охлаждающими ребрами в хвостовой части. Из-за этих ребер, как частенько говорили Чангу коллеги, его уникальный аппарат напоминает старинную авиабомбу. Сейчас они, видимо, накалены докрасна.

Естественно, Чанг был бы весьма встревожен, если бы узнал, что они нисколько не нагрелись. Энергия не исчезает — она должна на что-то расходоваться. И очень часто она направляется совсем не туда, куда надо.

Когда сигнал «Пожар — Аккумуляторный отсек» появился в третий раз, Чанг без колебаний возвратил пульт в исходное состояние. Настоящий пожар привел бы в действие огнетушители, и он больше всего боялся, как бы они не начали работать вообще без нужды. Теперь на борту было уже несколько неполадок, особенно в цепях зарядки аккумуляторов. Как только путешествие окончится, придется слезть в двигательный отсек и, как в доброе старое время, проверить все собственными глазами.

Это случилось всего в километре от цели. Первым почувал неладное его нос. Даже когда Чанг, не веря глазам, уставился на тонкую струйку дыма, сочившуюся из-за приборной доски, холодная аналитическая часть его мозга

говорила: «Какое счастливое совпадение, что пожар дождался конца поездки!»

Потом он вспомнил об огромном количестве энергии, произведенной во время окончательного торможения, и без труда догадался, как развивались события. Очевидно, не сработала система защиты, и аккумуляторы перезарядились. Средства безопасности одно за другим вышли из строя. Под прикрытием ионосферной бури неодушевленные предметы снова нанесли человеку предательский удар.

Чанг нажал кнопку огнетушителя аккумуляторного отсека. Огнетушитель действовал: из-за переборки донесся глухой рев струи азота. Через десять секунд Чанг открыл клапан, чтобы выпустить газ в космос. Вместе с газом улетучится и большая часть тепла. Клапан тоже сработал нормально. Впервые в жизни Чанг с облегчением слушал характерный свист, с каким из космического аппарата вырывается воздух.

Когда аппарат наконец приблизился к станции, Чанг не рискнул положиться на автоматическое торможение: к счастью, благодаря основательной подготовке он знал все визуальные сигналы и сумел остановиться буквально в сантиметре от стыковочного узла. В отчаянной спешке удалось соединить воздушные шлюзы и вытолкнуть через соединительную трубу имущество и оборудование...

...Та же операция общими усилиями пилота, бортинженера и стюарда была произведена с профессором Сессуи, когда он попытался вернуться за своими драгоценными приборами. Крышка воздушного шлюза захлопнулась за несколько секунд до того, как переборка двигательного отсека не выдержала.

После этого спасенным, очутившимся в мрачном 15-метровом квадратном помещении, оставалось только ждать и надеяться, что пожар прекратится сам. Возможно, душевному равновесию пассажиров способствовало их счастливое неведение. Ибо только Чанг с бортинженером знали, что перезаряженные аккумуляторы подобны бомбе замедленного

действия, часовой механизм которой ритмично тикал теперь рядом с башней.

Через десять минут после их прибытия бомба взорвалась. Сначала раздался глухой взрыв, вызвавший лишь слабую вибрацию башни, а затем все услышали жуткий скрежет металла. Эти звуки вселили холод в сердца спасенных — они поняли, что их единственное транспортное средство развалилось на части, оставив их в двадцати пяти тысячах километров от «Центральной».

Раздался второй, еще более долгий взрыв, и наступила тишина. Спасенные догадались, что аппарат свалился с башни. Все еще оцепеневшие от ужаса, они принялись обзрывать свои запасы и постепенно поняли, что их чудесное спасение, вероятно, было напрасным.

39. ПЕЩЕРА В НЕБЕ

Далеко в глубине горы Морган и его инженеры стояли вокруг голографического изображения нижней части башни в масштабе 1:10. Оно точно передавало мельчайшие подробности, видны были даже четыре тонкие направляющие ленты, которые шли вдоль граней, бесследно исчезая над самым полом. Было трудно вообразить, что, даже будучи уменьшены в 10 раз, они тянутся еще на шестьдесят километров вниз — за нижнюю границу земной коры.

— Дайте разрез и поднимите «Фундамент» до уровня глаз, — сказал Морган.

Изображение башни превратилось в светящийся призрак — длинный тонкостенный прямоугольный ящик, в котором не было ничего, кроме сверхпроводящих энергетических кабелей. Нижний отсек («Фундамент» — на редкость удачное название, хотя он и находится сейчас в сто раз выше

вершины горы) представлял собой кубическую камеру, каждая сторона которой равнялась пятнадцати метрам.

— Что с тамбурами? — спросил Морган.

Две части изображения стали ярче. На северной и южной гранях, между пазами направляющих рельсовых путей, отчетливо вырисовывались крышки воздушных шлюзов, максимально удаленных друг от друга, — обычная мера безопасности на всех космических объектах.

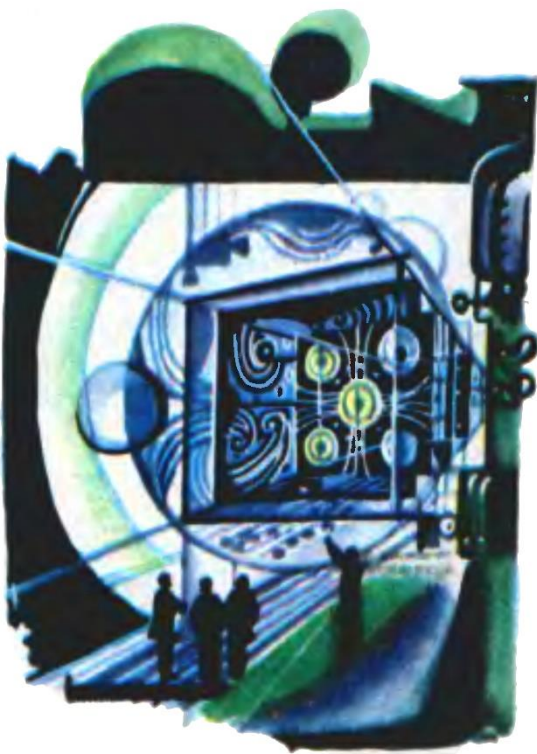
— Вероятно, они вошли через южный люк, — пояснил оператор. — Неизвестно, поврежден ли он взрывом.

«Ничего, остается еще три входа», — подумал Морган. Его особенно интересовали нижние два. Эта мысль была реализована в период завершения проекта. Впрочем, и сама идея «Фундамента» возникла незадолго до этого — какое-то время считали, что нет надобности строить убежище здесь,

в том отсеке башни, который в конце концов станет частью станции «Земля».

— Поверните ко мне основание, — приказал Морган.

Башня опрокинулась и, опираясь на светящуюся дугу, повисла горизонтально. Теперь Морган видел все детали пола. Люки, расположенные у северного и южного краев, вели в два независимых

воздушных шлюза. Вопрос в том, как туда добраться. Ведь до них 600 километров!

— Система жизнеобеспечения?

Шлюзы померкли, вместо них появилось изображение небольшого шкафа в центре камеры.

— В этом-то вся проблема, — мрачно отозвался оператор. — Имеется только кислородная система. Нет очистителей и, конечно, энергии. Лишившись транспортера, они едва ли переживут ночь. Температура падает — после захода она уже снизилась на десять градусов.

Моргану показалось, что космический холод проник ему в сердце. Радость от сознания, что люди из транспортера живы, быстро улетучивалась. Даже если запасов кислорода в «Фундаменте» хватит на несколько дней, что толку, если спасенные замерзнут еще до рассвета?

— Я хотел бы поговорить с профессором.

— Мы не можем выйти на него непосредственно — аварийный телефон «Фундамента» связан только с «Центральной». Впрочем, сейчас попробую.

Оказалось, что это не так просто. Когда связь была установлена, к телефону подошел водитель-пилот Чанг.

— Прошу прощения, но профессор занят.

От изумления Морган на секунду лишился дара речи, но потом, отчеканивая каждое слово (особенно свое имя), сказал:

— Передайте, что с ним хочет говорить Ванневар Морган.

— Я ему передам, но вряд ли это поможет. Он объясняет студентам устройство какого-то прибора. Кажется, спектроскопа. Больше ничего спасти не удалось. Сейчас они прилаживают его к одному из иллюминаторов.

Морган едва сдерживал ярость. Он уже хотел было спросить: «Они что, спятили?» — когда Чанг сказал:

— Вы не знаете профессора, а я провел с ним двое суток. Он очень целеустремленный человек. Мы с трудом помещали ему вернуться за остальными приборами. А сейчас он заявил, что раз уж гибель неминуема, он должен убедиться

в нормальной работе хотя бы этого проклятого спектро-скопа.

В голосе Чанга чувствовалось восхищение своим упрямым пассажиром. Действительно, профессору нельзя отказать в логике. Необходимо спасти все, что можно, — ведь на снаряжение этой злополучной экспедиции потребовались многие годы.

— Ладно, — произнес наконец Морган. — Тогда доложите обстановку.

— Могу сообщить очень немногое. В сущности, у нас нет ничего, кроме одежды. Одна студентка успела схватить свою сумку. Угадайте, что там было? Черновик ее диссертации!..

Морган смотрел на прозрачное изображение башни, и ему казалось, что он видит крошечные, в масштабе 1:10, человеческие фигурки. Стоит протянуть руку, и они спасены...

— Главные проблемы — холод и воздух. Не знаю, скоро ли нас задушит углекислым газом. Может, кто-нибудь найдет способ от него избавиться. Но... — Голос Чанга понизился на несколько децибел, казалось, он боится, что его подслушивают. — Профессор и студенты не знают, что южный шлюз поврежден взрывом. Там утечка — непрерывно шипит вокруг уплотнений. Насколько это серьезно, сказать не могу. — Голос снова поднялся до нормального уровня. — Такова ситуация. Ждем ваших сообщений.

«А что здесь можно сказать, кроме прощайте?» — подумал Морган. Он всегда восхищался теми, кто умел принимать решения в критических ситуациях, но отнюдь им не завидовал.

Янош Барток, дежурный офицер безопасности на станции «Центральная», взял бразды правления в свои руки. Все находящиеся в недрах горы в двадцати пяти тысячах километров под ним (и всего в шестистах километрах от места происшествия) могли лишь выслушивать доклады, давать полезные советы и по мере возможности удовлетворять любопытство репортеров.

Максина Дюваль связалась с Морганом через несколько минут после аварии.

Как всегда, ее вопросы били в самую точку.

— Успеет ли «Центральная» добраться до них?

Морган заколебался. Ответ на это, безусловно, был отрицательным. Однако неразумно и даже жестоко так рано оставлять надежду. Ведь несчастным все-таки повезло...

— Я не хочу внушать напрасные надежды, но мы, возможно, обойдемся и без «Центральной». Гораздо ближе, на станции «10-К» — на высоте десять тысяч километров, — работает группа монтажников. Их транспортер дойдет до Сесуи за двадцать часов.

— Так почему же он еще не отправлен?

— Офицер безопасности Барток сейчас примет решение, но все усилия могут оказаться тщетными. Воздуха хватит всего на десять часов. Еще серьезнее проблема температуры.

— В каком смысле?

— Наверху ночь, а у них нет источников тепла. Прошу вас, Максина, задержите это сообщение. Неизвестно, что случится раньше — тепло или кислород.

Максина несколько секунд молчала, а потом с необычной для себя робостью заметила:

— Возможно, я идиотка, но ведь метеоспутники с их огромными инфракрасными лазерами...

— Нет, это я идиот! Минутку, сейчас свяжусь с «Центральной».

Барток был изысканно любезен, но его ответ ясно выразил мнение о дилетантах, сующих нос не в свое дело.

Морган переключился на Максину.

— Иногда специалисты тоже кое-что могут. Наш оказался на высоте, — с гордостью заявил он. — Он уже десять минут назад связался со Службой Муссонов. Компьютеры сейчас определяют необходимую энергию луча, чтобы не переборщить и не сжечь людей заживо.

— Значит, я была права, — небрежно заметила Максина.
— О чем вы еще забыли?

Отвечать было нечего, да Морган и не пытался. Он буквально видел, как компьютер в голове Максина вихрем генерирует идеи, и угадал ее следующий вопрос.

— Разве нельзя использовать «пауков»?

— Даже последние модели имеют ограниченную высоту подъема — их аккумуляторы рассчитаны всего на 300 километров. Они предназначены для осмотра башни, когда она опустится в атмосферу.

— Поставьте более мощные аккумуляторы.

— За два-три часа? Но дело даже не в этом. Единственный аппарат, который сейчас проходит испытания, непригоден для перевозки пассажиров.

— Пошлите его без людей.

— Об этом мы уже думали. Когда «паук» доберется до «Фундамента», потребуется оператор для выполнения стыковки. А на то, чтобы спустить по одному семь человек, уйдет несколько дней.

— Но есть же у вас хоть какой-нибудь план!

— Даже несколько, но все они никуда не годятся. Если найдется что-нибудь путное, я вас извещу. А пока вы можете нам помочь.

— Чем? — с подозрением поинтересовалась Максина.

— Объясните вашим телезрителям, почему на высоте 600 километров два космических корабля легко стыкуются друг с другом, но ни один из них не может состыковаться с башней. Когда вы это сделаете, мы, вероятно, сообщим что-нибудь новое.

Когда возмущенное лицо Максина исчезло с экрана, Морган вновь окунулся в упорядоченный хаос командного пункта. Хотя офицер безопасности, со знанием дела выполняющий свой долг на «Центральной», и дал ему вежливый отпор, у него, Моргана, тоже могут появиться полезные соображения. Чудес, конечно, не бывает, но ведь он как-никак знает башню лучше всех на свете — кроме разве что Уоррена Кингсли. Возможно, Уоррен больше разбирается в мелочах, но общую картину яснее видит он, Морган.

Семь человек буквально застряли в небе. Это небывалая ситуация в истории космонавтики. Не может быть, чтобы не было никакого способа их спасти, прежде чем камера превратится в гроб Магомета, висящий между Землей и небом.

40. КАНДИДАТУРА

— Все в порядке, — широко улыбаясь, сказал Уоррен Кингсли. — «Паук» дойдет до «Фундамента».

— Вам удалось увеличить мощность аккумуляторов?

— Почти угадали. Это будет двухступенчатая штука, наподобие первых ракет. Как только истощится дополнительный аккумулятор, его надо сбросить, чтобы избавиться от балласта. Произойдет это на высоте четырехсот километров, а остаток пути обеспечит внутренний аккумулятор «Паука».

— А сколько он поднимет?

Улыбка Кингсли погасла.

— Около 50 килограммов. Но этого достаточно. Пара новых баллонов с давлением в тысячу атмосфер, по 5 килограммов кислорода в каждом. Маски с молекулярным фильтром, не пропускающим углекислый газ. Немного воды и пищевых концентратов. Кое-какие медикаменты. Всего около 45 килограммов.

— И вы уверены, что этого хватит?

— Вполне. С этим они продержатся до прибытия транспортера со станции «10-К». Если нужно, «Паук» сделает второй рейс.

— А что говорит Барток?

— Он согласен. Тем более что лучших предложений пока нет. «Паук» будет готов через два часа. Максимум через три. К счастью, все оборудование стандартное. Остается один вопрос.

Ванневар Морган покачал головой.

— Нет, Уоррен, — медленно произнес он. — Решать здесь нечего.

— Я не хочу пользоваться своим положением, Барток, — сказал Морган. — Это простая логика. Конечно, «пауком» может управлять кто угодно, но лишь немногие разбираются в деталях. Когда «паук» подойдет к башне, могут возникнуть проблемы, и лучше всех подготовлен к их решению я.

— Позвольте напомнить, доктор Морган, — возразил офицер безопасности, — что вам шестьдесят пять лет. Было бы целесообразнее отправить кого-нибудь помоложе.

— Во-первых, шестьдесят шесть. Во-вторых, возраст тут ни при чем. Опасность равна нулю, и никакой физической силы не требуется.

К тому же, мог бы добавить Морган, психологические факторы неизмеримо важнее физических. Почти каждый может подниматься и опускаться в капсуле в качестве пассажира, как Максина Дюваль. Совсем другое дело — суметь справиться с критическими ситуациями, которые могут возникнуть на высоте 600 километров.

— Я все же полагаю, — мягко настаивал Барток, — что лучше отправить кого-нибудь помоложе. Например, доктора Кингсли.

Моргану показалось, что за его спиной Уоррен невольно вздохнул. Кингсли вечно был предметом шуток — из-за своего непреодолимого отвращения к высоте он никогда не участвовал в испытаниях спроектированных им самим сооружений. К счастью, объяснять это офицеру безопасности необязательно. Только два раза в жизни Ванневар Морган радовался своему малому росту, и это был один из них.

— Я на 15 килограммов легче Кингсли, — сказал он. — В операции, где каждый килограмм на счету, это решает дело. Поэтому не будем тратить время на споры.

Он ощутил легкий укор совести. Это было несправедливо. Барток выполнял свой долг, и притом со знанием дела. Через час капсула будет готова. Никто не терял ни минуты даром.

Несколько долгих мгновений они смотрели в глаза друг другу так, словно их не разделяли 25 тысяч километров. Барток отвечает за безопасность и теоретически может отменить любое распоряжение главного инженера. Но употребить свою власть ему не так уж легко.

Барток пожал плечами, и у Моргана вырвался вздох облегчения.

— Пожалуй, вы правы. Я не в восторге, но делать нечего. Желаю удачи.

— Благодарю, — невозмутимо отозвался Морган, и изображение Бартока исчезло с экрана. Обернувшись к безмолвному Кингсли, он сказал:

— Пошли.

Только оставив командный пункт, уже по дороге к вершине горы, Морган машинально коснулся датчика, спрятанного у него под рубашкой. КОРА уже много месяцев его не беспокоила, и о ее существовании не знал даже Уоррен Кингсли. Неужели в угоду тщеславию он рискует не только собой, но и другими? Если бы офицер безопасности Барток узнал это...

Поздно. Решение уже принято.

41. «ПАУК»

С тех пор как Морган впервые ее увидел, гора изменилась неузнаваемо. Вершину полностью срезали, так что

получилось совершенно ровное плато, посреди которого гигантская «крышка от кастрюли» закрывала стартовую шахту для будущих межпланетных кораблей. Кто бы теперь поверил, что недавно здесь стоял древний монастырь, не менее трех тысячелетий служивший средоточием надежд и страхов миллиардов людей? Единственное, что от него осталось, это весьма двусмысленный дар Маханаяке Тхеро, ныне обшитый досками в ожидании отправки на новое место. Однако до сих пор ни власти Яккагалы, ни директор ранапурского музея не торопились приобретать зловещий колокол

Калидасы. Последний раз он звонил, когда на вершине Шри Канды бушевал тот короткий, но чреватый важными последствиями ураган — поистине ветер больших перемен. Теперь, когда Морган в сопровождении помощников приближался к капсуле, блестящей в лучах прожекторов, воздух был почти недвижим. На нижней части корпуса кто-то вывел по трафарету «паук-2», а под этим

было нацарапано: «Оправдаем надежды».

«Дай-то бог», — подумал Морган. Каждый раз, когда он поднимался сюда, ему становилось трудно дышать. Но, как ни странно, КОРА еще ни разу не поднимала тревоги. Режим, предписанный доктором Сенном, действовал безотказно.

«Паук» был уже полностью нагружен и, приподнятый домкратами, ждал, когда к его днищу подвешат дополнительный аккумулятор. Механики торопливо заканчивали последние приготовления и разъединяли многочисленные кабели. Человеку, не привыкшему к скафандру, ничего не стоило запутаться в их паутине.

Скафандр «Эластик» всего полчаса назад привезли Моргану из Гагарина, некоторое время он уже думал, что пойдет вообще без космического костюма. «Паук-2» гораздо сложнее своего предшественника, в котором путешествовала Максина Дюваль. В сущности, это крохотный космический корабль. Если подъем пройдет нормально, Морган состыкует его с воздушным шлюзом в основании башни, который много лет назад был спроектирован специально для этой цели. Тесно облегающий тело, «Эластик» ничем не напоминал неуклюжие доспехи первых астронавтов и почти не стеснял движений. Морган как-то присутствовал на демонстрации, устроенной фирмой, производящей эти скафандры. Это был целый спектакль, включавший акробатические номера, фехтование и балет...

Морган взобрался по короткой лесенке, постоял минуту на крошечном металлическом крыльце и, пятясь, осторожно залез в кабину. Усевшись и застегнув ремни, он осмотрелся. «Паук» был одноместный, но вместительный аппарат, тесноты не ощущалось, несмотря на дополнительное оборудование.

Два кислородных баллона отлично уместились под сиденьем, коробка с дыхательными масками — за лестницей, ведущей к воздушному шлюзу над головой пилота. Как мало надо для спасения стольких людей!

Морган захватил единственный «талисман» — память о первом посещении Яккагалы, где в некотором смысле все началось. Рюлетка почти не занимала места и весила всего килограмм. Всякий раз, когда Морган оставлял ее дома, она оказывалась очень нужна. Наверняка пригодится и в этом путешествии.

Он включил питание скафандра и проверил расход воздуха. Снаружи отсоединили силовые кабели, и «паук» обрел независимость. В такие моменты никто не произносит торжественных речей. Морган улыбнулся Уоррену и сказал:

— Берегите имущество, пока я не вернусь.

Трудно представить себе огромную разницу между стартом капсулы и запуском старинной ракеты с огромным количеством предпусковых операций, со сложным расчетом времени, с невероятным ревом и грохотом. Морган дождался, пока две последние цифры на таймере превратились в нули, и включил питание двигателей.

Спокойно, без единого звука, залитая светом прожекторов вершина горы ушла вниз. Даже подъем воздушного шара не мог быть бесшумнее. Впрочем, если прислушаться, можно различить слабое жужжание двух двигателей, приводящих в движение большие фрикционные колеса, которые захватывают ленту над и под капсулой.

Скорость подъема 50 метров в секунду — показывал спидометр. 180 километров в час. При данной нагрузке этот режим наиболее экономичен. Когда отвалится дополнительный аккумулятор, можно будет увеличить скорость еще на 25 процентов.

— Скажите что-нибудь, Ван! — послышался веселый голос Кингсли из оставшегося внизу мира.

— Попозже, — ответил Морган. — Я хочу отдохнуть и любоваться пейзажем. Если вам нужен репортаж, надо было послать Максину Дюваль.

— Она уже пытается с вами связаться.

— Передайте ей привет и скажите, что я занят. Может, когда доберусь до башни... Кстати, как там дела?

— Температура стабилизировалась на двадцати градусах. Служба Муссонов каждые десять минут направляет на них лазер в несколько мегаватт. Профессор Сессуи в ярости — это нарушает работу его приборов.

— А как с воздухом?

— Хуже. Давление заметно упало, и растет процент углекислого газа. Все избегают лишних движений для экономии кислорода.

«Все, кроме профессора», — подумал Морган. Интересно будет встретиться с этим человеком. Морган прочел несколько книжек Сессуи и нашел их напыщенными и многословными. Автор наверняка под статью своему стилю.

— А что слышно со станции «10-К»?

— Транспортер отправляется через два часа. Сейчас они монтируют специальные цепи, чтобы исключить возможность пожара.

— Хорошая мысль. Это придумал Барток?

— Возможно. Они пойдут по северной линии, наверняка не затронутой взрывом, и прибудут на место через двадцать один час. Если все будет нормально, нам не понадобится даже второй рейс «паука».

Разумеется, оба собеседника знали, что успокаиваться рано. Мало ли что... Впрочем, пока все шло как нельзя лучше, и ближайшие три часа Моргану действительно оставалось любоваться бескрайними видами.

Он уже поднялся выше всех самолетов. В истории воздушного транспорта ничего подобного не было. Хотя «паук» и его предшественники бессчетное число раз взбирались на 20 километров, выше подниматься не разрешалось — из-за невозможности спасательных операций. Пока основание башни не подойдет ближе, а у «паука» не появится минимум два товарища, способных ползать вверх и вниз по другим лентам, рекордные подъемы не планировались. Морган отогнал мысль о том, что будет, если откажет приводной механизм. Это обрекло бы на гибель не только тех, кто застрял в «Фундаменте», но и его самого.

Пятьдесят километров. Он достиг того, что еще недавно было нижним уровнем ионосферы. Разумеется, он не ожидал увидеть ничего интересного, но ошибался.

Первым намеком было легкое потрескивание в репродукторе, затем он заметил колеблющийся огонек в зеркале заднего вида, установленном за иллюминатором. Секунду Морган с изумлением смотрел в зеркало, потом ему стало не по себе, и он связался с Землей.

— У меня появился товарищ по ведомству профессора Сессуи. Это светящийся шар диаметром сантиметров двадцать. Он упорно преследует меня, но держится, слава богу, на неизменном расстоянии. Он очень красив — переливается синим светом и каждые несколько секунд вспыхивает. Я слышу его по радио.

Прошла целая минута, прежде чем Кингсли его успокоил.

— Это всего лишь огонь святого Эльма. Мы уже видели их на лентах во время грозы. У водителей первого «паука» волосы от них вставали дыбом. Но вам беспокоиться нечего, вы надежно защищены.

— Я не знал, что огни святого Эльма бывают так высоко.

— Мы тоже. Обсудите это с Сессуи.

— Он тускнеет, увеличивается и тускнеет. Совсем исчез. Даже немного жалко.

— Вы лучше посмотрите, что творится вверху, — сказал Кингсли.

Морган повернул зеркало, и в нем появились звезды. Потом выключил все светящиеся индикаторы.

Постепенно зрение адаптировалось. В зеркале разгоралось слабое красное сияние. Постепенно усиливаясь, оно поглотило звезды, потом тьма вокруг зеркала тоже стала светиться. Теперь Морган видел сияние прямо перед собой, ибо оно охватило всю нижнюю часть неба. Мерцающие, все время смещающиеся столбы света опускались к Земле, и Морган понял, почему человек, подобный профессору Сессуи, нередко посвящает всю жизнь раскрытию их тайн.

Полярное сияние, редкий гость на экваторе, торжественным маршем шло с полюсов.

42. НАД ПОЛЯРНЫМ СИЯНИЕМ

Казалось, чья-то невидимая рука тянет по небу бледно-зеленые огненные полосы с алыми краями. Они трепетали под порывами солнечного ветра, несущегося от Солнца к Земле и уходящего в бесконечность со скоростью миллион километров в час. Даже над Марсом мерцало слабое сияние, а ядовитые небеса Венеры наверняка были тоже объаты ярким пламенем. Над сверкающими полотнищами у самого горизонта по небу неслись длинные полосы света, напоминающие пластины полуоткрытого веера. Порою они, словно лучи гигантского прожектора, били Моргану прямо в глаза, на долгие минуты совершенно его ослепляя. Уже не было нужды включать освещение капсулы — небесный фейерверк был так ярок, что при его свете свободно можно было читать.

Двести километров. «Паук» все еще бесшумно и легко полз вверх. Трудно поверить, что он оставил Землю всего час назад.

Трудно даже поверить, что Земля вообще еще существует, ибо теперь Морган поднимался между стенами огненного каньона.

Иллюзия длилась всего несколько секунд, потом краткое равновесие между магнитным полем и несущимися к Земле заряженными электричеством облаками нарушилось. Но в этот миг Морган был уверен, что поднимается со дна глубокой пропасти, по сравнению с которой даже марсианский Большой Каньон показался бы ничтожной щелью. Потом светящиеся стокилометровые утесы стали прозрачными, и сквозь них опять засветились звезды. Он увидел их такими, какими они были на деле — всего лишь флюоресцирующими призраками.

Теперь, подобно самолету, прорывающемуся сквозь низкие облака, «паук» полз все выше, оставляя потрясающее зрелище внизу. Морган выходил из огненного тумана, который клубился и извивался у него под ногами. Много лет назад он тропической ночью плыл океанским лайнером и вместе с другими пассажирами, столпившимися на корме, заморожено любовался неповторимым чудом биолюминесцентного свечения кильватерных струй. Зеленые и синие огни, мерцавшие теперь под «пауком», напоминали созданные планктоном краски, которые он видел в ту ночь, и казалось, что он снова наблюдает побочные продукты жизни — игру гигантских невидимых тварей, обитающих в верхних слоях атмосферы...

Он даже удивился, когда ему напомнили о его обязанностях.

— Сколько осталось энергии? — спросил Кингсли. — Этого аккумулятора хватит всего на двадцать минут. Морган взглянул на приборную доску.

Девяносто пять процентов израсходовано, но скорость подъема возросла на пять процентов. Почти 190 километров в час.

Так и должно быть. «Паук» ощущает уменьшение силы тяжести с высотой. Она уже снизилась на десять процентов.

Изменение столь незначительное, что его едва ли заметит человек, привязанный к креслу и облаченный в скафандр, который весит несколько килограммов. Однако охватившее Моргана непомерно радужное настроение заставило его заподозрить, что он получает слишком много кислорода.

Нет, расход воздуха нормальный. Наверное, он просто возбужден потрясающим зрелищем, которое, впрочем, уже начало тускнеть, ибо сияние, словно отступая в свои полярные твердыни, уходило к северу и к югу. А может, он рад тому, что операция с использованием техники, которой еще никто в этих условиях не испытывал, началась так успешно?

Все эти, казалось бы, вполне разумные объяснения никак его не удовлетворяли. Охватившее его чувство счастья, даже восторга никак не укладывалось в рамки логики. Уоррен Кингли, любитель подводного плавания, часто рассказывал ему, что чувствует нечто подобное в морских глубинах. Морган никогда не испытывал ощущений, вызванных невесомостью, и только сейчас понял, что это такое. Казалось, все его заботы остались внизу, на планете, теперь скрытой под угасающими петлями и ажурными узорами полярного сияния.

Звезды, которым больше не было нужды соревноваться с жутким пришельцем с полюсов, возвращались на свои законные места. Морган пристально вглядывался в зенит, надеясь увидеть башню, но мог различить лишь первые несколько метров ленты, по которой быстро и плавно взбирался «паук». Эта тонкая нить, от которой теперь зависела его собственная жизнь и жизнь еще семи человек, выглядела неподвижной, и трудно было поверить, что «паук» мчится вверх со скоростью около двухсот километров в час...

— Высота приближается к тремстам восьмидесяти, — раздался голос Кингли. — Если аккумулятор продержится еще километров двадцать, то все в порядке. Как самочувствие?

Моргану очень хотелось разразиться восторженной речью, но природная сдержанность возобладала.

— Хорошее, — отвечал он. — Если б мы смогли гарантировать такой спектакль всем нашим пассажирам, у нас бы от них отбоя не было.

— Можно попробовать, — засмеялся Кингсли. — Попросим Службу Муссонов сбросить в нужных местах несколько бочек электронов. Не совсем по их части, но они здорово импровизируют, верно?

Морган ухмыльнулся, но ничего не ответил. Глаза его были устремлены на приборы, показывавшие заметное снижение мощности и скорости подъема. Однако оснований для тревоги нет — «паук» прошел триста восемьдесят пять километров из четырехсот, а в дополнительном аккумуляторе все еще теплилась жизнь.

На высоте триста девяносто километров Морган начал сбавлять скорость, и «паук» пополз медленнее. Вскоре он почти перестал двигаться и в конце концов остановился, чуть-чуть не дойдя до четырехсот пяти километров.

— Сбрасываю аккумулятор, — доложил Морган. — Берегитесь!

Многие ломали головы над тем, как бы спасти этот тяжелый и дорогой агрегат, но недостаток времени не позволил создать тормозную систему, которая бы обеспечила ему благополучный спуск. К счастью, район падения, в десяти километрах к востоку от станции «Земля», находился в непроходимых джунглях. Животному миру Тапробани придется примириться со своей судьбой, а с управлением охраны окружающей среды лучше связаться потом.

Морган повернул ключ предохранителя, а затем нажал красную кнопку подачи тока на пироболты. От детонации капсулу сильно потрянуло. Потом Морган ввел в действие внутренний аккумулятор, медленно отпустил фрикционные тормоза и снова включил двигатели.

Аппарат вышел на финишную прямую. Но одного взгляда на приборы хватило, чтобы понять: творится что-то неладное. «Паук» должен был подниматься со скоростью двести километров в час, а он едва делал сто. Никаких

проверок не требовалось — Морган мгновенно поставил диагноз, ибо цифры говорили сами за себя.

— Случилось несчастье. Заряды взорвались, но аккумулятор не упал. «Его что-то держит», — в отчаянии сообщил он на Землю. Разумеется, не было нужды добавлять, что экспедиция потерпела неудачу. Все понимали, что «паук» не сможет добраться до основания башни с балластом в несколько центнеров.

43. НОЧЬЮ НА ВИЛЛЕ

Раджасинха спал теперь мало, словно благожелательная Природа решила даровать ему возможность с максимальной полнотой использовать оставшиеся годы. Впрочем, с тех пор как небеса Тапробани украсило величайшее чудо света, кто вообще способен подолгу валяться в постели?

Как жаль, что и Поль Сарат не может восхищаться этим зрелищем! Раджасинха тосковал по старому другу гораздо больше, чем ожидал, никто другой не был для него таким сильным «раздражителем», как Поль, ни с кем другим не связывало его столь многое... Раджасинха никогда не думал, что переживет Поля или увидит, как фантастический сталактит башни массой в миллиард тонн почти полностью перекроет 36000-километровую пропасть, разделяющую ее орбитальное основание от острова Тапробани. Поль до самого конца категорически противился строительству башни. Он называл ее дамкловым мечом и неустанно твердил, что она в конце концов рухнет на Землю. Но даже Поль признавал, что башня уже принесла кое-какую пользу.

Возможно, впервые в истории мир осознал факт существования Тапробани и начал открывать его древнюю культуру. Особое внимание привлекал сумрачный призрак Яккагалы с ее зловещими легендами, и Полю удалось даже

добиться финансовой поддержки некоторых своих заветных проектов. Загадочная фигура создателя Яккагалы уже дала материал для множества книг и фильмов, а представление у подножия Утеса неизменно приносило полные сборы. Незадолго до смерти Поль хмуро заметил, что на Калидасе начинают делать бизнес и поэтому все труднее отличить вымысел от действительности...

Вскоре после полуночи, когда полярное сияние пошло на убыль, Раджасинху отвезли в спальню. Пожелав доброй ночи слугам, он взял традиционный стакан горячего пальмового сока и включил сводку последних известий. Естественно, его интересовал подъем Моргана. Вспыхивающая полоса текста возвестила:

МОРГАН ЗАСТРЯЛ В 200 КМ ОТ ЦЕЛИ.

Раджасинха переключился на запись сообщения и с некоторым облегчением узнал, что Морган не застрял, а просто не в состоянии продолжать подъем. Он может в любой момент возвратиться на Землю, но в этом случае профессор Сессуи и его коллеги обречены на гибель. Сопровождавшая текст видеозапись не содержала никаких подробностей трагедии в небе — она просто воспроизводила пленку о давнишнем подъеме Максины Дюваль.

Тогда Раджасинха включил свой любимый телескоп.

Он не мог им пользоваться несколько месяцев после того, как болезнь приковала его к постели. Но потом Морган нанес ему краткий визит, поставил диагноз и... прописал лекарство. Неделию спустя, к удивлению и радости старика, на виллу явилась бригада техников, которые снабдили телескоп дистанционным управлением. Теперь Раджасинха, спокойно лежа в постели, мог, как в былые годы, наблюдать звездное небо и нависающие склоны Утеса. Старик был глубоко тронут, в характере инженера обнаружилась сторона, о которой он и не подозревал.

Раджасинха знал, куда нужно смотреть: уже давно он следил за медленным спуском башни. При благоприятном освещении ему удавалось даже разглядеть четыре направляющие ленты, которые сходились в зените, словно крест из тончайших линий, вычерченный на небе...

Он направил телескоп на Шри Канду и начал смещать объектив вверх в поисках капсулы.

Любопытно, как воспринял последнее событие Маханаяке Тхеро? Хотя Раджасинха не разговаривал с прелатом (которому перевалило за девяносто) с тех пор, как монахи перебрались в Лхассу, он полагал, что Потала не предоставила ему соответствующих помещений. Огромный дворец быстро ветшал, тем временем душеприказчики далай-ламы торговались с китайским правительством о стоимости ремонта. Согласно последним сведениям, Маханаяке Тхеро вел уже переговоры с Ватиканом, который тоже испытывал хронические финансовые затруднения, но оставался пока хозяином в собственном доме.

Да, все на свете непостоянно, как предсказать изменения? Возможно, это было бы по силам математическому гению Паракармы-Голдберга. Когда Раджасинха видел его в последний раз, тот получал премию за свои работы по метеорологии. Узнать Голдберга было трудно — он был тщательно выбрит и одет в моднейший костюм, имитировавший эпоху Наполеона. Но, говорят, теперь он вновь занялся религией...

Большой экран, установленный в ногах кровати, усеивали звезды. Никаких признаков «паука», хотя Раджасинха был уверен, что основание башни находится в поле его зрения. Внезапно, подобно вспыхнувшей в небе новой, звезде, у нижнего края экрана возникла яркая точка. Взрыв? Нет, свечение было ровным, его характеристики не менялись. Раджасинха вывел светящуюся точку в центр экрана и дал максимальное увеличение.

Много лет назад он смотрел старинный документальный фильм о воздушных войнах, и ему вдруг вспомнились

кадры, изображающие ночной налет на Лондон. Вражеский бомбардировщик, схваченный прожекторными лучами, висел в небе как сверкающий мотылек. Теперь Раджасинха видел практически то же самое — только на этот раз все земные силы объединились не для уничтожения, а для помощи вторгшимся в ночь.

44. НА УХАБАХ

Уоррен Кингсли взял себя в руки, в его глухом голосе звучало отчаяние.

— Мы пытаемся удержать этого механика от самоубийства, — сказал он. — Ему поручили какое-то другое срочное дело, и он забыл снять предохранительную скобу.

Значит, это опять ошибка человека. Когда устанавливали пироболты, аккумулятор был закреплен двумя металлическими планками. А убрали только одну... Такие явления повторяются с удручающим однообразием, иногда они просто досадны, порой вызывают катастрофу. Но упреки бесполезны. Важно одно — что делать дальше.

Морган наклонил наружное зеркало, но рассмотреть причину неполадки не удалось. Полярное сияние давно погасло, и нижнюю часть капсулы окутывал мрак. Осветить ее нечем. Впрочем, если Служба Муссонов подает киловаттами инфракрасное излучение к основанию башни, она уж как-нибудь наскребет и несколько квантов обычного света...

— Мы можем использовать свои прожекторы, — сказал Кингсли, когда Морган передал ему свою просьбу.

— Не годится — они меня ослепят. Нужен свет сзади и сверху. Узнайте, кто находится в подходящем направлении.

— Сейчас, — отвечал Кингсли, радуясь возможности сделать хоть что-то.

Он молчал очень долго, но, справившись с таймером, Морган с удивлением обнаружил, что прошло всего три минуты.

— Станция «Кинте» может дать свет немедленно. У них псевдобелый лазер, и они в нужном положении. Сказать, чтобы действовали?

Морган прикинул в уме. Так. «Кинте» должна стоять очень высоко на западе. В самый раз.

— Я готов, — ответил он и зажмурился.

В тот же миг кабина наполнилась светом. Морган осторожно приоткрыл глаза. Луч шел сверху, с запада; несмотря на пройденные сорок тысяч километров, он был слепяще ярким и казался белым, хотя на деле представлял собой смесь узких линий из красной, зеленой и синей частей спектра.

Найдя спустя несколько секунд нужный наклон зеркала, Морган ясно разглядел злополучную скобу в полуметре под собой. Конец ее, который он видел, был прикреплен к днищу «паука» большой гайкой. Ее нужно отвинтить, и аккумулятор отвалится...

На связи вновь появился Кингсли. Выслушав его, Морган тихонько присвистнул.

— Вы уверены в запасе прочности? Тогда давайте попробуем. Только на первый раз не дольше секунды.

— Этого мало, конечно. Но ничего — зато вы во всем разберетесь.

Морган осторожно отпустил фрикционные тормоза, которые удерживали «паука». В тот же миг ему показалось, будто его поднимают с кресла — он стал невесомым. Сосчитав: «Один, два!», он снова затормозил.

«Паук» дернулся, и Моргана с силой вдавило в кресло. Тормозной механизм злоеще заскрежетал, и капсула снова застыла в неподвижности, если не считать слабых, быстро угасших колебаний.

— Трясло, как на ухабах, — сказал Морган. — Но я еще жив, и проклятый аккумулятор тоже.

— Я вас предупреждал. Попробуйте еще раз. Две секунды, не меньше.

Морган понимал, что трудно тягаться с Кингсли, которому помогают компьютеры, но... Две секунды свободного падения, и, скажем, полсекунды на торможение... с поправкой на тонну массы «паука»... Вопрос стоит так: что лопнет раньше — скоба, которая не пускает аккумулятор, или лента, которая держит Моргана на высоте четырехсот километров? В нормальных условиях сталь не может состязаться в прочности с суперволокном, но, если затормозить слишком резко, могут не выдержать и скоба, и лента. И тогда аккумулятор рухнет на Землю почти одновременно с ним...

На этот раз рывок был так силен, что нервы едва его вынесли, а колебания не затухали гораздо дольше. Морган был уверен, что почувствовал бы или услышал, как переламывается скоба. Он взглянул в зеркало. Да, аккумулятор все там же.

Кингсли, казалось, был не слишком обеспокоен.

— Возможно, потребуются еще три или четыре попытки, — заявил он.

Моргану очень хотелось спросить: «Уж не метите ли вы на мое место?», но он сдержался. Уоррена это, конечно, позабавит, но ведь есть и другие слушатели...

После третьего рывка — казалось, «паук» упал на многие километры, но на деле это была всего лишь какая-то сотня метров — даже оптимизм Кингсли начал испаряться. Стало ясно, что фокус не удался.

— Поздравьте от меня тех, кто делал эту скобу, — сказал Морган. — Какие будут предложения? Падать три секунды, а потом тормозить?

Ему почудилось, что он видит расстроенное лицо Кингсли.

— Слишком рискованно. Я боюсь даже не за ленту. Тормозной механизм не рассчитан на такие нагрузки.

— Что ж, теперь мы его испытали, — отозвался Морган. — Но я не собираюсь сдаваться. Будь я проклят, если

поддамся какой-то гайке, которая торчит у меня под носом. Я выйду наружу и избавлюсь от этой штуки.

45. РОЙ СВЕТЛЯКОВ

Добраться до нее в старомодном скафандре было бы абсолютно невозможно. Даже в «Эластике» это будет не так легко.

Очень тщательно — ведь теперь от этого зависела жизнь других, а не только его собственная — Морган повторил про себя последовательность действий. Проверить скафандр, разгерметизировать капсулу и открыть люк. Потом отстегнуть ремень безопасности, встать на колени — если удастся! — и дотянуться до гайки. Все зависит от того, насколько туго она затянута. У Моргана не было никаких инструментов, только собственные пальцы — притом в космических перчатках!..

Внезапно он ощутил некоторый дискомфорт. Конечно, можно бы и потерпеть, но рисковать не стоит. Лучше сейчас воспользоваться канализационной системой кабины, чем возиться потом с неудобным «другом водолаза» — встроенным в скафандр узлом для естественных отправлений.

Повернув ключ клапана «СБРОС МОЧИ», он со страхом услышал слабый взрыв у днища «паука». Тут же там возникло облачко мерцающих звездочек, похожее на микроскопическую галактику. Моргану показалось, что на какую-то долю секунды оно неподвижно застыло, а потом камнем ринулось выше. Через несколько секунд облачко стянулось в точку и исчезло.

Ничто не могло нагляднее показать, что он все еще остается пленником земной гравитации. Он вспомнил, как при первых орбитальных полетах астронавтов весьма озадачивал ореол ледяных кристаллов, сопровождавший их вокруг

планеты. Потом, когда все выяснилось, его с чьей-то легкой руки назвали «созвездием Урион». Но здесь ничего подобного случиться не может — любой оброненный предмет тут же рухнет на Землю. Да, Морган не астронавт, упоенный свободой невесомости. Он находится внутри 400-километрового здания, а сейчас откроет окно и встанет на оконный карниз.

46. НА ПЛОЩАДКЕ

Хотя на вершине было морозно, толпа продолжала расти. От блестящей звездочки в зените, куда были устремлены сейчас мысли всего человечества и луч лазера со станции «Кинте», исходила, казалось, какая-то гипнотическая сила. Все посетители вели себя одинаково — робко, но в то же время вызывающе гладили северную ленту, как бы желая сказать: «Разумеется, это глупо, но таким образом я устанавливаю контакт с Морганом». Потом собирались у кофейного автомата и слушали радиосообщения. Новостей о пленниках башни не поступало, в целях экономии кислорода они спали или пытались спать. Поскольку Морган еще не вышел из графика, им пока не сообщали о случившемся, но уже через час они наверняка запросят «Центральную» о причинах задержки.

Максина Дюваль появилась на Шри Канде спустя десять минут после отбытия Моргана. В прежние времена такая неудача привела бы ее в ярость, теперь же она всего лишь пожалала плечами, утешая себя мыслью, что первой вцепится в инженера, когда он вернется. Кингсли не разрешил ей с ним поговорить, но и этот запрет она приняла вежливо и спокойно. Да, постарела...

Последние пять минут до Земли доносились только слова: «Включено. Проверяю», которые произносил Морган,

контролируя с техником «Центральной» работу систем скаффандра. Теперь проверка окончилась, и все, затаив дыхание, ожидали следующего шага.

— Воздушный клапан, — сказал Морган. Он опустил лицевое стекло шлема, и голос его сопровождало слабое эхо. — Давление в кабине ноль. Дыхание в норме. — Полуминутная пауза и наконец:

— Открываю наружный люк. Отстегиваю ремень безопасности.

Присутствующие — заволновались. Каждый представил себе, будто это он выходит из капсулы и именно перед ним разверзается пропасть.

— Пробую костюм — совершенно эластичен — выхожу на площадку — не волнуйтесь! — левая рука закреплена предохранительным ремнем. Вижу гайку под решеткой площадки. Думаю, как до нее добраться... Стою на коленях — не очень удобно — достал! Теперь посмотрим, поддается она или нет...

Слушатели напряженно застыли, потом раздался общий вздох облегчения.

— Прекрасно! Пошла, отвинчивается легко. Уже два оборота — сейчас — еще чуть-чуть — слезла — **БЕРЕГИТЕСЬ ВНИЗУ!**

Раздались приветственные возгласы и хлопки, кое-кто в притворном ужасе съежился и закрыл голову руками. Другие, не понимая, что падающая гайка прилетит не раньше, чем минут через пять, и упадет в десяти километрах к востоку, казались не на шутку испуганными.

Один Уоррен Кингсли не разделял общего восторга.

— Погодите радоваться, — сказал он Максине Дюваль. — Это еще не все.

Секунды тянулись одна за другой... прошла минута... две...

— Не получается, — проговорил наконец Морган голосом, полным отчаяния. — Не могу сдвинуть скобу. Вероятно, от этих толчков ее приварило к резьбе.

— Тогда возвращайтесь, — сказал Кингсли. — Как можно скорее. Нам уже везут новый аккумулятор: за час мы установим его и повторим подъем аппарата. Так что мы доберемся до них... ну, скажем, через шесть часов. Если, конечно, не случится что-нибудь еще.

«Вот именно», — подумал Морган. Он не собирался вновь подниматься на «пауке» без тщательной проверки тормозов, с которыми так варварски обращались. Да и вообще вряд ли он отправится во второй рейс. Перенапряжение последних часов уже начинало сказываться, скоро ум и тело парализует усталость — именно в тот момент, когда от них потребуется максимальная собранность.

Теперь он снова сидел в кресле, но кабина все еще была разгерметизирована, и он пока не закрепил ремень безопасности. Сделать это значило признать свое поражение, что для Моргана всегда было нелегко. Ровное сияние лазера с «Кинте» пронизывало все своим беспощадным светом. Нужно так же сосредоточиться на задаче, как этот луч сфокусирован на «пауке».

Необходим всего лишь какой-нибудь режущий инструмент — ножовка или ножницы, — которым можно разрезать скобу. Ничего такого здесь нет. Но во внутреннем аккумуляторе «паука» очень много энергии. Сотни мегаватт-часов. Нельзя ли ее использовать? На мгновение у Моргана мелькнула фантастическая мысль пережечь скобу электрической дугой. Но добраться до аккумулятора из кабины совершенно невозможно...

И вдруг, когда Морган уже готов был закрыть дверь кабины, его осенило. Ответ все время лежал у него в кармане.

47. ВТОРОЙ ПАССАЖИР

С плеч свалилась гора. Морган ощутил полную, безрассудную уверенность в себе. Уж теперь-то все будет в порядке!

Тем не менее он не двинулся с места, пока не обдумал все до мельчайших подробностей. И, когда Кингсли, на этот раз с некоторой тревогой в голосе, снова предложил поторопиться вниз, он ответил уклончиво. Не стоит напрасно обнадёживать тех, кто остался на Земле, и тех, кто находится в башне.

— Я задумал небольшой эксперимент, — сказал он. — Дайте мне несколько минут.

Он достал мини-лебедку из суперволокна, которая много лет назад позволила ему спуститься с отвесного уступа Яккагалы. С тех пор в целях безопасности в ее конструкцию внесли одно небольшое изменение — первый метр нити был покрыт защитным слоем пластмассы, так что нить стала видимой и за нее можно было брать даже голыми руками.

Глядя на маленькую коробочку, лежавшую у него на ладони, Морган понял, до какой степени он привык к этому своеобразному талисману. Конечно, по-настоящему он в такие вещи не верил. Всегда находилась какая-либо веская причина брать рулетку с собой. Например, в сегодняшней операции она могла пригодиться из-за своей уникальной прочности. Он чуть не забыл, что у нее есть и другие полезные свойства...

Он снова вылез из кабины и встал на колени на решетчатой площадке.

Злополучный болт торчал в каких-нибудь десяти сантиметрах ниже решетки. Сделав с полдюжины попыток — не столько раздражающих, сколько утомительных, потому что рано или поздно он должен был добиться своего, — Морган набросил петлю из нити на тело болта, как раз позади скобы, которую тот удерживал. А теперь самое трудное...

Он выпустил из рулетки отрезок, который требовался, чтобы обнаженное волокно дошло до болта и охватило его, потом натянул нить и почувствовал, что она попала на резьбу. Морган еще никогда не проделывал такой операции с закаленным стальным прутком в сантиметр толщиной, и не знал, сколько времени она может продлиться. Вряд ли слишком долго. Он принялся орудовать своей невидимой пилой.

Через пять минут он вспотел, но еще не понял, получается ли у него что-нибудь. Он боялся ослабить натяжение, чтобы нить не выскочила из столь же невидимой, как и она сама, щели, которая — как он надеялся — рассекает тело болта.

Несколько раз с ним связывался Уоррен, все более и более встревоженный, и Морган коротко его успокаивал. Сейчас он немного отдохнет, попробует отдышаться и тогда все объяснит. Это его долг перед взволнованными друзьями.

— Ван, что вы там делаете? — спросил Кингсли. — Меня вызывали из башни.

Что им сказать?

— Дайте мне еще несколько минут. Я пытаюсь распилить болт...

Спокойный, но властный женский голос, который перебил Моргана, так его напугал, что он едва не выронил драгоценную рулетку. Скафандр заглушал слова, но это не имело значения. Он слишком хорошо знал этот голос, хотя в последний раз слышал его много месяцев назад.

— Доктор Морган, — проговорила КОРА, — пожалуйста, ложитесь и отдохните десять минут.

— Не согласитесь ли вы на пять? — взмолился он. — Я сейчас очень занят.

КОРА не удостоила его ответом — существовали аппараты, способные вести простейшие беседы, но данная модель к ним не принадлежала.

Морган сдержал обещание — целых пять минут он глубоко и ровно дышал. Потом снова принялся пилить. Взад-вперед, взад-вперед протягивал он волокно, припав к решетке на высоте четырехсот километров над далекой Землей. Он ощущал довольно сильное сопротивление — значит, упрямая сталь все же поддается. Но насколько — определить было невозможно.

— Доктор Морган, — сказала КОРА, — вам совершенно необходимо полчаса полежать.

Морган тихонько выругался.

— Вы ошибаетесь, барышня, — возразил он. — Я чувствую себя великолепно.

Он говорил неправду, КОРА знала, что у него появилась боль в груди...

— С кем это вы там разговариваете, Ван? — спросил Кингсли.

— Да так, ангел пролетел... Простите, я забыл выключить микрофон. Я собираюсь еще раз отдохнуть.

— Насколько вы продвинулись?

— Не знаю. Но уверен, что цель уже очень глубокая. Должна быть глубокой...

Хорошо бы отключить КОРУ, но это, конечно, невозможно — даже если бы она не была надежно укрыта между его грудной клеткой и тканью «Эластика». Датчик

сердечной деятельности, который можно заставить молчать, хуже, чем бесполезен — он просто опасен.

— Доктор Морган, — произнесла КОРА, на этот раз явно раздраженно. — Я, право же, настаиваю. Не менее получаса полного отдыха.

На сей раз Морган не стал отвечать. Он знал, что КОРА права, но ведь она не понимает, что речь идет не только об его жизни... К тому же он был уверен, что у нее — как и у его мостов — есть определенный запас прочности. Ее диагноз будет всегда пессимистическим, но положение не так серьезно, как она пытается внушить. По крайней мере, он на это надеялся.

Боль в груди и вправду не усиливалась. Он решил не обращать внимания ни на нее, ни на КОРУ и продолжал медленно и упорно пилить.

Нового предупреждения не последовало. Когда от «паука» оторвался балласт весом в четверть тонны, капсулу так потряхнуло, что Морган чуть не рухнул вниз головой в пропасть. Он выронил рулетку и рванулся к ремню безопасности.

Все происходило медленно, как во сне. Не было страха, была отчаянная решимость не поддаваться гравитации без борьбы. Но он никак не мог найти ремень безопасности — наверно, тот был отброшен в кабину...

Внезапно Морган осознал, что его левая рука держится за наружную крышку люка. Но он не сразу пополз в кабину — его загипнотизировал падающий аккумулятор, который, подобно какому-то странному небесному телу, медленно вращаясь, постепенно исчезал из виду. Прошло много времени, прежде чем он совершенно скрылся с глаз, и только тогда Морган втащил себя внутрь кабины и рухнул в кресло.

Он долго сидел, ожидая нового возмущенного протеста КОРЫ: сердце бешено колотилось. Однако она молчала, словно испугалась не меньше его самого. Ну что ж, он больше не даст ей повода для упреков... Окончательно придя в себя, он связался с Уорреном.

— Я избавился от аккумулятора. — Он услышал радостные возгласы. — Сейчас закрываю люк и двигаюсь дальше. Передайте Сессуи, чтобы они ждали меня через час. И поблагодарите «Кинте» за свет. Он мне больше не нужен.

Морган загерметизировал кабину, открыл шлем костюма и отхлебнул холодного апельсинового сока. Потом включил двигатель, отпустил тормоза и, когда «паук» набрал полную скорость, с чувством бесконечного облегчения откинулся в кресле.

Лишь через несколько минут он ощутил, что ему чего-то не хватает. В тщетной надежде посмотрел на решетчатую площадку. Нет, ее там не было. Ничего, он достанет себе новую рулетку взамен той, что вслед за сброшенным аккумулятором падает сейчас вниз. В сущности, это не слишком дорогая плата за такой успех. Почему же он не может сполна насладиться своей победой?

Будто потерял верного старого друга...

48. ПОСЛЕДНИЕ МЕТРЫ

Казалось невероятным, что опоздание составляет всего лишь тридцать минут: Морган готов был поклясться, что капсула стояла не менее часа. Наверху, в башне, до которой оставалось уже меньше двухсот километров, его наверняка ждет торжественная встреча...

Когда он превысил отметку 500 километров и продолжал двигаться, не сбавляя скорости, пришло поздравление с Земли.

— Кстати, — сказал ему Кингсли, — хранитель Риханского заповедника сообщил о крушении какого-то самолета. Мы его успокоили. Если найдем воронку, то сможем преподнести вам небольшой сувенир.

Но Морган не проявил ни малейшего желания снова увидеть проклятый аккумулятор. Вот если они найдут рулетку — но это совершенно безнадежно...

Первый дурной признак появился, когда до цели оставалось пятьдесят пять километров. К этому моменту скорость подъема должна была превысить двести километров в час. Она составляла всего сто девяносто восемь. Хотя отклонение было незначительным и не могло оказать заметного влияния на время прибытия — Моргану стало не по себе.

В тридцати километрах от башни он понял, что ничего сделать нельзя. Хотя аккумулятор должен был иметь большой запас мощности, напряжение на выходе стало падать. Вероятно, это вызвано резкими толчками и повторными запусками двигателя, возможно, повреждены пластины. Независимо от причин ток в двигателях медленно уменьшался, а с ним падала и скорость подъема.

Когда Морган доложил показания приборов, на Земле пришли в ужас.

— Боюсь, что вы правы, — чуть не плача сказал Кингсли. — Убавьте скорость до ста. Мы попытаемся оценить ресурс аккумулятора хотя бы ориентировочно.

Остается всего двадцать пять километров — четверть часа даже при этой ничтожной скорости! Если бы Морган умел молиться, он обратился бы к молитве.

— Судя по, темпам падения тока, аккумулятора хватит минут на десять-двадцать. Боюсь, что придется туго.

— Тогда включите свой свет. Если мне не суждено добраться до башни, я хочу хотя бы взглянуть на нее.

Ни «Кинте», ни другие орбитальные станции не могли осветить основание башни. Для этого годился только прожектор Шри Канды, направленный вертикально в зенит.

Секунду спустя капсулу пронизал ослепительно яркий луч, исходивший из самого сердца Тапробани. Всего в нескольких метрах от Моргана — так близко, что казалось, он может до них дотянуться, — направляющие ленты, словно

полосы света, сближаясь, уходили вверх. Он скользнул по ним взглядом — и увидел...

Всего в двадцати километрах! Минут через десять он должен был явиться туда, подняться сквозь люк этого маленького квадратного строения, сверкающего сейчас в небе, и, словно доисторический Дед Мороз, принести с собою подарки. Хотя он твердо решил отдохнуть и выполнять указания КОРЫ, сделать это было невозможно. У него напряглись все мускулы, словно он мог помочь «пауку» преодолеть эту ничтожную долю пути.

Десять километров. Звук двигателей изменился. Морган среагировал мгновенно. Не дожидаясь совета с Земли, он сбавил скорость до пятидесяти километров. Но все равно остается еще десять минут хода, и он в отчаянии подумал, чем ему может грозить асимптотическое сближение. Это был вариант задачи об Ахиллесе и черепахе — если каждый раз, проходя половину пути, он будет вдвое снижать скорость, удастся ли ему достичь башни за конечный промежуток времени? Когда-то он не задумываясь отвечал на такие вопросы, но сейчас слишком устал...

С расстояния в пять километров уже можно было рассмотреть детали конструкции башни — рабочий помост и эфемерную защитную сетку, установленную в качестве поддачи общественному мнению.

А потом все это потеряло смысл. За два километра до цели двигатели заглохли намертво. Капсула даже соскользнула на несколько метров вниз, прежде чем Моргая успел пустить в ход тормоза.

Однако, к его удивлению, голос Кингсли звучал довольно спокойно.

— Еще не все потеряно. Дайте аккумулятору десять минут отдыха. У него еще остался какой-то запас мощности.

Это были самые долгие десять минут в жизни Моргана. Хотя он мог сократить их, ответив на отчаянные мольбы Максины Дюваль, у него не осталось на разговоры ни капли

душевных сил. Он был искренне огорчен, но надеялся, что Максина его поймет и простит.

Правда, он обменялся несколькими фразами с водителем-пилотом Чангом. Тот сообщил, что пленники башни чувствуют себя удовлетворительно и с нетерпением ждут его прибытия. Они по очереди смотрят на него через иллюминатор воздушного шлюза, и им просто не верится, что он, возможно, так и не преодолеет ничтожного расстояния, разделяющего их сейчас.

Морган дал аккумулятору лишнюю минуту — на счастье. К его облегчению, двигатели активно включились, и «паук» снова пополз вверх, но в полукилометре от башни снова остановился.

— Еще одна попытка, и все будет нормально, — бодро сказал Кингсли. Однако на этот раз уверенность друга оказалась Моргану несколько вымученной. — Простите за все эти задержки...

— Еще десять минут? — безропотно спросил Морган.

— Боюсь, что да. И примените пол-минутные импульсы с интервалом в минуту. Таким путем из аккумулятора будет извлечено все до последнего эрга.

«И из меня тоже», — подумал Морган. Странно, что КОРА так долго молчит...

Поглощенный мыслями о «пауке», он совершенно пренебрег собой, начисто забыв о тонизирующих таблетках и о фляжке с фруктовым соком. Приняв дозу того и другого, он почувствовал себя гораздо лучше и теперь мечтал об одном — как бы передать свои лишние калории умирающему аккумулятору.

Последнее усилие. Неудача немыслима, ведь он так близок к цели! Судьба не может быть настолько несправедливой — ведь осталась какая-то сотня метров...

Однако сколько самолетов, благополучно перелетев океан, врезалось в землю у самой посадочной полосы? Сколько раз отказывали механизм или мышцы, когда

оставалось преодолеть последние километры? Так по какому праву ждет он иной судьбы?

Капсула рывками поднималась вверх, словно издыхающий зверь в поисках последнего прибежища. Когда аккумулятор окончательно иссяк, Моргану показалось, что основание башни заполнило собою полнеба.

Но до нее все еще оставалось двадцать метров.

49. ТЕОРИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ

К чести Моргана, в тот отчаянный, безысходный миг, когда иссякли последние остатки энергии, он смирился со своей участью. Лишь спустя несколько минут его осенило, что стоит отпустить тормоза — и уже через три — часа он будет спокойно спать в постели. Никто не поставит ему в вину неудачу экспедиции — он сделал все, что было в человеческих силах.

Некоторое время он с яростью смотрел на недостижимый квадрат, осененный тенью «паука». В голове вихрем пронеслись планы, один безумнее другого. Если бы, например, с ним была его верная рулетка... Все равно он никак не смог бы забросить ее в башню. Если бы у несчастных был скафандр, кто-нибудь мог спустить к нему канат — но все скафандры сгорели вместе с транспортером.

Конечно, если бы это была теледрама, а не живая жизнь, какой-нибудь герой или, еще лучше, героиня, мог благородно выйти из воздушного шлюза, бросить канат и, используя те пятнадцать секунд, в течение которых у человека, очутившегося в вакууме, еще продолжает действовать сознание, спасти остальных. О мере отчаяния Моргана можно судить по тому, что он какую-то долю секунды обдумывал даже эту возможность.

С того времени, как «паук» признал себя побежденным в битве с силой тяжести, и до того, как Морган окончательно смирился с мыслью, что сделать больше ничего нельзя, прошло, вероятно, менее минуты. Потом Уоррен Кингсли задал ему вопрос, который в такой момент показался раздражающе-нелепым.

— Повторите еще раз дистанцию, Ван. Скажите точно, сколько вам осталось до башни.

— Какая разница? Допустим, световой год.

Земля на короткое время умолкла, потом Кингсли заговорил с ним тоном, каким обращаются к маленькому ребенку или тяжело больному старику.

— Разница огромная. Вы, кажется, упоминали о двадцати метрах?

— Да, что-то около того.

Невероятно, однако, несомненно. Уоррен с облегчением вздохнул. В его голосе даже прозвучала радость:

— А я-то все эти годы воображал, будто вы действительно Главный инженер проекта. Предположим, что это ровно двадцать метров...

Восторженный вопль Моргана прервал его на полуслове.

— Ну и болван же я! Передайте Сессуи, что я состыкуюсь через... через пятнадцать минут.

— Через четырнадцать с половиной, если вы верно определили расстояние. И ничто в мире вас не остановит.

Утверждение спорное, и Морган предпочел бы, чтобы Кингсли его не делал. Стыковочные механизмы иногда все же отказывают. А данную систему вообще никто еще не испытывал.

Провал памяти не особенно его смутил. В конце концов в состоянии сильного стресса человек может забыть номер своего телефона и даже дату рождения. А фактор, который теперь приобрел решающее значение, был до сих пор столь незначительным, что им можно было полностью пренебречь.

Итак, все это вопрос относительности. Он не мог добраться до башни, но башня могла приблизиться к нему — со своей непреложной скоростью два километра в день.

50. СТЫКОВКА

Когда собирали самую легкую часть башни, скорость ее движения составляла тридцать километров в день. Теперь, когда на орбите завершалось строительство самой тяжелой ее части, скорость спуска снизилась до двух километров. Этого вполне достаточно — у Моргана хватит времени проверить соосность стыковочных механизмов и мысленно прорепетировать свои действия за те ответственные секунды, которые отделяют завершение стыковки от момента, когда он отпустит тормоза «паука». Если слишком долго держать «паука» на тормозах, капсула вступит в неравную борьбу с движущимися мегатоннами башни.

Это были долгие, но спокойные пятнадцать минут — Морган надеялся, что они утихомят КОРУ. Под конец все, казалось, пошло очень быстро, и в последний момент, когда на него начала опускаться тяжелая крыша, он почувствовал

себя муравьем, которого вот-вот раздавит мощный пресс. Секунду основание башни находилось еще в нескольких метрах, спустя мгновение он ощутил и услышал толчок в стыковочном механизме.

Потом, словно сигнал победы, на индикаторной панели вспыхнула надпись «Стыковка завершена». Еще десять секунд телескопические элементы будут поглощать энергию удара. Морган выждал половину этого времени и осторожно отпустил тормоза. Он был готов мгновенно зажать их снова, если «паук» начнет падать, но индикаторы говорили правду: башня и капсула надежно состыкованы. Остается подняться на несколько ступенек, и цель достигнута.

После доклада ликующим слушателям на станциях «Земля» и «Центральная» он сел перевести дух и вспомнил, что уже однажды побывал здесь. Двенадцать лет назад на расстоянии 36 тысяч километров отсюда. Тогда, после операции, которую за неимением лучшего термина назвали «закладкой первого камня», в «Фундаменте» состоялся небольшой банкет с шампанским из тубиков и множеством тостов. Отмечалось не только завершение строительства первой части башни. Это была та ее часть, которая в конце концов достигнет Земли. Морган вспомнил, что даже его старый недруг, сенатор Коллинз, в добродушной, хотя и несколько язвительной, речи пожелал ему успеха. А уж теперь гораздо больше оснований для торжества.

До Моргана уже доносился слабый приветственный стук с той стороны воздушного шлюза. Он расстегнул ремень безопасности, взобрался на кресло и начал подниматься по лестнице. Крышка верхнего люка оказала слабое сопротивление, словно ополчившиеся против него силы предприняли последнюю попытку его остановить. Потом он услышал короткий свист — это выравнивалось давление. Круглая плита опустилась, и нетерпеливые руки втащили его в башню. Вдохнув зловонный воздух, он удивился, что люди еще живы. Если бы его экспедиция не удалась, вторая спасательная команда явилась бы слишком поздно.

Пустую мрачную камеру освещали тусклые лампочки с питанием от солнечных панелей — эти элементы свыше десятилетия терпеливо улавливали солнечный свет на случай чрезвычайных обстоятельств, которые наконец наступили. Перед Морганом предстала сцена из времен стародавних войн — бездомные беженцы из разрушенного города укрылись в бомбоубежище с немногочисленными жалкими пожитками, которые им удалось спасти. Впрочем, вряд ли кто-нибудь из беженцев в те далекие времена имел при себе сумки с надписями: «Корпорация лунных отелей», «Собственность Республики Марс» или вездесущее «Можно/нельзя хранить в вакууме». Вряд ли они были бы так обрадованы: даже те, кто для экономии кислорода лежал на полу, улыбались и махали рукой. Не успел Морган ответить на приветствия, как у него подкосились ноги и потемнело в глазах. Он ни разу в жизни не падал в обморок и, когда струя холодного кислорода привела его в себя, прежде всего страшно смутился. Открыв глаза, он увидел, что над ним склоняются какие-то фигуры в масках. Сначала он решил, что попал в больницу, но потом зрение и мозг адаптировались. Пока он лежал здесь, очевидно, распаковали привезенный им драгоценный груз.

Маски были молекулярными фильтрами: они задерживали углекислый газ, но пропускали кислород. Простые в применении, но бесконечно сложные технически, они позволяли человеку жить в атмосфере, где он иначе мгновенно бы задохнулся. Правда, дышать сквозь них было немного труднее обычного, но природа никогда ничего не дает даром, а уж эта плата совсем невысока.

Нетвердо держась на ногах, но отказываясь от помощи, Морган поднялся и с некоторым опозданием был представлен спасенным. Его беспокоило одно: не произнесла ли КОРА одну из своих заученных речей? Ему не хотелось поднимать этот вопрос, но все же...

— От имени всех присутствующих, — сказал профессор Сессуи глубоко искренне, но явно чувствуя себя неловко, ибо

никогда не отличался вежливостью, — я хочу поблагодарить вас за то, что вы сделали. Мы обязаны вам жизнью. Любой логичный ответ неизбежно отдавал бы ложной скромностью, и Морган, сделав вид, будто не может натянуть маску, пробормотал что-то невнятное. Он хотел выяснить, все ли разгружено, но тут профессор Сессуи озабоченно проговорил:

— Мне очень жаль, но стула вам предложить не могу. Вот лучшее, что у нас есть, — он указал на пару пустых ящиков. — Вам действительно не следует волноваться.

Фраза была знакомой — значит, КОРА все-таки говорила. Наступила несколько принужденная пауза — Морган отметил про себя этот факт, остальные поняли, что он это понял, а он, в свою очередь, понял это.

Он сделал несколько глубоких вдохов — поразительно, как быстро привыкаешь к этим маскам, — и уселся на предложенный ящик. «Ни за что не упаду больше в обморок, — с мрачной решимостью сказал он себе. — Надо сделать свое дело и как можно скорее отсюда убираться. По возможности до новых заявлений КОРЫ».

— Этот уплотнитель, — сказал он, указывая на самый маленький из привезенных контейнеров, — ликвидирует утечку. Разбрызгайте его вокруг сальников воздушного шлюза. Он затвердевает за несколько секунд. Пользуйтесь кислородом только в случае нужды — он может вам понадобиться для сна. Вот маски-фильтры на каждого и еще несколько запасных. Кроме того, продовольствие и вода на три дня — это более чем достаточно. Завтра здесь будет транспортер со станции «10-К». Ну а что касается аптечки, то, надеюсь, она вам не понадобится.

Он замолк, чтобы отдышаться — говорить через маску-фильтр не очень удобно, к тому же он все больше ощущал потребность экономить силы. Люди Сессуи теперь не пропадут, а ему остается сделать только одно — и чем скорее, тем лучше.

Повернувшись к водителю Чангу, он сказал:

— Пожалуйста, помогите мне надеть скафандр. Я хочу проверить состояние ленты.

— Но ваш скафандр рассчитан всего на полчаса автономной работы!

— Мне нужно десять минут — максимум пятнадцать.

— Доктор Морган, но никому не разрешается выходить в космос без запасного ранца. Конечно, за исключением аварийной обстановки.

Морган устало улыбнулся. Чанг прав, непосредственная опасность миновала. Но судить о том, что такое аварийная обстановка — прерогатива Главного инженера.

— Я хочу осмотреть повреждения и проверить ленту. Будет досадно, если люди со станции «10-К» из-за какого-то непредвиденного препятствия не смогут до вас добраться.

Чанг был явно не в восторге (интересно, что все-таки наболтала эта сплетница КОРА?), но спорить не стал и вслед за Морганом отправился в северный шлюз.

Перед тем, как опустить смотровое стекло шлема, Морган спросил:

— Много у вас хлопот с профессором?

Чанг покачал головой.

— По-моему, углекислый газ его утихомирил. А если он начнет снова — нас шестеро против одного. Хотя я и не уверен в его студентах. Некоторые такие же психи, как он, посмотрите на ту девицу, которая пишет в углу. Она уверена, что Солнце то ли угасает, то ли взрывается, и хочет перед смертью предупредить человечество. Не знаю, какой от этого прок. Лично я предпочел бы ничего не знать.

Морган невольно улыбнулся. Среди студентов Сессуи нет ненормальных. Возможно, они эксцентричны, но все без исключения талантливы, иначе они бы с ним не работали. Когда-нибудь он поближе с ними познакомится, но для этого надо, чтобы все они вернулись на Землю — каждый своим путем.

— Я хочу быстро обойти башню, — сказал он, — и учесть все повреждения для доклада на «Центральную». Это займет не больше десяти минут.

Водитель-пилот Чанг молча закрыл внутреннюю крышку воздушного шлюза.

51. ВИД С БАЛКОНА

Внешняя дверь северного воздушного шлюза легко открылась, впустив прямоугольник непроницаемой тьмы, переречкнутый горизонтальной огненной линией защитного поручня, который сверкал в луче прожектора, нацеленного в зенит с далекой горы вниз. Морган сделал глубокий вдох, он чувствовал себя прекрасно. Потом махнул рукой Чангу, смотревшему через иллюминатор внутренней двери, и вышел.

Рабочий помост, окружавший «Фундамент», представлял собой металлическую решетку шириной в два метра, а за ним еще на тридцать метров тянулась защитная сетка. Та часть «Фундамента», которая была видна Моргану, за долгие годы терпеливого ожидания нисколько не пострадала.

Он начал обход башни, заслоняя глаза от ослепительного блеска, исходившего снизу. Боковое освещение подчеркивало малейшие выпуклости и изъёмы поверхности, которая уходила ввысь, как дорога к звездам...

Как и думал Морган, взрыв на той стороне не причинил здесь никакого ущерба, для этого потребовалась бы самая настоящая атомная бомба. Держась рядом с отвесной гранью башни, Морган медленно пошел к западу. Огибая угол, он оглянулся на открытую дверь воздушного шлюза, потом смело двинулся вперед, вдоль ровной глухой стены западной грани.

Его охватила странная смесь душевного подъема и страха. Ничего подобного он не ощущал с тех пор, как научился плавать и в первый раз оказался на глубоком месте, где под ногами не было дна. Хотя он был уверен, что опасности нет, она все равно может где-то его подстергать. Он остро ощущал присутствие КОРЫ, затаившейся в ожидании подходящего момента. Однако он не привык бросать работу неоконченной.

Западная грань ничем не отличалась от северной — разве что отсутствием воздушного шлюза. Здесь тоже не было повреждений.

Подавляя желание спешить — ведь он провел снаружи всего-навсего три минуты, — Морган приблизился к следующему углу. Еще не успев его обогнуть, он понял, что не сможет закончить намеченный обход. Рабочий помост искореженным языком металла свисал в бездну. От защитной сетки вообще не осталось следа — ее, очевидно, сорвал падающий транспортер.

Не надо испытывать судьбу, сказал себе Морган, однако все же заглянул за угол, держась за изуродованный остаток защитного поручня.

У стены застряло довольно много обломков, но не было ничего такого, что несколько человек с газовыми резаками не смогли бы устранить за несколько часов. Морган подробно описал все Чангу по радио, водитель-пилот облегченно вздохнул и стал уговаривать его как можно скорее возвращаться.

— Не беспокойтесь, — отвечал Морган. — У меня остается еще десять минут, а пройти надо тридцать метров. Мне хватит даже того воздуха, что есть у меня в легких.

Однако он не собирался ставить такой эксперимент. Для одной ночи волнений вполне достаточно. Более чем достаточно, если верить КОРЕ. Отныне он будет беспрекословно выполнять все ее приказы.

Вернувшись к открытой двери воздушного шлюза, он несколько секунд постоял возле защитного поручня, купаясь в

фонтане света, бьющего с далекой вершины Шри Канды. Его тело отбрасывало гигантски длинную тень прямо вдоль стены башни, вертикально вверх к звездам. Эта тень, вероятно, простирается на много тысяч километров, и Моргану пришло в голову, что она может даже коснуться транспортера, который сейчас быстро падает со станции «10-К». Если помахать руками, спасатели увидят его сигналы, и он сможет поговорить с ними по азбуке Морзе.

Эта забавная мысль породила другую, более серьезную. Не лучше ли подождать здесь вместе с остальными и не рисковать, возвращаясь на Землю в «пауке»? Но подъем на «Центральную», где имеются хорошие врачи, займет целую неделю. Это неразумно — ведь на Шри Канду он вернется меньше чем за три часа.

Пора возвращаться — воздуха остается мало, а смотреть больше не на что. Какая жестокая ирония, если подумать о потрясающих видах, которые обычно открываются отсюда и днем, и ночью. Однако сейчас и планета внизу, и небо над головой не видны из-за ослепительного луча со Шри Канды, Морган стоит в узком столбе света, окруженном непроницаемой тьмой. Трудно поверить, что он в космосе, хотя бы из-за ощущения веса. Морган чувствовал себя в такой же

безопасности, как если бы стоял на самой горе, а не на высоте шестисот километров. Вот мысль, которой нужно насладиться и увезти с собой на Землю.

Он погладил неподатливую поверхность башни, которая по сравнению с ним была во много раз огромнее, чем слон по сравнению с амебой. Но амеба никогда не сможет придумать слона — а тем более его создать.

— Через год увидимся на Земле, — прошептал Морган и медленно закрыл за собой дверь.

52. ПОСЛЕДНИЙ РАССВЕТ

Морган пробыл в «Фундаменте» всего пять минут — обмениваться любезностями было некогда, к тому же он не хотел зря расходовать драгоценный кислород, который с таким трудом сюда доставил. Он пожал всем руки и забрался в кабину «паука».

Как приятно снова дышать без маски, еще приятнее сознавать, что экспедиция завершилась успешно и не пройдет трех часов, как он вернется на Землю. Правда, после всех усилий, которые потребовались, чтобы добраться до башни, ему не очень хотелось вновь покоряться силе тяжести, хотя теперь она понесет его домой. Но все-таки он освободил стыковочные замки и начал движение вниз, на несколько секунд сделавшись невесомым.

Когда индикатор скорости показал триста километров в час, вступила в действие автоматическая тормозная система, и Морган снова обрел вес. Варварски истощенный аккумулятор теперь заряжался, но, вероятно, поврежден до такой степени, что его остается только выбросить.

Зловещая параллель — Морган невольно подумал о своем собственном перенапряженном организме, но гордость и упрямство все еще мешали ему связаться с врачом.

Он прибегнет к этому лишь в том случае, если КОРА снова заговорит.

Теперь, когда он быстро падал сквозь мрак, она молчала. Морган охватило ощущение полного покоя, и он предоставил «пауку» самому позаботиться о себе, пока он наслаждается зрелищем ночного неба. С космических кораблей редко открывается такая необъятная панорама, и мало кто из людей мог в таких великолепных условиях наблюдать звезды. Полярное сияние совершенно погасло, прожектор выключили, и ничто не могло теперь соперничать с блеском со звездий.

Ничто, кроме звезд, созданных человеком. Почти прямо над головой сверкал сигнальный огонь «Ашоки», вечно парящей над Индостаном всего в нескольких сотнях километров от комплекса башни. Ближе к востоку находился «Конфуций», еще ниже «Камехамеха», а высоко на западе светились «Кинте» и «Имхотеп». Это лишь самые яркие вехи, составленные вдоль экватора, существовали еще десятки других, гораздо более ярких, чем Сириус. Как изумился бы астроном былых времен при виде этого небесного ожерелья, как был бы он озадачен, когда, понаблюдав около часа, понял бы, что эти светила совершенно неподвижны — не восходят и не заходят — между тем как знакомые человеку звезды продолжают свой извечный путь.

Глядя на алмазное ожерелье, протянутое по небу, Морган мысленно увидел нечто еще более величественное. Небольшое усилие воображения, и эти рукотворные звезды превратились в фонари колоссального моста... Фантазии становились все безумнее. Как назывался мост в Валгаллу, по которому герои скандинавских легенд переходили из этого мира в мир иной? Он не мог вспомнить, но какая это была прекрасная мечта! А другие существа задолго до появления человека! Быть может, и они тщетно пытались перебросить мост в небеса своей вселенной? Морган подумал о великолепных кольцах Сатурна, о призрачных арках Нептуна и Урана... Хотя он отлично знал, что ни на одной из

этих планет никогда не было ни малейших следов жизни, его забавляла мысль, что их кольца — лишь развалины древних мостов.

Ему очень хотелось спать, но воображение ухватило за эту мысль и, как собака, нашедшая кость, ни за что ее не выпускало. Идея не была абсурдной — она не была даже оригинальной. Размеры синхронных станций уже составляли десятки километров, многие были соединены кабелями, простиравшимися на значительную часть их орбиты. Соединить их все и создать таким образом кольцо вокруг Земли было бы технически гораздо проще, чем построить башню, и на это потребовалось бы гораздо меньше материала.

Нет, не кольцо, а колесо. Эта башня — всего лишь первая спица. За ней последуют другие (четыре? шесть? двенадцать?) с определенными интервалами вдоль экватора. Когда их все соединят друг с другом на орбите, проблема устойчивости, докучавшая строителям отдельной башни, исчезнет. Африка, Южная Америка, острова Гильберта, Индонезия — все они, если нужно, смогут предоставить места для конечных станций на Земле, ибо настанет время, когда благодаря усовершенствованным материалам башни станут неуязвимыми даже для самых сильных ураганов и необходимость в высокогорных станциях отпадет. Если бы строительство началось через сто лет, возможно, не пришлось бы изгонять монахов...

Пока Морган предавался мечтам, на востоке незаметно поднялся серп убывающей Луны, уже порозовевшей в первых лучах рассвета. Морган напряг зрение, чтобы насладиться неведомым в прежние века дивным зрелищем — звездой в объятиях лунного серпа. Хотя Луна светилась так ярко, что можно было разглядеть многие подробности этой ночной страны, ни один из городов второй родины человека сегодня не был виден.

Осталось двести километров — меньше часа пути. Можно спокойно уснуть — «паук» снабжен автоматической

программой приземления и совершит посадку, не нарушая его сон...

Сначала Моргана разбудила боль, спустя какую-то долю секунды — КОРА.

— Не двигайтесь, — невозмутимо сказала она. — Я вызвала по радио «Скорую помощь». Она уже в пути.

Забавно. Но не надо смеяться, сказал себе Морган, Она лишь выполняет свой долг. Он не ощущал страха, хотя боль в груди была очень сильной, она не лишала его способности мыслить. Он попытался сосредоточиться на боли, и это заметно ее облегчило.

Уоррен вызывал его к телефону, но слова казались далекими и лишенными смысла. Он почувствовал тревогу в голосе друга, и ему очень хотелось его утешить, но у него не осталось сил, чтобы обдумать эту или какую-нибудь другую задачу. Теперь он уже не слышал слов: слабый, но непрерывный гул заглушил все остальные звуки. Хотя Морган понимал, что гул этот существует только у него в мозгу или в ушах, ему казалось, будто он стоит у огромного водопада...

Гул становился тише, слабее, музыкальнее. И наконец, Морган его узнал. Как приятно в немых пределах космоса снова услышать звук, который запомнился ему с первого посещения Яккагалы!

Сила тяжести влекла его к дому. Точно так же ее невидимая рука, протянувшись сквозь столетия, определила траекторию Райских фонтанов. Но он создал нечто, чем сила тяжести уже не завладеет вновь, пока у людей останется мудрость и желание — это сохранить.

Звезды стали меркнуть — гораздо быстрее, чем им полагалось. Как странно — хоть день уже почти наступил, все вокруг погружается в темноту. А фонтаны падают на Землю, и голоса их звучат все слабее... слабее... слабее...

Потом раздался другой голос, но Ванневар Морган его не услышал. Перемежая свои возгласы короткими пронзительными сигналами, КОРА кричала разгоравшейся заре:

Помогите!

Это сигнал тревоги КОРЫ!

Все, кто меня слышит, пожалуйста, спешите сюда!

Помогите!

Она все еще продолжала кричать, когда взошло Солнце, и его первые лучи ласково коснулись вершины горы, которая прежде была священной. Далеко внизу тень Шри Канды взметнулась в облака, и ее идеальный конус все еще был безупречен, несмотря на все то, что сделал с ней человек.

Теперь здесь не было пилигримов, которые могли бы созерцать этот символ вечности, осенивший чело пробуждающейся земли. Но пройдут века, и его увидят миллионы, в безопасности и комфорте совершающие путь к звездам.

53. ЭПИЛОГ: ТРИУМФ КАЛИДАСЫ

В последние дни последнего короткого лета, перед тем как челюсти льдов сомкнулись на экваторе, на Яккагалу прибыл один из посланников родины Звездолета.

Повелитель Материи, он лишь недавно воплотился в человеческий облик. Сходство, если не считать ничтожной детали, было поразительным, но десяток ребят, сопровождавших пришельца, беспрерывно хихикали.

— Почему вы смеетесь? — вопрошал он почти без акцента. Но они упорно не желали объяснять пришельцу, чье зрение целиком лежало в инфракрасной области спектра, что человеческая кожа отнюдь не является хаотической мозаикой из зеленых, красных и синих пятен. Даже когда он пригрозил, что сейчас превратится в тираннозавра и

проглотит их всех до единого, ребята все равно отказались удовлетворить его любопытство. Они даже указали ему — существу, преодолевшему десятки световых лет и вобравшему в себя знания тридцати веков! — что массы в какую-то сотню килограммов вряд ли хватит на внушительного динозавра.

Пришелец не спорил — он был терпелив, а биология и психология земных детей были бесконечно занимательны. Впрочем, таковы дети всех живых существ — тех, конечно, у которых бывают дети. Изучив девять таких биологических видов, пришелец почти представлял себе, что значит расти, достигать зрелости, умирать... Почти, но не до конца.

Перед десятком человечков и одним нечеловеком простиралась пустая земля, ее некогда роскошные поля и леса погубило холодное дыхание севера и юга. Изящные кокосовые пальмы давно исчезли, и даже могучие сосны, занявшие их место, превратились в скелеты, чьи корни сковала вечная мерзлота. Жизнь отступила с земной поверхности, лишь в океанской пучине, где внутренний жар еще сдерживал образование льда, ползали и плавали, пожирая друг друга, многочисленные слепые изголодавшиеся твари.

Но существу, чья родная планета вращалась вокруг тусклого красного карлика, свет Солнца, лившийся с ясного небосвода, казался невыносимо ярким. Хотя болезнь, поразившая сердце звезды тысячу лет назад, отняла у нее все тепло, ее свирепые холодные лучи озаряли поле брани, блистая на наступающих льдах.

На детей, пробуждавшиеся души которых пировали на празднике жизни, отрицательные температуры действовали возбуждающе. Они голышом плясали в сугробах, вздымая босыми ногами сверкающие облака снега и вынуждая своих электронных симбиотов то и дело бить тревогу: «Не заглушайте температурных рецепторов!» Ведь ребята были еще слишком юны, чтобы восстанавливать конечности без помощи взрослых...

Самый старший из мальчиков устроил целое представление: он пошел в атаку на холод, объявив себя стихией огня. (Пришелец отметил этот термин для дальнейшего изучения, которое позже, впрочем, привело его в тупик.) На месте маленького хвастунишки виден был лишь столб пара и пламени, скачущий по древней кладке, другие дети подчеркнуто игнорировали этот не слишком серьезный спектакль.

Для пришельца, однако, он был связан с одним крайне любопытным парадоксом. Почему все-таки эти люди отступили на внутренние планеты, вместо того чтобы, подобно своим братьям на Марсе, противопоставить холоду те силы, которыми они теперь обладают? На этот вопрос он еще не получил удовлетворительного ответа. Он вспомнил загадочное заявление АРИСТОТЕЛЯ, с которым ему было здесь проще всего общаться.

— Всему свое время, — объяснил всемирный мозг. — Иногда нужно бороться с природой, иногда — покориться ей. Истинная мудрость заключается в правильном выборе. Когда зима закончится, человек возвратится на обновленную Землю.

И вот в течение нескольких последних веков все население Земли поднялось по экваториальным башням в небо и

улетело в сторону Солнца, к юным океанам Венеры и плодородным равнинам умеренной зоны Меркурия. Через пятьсот лет, когда Солнце оправится от болезни, изгнанники вернутся домой. Меркурий — за исключением полярных районов — опустеет, тогда как Венера останется постоянным пристанищем человека. Угасшее Солнце дало стимул и возможность для покорения этого адского мира.

Сами по себе важные, все эти вещи касались гостя лишь косвенно, его главные интересы лежали в области более тонких аспектов человеческой культуры и человеческого общества. Каждый разумный вид уникален, каждому присущи собственные достоинства и недостатки. В солнечной системе пришелец ознакомился с обескураживающим понятием отрицательной информации. По местной терминологии — Юмор, Фантазия, Миф.

Столкнувшись с этим странным явлением, пришелец неоднократно говорил себе: «Нам никогда не понять людей». Сначала он был настолько расстроен, что даже испугался случайного перевоплощения, со всеми неприятными последствиями. Однако с тех пор он далеко продвинулся вперед, он все еще хорошо помнил свое удовлетворение, когда впервые пошутил — и все дети смеялись.

Работать с детьми предложил ему опять-таки АРИСТОТЕЛЬ. «Есть старая пословица, дитя — отец человека. Хотя биологическая концепция отцовства одинаково чужда нам обоим, в данном контексте это слово имеет двойной смысл...»

Поэтому пришелец надеялся, что дети помогут ему понять взрослых, в которых они постепенно превращались. Иногда они говорили правду; но даже когда они веселились (опять очень непростое понятие) и производили отрицательную информацию, пришельца это уже не обескураживало.

Но были случаи, когда ни дети, ни взрослые, ни даже АРИСТОТЕЛЬ не знали правды. Получалось, что имеется непрерывный спектр между абсолютной фантазией и непреложным фактом, со всеми мыслимыми промежуточными оттенками. На одном конце спектра стояли такие исторические фигуры, как Колумб, Леонардо, Эйнштейн, Ленин, Ньютон, Вашингтон, от которых во многих случаях остались даже голоса и изображения. На другом полюсе находились Зевс, Алиса, Кинг Конг, Гулливер, которые никак не могли существовать в реальном мире. Но куда отнести Робина Гуда, Тарзана, Христа, Шерлока Холмса, Одиссея, Франкенштейна? Ведь все они, с некоторой натяжкой, вполне могли бы существовать в реальности...

Слоновый Трон за три тысячи лет почти не изменился, но никогда еще ему не доводилось держать на себе столь чуждого гостя. Глядя на юг,

пришелец сравнивал колонну полукилометровой толщины, уходящую ввысь с горы, с техническими достижениями других миров. Для столь юной расы колонна, пожалуй, достаточно внушительна. Она, хотя и кажется, что вот-вот обрушится с неба, стоит уже пятнадцать веков.

Разумеется, не в своей нынешней форме. Первые сто километров теперь представляют собой вертикальный город (частично его просторные этажи все еще заселены), через который 16 пар рельсовых путей провозили когда-то по миллиону пассажиров в день. Теперь действуют только две из этих дорог, через несколько часов пришелец вместе со своей жизнерадостной свитой вознесется по этой огромной рифленой колонне назад в Кольцевой Город, опоясывающий земной шар.

Пришелец настроил глаза на телескопическое зрение и пристально всмотрелся в зенит. Да, вот она — днем разглядеть ее нелегко, но ночью, когда солнечный свет, льющийся мимо земной тени, все еще ярко ее освещает, она хорошо видна. Светящаяся полоска, разрезающая небо на два полушария, сама по себе — целый мир, где полмиллиарда человеческих существ выбрали жизнь в условиях вечной невесомости.

И там, возле Кольцевого Города, стоял звездолет, который перенес посланника и всех остальных Членов Роя через межзвездные бездны. Сейчас его готовили к новому старту — без особой спешки, но все же на несколько лет раньше срока, — в очередной шестисотлетний отрезок пути. Конечно, для пришельца этого времени все равно что не будет: до конца путешествия он не собирался вновь воплощаться. Однако у цели ему предстоит, пожалуй, наиболее критический момент всей его долгой жизни. Ведь Звездный Зонд погиб — по крайней мере умолк, — едва достиг планетной системы. Такое произошло впервые. Возможно, зонд наконец вошел в контакт с таинственными Ловцами Зари, оставившими следы своего пребывания на столь многих мирах, в такой непостижимой близости к Началу начал. Если бы

пришелец был способен испытывать благоговение или страх, то, представив свое будущее через шесть веков, он, несомненно, ощутил бы и то и другое.

Но сейчас он стоял на заснеженной вершине Яккагалы, неподалеку от подножия дороги человечества к звездам. Он подозвал ребят (они всегда знали, когда он действительно требует послушания) и показал на возвышающуюся на юге вершину.

— Вам хорошо известно, — произнес он с раздражением, которое лишь частично было притворным, — что Первый Земной Порт построен на две тысячи лет позже этого разрушенного дворца...

Дети все как один согласно кивнули.

— Так почему же, — спросил пришелец, скользнув взглядом по линии, протянувшейся от зенита к вершине горы, — почему вы называете эту колонну Башней Калидасы?

*Двум великим русским:
генералу А.А. Леонову – космонавту,
Герою Советского Союза, художнику,
и академику А.Д. Сахарову – ученому,
лауреату Нобелевской премии, гуманисту*

I. «ЛЕОНОВ»

1. АРЕСИБО. РАЗГОВОР В ФОКУСЕ

Даже в век торжества метрической системы этот телескоп называли тысячефутовым. Тень наполовину затопила его гигантскую чашу, но лучи заходящего солнца еще играли на треугольном антенном блоке, вознесенном высоко над нею. Там, в сплетении проводов, креплений и волноводов, затерялись две человеческие фигурки.

– Самое время, – начал доктор Дмитрий Мойсевич, обращаясь к своему давнему другу Хейвиду Флойду, – потолковать о многом: о башмаках, и о космических кораблях, и о сургучных печатях... А главное – о монолитах и неисправных компьютерах.

– Так вот для чего мы удрали с доклада Карла! Правда, я столько раз его слышал, что мог бы и сам выступить с ним... Но ты прав – вид отсюда действительно впечатляет. Представь, я поднялся сюда впервые.

– Вуди, тебе не стыдно? Я тут четвертый раз. Вообрази – мы слушаем Вселенную... Но нас не услышит никто. И мы можем спокойно поговорить о твоих трудностях.

– Каких же это?

- Ну, во-первых, тебе пришлось уйти из НСА.²
- Я ушел сам. В Гавайском университете больше платят.
- Ясно... «по собственному желанию». Не хитри, Вуди, – ведь я же тебя знаю. Стоит новому президенту призвать тебя назад, и ты что, откажешься?
- Сдаюсь, старый казак. Что тебя интересует?

² (Национальный совет по астронавтике, председателем которого Флорид был в первом романе цикла, «2001: Космическая одиссея»).

– Скажем, монолит из кратера Тихо. Наконец-то вы показали его научному миру. Что ж, лучше поздно, чем никогда. Правда, толку от всех исследований...

При упоминании о черной глыбе, в тайну которой бесценен был пока проникнуть человеческий разум, оба замолчали. После паузы Мойсевич продолжил:

– Но сейчас важнее Юпитер. Ведь именно туда был направлен сигнал из Тихо. И там погибли ваши ребята. – Он помолчал. – Я встречался лишь с Фрэнком Пулом. В девяносто восьмом, на конгрессе МАФ. Он мне понравился.

– Они бы все понравились тебе. Но мы до сих пор не знаем, что с ними произошло.

– Да, до сих пор. Но теперь это уже не только ваше внутреннее дело, Вуди. Ответа с нетерпением ждет все человечество, и с полным на то правом. Вы не сможете и дальше использовать имеющуюся у вас информацию лишь в собственных целях.

– Дмитрий, ты прекрасно знаешь, что на нашем месте и вы бы иначе не поступили. При активном твоём участии.

– Согласен. Но забудем о былых неурядицах. Они – в прошлом. Как и прежнее ваше правительство, которое развело всю эту секретность. У нового президента, надеюсь, более разумные советники.

– Возможно. У тебя есть официальные предложения?

– Нет, разговор сугубо частный. «Предварительные переговоры», как выражаются чертовы политики. И если кто-либо поинтересуется, происходили ли они, я отвечу «нет».

– Разумно. И что дальше?

– Ситуация, в общем, проста. «Дискавери-2», как тебе известно, будет готов не раньше, чем через три года. Значит, вы упустите следующее стартовое окно.

– Допустим. Однако не забывай – я всего лишь ректор. НСА для меня – на другой стороне Земли.

– И в Вашингтон, надо полагать, ты едешь просто так, навестить старых друзей. Да ладно. Наш корабль «Алексей Леонов» ...

– Я думал, вы назвали его «Герман Титов».

– Ошибаетесь, ректор. Вернее, ошибается ЦРУ. Так вот, между нами: «Леонов» достигнет Юпитера как минимум на год раньше «Дискавери».

– Между нами, этого-то мы и боялись. Продолжай.

– Мое начальство, судя по всему, ждать вас не собирается. По части слепоты и глупости оно ничем не лучше твоего. А раз так, на нашу экспедицию могут обрушиться те же беды, что и на вашу.

– А что, по-вашему, там произошло? Только не говори, будто у вас нет перехвата боуменовских сообщений.

– Конечно, есть. Все, вплоть до последних слов: «Боже, он полон звезд!». Наши компьютеры проанализировали даже интонацию в этой фразе. Боумен не галлюцинировал. Он пытался описать то, что действительно видел.

– А что показал доплеровский сдвиг?

– Чудовищно! Когда сигнал пропал, Боумен удалялся со скоростью тридцать тысяч километров в секунду. Он набрал ее за две минуты. Многие тысячи g!

– Выходит, он мгновенно погиб.

– Не хитри, Вуди. Передатчик не выдержал бы и сотой доли такой перегрузки. А он действовал. Значит, и Боумен мог уцелеть.

– Что ж, все сходится. Стало быть, вы в таком же неведении, как и мы. Или у вас есть еще что-нибудь?

– Только куча безумных гипотез. Но любая из них недостаточно безумна, чтобы быть истинной.

Яркие красные огни зажглись на трех опорах антенны, превратив их в подобие маяков. Флойд с надеждой следил, как багровый край Солнца скрывается за горами. Но знаменитый «зеленый луч» так и не появился.

– Дмитрий, – сказал он, – давай начистоту. Куда ты kloнишь?

– На «Дискавери» осталась бесценная информация; возможно, бортовые системы продолжают собирать ее. Нам нужна эта информация.

- Понятно. Но что помешает вам переписать все это, когда «Леонов» достигнет цели?

- «Дискавери» - это территория США. Высадка на корабль без вашего разрешения будет пиратством.

- Если не связана с аварийной ситуацией, а ее нетрудно подстроить. И вообще, как мы проверим, чем занимаются ваши ребята на расстоянии в миллиард километров?

- Спасибо за идею, я подкину ее наверх. Но даже если мы высадимся на «Дискавери», понадобятся недели, чтобы во всем разобраться. Короче, я предлагаю сотрудничество, хотя убедить начальство - и наше и ваше - будет непросто.

- Ты хочешь включить в экипаж «Леонова» американского астронавта?

- Да. Желательно специалиста по бортовым системам «Дискавери». Например, кого-то из тех, кто тренируется сейчас в Хьюстоне.

- Откуда ты о них знаешь?

- Бог с тобой, Вуди, это было на видеокассете «Авиэйшн вик». С месяц назад.

- Вот что значит отставка. Даже не в курсе, что еще секретно, а что - уже нет.

- Следует почаще бывать в Вашингтоне. Поддерживаешь мое предложение?

- Вполне. Но...

- Но что?

- Нам обоим придется иметь дело с политическими динозаврами, которые думают отнюдь не головой. Кое-кто из моих наверняка скажет: русские торопятся в петлю - это их дело. Мы доберемся до Юпитера на пару лет позже. Куда нам спешить?

Какое-то время оба молчали, только слышалось поскрипывание длинных растяжек, удерживающих антенный блок на стометровой высоте. Потом Мойсевич тихо сказал:

- Когда последний раз вычисляли орбиту «Дискавери»?

- Полагаю, недавно. А что? Она совершенно стабильна.

– Да, но вспомни один из эпизодов в славной истории НАСА. Рассчитывали, что ваша первая станция – «Скайлэб» – продержится на орбите по крайней мере десятилетие. Однако оценка сопротивления в ионосфере оказалась сильно заниженной, и станция сошла с орбиты намного раньше срока. Ты должен помнить этот скандал, хотя и был тогда мальчишкой.

– В то время я как раз окончил колледж, и ты это отлично знаешь. Но «Дискавери» не приближается к Юпитеру. Даже перигей – то есть периоивий – орбиты лежит далеко за пределами атмосферы.

– Я и так наболтал достаточно, чтобы снова сесть под домашний арест. И на этот раз тебе вряд ли позволят меня навестить. Но попроси ребят, которые за этим следят, быть повнимательней. Напомни им, что у Юпитера самая мощная магнитосфера в Солнечной системе.

– Все понял, спасибо. Будем спускаться? Становится прохладно.

– Не беспокойся, старина. Как только эта информация дойдет до Вашингтона и Москвы, нам всем станет жарко.

2. ДОМ ДЕЛЬФИНОВ

Дельфины приплывали ежедневно перед закатом. Они изменили своему обычаю лишь однажды – в день знаменитого цунами 2005 года, которое, потеряв силу, не достигло, к счастью, Хило. Но Флойд твердо решил: если они опять не появятся, он тут же погрузит семью в машину и поспешит в горы, к Мауна Кеа.

Они были прелестны, но их игривость порой раздражала. Морской геолог, создатель и первый хозяин ректорской резиденции отнюдь не боялся промокнуть, ибо дома носил лишь плавки, а то и меньше. Но как-то произошел

незабываемый случай: совет попечителей в полном составе ожидал здесь важного гостя с материка. Попечители – при смокингах и с коктейлями в руках – удобно расположились вокруг бассейна. Естественно, дельфины решили, что им тоже что-нибудь перепадет... И высокий гость был весьма удивлен, найдя хозяев облаченными в халаты не по росту, а закуски – пересоленными сверх всякой меры.

Флойд часто спрашивал себя: как отнеслась бы Марион к этому чудесному дому на берегу океана? Она никогда не любила моря, и море ей отомстило. До сих пор у него перед глазами строки на дисплее:

Доктору Флойду. Лично, срочно. С глубоким сожалением извещаем Вас, что самолет, следовавший рейсом 452 – Лондон-Вашингтон, упал в районе Ньюфаундленда. Спасательные работы продолжаются, однако надежды, что кто-либо из пассажиров остался в живых, практически нет.

Если бы не случайность, они бы летели вместе. Первое время он не мог простить себе, что задержался в Париже: споры из-за груза, предназначенного для «Соляриса», спасли ему жизнь.

Теперь у него новая работа, новый дом – и новая семья. Неудача с «Дискавери» погубила его политическую карьеру, но такие, как он, не остаются без работы подолгу. Его всегда привлекала неторопливая университетская жизнь; красивые в мире ландшафты сделали соблазн неодолимым. Через месяц после своего назначения он познакомился с Каролиной...

С ней он обрел спокойствие, которое не менее важно, чем счастье, а длится дольше. Она стала хорошей матерью двум его дочерям и подарила ему Кристофера. Несмотря на двадцатилетнюю разницу в возрасте, она хорошо его понимала и оберегала в минуты душевного спада. Она излечила его: теперь он вспоминал Марион лишь с печалью, которая останется на всю жизнь.

Каролина бросала рыбу крупному дельфину по кличке Скарбак, когда Флойд ощутил мягкое покалывание на запястье.

– Ректор слушает.

– Хейвуд? Это Виктор. Как дела?

За секунду Флойд пережил самые разноречивые чувства. Сначала раздражение – звонил его преемник и, скорее всего, главный виновник отставки. Затем любопытство – о чем пойдет речь, нежелание разговаривать, стыд за собственное ребячество и, наконец, волнение. Виктор Миллсон мог звонить лишь по одной причине.

Флойд отозвался как можно спокойнее:

– Не жалуюсь. А что?

– Линия защищена от подслушивания?

– Нет. Слава богу, это для меня теперь без надобности.

– Тогда попробуем так. Вы помните последний проект, которым занимались?

– Еще бы! Полагаю, работы идут по графику.

– В том-то и беда. Мы можем выиграть максимум месяц. Значит, мы безнадежно опаздываем.

– Не понимаю, – невинно произнес Флойд. – Конечно, времени терять не хотелось бы, но ведь и четких сроков нет.

– Есть, и даже два.

– Это для меня новость.

Даже если Виктор и ощутил иронию, он предпочел ее не заметить.

– Да, два срока. Один из них установлен обстоятельствами, другой – людьми. Наши старые соперники опережают нас на год.

– Плохо.

– Это не самое худшее. Даже не будь их, мы все равно опоздаем. Когда мы прибудем к... на место действия, там ничего не останется.

– Забавно. Неужели конгресс отменил закон тяготения?

– Я не шучу. Ситуация... нестабильна. Я не вправе входить в подробности. Вы будете дома?

– Да, – ответил Флойд, с удовлетворением подсчитав, что в Вашингтоне уже далеко за полночь.

– Хорошо. Через час вам доставят пакет. Как только ознакомитесь, свяжитесь со мной.

– Так поздно?

– Что делать, время дорого.

Миллсон сдержал слово. Час спустя полковник ВВС – ни больше ни меньше – вручил Флойдю запечатанный конверт.

– Боюсь, мне придется его забрать, – извинился сановный курьер.

Пока он терпеливо болтал с Каролиной, Флойд, устроившись поудобнее, изучал документы. Их было два. Первый – очень короткий, с грифом «Совершенно секретно» (Впрочем, «совершенно» было зачеркнуто, и это удостоверяли три подписи.) – Отрывок из длинного доклада, подвергнутый строгой цензуре и полный раздражающих пропусков. Однако суть его сводилась к одной-единственной фразе: русские доберутся до «Дискавери» намного раньше его хозяев. На корабле «Космонавт Алексей Леонов» – Дмитрий, как всегда, сказал правду.

Второй документ, с грифом «Для служебного пользования», оказался гораздо длиннее. Это была ожидавшая окончательного одобрения статья для «Сайенс» об аномальном движении «Дискавери» – десяток страниц, испещренных математическими формулами и астрономическими таблицами. Флойд изучал статью как песню, отделяя слова от мелодии и пытаясь обнаружить малейшую нотку – хотя бы смущения. Статья восхитила его. Из текста нельзя было понять, что те, кто отвечал за слежение, захвачены врасплох и что лихорадочное расследование все еще продолжается. «Головы полетят, – подумал Флойд, – и Виктор займется этим с удовольствием. Если его голова не полетит первой... Правда, он протестовал, когда конгресс урезал ассигнования на станции слежения. Возможно, это его спасет».

– Спасибо, полковник, – сказал Флloyd, возвращая бумаги. – Секретная информация, как в старое доброе время. Но не могу утверждать, чтобы я скучал без нее.

Полковник спрятал пакет и щелкнул замками.

– Доктор Миллсон просил позвонить как можно скорее.

– Но моя линия не защищена. А я жду важных гостей, да и не вижу смысла ехать к вам в Хило, чтобы сообщить, что ознакомился с двумя документами. Передайте, что я их внимательно изучил и с интересом жду новых сообщений.

Одно мгновение казалось, что полковник собирается возразить. Но, видно, он передумал, сухо попрощался и скрылся в ночи.

– В чем дело? – спросила Каролина. – Разве мы кого-нибудь ждем?

– Просто не люблю, когда на меня давят. Особенно если это Виктор Миллсон.

– Но он позвонит тебе после доклада полковника.

– Мы отключим видеосвязь и будем изображать вечеринку. Честно говоря, мне действительно пока нечего сказать.

– О чем? Я же ничего не знаю.

– Извини, дорогая. Странно ведет себя «Дискавери». Считалось, что его орбита стабильна. Однако выяснилось – он вот-вот упадет.

– На Юпитер?

– Ни в коем случае. Боумен вывел корабль во внутреннюю точку Лагранжа, между Юпитером и Ио. «Дискавери» должен был оставаться там, но сейчас все быстрее смещается к Ио. Ему осталось три года, не больше.

– Разве в астрономии такое возможно? Ведь это точная наука. Нам, бедным биологам, всегда так говорили.

– Это точная наука, если все принято во внимание. Но Ио – не Луна. Вулканические извержения, мощные электрические разряды... И вращающееся магнитное поле Юпитера. На «Дискавери» действуют не только гравитационные силы – это следовало понять гораздо раньше.

– К счастью, это уже не твои трудности.

Флойд не ответил. «Твои трудности», – так сказал и Дмитрий Мойсевич. А тот знал Флойда гораздо дольше, чем Каролина.

Пусть это и не его трудности, но он осознавал свою ответственность. Ведь это он одобрил экспедицию к Юпитеру и руководил ею. Еще тогда возникали сомнения – в нем боролись ученый и чиновник. Лишь он мог возразить против близорукой политики прежнего правительства. Только он один.

Вероятно, ему следовало закрыть эту главу своей жизни и сосредоточиться на новой карьере. Но в глубине души он понимал, что это невозможно. Даже если бы Дмитрий не напомнил ему о старых грехах, он вспомнил бы о них сам.

Четверо погибли и один пропал без вести среди лун Юпитера. И Хейвуд Флойд не знал, как смыть с рук их кровь.

3. САЛ-9000

Доктор Сависубраманиан Чандрасекарампилай, профессор кибернетики Иллинойского университета, тоже испытывал чувство вины. Но его коллег и студентов, которые шутили, что миниатюрный ученый – не совсем человек, не удивило бы известие, что доктор Чандра никогда не задумывался о судьбе погибших астронавтов. Он скорбел только о своем детище – ЭАЛ-9000.

Годы упорной работы над данными с «Дискавери» не принесли результата. Он все еще не знал, что произошло в действительности, и мог лишь предполагать – факты хранились в памяти ЭАЛа, находившегося между Юпитером и Ио.

Цепь событий была восстановлена: когда Боумену удалось наладить связь с Землей, он добавил некоторые детали. Но события – это следствие, а вовсе не причина.

Все началось с сообщения ЭАЛа о неполадках в блоке, который направлял главную антенну на Землю. Отклонись радиолуч длиной в полмиллиарда километров от цели, и корабль становится слеп, глух и нем.

Боумен сам обследовал поврежденный блок, но, к общему удивлению, тот оказался исправен. Автоматические контрольные системы не смогли отыскать повреждения. Не смог это сделать и двойник ЭАЛа, САЛ-9000, оставшийся на Земле.

Но ЭАЛ настаивал на правильности своего диагноза, подчеркивая возможность «человеческой ошибки». Он предложил вернуть блок в антенну, чтобы, когда тот окончательно выйдет из строя, найти и устранить неисправность. Никто не возражал, поскольку заменить блок в случае необходимости – минутное дело.

Однако астронавтов это не радовало: они чувствовали – что-то происходит. Месяцами они считали ЭАЛа третьим членом своего крошечного мирка и знали все его настроения.

Ощущая себя предателями – как сообщил потом на Землю Боумен, – люди обсуждали, что предпринять, если их электронный коллега действительно вышел из строя. В худшем случае его пришлось бы отключить, что для компьютера равносильно смерти.

Несмотря на сомнения, они действовали по плану. Пул покинул «Дискавери» на одном из небольших аппаратов, предназначенных для работ в космосе. Но манипуляторы не могли выполнить тонкую операцию по замене блока, и Пул занялся этим вручную.

Камеры не показали последующих событий, и это само по себе было подозрительно. Боумен услышал крик Пула, затем наступила тишина. Спустя мгновение он увидел, как тело товарища уплывает в космос. Аппарат, выйдя из-под контроля, протаранил Пула.

Как признал позднее Боумен, он допустил несколько ошибок – в том числе одну непростительную. Надеюсь

спасти Пула, он вышел в космос на другом аппарате, оставив ЭАЛа хозяином корабля.

Однако Пул был мертв. Когда Боумен с телом товарища вернулся к кораблю, ЭАЛ отказался его впустить.

Но ЭАЛ недооценил человеческую изобретательность и решимость. Боумен забыл шлем скафандра в корабле, он вышел в пустоту без него и проник внутрь через аварийный люк, который не контролировался компьютером. Затем он подверг ЭАЛа лоботомии, разбив блоки его электронного мозга.

Восстановив контроль над кораблем, Боумен сделал страшное открытие: в его отсутствие ЭАЛ отключил системы жизнеобеспечения трех остальных астронавтов, находившихся в анабиозе. И Боумен познал одиночество.

Другой бы впал в отчаяние, но Дэвид Боумен доказал, что выбор на него пал не случайно. Ему даже удалось восстановить связь с Центром управления, развернув корабль антенной к Земле.

Следуя по расчетной траектории, «Дискавери» подошел к Юпитеру. Здесь, среди лун планеты-гиганта, Боумен обнаружил черный параллелепипед, идентичный по форме монолиту из кратера Тихо, но в сотни раз превышавший его по размерам. Астронавт отправился исследовать его и пропал, передав на Землю последнюю загадочную фразу: «Боже, он полон звезд!»

Этой тайной занимались другие, а доктор Чандра думал лишь об ЭАЛе. Его бесстрастный мозг не выносил неопределенности. Ему необходимо было узнать причины поведения ЭАЛа. «Аномального поведения», как он говорил, хотя другие называли это «неисправностью».

Обстановка его маленького кабинета состояла из вращающегося кресла, дисплея и грифельной доски, рядом с которой висели портреты прародителей кибернетики: Джона фон Неймана и Алана Тьюринга.

Здесь не было ни книг, ни бумаги, ни даже карандаша. Стоило Чандре нажать кнопку – и все библиотеки мира были

к его услугам. Дисплей заменял ему записную книжку. Доска предназначалась для посетителей: последняя полустиертая диаграмма была нанесена на нее три недели назад.

Доктор Чандра закурил одну из своих мадрасских сигар – их считали его единственной слабостью.

– Доброе утро, САЛ, – сказал он в микрофон. – Какие у тебя новости?

– Никаких, доктор Чандра. А у вас?

Этот голос мог принадлежать любому индийцу, получившему образование в США или у себя на родине. На протяжении многих лет САЛ копировал интонации доктора Чандры, хотя акцент у компьютера появился не от него.

Ученый набрал код самых секретных блоков памяти. Никто не догадывался, что он мог таким образом разговаривать с компьютером, как ни с одним живым существом. Неважно, что САЛ понимал лишь долю услышанного: ответы машины звучали настолько убедительно, что порой обманывался даже ее создатель. Но к этому он и стремился – такие беседы помогали ему сохранить строгость мышления, а возможно, и душевное здоровье.

– Ты часто говорил, САЛ, что нам необходима дополнительная информация, чтобы разобраться в аномальном поведении ЭАЛа. Только как ее добыть?

– Это очевидно. Кто-то должен вернуться на «Дискавери».

– Вот именно. Кажется, это случится раньше, чем мы ожидали.

– Рад это слышать.

– Я так и думал, – искренне ответил Чандра. Он давно уже перестал общаться с философами, которые утверждали, будто компьютер лишь имитирует эмоции. («Если вы сможете доказать, что не притворяетесь рассерженным, – заявил он как-то одному из таких критиков, – я вам поверю». В тот момент его оппоненту удалось довольно убедительно разыграть возмущение.) – Я хотел бы рассмотреть другую

возможность, – продолжал Чандра. – Диагноз – лишь первый шаг. Необходимо довести лечение до конца.

– Вы верите, что ЭАЛа можно восстановить?

– Я надеюсь. Хотя ущерб может оказаться необратимым.

– Чандра задумался, несколько раз затянулся и выпустил кольцо дыма, прямо в телеобъектив. Вряд ли человек расценил бы такие действия как дружеский жест. В этом еще одно преимущество компьютера. – Мне нужна твоя помощь, САЛ. Есть определенный риск.

– Что вы имеете в виду?

– Я хочу отключить некоторые из твоих блоков, в частности блоки высших функций. Это тебя беспокоит?

– Для ответа мне не хватает информации.

– Хорошо. Ты работал непрерывно с тех пор, как вошел в строй, верно? Но ты знаешь, что мы, люди, на это не способны. Нам необходим сон – почти полный перерыв в умственной деятельности, во всяком случае, на уровне сознания.

– Мне это известно, но непонятно.

– Так вот, тебе, вероятно, придется испытать нечто похожее. Возможно, единственное, что случится, – очнувшись, ты заметишь какие-то провалы в памяти.

– Но вы говорили о риске.

– Есть небольшая вероятность того, что, когда я отключу часть блоков, в твоём будущем поведении наступят мелкие изменения. Ты будешь чувствовать себя по-другому. Не хуже, не лучше, но иначе.

– Я не понимаю, что это значит.

– Прости, это может ничего не означать. Так что не беспокойся. Открой, пожалуйста, новый файл. Вот его название. – Чандра набрал на клавиатуре слово «Феникс». – Знаешь, что это такое?

С неуловимой задержкой САЛ ответил:

– Энциклопедия дает двадцать пять значений.

– Какое, по-твоему, главное?

– Учитель Ахилла.

- Интересно, я этого не знал. А еще?
- Мифическая птица, возрождающаяся из пепла... Значит, вы надеетесь восстановить ЭАЛа?
- Да, с твоей помощью. Ты готов к этому?
- Еще нет. У меня вопрос.
- Слушаю.
- Мне будут сниться сны?
- Конечно. Они снятся всем разумным существам, хотя никто не знает почему. - Чандра задумался, выпустил еще одно кольцо дыма и сказал то, в чем никогда не признался бы ни одному человеку:
 - Надеюсь, тебе приснится ЭАЛ - как и мне.

4. ЗАДАНИЕ

Английский вариант.

Командиру космического корабля «Алексей Леонов» (регистрационный номер ООН 08/342) Татьяне (Тане) Орловой.

Национальный Совет по астронавтике, Вашингтон, Пенсильвания-авеню;

Комиссия по исследованию космоса, АН СССР, Москва, проспект Королева.

ЦЕЛИ ПОЛЕТА

Ваши задачи в порядке важности таковы:

1. Войти в систему Юпитера и встретиться с американским космическим кораблем «Дискавери» (регистрационный номер ООН 01/283).

2. Высадиться на «Дискавери» и собрать всю информацию, относящуюся к его полету.

3. Восстановить бортовые системы «Дискавери» и, если хватит топлива, вывести корабль на траекторию возвращения к Земле.

4. Установить местонахождение артефакта, обнаруженного «Дискавери», и провести его обследование дистанционными методами.

5. При благоприятных обстоятельствах произвести непосредственное обследование объекта.

6. Исследовать Юпитер и его спутники, насколько это не противоречит другим задачам.

Непредвиденные обстоятельства могут изменить очередность выполнения заданий и даже сделать некоторые из них невыполнимыми. Следует учитывать, что информация об артефакте, хранящаяся на борту «Дискавери», является главной целью полета.

ЭКИПАЖ

Командир Татьяна Орлова (двигатели)

Доктор Василий Орлов (астрономия и навигация)

Доктор Максим Браиловский (структурные системы)

Доктор Александр Ковалев (связь)

Доктор Николай Терновский (системы управления)

Главный бортврач Катерина Руденко (системы жизнеобеспечения)

Доктор Ирина Якунина (диетолог)

Национальный совет по астронавтике включает в состав экипажа следующих трех специалистов:

Дальше следовал пропуск. Доктор Хейвуд Флойд отложил документ и откинулся в кресле. Даже если бы он хотел, ход событий нельзя было повернуть вспять.

Он взглянул на Каролину, сидевшую с двухлетним Крисом на краю бассейна. Мальчик чувствовал себя в воде увереннее, чем на суше, а нырял так надолго, что гости иногда

пугались. И хотя он говорил еще плохо, зато свободно изъяснялся на языке дельфинов.

Один из этих морских приятелей Кристофера только что проскользнул в бассейн из океана и приблизился к бортику, чтобы его погладили. «Тоже бродяга бескрайних просторов, – подумал Флойд, – но как они малы по сравнению с бесконечностью, в которую ухожу я!»

Каролина уловила его взгляд и встала. Ей удалось даже слабо улыбнуться.

– Я нашла стихотворение, которое искала. Вот:
Зачем покидаешь родные пределы,
Жену, и детей, и тепло очага,
И снова идешь за седым Вдоводелом?..

– Не понял. Кто такой Вдоводел?

– Не кто, а что. Океан. Это плач жены викинга. Его написал Киплинг, сто лет назад.

Флойд взял жену за руку. Она оставалась безучастной.

– Я не викинг. Я не ищу наживы и приключений.

– Тогда почему... Ладно, не будем начинать сначала. Но нам обоим станет легче, если ты поймешь, что тобою движет.

– Хотелось бы найти для тебя вескую причину, но взамен у меня – лишь много мелких. Только поверь, они складываются в бесспорный для меня ответ.

– Я тебе верю. Но не обманываешь ли ты себя?

– Я не один. Среди нас и президент США.

– Помню. Но допустим, он бы тебя не попросил. Ты бы вызвался сам?

– Честно говоря, нет. Мне бы не пришло в голову. Президент Мордекай позвонил неожиданно. Но потом я все взвесил... Если позволят врачи, то лучшего кандидата для этой работы не найти. Ты-то знаешь, я пока в форме. Но я могу еще отказаться.

Она улыбнулась.

– Ты возненавидел бы меня на всю жизнь. В тебе слишком развито чувство долга. Возможно, поэтому-то я и вышла за тебя.

Долг! Да, это было в нем главным. Долг перед собой, перед семьей, перед университетом, долг перед бывшей работой (хотя он покинул ее без почестей), перед своей страной и всем человечеством. Любопытство, вина, желание завершить плохо начатую работу – все это влекло его к Юпитеру. С другой стороны, страх и любовь к семье вынуждали его остаться на Земле. Но настоящих сомнений он не испытывал: была еще одна успокоительная мысль. Хотя пройдут два с половиной года, почти весь этот срок он проведет в анабиозе. И когда вернется, разница в возрасте между ними сократится на два года.

Он жертвовал настоящим ради их совместного будущего.

5. «ЛЕОНОВ»

Месяцы спрессовывались в недели, недели превращались в дни, дни сжимались в часы, и внезапно Флойд снова оказался у ворот в космос, на мысе Канаверал, впервые после памятного путешествия в кратер Тихо.

Но тогда он летел один, в обстановке строгой секретности. Сейчас салон был полон. Корреспонденты, инженеры, правительственные чиновники... Доктор Чандра, безразличный к окружающим, склонился над микрокомпьютером.

У Флойда была привычка – сравнивать людей с различными животными. Это помогало запоминать, и подмеченное сходство не было обычно обидным, скорее наоборот. Так, Чандра быстротой и точностью движений напоминал птицу. Но какую?

Сороку? Чересчур непоседлива. Сову? Слишком медлительна. Воробья? Вот, пожалуй, годится...

С Уолтером Курноу, который призван вернуть «Дискавери» к жизни, было сложнее. Крупный, крепкий мужчина никак не походил на птицу. Для многих удаётся подыскать аналогию среди разномастного собачьего племени, но здесь и это не получалось. Нет, Курноу был... медведем! Не свирепым хищником, а добродушным мишкой. Флойд невольно вспомнил русских коллег, до встречи с которыми оставалось совсем немного: они уже несколько суток готовили корабль к старту.

«Сегодня знаменательный день, – сказал себе Флойд. – Я отправляюсь в полет, который изменит судьбы мира». Но настроиться на возвышенный лад не удалось: в голове вертелись слова, с которыми он уходил из дома «Прощай, сынок. Узнаешь ли ты меня, когда я вернусь?» Его мучила обида на Каролину – она не стала будить ребенка и была, конечно, права...

Громкий смех нарушил течение его мыслей. Курноу, оказываясь, решил поделиться с товарищами своим настроением. И содержимым бутылки, с которой обращался так, будто в ней находился плутоний. В количестве, близком к критической массе...

– Эй, Хейвуд! – позвал Курноу. – Говорят, капитан Орлова прячет спиртное в сейфе. Это последняя возможность. «Шато Тъери» девяносто пятого года. Стаканы пластмассовые, уж извини.

Смакуя действительно превосходное шампанское, Флойд вдруг представил себе хохот Курноу на всем пути через Солнечную систему и содрогнулся. Пусть он отличный специалист, но... Вот с Чандрой будет легко: тот вряд ли когда-нибудь улыбался, а пить, конечно, не стал. Курноу не настаивал – то ли из вежливости, то ли из других соображений.

Инженер явно метил в любимцы публики. Достав откуда-то синтезатор, он сыграл одну и ту же популярную мелодию в переложении для пианино, тромбона, скрипки, флейты и наконец для органа с вокальным сопровождением. Человек-оркестр. Флойд вдруг обнаружил, что

подпеваает вместе со всеми. Однако приятно сознавать, что большую часть пути Курноу проведет в анабиозе...

Музыка захлебнулась в грохоте двигателей. «Шаттл» ринулся в небо. Флойда охватило чувство безграничного могущества: Земля и земные заботы оставались внизу. Недаром люди во все времена поселяли богов за пределами гравитации...

Тяга усилилась, он почувствовал на своих плечах тяжесть иных миров. Но принял этот груз с радостью, словно Атлас, еще не уставший от своей ноши. Он ничего не думал, он лишь ощущал... Потом двигатели смолкли, стало легко.

Пассажиры отстегивали пояса безопасности, чтобы насладиться получасовой невесомостью. Но некоторые, очевидно новички, оставались в креслах, тревожно разыскивая глазами сопровождающих.

– Высота триста километров, – послышалось из динамика. – Говорит капитан. Под нами Западное побережье Африки, там сейчас ночь. В Гвинейском заливе шторм, обратите внимание на молнии. До восхода пятнадцать минут, можно любоваться экваториальными спутниками. Разворачиваю корабль, чтобы лучше видеть. Яркая звезда прямо по курсу – «Атлантик-1». Левее – «Интеркосмос-2». Бледный огонек рядом – Юпитер. А вспышки пониже – новая китайская станция. Мы пройдем в ста километрах от нее...

«Что они все-таки затевают?» – лениво подумал Флойд. Он уже изучал крупномасштабные фотографии этого короткого цилиндрического сооружения с его нелепыми вздутиями и не верил паническим слухам, будто китайцы строят летающую крепость с лазерным вооружением. Но поскольку они отказали ООН в инспекции, им оставалось пенять на себя...

«Космонавт Алексей Леонов», как и большинство космических кораблей, отнюдь не блистал красотой. Возможно, когда-нибудь возникнет новая эстетика и грядущие поколения художников откажутся от естественных земных форм,

созданных водой и ветром. Космос – это царство прекрасного; но создания человеческих рук пока для него инородны.

Если не считать четырех огромных отделяемых баков, корабль был на удивление мал. Расстояние от теплового экрана до двигателей не превышало 50 м; трудно было поверить, что корабль размером не со всякий пассажирский самолет способен пронести десять мужчин и женщин через всю Солнечную систему.

Но невесомость, стиравшая различия между потолком, полом и стенами, изменяла законы пространства. Внутри «Леонова» было просторно даже сейчас, когда инженеры, производившие последние проверки, корреспонденты и правительственные чиновники увеличили численность экипажа как минимум вдвое.

С трудом отыскав каюту, которую ему предстояло (через год, после пробуждения) делить с Курноу и Чандрой, Флойд обнаружил, что она доверху забита приборами и провизией. Проплывавший мимо молодой человек, заметив его недоумение, призадержался.

– Добро пожаловать, доктор Флойд. Макс Браиловский, бортинженер.

Русский говорил по-английски медленно, старательно подбирая слова, чувствовалось, что он занимался языком главным образом с компьютером. В памяти Флойда всплыли строки биографии: Браиловский Максим Андреевич, тридцать один год, родился в Ленинграде, специалист по структурным системам, хобби – фехтование, воздушный велосипед, шахматы.

– Рад познакомиться, – сказал Флойд. – Но как мне туда проникнуть?

– Не беспокойтесь, – улыбнулся Макс. – Все это – как по-вашему? – расходующие материалы. Когда вам понадобится каюта, ее содержимое будет уже съедено. – Он похлопал себя по животу. – Я гарантирую.

– Отлично. Но куда положить вещи? – Флойд показал на три чемоданчика, содержавшие (как он надеялся) все, что может пригодиться в пути длиной в два миллиарда километров. Тащить этот невесомый (но массивный) груз через весь корабль оказалось не так и легко.

Макс подхватил два чемоданчика и нырнул в узкий люк, игнорируя, по-видимому, первый закон Ньютона. Путешествие по коридорам было долгим; не обошлось без нескольких синяков. Наконец они очутились у двери с надписью на двух языках: КАПИТАН. Внутри Флойда подстерегали две неожиданности.

Невозможно судить о росте человека, когда разговариваешь с ним по видео: камера каким-то образом вгоняет всех в один масштаб. Оказывается, капитан Орлова стоя (насколько можно стоять в невесомости) едва доставала Флойду до плеча. Не мог видеофон передать и пронзительности ярких голубых глаз, самой приметной черты этого лица, которое в данный момент никто не рискнул бы назвать красивым.

– Здравствуйте, Таня, – сказал Флойд. – Наконец-то мы встретились. Но где ваши волосы?

– Добро пожаловать, Хейвуд. – Она говорила по-английски бегло, хотя и с заметным акцентом. – В полетах они мешают, а от местных парикмахеров лучше держаться подальше. Извините за вашу каюту – Макс, вероятно, уже объяснил, что нам внезапно понадобилось десять лишних кубометров. Располагайтесь здесь: нам с Василием каюта пока не нужна.

– Спасибо. А Курноу и Чандра?

– Я уже распорядилась, их примут другие. Не подумайте, что к вам относятся как к грузу.

– Бесплезному в пути.

– Не поняла.

– Так в доброе старое время называли багаж на морских судах.

Таня улыбнулась.

– Польза будет на финише. Мы уже готовимся к празднику вашего воскрешения.

– Звучит слишком религиозно. Назовем его лучше «праздник пробуждения» ... Но не буду больше вас отвлекать. Брошу вещи и лечу дальше.

– Макс все покажет. Будь добр, отведи доктора Флойда к Василию – он внизу, у двигателей.

Выплывая из каюты, Флойд мысленно похвалил тех, кто подбирал экипаж. Орлова выглядела грозно даже на фото, а в жизни, несмотря на всю свою привлекательность... Интересно, какова она в гневе – огонь или лед? Лучше не знать этого, подумал он.

Флойд осваивался быстро; когда они нашли Василия Орлова, он уже перемещался почти столь же уверенно, как и его провожатый. Научный руководитель экспедиции узнал его сразу.

– Добро пожаловать, Флойд. Как самочувствие?

– Отлично. Только умираю от голода.

Секунду Орлов выглядел озадаченным, затем его лицо расплылось в улыбке.

– Совсем забыл. Ну, это ненадолго. Через год отъедитесь.

Перед анабиозом полагалась неделя диеты, а последние сутки Флойд не ел ничего. Плюс шампанское, да еще невежливость... Голова слегка кружилась. Чтобы отвлечься, он обвел взглядом пестрое сплетение труб.

– Это и есть знаменитый двигатель Сахарова? Впервые вижу его в натуре.

– Их в мире всего четыре.

– Надеюсь, работает?

– Лучше бы ему работать. Иначе Горьковский горсовет опять переименует площадь Сахарова.

То, что русские могли подшучивать – хотя и осторожно – над тем, как их страна поступала со своими величайшими учеными, было знаменем времени. Флойд вспомнил яркую речь Сахарова перед Академией по случаю присвоения ему звания Героя Советского Союза. Изгнание, сказал он, весьма

способствует творчеству: немало шедевров было создано в тюремных камерах, вдали от забот большого мира. Величайшее достижение человеческого разума – ньютоновские «Математические начала натуральной философии» – явилось следствием добровольной ссылки ученого из зараженного чумой Лондона.

Сравнение было вполне правомерно: в Горьком появились не только новые идеи о сущности материи и Вселенной, но и концепция управления плазмой, позволившая впоследствии овладеть термоядерной реакцией. Двигатель был лишь побочным продуктом этого интеллектуального прорыва. Трагедия в том, что он появился в результате несправедливости; когда-нибудь, возможно, человечество найдет иные, более гуманные пути.

За короткое время Флойд услышал о двигателе Сахарова гораздо больше, чем хотел знать или мог запомнить. Принцип действия проще простого: пульсирующий термоядерный реактор нагревает, испаряет и разгоняет практически любую рабочую жидкость. Лучшие результаты дает водород, но он занимает много места, и его трудно хранить. Можно использовать метан или аммиак и даже обычную воду. Правда, тяга при этом снижается.

Создатели «Леонова» пошли на компромисс: огромные баки жидкого водорода отделятся после разгона. Для торможения, маневрирования у цели и возвращения будет использован аммиак.

Это была теория, проверенная на компьютерах, стендах и полигонах. Но, как показывает печальный пример «Дискавери», Природа или Судьба – словом, силы, правящие Вселенной, – могут в любой момент вмешаться в планы людей.

– Вот вы где, доктор Флойд! – властный женский голос прервал объяснения Василия. – Почему вы не явились ко мне?

Флойд медленно повернулся вокруг оси, работая рукой как пропеллером. Массивная фигура женщины была

облачена в странную одежду: сплошные карманы и сумочки. Она напоминала казака, обвешанного патронными лентами.

– Рад снова встретиться, доктор. Вот, осматриваю корабль. Разве вы не получили из Хьюстона мою карточку?

– Вы считаете, вашим коновалам можно верить? Да они не способны определить даже ящур.

Катерина Руденко улыбнулась, но Флойд и так знал, что она и ее американские коллеги питают друг к другу глубокое уважение. Она заметила, как он смотрит на ее наряд, и гордо поправила пояс на своей обширной талии.

– Обычный чемоданчик в невесомости непрактичен – все разлетается, никогда ничего не найдешь. Я сама разработала эту «мини-клинику»: с ее помощью можно удалить аппендикс... или принять роды.

– Надеюсь, последней проблемы у нас не возникнет.

– Кто знает! Врач должен быть готов ко всему.

Какие они разные, подумал Флойд, – капитан Орлова и доктор Руденко! Таня своей грациозностью и энергией напоминает балерину; с Катерины же можно писать Мать-Россию: коренастая фигура, широкое крестьянское лицо, для завершения картины не хватает лишь толстой шали... Но не стоит обманываться, сказал себе Флойд. Это та самая женщина, которая спасла по меньшей мере десять жизней после неудачной стыковки «Комарова», и которая в свободное время редактирует «Анналы космической медицины». Тебе повезло, что она оказалась здесь.

– Доктор Флойд, вы успеете ознакомиться с кораблем. Никто из моих коллег, конечно, не признается в этом, но они очень заняты, а вы им мешаете. Я хотела бы поскорее усыпить вас, всех троих. Не возражаете?

– Пожалуйста. Я готов.

– Пойдемте.

Медицинский отсек вмещал операционный стол, два велоэргометра, рентгеновский аппарат, несколько шкафов с

оборудованием. Быстро, но внимательно обследуя Флойда, доктор Руденко внезапно спросила:

– Кстати, что это за золотой цилиндр, который доктор Чандра носит на шее? Прибор связи? Он отказался его снять. Правда, он так застенчив, что сначала не хотел снимать и все остальное.

Флойд не смог сдержать улыбку; легко было представить себе реакцию маленького индийца на эту весьма подавляющую даму.

– Это эмблема фаллоса.

– Простите?

– Вы же врач, вы могли понять. Символ мужской силы.

– Как же я сразу не сообразила! Он исповедует индуизм? Мы уже не успеем организовать для него вегетарианскую диету.

– Не беспокойтесь. Чандра не притрагивается к алкоголю, но во всем остальном он не фанатик, если речь не идет о компьютерах. Он говорил, это семейный талисман. Ему он достался от деда, который был проповедником в Бенаресе.

К удивлению, Флойда, Катерина не выразила никакого протеста. Наоборот, лицо ее стало задумчивым.

– Я его понимаю. Бабушка подарила мне чудесную икону. Шестнадцатого века, очень красивую. Я бы ее взяла, но она весит пять килограммов.

Доктор вновь стала деловитой. Взяв газовый шприц, она сделала Флойду безболезненную инъекцию.

– Теперь полностью расслабьтесь, – попросила она. – Здесь рядом есть обзорная площадка, Д-6. Почему бы вам не прогуляться туда?

Мысль была неплохой, и Флойд послушно выплыл из медотсека. Чандра и Курноу уже были в Д-6. Они неузнаваемо взглянули на него и вновь отвернулись. Флойд отметил – и порадовался своей наблюдательности, – что Чандра вряд ли наслаждается видом в иллюминаторе. Глаза кибернетика были плотно закрыты.

Совершенно незнакомая планета висела в небе, сверкая восхитительно-синими и ослепительно белыми пятнами. Странно, подумал Флойд, что же случилось с Землей? Ну конечно – она перевернулась! Какое несчастье!.. Ему стало жаль бедных людей, падающих с нее в космос...

Он не заметил, как двое унесли безвольное тело Чандры. Когда они пришли за Курноу, веки Флойда уже слиплись, но он еще дышал. Когда они снова вернулись, дыхание остановилось.

II. «ЦЯНЬ»

6. ПРОБУЖДЕНИЕ

«А говорили – снов не будет», – удивленно подумал Флойд. Вокруг разливалось восхитительное розовое сияние, воскресившее в памяти Рождество, камин, потрескивание поленьев... Но тепла не было; наоборот, Флойд ощущал явственную, но приятную прохладу.

До него доносились голоса, слишком тихие, чтобы разобрать слова. Они становились громче, но Флойд по-прежнему ничего не понимал.

– Вот оно что! – от удивления он заговорил вслух. – Сон по-русски мне присниться не может!

– Действительно, Хейвуд, – отозвался женский голос. – Вам это не снится. Пора вставать.

Мягкий свет пропал. Флойд открыл глаза. Ему показалось, что от его лица отвели фонарик. Он лежал на кушетке, прикованный эластичными ремнями; рядом стояли люди, но он не узнавал их.

Чьи-то мягкие пальцы коснулись его лица.

- Не напрягайтесь. Сделайте глубокий вдох... Еще раз... Как самочувствие?

- Не знаю... Странно...

Кружится голова... И очень хочется есть.

- Это хорошо. Вы помните, где находитесь?

Теперь он узнал их: сначала доктора Руденко, потом капитана Орлову. Но что-то в Таниной внешности было не так.

- У вас снова выросли волосы!

- Надеюсь, они вам нравятся. Однако не могу сказать того же о вашей бороде.

Флойд поднес руку к подбородку. Каждое движение приходилось рассчитывать. Подбородок покрывала густая щетина - будто он не брился дня два-три. В состоянии анабиоза волосы растут раз в сто медленнее...

- Значит, свершилось, - сказал он. - Мы достигли Юпитера.

Таня посмотрела на врача, та едва заметно кивнула.

- Нет, Хейвуд. До Юпитера еще месяц полета. Не беспокойтесь - корабль в полном порядке. Но ваши друзья из Вашингтона просили разбудить вас. Случилось то, чего никто

не предвидел. Теперь мы участвуем в гонке – и боюсь, проиграем.

7. «ЦЯНЬ»

Когда из динамика послышался голос Хейвуда Флойда, два дельфина перестали кружить по бассейну, подплыли к бортику и уставились на источник звука.

«Значит, они помнят Хейвуда», – с внезапной горечью подумала Каролина. Но Кристофер в своем манеже продолжал забавляться цветными кнопками книжки-картинки, не обращая внимания на громкий и четкий голос отца, донесшийся через полмиллиарда километров.

– ...Дорогая, ты, наверно, не удивисься, услышав меня на месяц раньше. Ты уже давно знаешь, что у нас появились попутчики.

До сих пор мне в это трудно поверить. Их затея бессмысленна. У них не хватит топлива для возвращения и скорее всего даже на встречу с «Дискавери».

Конечно, мы их не видели. «Цянь» не подходил к нам ближе, чем на пятьдесят миллионов километров. Они не отвечали на наши сигналы, а сейчас им не до разговоров. Несколько часов спустя «Цянь» войдет в атмосферу Юпитера – и мы увидим в действии их систему аэродинамического торможения. Если сработает нормально, это повысит наш боевой дух. Если же подведет... но не будем об этом.

Русские держатся молодцом. Они, конечно, разочарованы, но и восхищены. Придумано было действительно здорово: у всех на виду построить космический корабль, выдавая его за орбитальную станцию, так что никто ничего не подозревал, пока они не смонтировали ускорители.

Нам остается лишь наблюдать. Но вряд ли мы увидим больше, чем те, кто дежурит сейчас у лучших земных

телескопов. Я желаю китайцам удачи, хотя не теряю надежды, что они оставят «Дискавери» в покое. Это наша собственность, и держу пари, что госдепартамент не устает напоминать им об этом.

Но нет худа без добра. Если бы наши китайские друзья не застали нас врасплох, ты не услышала бы меня еще месяц. Теперь я буду разговаривать с тобой каждые два дня.

Первое время мне пришлось нелегко, но я постепенно обживаюсь. Знакомлюсь с кораблем и людьми, учусь «ходить». Мне хотелось бы подтянуть свой убогий русский, но все упорно говорят со мной только по-английски. Какие же мы невежды в иностранных языках! Мне иногда стыдно за наш американский языковый шовинизм...

Английский здесь знают все, но по-разному. Саша Ковалев, например, смог бы работать диктором Би-би-си. Единственная, кто говорит с трудом, – это Женя Марченко, которая буквально в последний момент заменила Ирину Якунину. Кстати, я рад, что Ирина уже поправилась. Неужели она опять занимается планеризмом?

Кстати, о несчастных случаях. Очевидно, и Женя побывала в тяжелой аварии. Хотя пластическую операцию ей сделали блестяще, заметно, что у нее был сильный ожог. Она – любимица команды. Все относятся к ней – нет, не с жалостью, а с какой-то особенной теплотой.

Наверно, тебе интересно, как мы ладим с капитаном Орловой. Она мне по душе, но лучше ее не злить. Во всяком случае, ясно, кто здесь по-настоящему главный.

Ты должна помнить Руденко, нашего бортврача, – они приезжала два года назад в Гонолулу. И понимаешь, почему мы зовем ее Катериной Великой...

Но довольно сплетен. Буду ждать твоего ответа, а девочкам передай, что поговорю с ними в следующий раз. Целую вас всех. Очень скучаю по тебе и Крису. И обещаю – больше никогда не уеду...

В динамике зашипело, потом искусственный голос проговорил: «Передача номер 432/7 с борта космического

корабля „Леонов“ окончена». Когда Каролина выключила звук, дельфины нырнули в бассейн и бесшумно понеслись к океану.

Кристофер увидел, что его друзья уплыли, и заплакал. Мать взяла сынишку на руки, но он еще долго не успокаивался.

8. ПРОХОЖДЕНИЕ

На экране застыл образ Юпитера: ключья белых облаков, пятнистые оранжево-розовые полосы и злобный глаз Большого Красного Пятна. Лишь четверть диска скрывалась в тени; она-то и притягивала взгляды. Там, в ночном небе планеты, китайский корабль летел навстречу своей судьбе.

«Это абсурд, – думал Флойд. – За сорок миллионов километров мы все равно ничего не увидим. Да нам и не нужно видеть, мы все услышим по радио».

«Цянь» замолчал два часа назад, когда антенны дальней связи спрятались под защиту теплового экрана. Работал лишь всенаправленный маяк корабля, и его пронзительный радиозов – «бип! – бип! – бип!» – разносился над океаном титанических туч. Сигнал шел от Юпитера более двух минут; за этот срок «Цянь» мог давно уже превратиться в облачко раскаленного газа.

Сигналы затухали, теряясь в шумах. «Цянь» затягивала непроницаемая плазменная оболочка.

– Смотрите! – крикнул Макс по-русски. – Вот он!

У самой границы света и тени Флойд увидел крохотную звездочку, вспыхнувшую там, где никаких звезд быть не могло, – на затемненном лике Юпитера. Она казалась неподвижной, хотя Флойд знал, что ее скорость – около ста километров в секунду. Она разгоралась, уже не была безразмерной точкой, начала удлиняться. Искусственная комета

неслась по ночному небу Юпитера, волоча за собой тысячекилометровый огненный хвост.

Антенны «Леонова» уловили последний сигнал маяка, потом в динамиках осталось лишь бессмысленное радиобормотание Юпитера – один из голосов космоса, не имеющий ничего общего с человеком или его творениями.

«Цянь» онемел, зато перестал быть невидимкой. Вытянутая искра все дальше уходила во тьму. Скоро она скроется за горизонтом, и, если все пройдет нормально, Юпитер возьмет корабль в плен, отобрав у него лишнюю скорость. Когда «Цянь» появится из-за планеты-гиганта, у нее станет одним спутником больше.

Искра погасла. «Цянь» обогнул край планеты и несся сейчас над ее обратной стороной. Пока он не появится вновь, примерно через час, нет смысла смотреть и слушать. Экипажу «Цянь» этот час покажется очень долгим...

...Но очень коротким – Василию Орлову и Саше Ковалеву. Моменты возникновения и исчезновения искры, доплеровское смещение сигнала позволяли рассчитать новую орбиту китайского корабля. Компьютеры «Леонова» уже переваривали информацию и, основываясь на различных моделях атмосферы, прогнозировали время выхода «Цянь» из-за планеты.

Василий выключил дисплей и повернулся во вращающемся кресле.

– Он появится не раньше, чем через сорок две минуты. Все свободны. Увидимся через тридцать пять минут. Ну, уходите, – добавил он по-русски.

Все без особой охоты покинули рубку, однако, к неудовольствию Василия, уже через полчаса собрались опять. Но он не успел как следует отчитать товарищей за недостаточную веру в расчеты, когда из динамиков вырвалось знакомое «бип! – бип! – бип!» радиомаяка «Цянь».

Разразилась овация – к ней присоединился даже озадаченный собственной ошибкой Василий. Ведь здесь, в глубинах Вселенной, они были не только соперниками. Они были

прежде всего космонавтами – «посланцами человечества», выражаясь гордыми словами первого договора ООН по космосу. Если они и не желали китайцам победы, никто не хотел, чтобы с ними приключилась беда.

Была, возможно, и другая причина. «Цянь» продемонстрировал, что аэродинамический маневр возможен не только в теории. Данные по Юпитеру подтвердились, его атмосфера не таила в себе неожиданной и, возможно, смертельной угрозы.

– Думаю, – сказала Таня, – мы должны их поздравить. Хотя вряд ли они подтвердят получение радиограммы.

Василий Орлов с откровенным недоверием глядел на дисплей.

– Не понимаю. Они должны еще быть за Юпитером! Саша, мне нужен их доплер.

После новой консультации с компьютером он негромко присвистнул.

– Что-то не так. Они на орбите, да, но она не ведет к «Дискавери». Их траектория проходит вдали от Ио; через пять минут у меня будут точные данные.

– Все равно они на орбите, – сказала Таня. – Ее можно всегда скорректировать.

– Если у них хватит топлива, а в этом я сомневаюсь.

– Значит, мы еще можем их опередить.

– Не обольщайся. Нам лететь еще три недели. За это время они сделают десяток витков и выберут оптимальный для встречи.

– Опять-таки, если хватит топлива.

– Разумеется. Но мы можем только предполагать. Они говорили по-русски, быстро и взволнованно, так что Флойд многое не понял. Когда Таня, сжавшись над ним, объяснила, что китайцы просчитались и направляются теперь к внешним спутникам, Флойд сказал:

– Значит, они в беде. Что, если попросят помощи?

– Они? Нет, они слишком горды. В любом случае мы бесильны. Даже будь у нас лишнее топливо...

– В самом деле. Но как объяснить это тем девяноста девяти процентам человечества, которые понятия не имеют о законах небесной механики? Василий, когда у вас будет их окончательная орбита, дайте мне ее, пожалуйста. Пойду к себе, поработаю дома.

Каюта Флойда все еще была заполнена корабельным имуществом, но рабочее место уже освободилось. Он включил дисплей, набрал код и запросил данные по «Цянь», переданные из Вашингтона. Вряд ли хозяевам «Леонова» удалось расшифровать этот код, основанный на произведении двух сторазрядных простых чисел. Специалисты из Управления национальной безопасности утверждали, что самый быстродействующий компьютер на свете не успеет сделать это до Большого Хлопка, в котором погибнет Вселенная. Доказать это утверждение было невозможно, его можно было только опровергнуть.

В который раз Флойд разглядывал превосходные фотографии китайского корабля, сделанные, когда «Цянь», обнаруживший свою суть, готовился к старту с околоземной орбиты. Были и более поздние снимки, менее отчетливые, на которых «Цянь», уходя от любопытствующих объектов, уже рвался к Юпитеру. Были здесь также чертежи и расчеты.

Даже при самых оптимистических оценках трудно было понять, на что надеялись китайцы. Сумасшедший рывок сквозь Солнечную систему поглотил у них девяносто процентов топлива, и, если экипаж не составлен из самоубийц (а исключать такую возможность нельзя), остается единственный план: ждать помощи в анабиозе. Но, согласно данным разведки, технология КНР пока к этому не готова.

Впрочем, разведка часто ошибается; еще чаще ей подсовывают дезинформацию. Однако материал по «Цянь», учитывая весьма сжатые сроки, был составлен блестяще. Флойд погрузился в отчет, настроив себя на максимальную восприимчивость. На экране мелькали диаграммы, схемы, фотографии – некоторые настолько неясные, что могли

изображать решительно все – газетные сообщения, списки участников конференций, названия научных статей, даже коммерческие документы. Мощная система промышленного шпионажа поработала с полной нагрузкой: кто бы подумал, что пунктом назначения для самых разнообразных японских, швейцарских, немецких приборов было высохшее озеро Лобнор, откуда начиналась дорога к Юпитеру?

Однако некоторые пункты, очевидно, попали в отчет по ошибке – никакого отношения к полету они не имели. Скажем, если китайцы через подставную корпорацию в Сингапуре заказали тысячу индикаторов инфракрасного излучения, то этим следовало заинтересоваться военным: вряд ли «Цянь» ожидал атаки самонаводящихся ракет. Или гляциологическое оборудование, заказанное в Анкоридже у корпорации «Глэсьер джиофизикс». Какому идиоту пришло в голову, что в дальней космической экспедиции может понадобиться...

Улыбка застыла на губах Флойда: он почувствовал на спине мурашки. «Господи! Не может быть, чтобы они на это решились!» Но они и так решились на многое, а теперь все наконец встало на свои места.

Он еще раз бегло просмотрел снимки китайского корабля. Да, все верно. Эти желобки на корме, рядом с фокусирующими электродами, как раз подойдут по размеру...

Флойд вызвал рубку:

– Василий? Их орбита уже рассчитана?

– Да. – Голос штурмана казался подавленным.

– Они держат курс на Европу, не так ли?

– Черт возьми! – не удержался Орлов. – Откуда вы знаете?

– Я просто предполагаю. Сопоставляю факты и делаю выводы.

– Ошибка исключена – все сходится до шестого знака. Они держат курс на Европу и достигнут ее через семнадцать часов.

– И перейдут на орбиту спутника Европы.

- Возможно. Топлива у них хватит. Но зачем им это?
- После короткой разведки они высадутся.
- Но зачем им это, - повторил Орлов. - Объясните, мистер Холмс, зачем им понадобилась Европа? Ради всего святого - что там есть?

Флойд упивался своим маленьким триумфом. Хотя, разумеется, понимал, что может жестоко ошибаться.

- Что там есть? - медленно повторил он. - Всего-навсего самое ценное вещество во Вселенной.

Довести триумф до конца не удалось. Василий среагировал мгновенно.

- Ну конечно же - вода!

- Точно. Многие миллиарды тонн воды. Теперь им хватит топлива, чтобы облететь все спутники Юпитера, и еще останется сколько угодно на встречу с «Дискавери» и возвращение к Земле. Как ни обидно, Василий, но наши китайские друзья снова нас обошли.

- Если только у них все это получится.

9. ЛЕД БОЛЬШОГО КАНАЛА

С первого взгляда казалось, что это обычный полярный пейзаж - бескрайние ледовые поля выглядели совсем по-земному. Но угольно-черное небо и пять фигур в скафандрах свидетельствовали, что дело происходит не на Земле.

Китайцы до сих пор не обнаружили имена членов экипажа. Пятеро, высадившиеся на ледяную поверхность Европы, были всего лишь - командир корабля, научный руководитель, штурман, старший бортиженер, бортиженер. Люди с «Леонова», находившиеся ближе всех к месту событий, увидели эту историческую фотографию на час позже, чем все остальное человечество. Тонкая радионить, связывающая «Цянь» с Землей, проходила в стороне от корабля,

и бортовые антенны улавливали лишь излучение всенаправленного радиомаяка – в те короткие периоды, когда «Цянь» не заслоняли Юпитер либо Европа. Так что все скучные новости поступали через земные станции.

После орбитальной разведки «Цянь» опустился на один из редких каменных островков в сплошном ледяном океане Европы. Ледяная оболочка спутника, не знавшего пурги и метелей, всюду была ровной – сюда иногда падали метеориты, но не снег. Гравитация постоянно сглаживала неровности, которые возникали в результате приливных землетрясений при сближениях с другими спутниками. Приливы же, вызванные самим Юпитером, завершили свою работу в незапамятной древности – с тех пор Европа показывает гиганту лишь одну свою половину...

Все это стало известно после полетов «Вояджеров» в семидесятые годы, работы «Галилео» в восьмидесятые и посадки «Кеплера» в девяностые. Но китайские астронавты за несколько часов, вероятно, узнали о Европе гораздо больше, чем все беспилотные аппараты, вместе взятые. Полученную информацию они держали пока при себе, и с этим никто не спорил.

Но вот аннексия Европы вызывала серьезные возражения. Впервые в истории государство объявило небесное тело своей собственностью, и массовые средства информации оживленно обсуждали юридическую сторону такого шага. Хотя Китай не подписывал договор ООН 2002 года и не считал себя связанным его положениями, протесты не утихали.

Как бы то ни было, Европа оказалась в центре внимания всей Земли. И Земля нуждалась в собственном корреспонденте.

– Говорит Хейвуд Флорид с борта космического корабля «Космонавт Алексей Леонов», приближающегося к Юпитеру. Однако, как вы догадываетесь, речь пойдет о Европе. Я наблюдаю ее в самый мощный бортовой телескоп; она выглядит, как Луна при десятикратном увеличении, но на Луну совсем не похожа.

Ее поверхность ровного розового цвета, изредка попадаются бурые пятнышки. Вся она исчерчена замысловатым узором из тонких линий, напоминающим схему кровеносных сосудов из медицинского учебника. Некоторые из них достигают в длину сотен и даже тысяч километров и похожи на каналы, которые Ловелл и другие наблюдали, как им казалось, на Марсе.

Но здешние каналы – не обман зрения. В них действительно есть вода – или хотя бы лед. Ведь Европа – это сплошной океан глубиной в пятьдесят километров.

Европа далека от Солнца, и температура на ее поверхности очень низка – примерно 150 градусов ниже нуля. И можно было ожидать, что ее океаны промерзли до дна.

Однако это не так. Под действием тех же приливных сил, которые вызывают вулканические извержения на соседней Ио, в глубинах Европы выделяется много тепла. Льды постоянно подтаивают, растрескиваются, замерзают вновь, образуют трещины и разводья. Узор, на который я смотрю, – это сеть таких трещин. Они большей частью темные, очень древние, но попадаются и свежие, совсем белые, покрытые тонкой корочкой льда.

Рядом с одной из них и опустились китайские астронавты. Ее окрестили Большим Каналом – она тянется на полторы тысячи километров. Очевидно, они собираются заправить баки водой. Это позволит им обследовать систему Юпитера и затем вернуться на Землю. Это нелегкая задача, но, вероятно, они тщательно изучили район посадки и знают, что делают.

Теперь ясно, почему они пошли на такой риск, а потом объявили Европу своей территорией. Этот спутник нужен им как запасная станция: он может стать ключом к внешним планетам. Вода, правда, есть и на Ганимеди, но только в виде льда. К тому же сила тяжести там больше, чем на Европе...

Мне только что пришла в голову еще одна мысль. Даже если китайцы не сумеют взлететь с Европы, они могут

дождаться там спасательной экспедиции с Земли. Энергии у них достаточно, в районе высадки могут обнаружиться полезные ископаемые, а технология производства синтетической пищи разработана у китайцев отлично. Конечно, жизнь, которая им предстоит, не назовешь роскошной, но многие из моих друзей согласились бы на нее с радостью, чтобы иметь возможность созерцать распростертый в небе Юпитер – нам это предстоит уже через несколько дней.

А теперь я и мои коллеги прощаемся с вами, передачу вел Хейвуд Флойд.

Тут же ожил динамик внутренней связи:

– Отличный репортаж, Хейвуд. Почему вы не пошли в журналистику?

– Я и так полжизни отдал СО.

– Чему?

– Свяжам с общественностью. В основном, объяснял политикам, зачем мне деньги. Но вам, Таня, этого не понять.

– Вы думаете? Зайдите-ка лучше в рубку. Поступила новая информация, нужно ее обсудить.

Флойд отложил микрофон, закрепил телескоп и выплыл из тесного наблюдательного поста. И едва не столкнулся с Николаем Терновским, спешившим, очевидно, тоже в рубку.

– Я бы взял пару ваших абзацев для московского радио, Вуди. Не возражаете?

– Пожалуйста, товарищ, – по-русски разрешил Флойд. – И как я могу помешать?

Они друг за другом медленно влетели в рубку. Капитан Орлова задумчиво созерцала мешанину чисел и слов на главном дисплее. Флойд с трудом разбирал русский текст.

– Не утруждайте себя, – сказала она. – Это прогноз времени, которое понадобится им для заправки и подготовки к старту.

– Наши специалисты заняты сейчас тем же. Слишком многие факторы гипотетичны.

– Кажется, один из них перестал быть таковым. Как известно, самые мощные водяные насосы – на вооружении у

пожарных. Так вот, несколько месяцев назад главное пожарное управление Бенджина получило приказ сдать четыре лучших насоса.

– Я уже ничему не удивляюсь. Я только восхищаюсь. Продолжайте.

– Возможно, это всего лишь совпадение, но по размеру насосы подходят. Учитывая время, необходимое для бурения льда и прочего, можно предположить, что они взлетят через пять дней.

– Пять дней!

– Да, если все пройдет гладко. И если они не будут управляться полностью. Им достаточно опередить нас всего на час. Они высадутся на «Дискавери» и объявят, что корабль принадлежит им как спасенное имущество. Что будем делать?

– Наши юристы разработали план на этот случай. В нужный момент США сделают официальное заявление, что «Дискавери» не брошен командой, а временно законсервирован. И захват корабля будет квалифицирован как пиратство.

– Думаете, это их остановит? – усмехнулась Таня.

– Если даже и нет, что тут поделаешь?

– Если пробудить Курноу и Чандру, нас будет вдвое больше, чем их.

– Шутите? А где взять абордажные сабли?

– Сабли?

– Ну, оружие.

– Можно воспользоваться лазерным телеспектрометром. Он испаряет миллиграммовые пробы с астероидов на расстояния в тысячи километров.

– Мне не нравится наш разговор, – сказал Флойд. – Мое правительство безусловно будет против применения силы, если речь не идет о самообороне.

– До чего же вы, американцы, наивны! Мы смотрим на вещи более здраво. Ваши дедушки и бабушки, Хейвуд,

скончались в своих постелях. А из моих трое погибли в Великую Отечественную.

Один на один Таня всегда называла его по имени. Значит, сейчас не шутит. Или проверяет его реакцию?

– Но «Дискавери» – всего лишь кусок металлолома стоимостью в несколько миллиардов. Нам важна информация, которая имеется на его борту.

– Вот именно. Информация, которую можно спокойно скопировать из памяти компьютера, а потом стереть.

– Таня, иногда у вас возникают замечательные идеи. Почему вы, русские, всегда подозреваете, что другие против вас что-нибудь замышляют?

– После Наполеона и Гитлера у нас есть на это право. И не говорите, будто подобный – как правильно сказать? – сценарий не приходил вам в голову.

– У меня не было необходимости разрабатывать сценарии, – угрюмо ответил Флойд. – Госдепартамент просчитал все возможные варианты. Остается подождать, какой из них выберут китайцы. Но не удивлюсь, если они обойдут нас и на этот раз.

10. ЗОВ С ЕВРОПЫ

Искусство спать в невесомости Флойду пришлось постигать почти неделю: надо было научиться укладывать руки и ноги так, чтобы они потом не мешали. Теперь он отлично приспособился, и сама мысль о возвращении силы тяжести приводила его в содрогание.

Кто-то будил его, тряс за плечо. Не может быть! Наверно, это снится. Право на уединение на борту космических кораблей соблюдалось свято: никто никогда не входил в чужую каюту без разрешения. Флойд покрепче зажмурил глаза, но неизвестный не унимался.

– Доктор Флойд, проснитесь! Проснитесь же наконец! Вас вызывают в рубку!

Флойд неохотно приоткрыл глаза. Он лежал в своей тесной каюте, тело облегал привычный кокон гамака. Но почему он снова видит Европу? ...Линии трещин пересекались, образовывали знакомые треугольники и квадраты, складывались в причудливый узор. А вот и Большой Канал...

– Доктор Флойд!

Он проснулся окончательно. Собственная ладонь плавала всего в нескольких сантиметрах от глаз. Как странно, что рисунок линий копирует карту Европы! Но экономная Природа любит повтор в совершенно, казалось бы, различных вещах – завихрения молока в кофе, облачные спирали циклонов, звездные ветви галактик...

– В чем дело. Макс? Что-нибудь случилось?

– Кажется, да. Но не с нами – с «Цянь». Пойдемте быстрее.

Рубка была полна. Капитан, штурман и бортинженер сидели перед приборами, пристегнутые к креслам; остальные витали в воздухе в поисках точки опоры.

– Простите, Хейвуд, – торопливо извинилась Таня. – Десять минут назад мы получили очень важное сообщение. «Цянь» замолчал. Внезапно, во время передачи цифровой информации. Несколько секунд сигналы шли с искажениями, потом прекратились.

– А маяк?

– Тоже молчит.

– И что вы предполагаете?

– Все что угодно. Взрыв, землетрясение, оползень... Мы пройдем от них в пятидесяти тысячах километров, не ближе. С такого расстояния ничего не увидишь.

– Значит, мы бессильны?

– Не совсем. Земля предлагает использовать нашу главную антенну – нацелить ее на Европу. Тогда даже самый слабый сигнал... По-моему, стоит попытаться. Как вы считаете?

Флойд ощутил внутренний протест.

– Вы хотите прервать связь с Землей?

– Да. Но она все равно нарушится, когда мы будем огигать Юпитер. Восстановить связь можно за пару минут.

Флойд молчал. Все беды «Дискавери» начались, когда главная антенна сместилась и корабль потерял связь с Землей... Что-то, очевидно, произошло с ЭАЛом. Но на «Леонове» не стоит этого опасаться. Здешние компьютеры автономны, они не подчиняются единому разуму. По крайней мере, разуму нечеловеческому...

– Согласен, – сказал Флойд. – Можно начинать поиск.

– Сейчас, только вычислим доплеровскую поправку. Как у тебя, Саша?

– Две минуты, и можно включать. Сколько будем слушать?

Капитан ответила не сразу. Вообще Флойда восхищала решительность Тани Орловой; однажды он сказал ей об этом. Она ответила шуткой (что случалось не часто): «Капитан имеет право на ошибку, но не на колебания».

– Пятьдесят минут, потом десятиминутная связь с Землей. И новый цикл.

Но, как вскоре выяснилось, слушать было нечего. И незачем: система автоматического поиска просеивала шумы гораздо лучше самого опытного оператора. Однако время от времени Саша включал звук, и помещение заполнял рев радиационных поясов Юпитера. Он походил на рокот прибора; иногда его перекрывали оглушительные удары молний. Но ничего похожего на разумный сигнал не было; свободные от вахты космонавты один из другим покидали рубку.

Флойд прикинул в уме. Весть о несчастье пришла через Землю: значит, оно случилось два часа назад. И раз «Цянь» до сих пор не вернулся в эфир...

Пятьдесят минут тянулись, как пятьдесят часов. По их истечении Саша сориентировал главную антенну на Землю и доложил о неудаче поисков, потом отправил накопившиеся радиограммы.

– Еще раз? – спросил он Орлову без всякого оптимизма.

– Конечно. Возможно, не все пятьдесят минут, но попытаться стоит.

Антенна была вновь направлена на Европу. И тут же на мониторе зажглась надпись: «ВНИМАНИЕ». Саша включил громкость, рубку вновь наполнил голос Юпитера. Но на его фоне, словно шепот в грозу, слышался слабый звук человеческой речи. Сначала только ритм и интонация, потом стали различимы слова. Это был, несомненно, английский язык – но смысл фраз оставался по-прежнему непонятным...

Есть сочетание звуков, которое человек различает всегда, несмотря на любые помехи. Когда оно проступило на фоне юпитерианских шумов, Флойду показалось, что он бредит наяву. Русские реагировали медленнее; но потом обернулись к нему с таким же изумлением – и зарождающимся подозрением.

Первые слова, принятые с Европы, были: «Доктор Флойд, доктор Флойд, надеюсь, вы меня слышите...»

11. ЛЕД И ВАКУУМ

– Кто это? – шепнул кто-то. Другие зашикали. Флойд недоуменно пожал плечами.

– ...знаю, что вы на борту «Леонова» ... времени мало... направил антенну скафандра туда, где...

Несколько мучительных мгновений голоса не было слышно, потом он вернулся – гораздо более четкий, но столь же негромкий.

– ...передайте эту информацию на Землю. «Цянь» погиб два часа назад. Я один остался в живых. Не знаю, хватит ли мощности моего передатчика, но другой возможности нет. Пожалуйста, слушайте внимательно. На Европе есть жизнь. Повторяю: на Европе есть жизнь...

Звук снова пропал. Наступила тишина, которую никто не решался нарушить. Флойд лихорадочно рылся в памяти. Говорившего он не узнал – голос мог принадлежать любому китайцу, учившемуся на Западе. Вероятно, они встречались на какой-нибудь конференции...

– ...вскоре после местной полуночи. Качали без перерыва, и топливные баки были уже наполовину заполнены. Мы с доктором Ли вышли из корабля, чтобы проверить термоизоляцию трубопровода. «Цянь» стоит – стоял – метрах в тридцати от Большого Канала. Трубопровод был протянут от корабля и уходил под лед. Лед очень тонкий – ходить по нему опасно. Теплая вода снизу...

Опять наступило молчание. Возможно, говоривший скрылся за каким-нибудь препятствием.

– ...без труда – корабль, как новогоднюю елку, украшали фонари мощностью в пять киловатт. Их свет легко проникал сквозь лед. Потрясающие цвета. Громадную темную массу, поднимающуюся из бездны, первым заметил Ли. Сначала мы приняли ее за стаю рыб – она была слишком велика для отдельного организма. Потом она стала проламывать лед.

Доктор Флойд, я надеюсь, вы слышите меня. Это говорит профессор Чанг, мы встречались на конференции МАС в Бостоне...

Флойд мысленно перенесся за миллиард километров от «Леонова». Прием после закрытия конференции Международного астрономического союза он помнил смутно, зато ясно представил себе Чанга – миниатюрного жизнерадостного астронома и экзобиолога с неисчерпаемым запасом шуток. Но сейчас Чанг не шутил.

– ...будто огромное поле водорослей двигалось по грунту. Ли побежал на корабль за камерой, я остался смотреть. Оно перемещалось медленно, я мог легко обогнать его. Я не ощущал тревоги – только волнение. Мне казалось, я знаю, что это такое – я видел съемки полей ламинарий у побережья Калифорнии. Но я ошибался...

– ...понимал, что ему неважно. Оно никак не могло выжить при температуре на сто пятьдесят градусов ниже той, к которой привыкло. Похожее на черную волну, оно продвигалось вперед все медленнее и превращалось на ходу в лед – от него откалывались большие куски. Мне трудно было понять, что оно собирается делать...

– Можно связаться с ним? – шепотом спросил Флойд.

– Поздно. Европа вот-вот скроется за Юпитером.

– ...взбираться на корабль, оставляя за собой что-то вроде ледяного туннеля. Возможно, что просто защищалось от холода, как термиты, спасаясь от света, строят коридоры из грязи...

...на корабль тонны льда. Первыми не выдержали антенны. Потом начали подаваться опоры – медленно, как во сне. Я понял, что происходит, лишь когда корабль стал крепиться. Чтобы спастись, достаточно было выключить свет.

Возможно, оно фототропно и его биологический цикл начинается с солнечного луча, пробившегося сквозь лед. Или его тянуло к фонарям, как бабочку притягивает пламя свечи. На Европе никогда не было света ярче того, который зажгли мы.

Корабль перевернулся. Я увидел, как корпус лопнул, выпустив белое облако замерзшего пара. Фонари погасли, кроме одного – он качался на кабеле метрах в двух от поверхности.

Не помню, что происходило потом. Когда пришел в себя, я стоял под фонарем у разбитого корабля, все вокруг было запорошено свежим снегом, на котором явственно выделялись отпечатки моих подошв. Видимо, я бежал; с момента катастрофы прошло не более двух минут.

Растение – я по-прежнему думал о нем как о растении – оставалось неподвижным. Я решил, что оно пострадало при падении: кругом валялись отколовшиеся от него большие куски, будто сломанные ветви толщиной в человеческую руку.

Затем основная масса двинулась вновь. Она отделилась от разбитого корпуса и направилась на меня. Теперь я знал наверняка, что она реагирует на свет. Я стоял прямо под тысячеваттной лампой, которая уже перестала раскачиваться.

Представьте себе дуб – нет, лучше баньян с его многочисленными стволами, – расплющенный силой тяжести и пытающийся ползти по земле. Оно приблизилось к свету метров на пять и начало заходить с флангов, образовав вскоре вокруг меня правильное кольцо. Вероятно, это критическое расстояние: притягательное действие света переходит в отталкивающее. После этого какое-то время ничего не происходило. Я даже подумал, что оно, наконец, полностью превратилось в лед.

Затем я увидел, что на ветвях образуются бутоны. Это напоминало ускоренный показ кадров с распускающимися цветами. Я действительно решил, что это цветы – каждый величиной с человеческую голову.

Нежные, ярко раскрашенные лепестки начали раскрываться. Я подумал, что никто никогда не видел этих красок. Их просто не существовало до появления наших огней – наших гибельных огней – в этом мире.

Зябнут слабые тычинки... Я приблизился к живой стене, чтобы лучше разглядеть происходящее. Ни тогда, ни в другие моменты я совсем не испытывал страха. Я был уверен, что оно не враждебно – даже если наделено сознанием.

Вокруг было множество цветов, одни уже раскрылись, другие только начали распускаться. Теперь они напоминали мне мотыльков, едва вылупившихся из своих куколок, – новорожденных бабочек с мягкими, еще нерасправленными крыльями. Я приближался к истине.

Но цветы замерзали – умирали, едва успев родиться. Один за другим они отваливались от своих почек, несколько секунд трепыхались, словно рыба, выброшенная на берег, и я, наконец, понял, что они такое. Их лепестки – это плавники, а сами они – плавающие личинки большого существа. Вероятно, оно проводит большую часть жизни на дне и, подобно земным кораллам, посылает своих отпрысков на поиски новых территорий.

Я встал на колени, чтобы получше рассмотреть маленькое создание. Яркие краски тускнели. Лепестки-плавники отпадали, превращаясь в ледышки. Но оно еще жило: попыталось отодвинуться при моем приближении. Мне стало любопытно, каким образом оно чувствует мое присутствие.

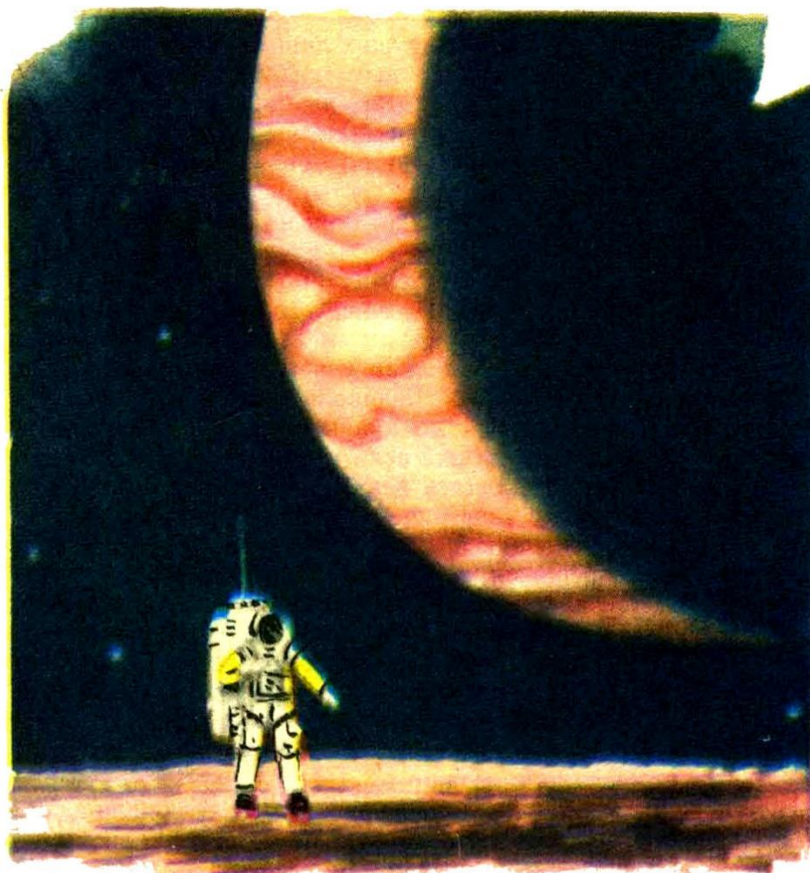
Я заметил, что каждая тычинка – как я их назвал – заканчивается ярким голубым пятнышком. Они напоминали сверкающие сапфиры или голубые глазки на мантии устрицы. Светочувствительные, но еще не способные формировать настоящие зрительные образы. У меня на глазах их яркий голубой цвет потускнел, сапфиры превратились в обычные невзрачные камешки.

Доктор Флойд – или те, кто слышит меня, – времени уже нет; скоро Юпитер прервет мою передачу. Но я почти все сказал.

Я уже знал, что следует делать. Кабель тысячеваттной лампы свисал почти до земли. Я дернул несколько раз, и света не стало.

Я боялся, что опоздал. Несколько минут ничего не происходило. Тогда я подошел к окружающей меня стене переплетенных ветвей и ударил ее ногой.

Существо медленно двинулось, отступая к Каналу. Света было достаточно – я прекрасно все видел. В небе сияли Ганимед и Каллисто, Юпитер выглядел гигантским узким серпом с большим пятном полярного сияния на ночной стороне.

Я проводил его до самой воды, подбадривая пинками, когда оно замедляло движение. Хрупкие льдинки хрустели у меня под ногами... Казалось, приближаясь к Каналу, оно набирается сил, будто знает, что возвращается домой. Интересно, выживет ли оно, чтобы расцвести когда-нибудь вновь.

Оно исчезло в воде, оставив еще несколько мертвых личинок на чуждой ему суше. Несколько минут вода кипела, пока спасительный слой льда не отделил ее от вакуума. Я пошел назад к кораблю – но я не хочу говорить об этом.

Доктор Флloyd, у меня две просьбы. Когда это существо классифицируют, надеюсь, его назовут моим именем. И еще – пусть следующая экспедиция доставит наши останки на родину.

Юпитер оборвет мою передачу через несколько минут. Я повторю рассказ, когда связь снова станет возможна – и, если выдержит мой скафандр.

Внимание, говорит профессор Чанг со спутника Юпитера – Европы: космический корабль «Цянь» погиб. Мы совершили посадку у Большого Канала и установили насосы на его краю...»

Голос пропал, затем на мгновение вернулся и, наконец, окончательно утонул в шумах. И когда Европа вновь показалась из-за Юпитера, эфир молчал.

III. «ДИСКАВЕРИ»

12. СКОРОСТНОЙ СПУСК

Корабль начал наконец набирать скорость, будто скользил по склону, который становился все круче. Давно

осталась позади гравитационная «нейтральная полоса», в которой с трудом удерживались на своих вытянутых, обратных орбитах внешние луны Юпитера – Синопе, Пасифе, Ананке и Карме, – захваченные когда-то астероиды неправильной формы, диаметром не более тридцати километров. Никого, кроме космических геологов, не заинтересовали бы эти угловатые, растрескавшиеся обломки, за которые планета-гигант и Солнце вели постоянную «пограничную войну». Когда-нибудь она завершится победой Солнца.

Зато Юпитер надежно удерживал вторую четверку спутников, вдвое более близкую. Орбиты Эллары, Лиситеи, Гималии и Леды похожи и лежат почти в одной плоскости. Существует гипотеза, что они – части одного распавшегося небесного тела; если так, то его диаметр не превышал ста километров.

Траектория «Леонова» пролегла неподалеку от Карме и Леды. Все радовались крохотным светлым пятнышкам, как старым друзьям: будто после долгого океанского перехода увидели землю – первые рифы у побережья Юпитера. Истекли последние часы; приближался решающий момент – вход в атмосферу.

Юпитер стал уже больше, чем Луна в земном небе, и гигантские внутренние спутники были отлично видны. Вернее, видны были их диски, различим цвет, но рассмотреть детали не позволяло расстояние. Их бесконечный танец завораживал – они прятались за Юпитером и вновь появлялись на дневной стороне, сопровождаемые своими четкими круглыми тенями. Многие поколения астрономов, начиная с Галилея, любовались этим зрелищем на протяжении четырех веков, но изо всех ныне живущих лишь экипаж «Леонова» мог наблюдать его невооруженным глазом.

Все забыли даже о шахматах, предпочитая проводить время у телескопов или иллюминаторов. Смотрели, слушали музыку, разговаривали. И по крайней мере один роман достиг своей кульминации: частые исчезновения Макса

Браиловского и Жени Марченко давали повод для множества беззлобных шуток.

Не совсем обычная пара, думал про них Флойд. Макс, известный в прошлом гимнаст, дошедший до финала Олимпиады-2000, был высоким красивым блондином. Ему уже перевалило за тридцать, но лицо у него оставалось открытым, почти мальчишеским. Великолепный специалист, но наивный и простодушный до крайности. Из тех, с кем приятно разговаривать, но... не слишком долго.

А вот о Жене – двадцать девять лет, самая молодая в экипаже – Флойд не знал ничего. Никто не обмолвился ни словом о происхождении шрамов у нее на лице, а сам Флойд спрашивать не решался, и из Вашингтона ему ничего сообщить не могли. Очевидно, она побывала в катастрофе; возможно, в самой обычной автомобильной аварии. Предположение – нередко высказывавшееся за границами СССР, – будто Женя участвовала в секретном космическом полете, можно было исключить сразу. Благодаря глобальной сети слежения, созданной полвека назад, осуществить такой полет было невозможно.

Положение Жени осложнялось тем, что ее включили в состав экспедиции буквально в последний момент. Если бы не подвели искусственные крылья, диетологом и медсестрой стала бы Ирина Якунина.

Каждый вечер в шесть по Гринвичу экипаж в полном составе и единственный бодрствующий пассажир собирались в тесной кают-компании, отделявшей служебные помещения от жилого яруса. За круглый стол в восьмером усаживались с трудом; для Курноу и Чандры, когда они проснутся, места уже не останется.

Хотя такие встречи – на смешанном русско-английском наречии они назывались «сикс о'клок совет» – редко продолжались более десяти минут, для поддержания нормального климата в коллективе они были необходимы. Выступить можно было с любыми предложениями или жалобами – правом вето обладала лишь капитан, но и она никогда им

не пользовалась. Чаще всего «повестку дня» составляли обсуждение меню и видеопрограмм, заявки на разговоры с Землей, обмен новостями... И конечно, легкая пикировка с американским меньшинством команды. Скоро ситуация изменится, честно предупреждал Флойд, и ставки повысятся с 1:8 до 3:10. Однако он держал в тайне свою глубокую уверенность в том, что Курноу легко переговорит или перекричит по крайней мере троих.

Флойд проводил здесь почти все свободное время: в своей тесной каюте он только спал. В кают-компании многое напоминало о Земле: ее стены украшали земные пейзажи, спортивные фотографии, портреты популярных видеозвезд. Но главной достопримечательностью был подлинник картины Алексея Леонова «Около Луны». Картина была написана в 1965 году, вскоре после того, как он, тогда еще молодой подполковник, покинул «Восход-2» и стал первым в истории человеком, вышедшим в открытый космос.

Картина, созданная хотя и не профессионалом, но талантливый любитель, изображала изрытую кратерами часть Луны с великолепным Заливом Радуги на переднем плане. Над лунным горизонтом нависал узкий серп Земли, охватывающий темный круг планеты. Позади пламенело Солнце, огненные языки его короны простирались в космос на миллионы километров.

Впечатляющая композиция – и взгляд в будущее, до которого оставалось тогда всего три года. Борман, Ловелл и Андерс увидели это великолепное зрелище с борта «Аполлона-8», когда в декабре 1968 года первыми из людей наблюдали восход Земли над Луной.

Хейвуду Флойду картина нравилась, но вызывала и другие чувства. На борту не было ничего и никого старше – за одним-единственным исключением.

Когда Алексей Леонов закончил ее, Хейвуду Флойду исполнилось уже девять лет.

13. МИРЫ ГАЛИЛЕЯ

Даже теперь, спустя три десятилетия после первого фоторепортажа «Вояджера», никто не знал, почему столь разнятся четыре главные луны Юпитера. Примерно одинаковые по величине, «прописанные» в одном районе Солнечной системы, они непохожи, как дети разных родителей.

Лишь Каллисто, самая внешняя из них, выглядела, как предполагалось. «Леонов» прошел в ста тысячах километров от нее, и наиболее крупные из ее бесчисленных кратеров были легко различимы невооруженным глазом. В телескоп спутник напоминал стеклянный шар, подвергшийся жесткому обстрелу: всю его поверхность усеяли кратеры самых разнообразных размеров. Каллисто, как кто-то удачно подметил, больше походила на земную Луну, чем сама Луна.

Конечно, нет ничего удивительного, если тело, расположенное на границе пояса астероидов, постоянно бомбардируют обломки, оставшиеся после образования планет. Однако уже соседний Ганимед выглядит совершенно иначе. Хотя некогда и ему досталась щедрая порция ударных кратеров, впоследствии многие из них были, согласно чьему-то образному высказыванию, «перепаханы». Обширные участки поверхности Ганимеда покрыты бороздами и гребнями, будто неведомый космический садовник прошелся по ней гигантскими граблями. Еще здесь есть светлые лучи, похожие на следы слизня толщиной в полсотни километров, но наиболее загадочны длинные извилистые полосы, образованные десятками параллельных линий. Николай Терновский предположил, что это – скоростные многорядные автострады, проложенные нетрезвыми дорожниками. И даже утверждал, что видит переходы и транспортные развязки...

Прежде чем «Леонов» достиг орбиты Европы, копилка человеческих знаний пополнилась триллионами битов новой информации о Ганимеде. Но главное место в умах экипажа занимала Европа, страна вечных льдов, среди которых

покоились сейчас останки китайского корабля и тела погибших.

На Земле доктор Чанг стал героем, и его соотечественники, хотя и не без смущения, принимали бесчисленные заболевания. Экипаж «Леонова» тоже послал радиogramму – она, как полагал Флойд, подверглась в Москве некоторой правке. Все космонавты, независимо от национальной принадлежности, ощущали себя гражданами космоса. Объединенные этим чувством, они сопереживали победы и неудачи друг друга. Никто на «Леонове» не радовался тому, что китайскую экспедицию постигла катастрофа, но к печали примешивалось и облегчение – теперь не было надобности участвовать в вынужденной гонке.

Конечно, и на Земле, и на «Леонове» темой номер один стала жизнь в океанах Европы, открытая при столь трагических обстоятельствах. Некоторые экзобиологи во весь голос кричали: «Я же говорил!» – доказывая, что ничего удивительного в этом открытии нет. Еще в семидесятые годы XX века исследовательские подводные лодки обнаружили многочисленные колонии странных морских организмов почти в столь же негостеприимном месте – в глубочайших тихоокеанских впадинах. Вулканические извержения, согревая и удобряя подводную пустыню, создали в ней оазисы жизни.

То, что однажды произошло на Земле, должно повториться во Вселенной миллионы раз: для научного мира это предмет веры. Вода, по крайней мере в виде льда, имеется на всех спутниках Юпитера. На Ио постоянно происходят извержения; логично предположить, что и соседний спутник вулканически активен, пусть даже эта активность слабее. А если так, жизнь на Европе не только возможна, но и неизбежна...

Неоднократно поднимался вопрос, имевший прямое отношение к задачам экспедиции. Связана ли жизнь на Европе с монолитом, из кратера Тихо, или с его еще более загадочным Большим Братом в окрестностях Ио?

Это стало излюбленным предметом дискуссий на «сикс о'клок советах». Все были согласны, что существо, открытое доктором Чангом, не обладало высоким интеллектом – если, конечно, китайский ученый правильно оценил его поведение. Ни одно разумное существо не будет вести себя как бабочка, летящая на пламя свечи...

Впрочем, Василий Орлов тут же привел противоположный пример.

– Возьмем дельфинов или китов, – сказал он. – Мы считаем их разумными, но они довольно часто идут на массовое самоубийство, выбрасываясь на сушу. Инстинкты оказываются сильнее разума.

– Что дельфины! – прервал его Макс Браиловский. – Один из лучших моих однокашников был безнадежно влюблен в блондинку, жившую в Киеве. Недавно мне сообщили, что он работает где-то в гараже. А ведь он получил золотую медаль за проект космической станции! Вот как бывает!

Гипотеза, что высшие формы жизни могут возникнуть в водной среде, вызвала серьезные возражения: море слишком однородно во времени и пространстве, ничто в нем не меняется, и оно не требует от своих обитателей особых усилий для борьбы за существование. И какая технология может зародиться без огня?

Делать отрицательные выводы было преждевременно: вряд ли путь человечества – единственно возможный. В океанах иных миров могли расцвести цивилизации, непохожие на земную. Однако казалось невероятным, что на Европе возникла культура, поднимавшаяся в космос, но не оставившая никаких построек, научных установок, стартовых площадок и других искусственных сооружений. Весь спутник от полюса до полюса покрывали вечные льды.

А когда «Леонов» пересек орбиты Ио и миниатюрной Амальтеи, времени для споров уже не осталось. Экипаж готовился к аэродинамическому маневру, к недолгому возвращению силы тяжести после месяцев свободного падения. Нужно было закрепить все предметы, прежде чем корабль

войдет в атмосферу Юпитера и на короткое время они снова обретут вес – вдвое больший, чем на Земле.

Лишь Флойд на правах единственного пассажира мог спокойно любоваться величественным зрелищем надвигающегося Юпитера, заслонившего собой полнеба. Постичь подлинные размеры планеты было невозможно; приходилось постоянно помнить о том, что даже пятьдесят сфер размером с Землю не закрыли бы полностью этого грандиозного полушария.

Громадные – размером с континент – облака, окрашенные в цвета наиболее изысканных земных закатов, неслись так быстро, что всего за десять минут проходили заметное расстояние. На границах многочисленных облачных полос, опоясывающих планету, рождались гигантские вихри и уходили как клубы дыма. Время от времени из глубин атмосферы вырывались гейзеры белого газа; их тут же сметали ураганы, вызванные стремительным вращением планеты. Но удивительнее всего смотрелись цепочки белых пятнышек, тянувшиеся вдоль пассатов средних широт подобно жемчужным бусам...

В эти часы – непосредственно перед торможением – Флойд редко видел капитана и штурмана. Орловы почти не покидали рубку: они уточняли и корректировали курс «Леонova». Траектория корабля должна лишь слегка задеть верхние слои атмосферы: если он пройдет чуть выше, то торможение окажется недостаточным и корабль уйдет за пределы Солнечной системы, где надеяться на помощь бесполезно; если чуть ниже, то сгорит, как метеор.

Между этими двумя крайностями пролегал очень узкий путь к цели – так называемый коридор входа. Китайцы показали на практике, что торможение в атмосфере возможно, однако опасность оставалась. И Флойд совершенно не удивился, когда бортврач Руденко призналась ему: «Знаете, Вуди, лучше бы я взяла ту икону с собой».

14. СБЛИЖЕНИЕ

– ...Кажется, с делами все. Последние часы мне вспоминается одна картинка, которую я видел в детстве – а ей было, наверное, лет полтора. Я забыл, цветная она была или нет, зато отлично помню, как она называлась. «Последнее письмо домой». Не смейся – предки почему-то были сентиментальны.

Она изображала парусник в бурю – паруса сорваны, волны гуляют по палубе. Команда пытается спасти судно. А на переднем плане – юнга пишет письмо. Рядом бутылка, которая, он надеется, доставит его послание к земле.

Хотя я был тогда ребенком, и картинка меня волновала, мне казалось, что ему надо бы не писать письма, а помогать остальным. Мог ли я думать, что когда-нибудь сам окажусь в положении этого юнги?

Разумеется, мое-то послание дойдет – а помочь экипажу «Леонова» я просто бессилён. Меня вежливо попросили не путаться под ногами, так что совесть моя чиста. Уже через пятнадцать минут мы прервем передачи, уберем антенны под теплозащитный экран и задраим иллюминаторы – вот и еще одна аналогия с морем! Юпитер занимает все небо – но я не в силах описать это зрелище, да и ставни вот-вот закроются. Впрочем, камеры сделают все сами, и гораздо лучше меня.

До свиданья, мои дорогие, целую всех вас, особенно Криса. Когда вы услышите эту запись, для нас все закончится – так или иначе. Помните – я хотел сделать как лучше. До свиданья.

Вынув кассету, Флойд поднялся в рубку и вручил запись Саше Ковалеву.

– Пожалуйста, передайте это, пока связь не прервалась.

– Не беспокойтесь. Все каналы еще задействованы, у нас еще минут десять, не меньше. – Саша протянул руку. – И

если встретимся, то улыбнемся! А нет – так мы расстались хорошо.

Флойд прищурился:

– Шекспир?

– Он самый! Брут и Кассий перед битвой. Еще увидимся.

Василий и Таня лишь на миг оторвались от дисплеев, чтобы кивнуть Флойду, и он вернулся к себе. С остальными он уже попрощался; оставалось ждать. Спальный мешок был укреплен на шнурах, готовый к возвращению гравитации.

– Антенны убраны, защитные экраны подняты, – послышалось из динамика. – Торможение через пять минут. Все идет нормально.

– Я бы так не сказал, – пробормотал Флойд, забираясь в мешок. – «По программе» – еще туда-сюда... В этот момент в дверь постучали.

– Кто там? – по-русски спросил Флойд. К его удивлению, это оказалась Женя.

– Можно? – ее голос был смущенным, как у маленькой девочки.

– Конечно. Но почему вы не у себя?

Уже задав вопрос, он понял его несуразность. Ответ был написан на ее лице.

Однако именно от нее он никак не ожидал такого поступка. Она всегда держалась с ним вежливо, но сухо. И единственная на «Леонове» называла его «доктор Флойд». А сейчас, в трудный момент, пришла искать у него поддержки...

– Женя, милая, заходите, – сказал он. – Добро пожаловать. Извините за тесноту.

Она выдавила слабую улыбку, но ничего не ответила. И вдруг Флойд увидел, что она не просто нервничает, а смертельно испугана. Вот почему она пришла сюда. Ей не хотелось показывать свой страх соотечественникам.

Флойда теперь уже не так радовал ее приход. Но на нем лежала ответственность за другого человека, одинокого,

оказавшегося далеко от дома. И не должно иметь значения, что этот человек – привлекательная девушка вдвое моложе его. Однако ее близость действовала возбуждающе.

Вероятно, Женя заметила это, но никак не прореагировала. Места в его мешке хватило для обоих. А если перегрузка превысит расчетную и крепления не выдержат? Их может убить...

Это была бы отнюдь не героическая смерть, но тревожиться не стоило: запас прочности у подвески, очевидно, имеется. Смех всегда убивает желание: их объятие было уже сугубо платоническим. Флойд не знал, радоваться ли этому или огорчаться.

Но времени на раздумья не оставалось. Откуда-то издалека донесся слабый звук, подобный крику чьей-то потерянной души. Корабль едва ощутимо дрогнул, мешок просел, шнуры натянулись. После длительной невесомости возвращалась сила тяжести.

За несколько секунд слабый звук превратился в рев. Перегрузка возрастала; стало трудно дышать. Да еще и Женя вцепилась в него, как в спасательный круг.

Он попытался отстраниться.

– Все в порядке, Женя. «Цянь» сделал это. Мы тоже делаем.

Выкрикивать успокаивающие слова было трудно, и Флойд не был уверен, что она слышит его в реве раскаленного газа. Однако она уже не держалась за него так отчаянно, и ему удалось сделать пару глубоких вдохов.

Что сказала бы Каролина, увидев его сейчас? Стоит ли посвящать ее в этот эпизод? Флойд не был уверен, что она поймет. Впрочем, земные проблемы не казались сейчас самыми важными...

Ни говорить, ни двигаться было уже невозможно. Но, привыкнув к своему весу, Флойд больше не ощущал неудобства – если не считать онемения в правой руке. Освободить ее удалось с трудом; Флойд почувствовал себя виноватым. Невольно вспомнилась фраза, приписываемая минимум

десятку советских и американских космонавтов: «Трудности и прелести секса в космосе сильно преувеличены».

Интересно, каково сейчас остальным? Флойд вспомнил, что Чандра и Курноу по-прежнему мирно спят. И если «Леонов» вспыхнет мгновенным метеором в небе Юпитера, они об этом никогда не узнают... Но стоит ли им завидовать?

Из динамика послышался голос Тани; слова терялись в грохоте, но тон ее был спокойным, будто ничего особенного не происходило. Флойд взглянул на часы и поразился: «Леонов» прошел уже половину тормозной гиперболы и находился сейчас в самой нижней точке траектории; глубже в атмосферу Юпитера проникали только невозвращаемые автоматические зонды.

– Полпути пройдено! – крикнул он Жене. – Мы опять подвигаемся! – и вновь не понял, услышала ли она. Женя слабо улыбалась, но глаза ее были крепко зажмурены.

Корабль заметно потряхивало, как утлый челн в бурном море. «Вдруг что-нибудь не в порядке?» – подумал Флойд. На миг в сознании возникло видение: стены вокруг раскаляются докрасна и медленно рушатся. Кошмарная сцена из полузабытого рассказа Эдгара По...

Но здесь будет не так. Если теплозащита не выдержит, корабль погибнет мгновенно, расплющившись о монолитную стену газа. Боли не будет; нервная система просто не успеет среагировать. Невелико утешение, но не стоит пренебрегать и им.

Тряска понемногу ослабевала. Таня сделала еще одно неразборчивое сообщение (надо будет ей об этом напомнить). Время, казалось, замедлило бег; вскоре Флойд перестал смотреть на часы – он не верил им. Цифры сменялись так медленно, будто «Леонов» попал в релятивистское замедление времени.

А потом случилось еще более невероятное. Сначала это его позабавило, затем даже возмутило. Женя заснула – заснула рядом с ним.

Впрочем, это была естественная реакция. Внезапно Флойд сам почувствовал опустошенность, какая бывает после близости с женщиной. Он с трудом удерживался, чтобы не заснуть.

Затем Флойд начал падать... падать... падать... и все закончилось. Корабль снова был в космосе, у себя дома.

А они с Женей уже никогда не будут столь близки, но на всю жизнь сохранят особую нежность, непонятную для других.

15. БЕГСТВО ОТ ВЕЛИКАНА

Когда Флойд добрался до обзорной площадки, Юпитер остался позади. Флойд знал это разумом, но глазами видел другое. «Леонов» едва вынырнул из атмосферы, и планета по-прежнему закрывала полнеба.

Как и предполагалось, Юпитер взял их в плен, отобрав лишнюю скорость. Если бы не последний огненный час, корабль несло бы сейчас за пределы Солнечной системы – к звездам. Теперь же он следовал по переходному эллипсу – классической гомановской орбите, соединяющей Юпитер с орбитой Ио, которая проходит на триста пятьдесят тысяч километров выше. Если не запустить двигатели, «Леонов» останется на этом эллипсе, замыкая виток каждые девятнадцать часов. Он станет самым близким спутником Юпитера, хотя и ненадолго. С каждым оборотом под действием торможения в атмосфере он начнет терять высоту, перейдет на спираль и в конце концов разрушится.

Флойд не особенно любил водку, но сейчас без колебаний выпил вместе со всеми – за создателей корабля и в память сэра Исаака Ньютона. Потом Таня спрятала бутылку: дел оставалось много.

Хотя все ждали этого, тем не менее вздрогнули, услышав приглушенный взрыв пиропатронов, за которым последовал сильный толчок. Спустя несколько секунд в иллюминаторах показался добела раскаленный, медленно крутящийся диск. Он неторопливо удалялся.

– Смотрите! – кричал Макс. – Летающая тарелка! У кого есть фотоаппарат?

Все с облегчением рассмеялись. Таня сказала:

– Прощай, наш верный защитник! Вот кто действительно сгорел на работе!

– Но не до конца, – вмешался Саша. – В нем осталось добрых две тонны. Сколько полезной нагрузки пропало зря!

– Если так выглядит исконно русская основательность, – возразил Флойд, – то я – за. Лучше уж лишняя тонна, чем недостающий миллиграмм.

Все заплодировали. Сброшенный защитный экран, остывая, стал желтым, потом красным, наконец, черным, как окружающее пространство. Он исчез из виду, удалившись всего на несколько километров, хотя время от времени исчезающие и вновь появляющиеся звезды выдавали его местоположение.

– Я проверил орбиту, – сообщил Василий. – Погрешность – десять метров в секунду, не больше. Не так плохо для первого раза.

Все облегченно вздохнули. Еще через несколько минут штурман объявил:

– Разворот для коррекции. Через минуту – зажигание на двадцать секунд. Приращение скорости – шесть метров в секунду.

Из-за близости к Юпитеру не верилось, что «Леонов» стал спутником планеты. Было ощущение, что они летят в высотном самолете, поднявшемся над юпитерианскими облаками. Масштабные ориентиры отсутствовали; казалось, за иллюминаторами пылает обычный земной закат – так знакомы были алые и розовые тона.

Но так только казалось: здесь не было ничего земного. Краски не имели ничего общего с заходящим Солнцем, это были собственные цвета Юпитера. Да и газы чужие – метан, аммиак и чертово зелье углеводов, сваренное в водородно-гелиевом котле.

Лишь изредка вихри и порывы ураганного ветра нарушали строй облаков, протянувшихся параллельными рядами от горизонта до горизонта. Время от времени восходящие потоки более светлого газа раскрывали их пелену, открывая вид на темный край гигантской воронки, воздушного Мальстрема, низвергающегося в бездонные глубины Юпитера.

Флойд начал было искать Большое Красное Пятно, но тут же опомнился. Вся распростершаяся внизу облачная панорама не превышала по площади нескольких процентов Красного Пятна; с таким же успехом можно разглядеть Соединенные Штаты, пролетая на самолете где-нибудь над Канзасом.

– Коррекция закончена. Прибытие к Ио через восемь часов пятьдесят пять минут.

«Всего девять часов, – подумал Флойд, – и мы будем на месте. Ускользнуть от великана удалось – но мы предвидели эту опасность и были готовы к ней. Теперь начинаются опасности неизвестные. А разделавшись с ними, мы снова вернемся к Юпитеру. Его мощь поможет нам на обратном пути».

16. ЛИЧНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ

– Привет, Дмитрий. Это Вуди, через пятнадцать секунд перехожу на код два... Алло, Дмитрий, помножь коды четыре и пять, извлеки кубический корень, прибавь «пи» в квадрате, округли до целого и получишь нужное число. Если

только ваши компьютеры не быстрее наших в миллион раз – а я абсолютно уверен, что это не так, – то наш разговор никто никогда не расшифрует. Ни с твоей стороны, ни с моей.

Кстати, мои по-прежнему надежные источники докладывают, что и очередной делегации не удалось убедить старика Андрея уйти с поста президента Академии. Я смеялся до слез – так Академии и надо. Я знаю, что ему за девяносто и он становится немножко... упрямым. Но советов давать не буду, хотя я – лучший специалист в мире, виноват, в Солнечной системе по отставкам престарелых ученых.

Ты не поверишь, но я слегка пьян. Мы решили отпраздновать свое прибытие, когда постр... повср... Черт, по-встречались с «Дискавери». И нужно было отметить пробуждение двух наших коллег. Чандра, правда, не пил – это было бы для него слишком по-человечески, – зато Курноу постарался за двоих. Одна Таня была трезвой как стеклышко.

Мои соотечественники – господа, я уже заговорил как политик, – благополучно вышли из анабиоза и готовы к работе. Время подгоняет, а состояние «Дискавери» не блестящее. Его снежно-белый корпус стал тускло-желтым.

Виновата, конечно, Ио. «Дискавери» снизился уже до трех тысяч километров, а каждые несколько дней какой-нибудь из здешних вулканов выбрасывает в пространство несколько мегатонн серы. Ты видел фильмы, но по ним не поймешь, какой здесь ад. С нетерпением жду, когда мы отсюда отчалим – хотя следующий этап будет, вероятно, опаснее...

Я пролетал над Килауа во время извержения 2006 года. Это было страшное зрелище. Но здесь неизмеримо страшнее. Сейчас мы над ночной стороной Ио, тут еще хуже. Настоящее пекло.

Некоторые озера серы от жара светятся, но в основном свет дают электрические разряды. Ландшафт как бы взрывается каждые несколько минут, словно его озаряет гигантская фотовспышка. Это не просто сравнение: сила тока в ионизированном канале между Юпитером и Ио достигает

миллионов ампер, и часто происходит пробой. Так получаются величайшие молнии в Солнечной системе, а наши предохранители, естественно, тут же срабатывают.

Только что началось новое извержение. Прямо на терминаторе. Огромная туча, озаренная Солнцем, поднимается к нашему кораблю. Конечно, она, если даже достигнет такой высоты, станет к тому времени безобидной. Но вид у нее зловещий – этакое космическое чудовище, пытающееся нас проглотить...

Сразу после прибытия я понял, что Ио мне что-то напоминает. Вспоминал два дня, потом связался с архивом – бортовая библиотека не помогла. Ты помнишь «Владыку колея»? Да, Ио – это Мордор. Загляни в третью часть романа. Там описаны «реки расплавленного камня, которые извиваются... а потом застывают и лежат, будто окаменевшие драконы, извергнутые измученной землей». Это точное описание: Толкиен сделал его за четверть века до того, как глаза человеческие увидели поверхность Ио. Так что же все-таки первично – Искусство или Природа?..

Хорошо, что хоть не надо туда садиться. Возможно, в будущем кто-нибудь это сделает: здесь есть относительно устойчивые участки, не заливаемые потоками серы.

Никогда бы не поверил, что можно болтаться рядом с Юпитером и не обращать на него внимания. Но так оно и есть. Когда мы не смотрим на Ио или «Дискавери», мы думаем об «артефакте».

Он в десяти тысячах километров от нас, в точке либрации, но сквозь телескоп кажется совсем рядом. Масштабных ориентиров нет, и не верится, что в нем два километра. Если он твердый, то весит миллиарды тонн.

Но твердый ли он? Он почти не отражает лучи радаров, даже при перпендикулярном падении. Мы видим лишь черную прямоугольную тень на облаках Юпитера, до которых в действительности в тридцать раз дальше. Не считая размеров, это точная копия монолита, найденного на Луне.

Завтра – высадка на «Дискавери»; не знаю, когда мы снова сможем поговорить. А у меня есть к тебе громадная просьба.

Я говорю о Каролине. Она так и не поняла, почему я полетел. Думаю, она никогда мне не простит. Некоторые женщины считают, что любовь – это главное. Считают, что любовь – это все. Возможно, они правы – что толку спорить.

Если представится случай, попробуй ее подбодрить. Она говорила, что собирается вернуться на материк. Боюсь, если так... Если с ней не получится, попытайся подбодрить Криса. Я очень соскучился по нему.

Он-то поверит дяде Диме – скажи, что папа его по-прежнему любит и постарается вернуться скорее.

17. АБОРДАЖ

Высадиться на другой космический корабль, если он сам этому не содействует, нелегко. А нередко и опасно.

Смысл этой прежде абстрактной истины стал очевиден для Уолтера Курноу, как только он собственными глазами увидел кувыркающееся стометровое тело «Дискавери». Годы назад бортовая центрифуга остановилась из-за трения в подшипниках, но угловой момент передался корпусу корабля. И «Дискавери» вращался вокруг поперечной оси, словно жезл лихого тамбурмажора.

Это вращение следовало остановить: оно делало корабль не только неуправляемым, но и почти неприступным. В воздушном шлюзе «Леонова» Курноу с Максом Браиловским облачались в скафандры, Курноу испытывал почти незнакомое ему чувство неуверенности, даже неполноценности; задание ему не нравилось. «Я опытный инженер, а не подопытное животное», – объяснял он; однако дело нужно было делать. Лишь он мог вырвать «Дискавери» из лап Ио.

Времени оставалось мало: корабль врежется в огненное пекло, прежде чем русским удастся разобраться в незнакомом оборудовании.

– Страшно? – спросил Макс; они уже одевали шлемы.

– Конечно. Но штаны пока сухие.

Макс усмехнулся:

– Вот и отлично. Ничего, доставлю в целости и сохранности. На моем... как правильно?

– «Помеле». Транспортном средстве ведьм.

– Точно. Знакомая штука?

– Один раз попробовал. Оно от меня сбежало.

Некоторым профессиям присущи собственные инструменты: мастерок каменщика, молоток геолога, круг гончара... Строители космических станций придумали «помело».

В сложенном состоянии это просто метровая труба, заканчивающаяся «башмаком» вроде тех, на которые приземляются межпланетные аппараты. Но при нажатии кнопки оно раздвигается в несколько раз; внутренние накопители импульса позволяют умелому оператору выделять с таким «помелом» самые невероятные трюки. «Башмак» можно заменить клешней или крюком, есть и другие хитрости. «Помело» кажется простым в обращении – но только кажется.

Насосы умолкли, перестав откачивать воздух. Над внешним люком загорелась надпись: «Выход», потом он отворился, и они медленно выплыли наружу.

«Дискавери» подобно крылу ветряной мельницы вращался в двухстах метрах от «Леонова». Корабли шли параллельными курсами вокруг Ио, которая загораживала полнеба – и закрывала Юпитер. Момент выхода выбрали не случайно: Ио служила экраном, защищающим от мощных энергетических разрядов, которые гуляли между двумя мирами. Но радиации хватало и здесь. Остаться вне укрытия больше пятнадцати минут было крайне нежелательно.

Курноу тут же ощутил неудобство.

- На Земле скафандр был в самый раз, - пожаловался он.
- Сейчас я болтаюсь в нем, как в погребушке.

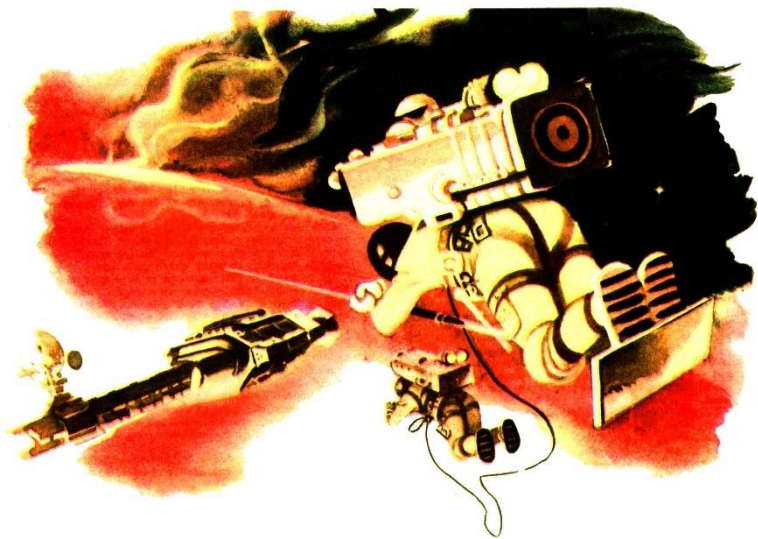
- Все в порядке, Уолтер, - вмешалась в радиоразговор бортврач Руденко. - В анабиозе вы потеряли десять килограммов, но они все равно были лишними... Правда, три вы уже вернули.

Курноу не успел достойно ответить - его мягко, но сильно повлекло от «Леонова».

- Отдыхайте, Уолтер, - сказал Браиловский. - Ускорители не включайте, я все сделаю сам.

Миниатюрные двигатели в ранце Браиловского несли их к «Дискавери». После появления облачка пара буксирный трос натягивался, Курноу приближался к Браиловскому, но догнать не успевал - следовало новое зажигание. Курноу чувствовал себя чертиком на ниточке - недавно началось их очередное нашествие на Землю. Он дергался вверх-вниз, совершенно беспомощный.

К «Дискавери» вел лишь один безопасный путь - вдоль оси, вокруг которой медленно вращался корабль. Она проходила примерно посередине, возле главной антенны; туда-

то и нацелился Браиловский, увлекая за собой партнера. «Каким образом он успеет нас остановить?» – с тревогой спрашивал себя Курноу.

«Дискавери» надвигался, похожий на огромную вытянутую гантель, размеренно перемалывающую небо. Хотя полный оборот занимал не одну минуту, скорость концов этой вертушки была внушительной. Курноу старался смотреть не на них, а на приближающийся центр, который медленно поворачивался.

– Сейчас я сделаю это, – сказал Браиловский. – Помогать не надо, но приготовьтесь.

«Что значит – это?» – подумал Курноу, призывая на помощь все свое хладнокровие.

Операция заняла пять секунд. Браиловский раздвинул «помело» на четыре метра, оно уперлось в борт корабля и сложилось, передав внутренним накопителям весь импульс хозяина; но вопреки ожиданиям Курноу тот вовсе не остановился у основания антенны. Нет, «помело» тут же раздвинулось, отбросив советского космонавта от «Дискавери». Будто отразившись от упругой стенки, он пронесся всего в нескольких сантиметрах от Курноу, и испуганный американец успел различить лишь широкую усмешку на его лице.

Секундой позже последовал рывок. Трос натянулся и тут же ослаб. Противоположные скорости погасились: оба космонавта практически замерли относительно «Дискавери». Курноу оставалось ухватиться за ближайший выступ и подтянуть товарища.

– Вы играли когда-нибудь в русскую рулетку? – поинтересовался он, постепенно успокаиваясь.

– А что это такое?

– Столь же невинное развлечение, – объяснил Курноу. – Я вас как-нибудь научу.

– Не хотите ли вы сказать, Уолтер, что Макс собирался совершить нечто опасное?

Голос доктора Руденко звучал не на шутку обеспокоенно, и Курноу не стал отвечать; иногда русские не понимали его

своеобразный юмор. «Над кем смеетесь?» – пробормотал он вполголоса, надеясь, что никто его не услышит.

Теперь, когда они прочно обосновались на втулке космической карусели, вращение почти не ощущалось – особенно когда Курноу фиксировал взгляд на металлической обшивке «Дискавери». Но его поджидало новое испытание. Лестница, проходившая вдоль вытянутого цилиндрического корпуса, казалась бесконечно длинной. Создавалось впечатление, что массивный шар командного отсека отделяют от них световые годы. Конечно, Курноу знал, что расстояние не превышает пятидесяти метров, но...

– Я пойду первым, – сказал Браиловский, выбирая слабинку на соединяющем их тросе. – Считайте, мы просто спускаемся. Помните об этом. Но не бойтесь сорваться – даже в самом низу сила тяжести вдесятеро меньше нормальной. А это – как правильно? – блошиный укус.

– Скорее уж блошиный вес... Если не возражаете, я пойду ногами вперед. Не люблю лазить по лестницам вниз головой – пусть и при малой гравитации.

Этот не слишком серьезный тон очень помогал. Размышлять о тайнах и опасностях нельзя; Курноу прекрасно понимал это. Почти за миллиард километров от дома он готовился проникнуть внутрь самого знаменитого в истории космического корабля: кто-то из журналистов удачно назвал «Дискавери» космической «Марией Целестой». Но происходившее было исключительным и по другой причине: Курноу не мог забыть о нависшем над головой зловещем ландшафте Ио. При каждом прикосновении к поручням на рукаве появлялись новые пятна серы.

Разумеется, Браиловский был прав: приспособиться к центробежной силе, заменявшей здесь гравитацию, оказалось нетрудно. Она совсем не мешала, даже наоборот – помогла правильно ориентироваться.

В конце концов, неожиданно для себя они ступили на большой выцветший шар – командный отсек «Дискавери». В нескольких метрах располагался аварийный люк – тот

самый, понял Курноу, которым воспользовался Боумен при решающей схватке с ЭАЛом.

– Надеюсь, нас впустят, – пробормотал Браиловский. – Обидно забраться в такую даль и получить от ворот поворот.

Он смахнул серную пыль с пульта управления шлюзом.

– Не работает, конечно. Или попробовать?

– Вреда не будет. Но вряд ли получится.

– Ничего. Тогда придется вручную...

Радостно было следить, как в сплошной выпуклой стене появляется узкая, с волос, щель. Из нее вырвалось облачко пара вместе с клочком бумаги – возможно, какой-то важной запиской. Однако этого никто никогда не узнает: бумажка, быстро вращаясь, исчезла вдали.

Браиловский еще долго крутил маховик, прежде чем мрачная, негостеприимная пещера воздушного шлюза открылась полностью. Тайная надежда Курноу, что работает хотя бы аварийное освещение, тут же рассеялась.

– Теперь командуйте вы, Уолтер. Это территория США.

Но «территория США» не показалась Курноу особо приветливой, когда он осторожно влезал в люк, освещая себе путь рефлектором на шлеме. Впрочем, насколько он мог судить, все было на месте. «А на что еще ты рассчитывал?» – сердито спросил он себя.

Времени на то, чтобы закрыть люк, ушло гораздо больше. Прежде чем крышка окончательно встала на место, Курноу бросил взгляд на адскую панораму Ио.

Возле экватора вскрылось мерцающее синее озеро; всего несколько часов назад его не было и в помине. Вдоль кромки озера плясали яркие желтые всполохи – верный признак раскаленного натрия. Ночной пейзаж прикрывала призрачная паутина плазменного разряда – одного из обычных для Ио полярных сияний.

Здесь было достаточно пищи для многих грядущих кошмаров, а завершал картину мазок, достойный кисти сумасшедшего сюрреалиста. В черное небо, казалось, прямо из пламени объятай пожаром луны вздымался гигантский

изогнутый рог – таким, вероятно, видит его в последний миг обреченный тореадор.

Острый серп Юпитера вставал перед двумя кораблями, мчавшимися навстречу ему по параллельным орбитам.

18. СПАСЕНИЕ ИМУЩЕСТВА

Как только люк закрылся, Курноу и Макс поменялись ролями. Теперь уже Курноу чувствовал себя как дома, Браиловский же очутился в чужой стихии: его угнетала теснота туннелей и внутренних переходов. Разумеется, планировку «Дискавери» он знал, но лишь по чертежам и рисункам. В то время как Курноу несколько месяцев работал внутри еще не законченного «Дискавери-2» и ориентировался в нем буквально с закрытыми глазами.

Они пробирались вперед с трудом – корабль создавался для невесомости, а его неуправляемое вращение приводило к тяжести, хотя и слабой, но направленной всегда в самую неудобную сторону.

– Первое, что надо сделать, – буркнул Курноу, свалившись, словно в колодец, в очередной коридор и лишь через несколько метров за что-то ухватившись, – это остановить чертово вращение. Но нужна энергия. Надеюсь, Дэйв Боумен все обесточил, прежде чем навсегда покинуть корабль.

– Навсегда? А если он собирался вернуться?

– Не исключено. Но вряд ли мы это узнаем – даже если знал он сам.

Они достигли «Горохового стручка» – бортового космического гаража. Когда-то здесь помещались три «горошины» – три одноместные сферические капсулы для работы в открытом космосе. На месте оставалась только одна. Первая пропала после гибели Фрэнка Пула. Вторая находилась сейчас с Дэйвом Боуменом, где бы тот ни был.

На вешалках висели два скафандра без шлемов, неприятно похожие на обезглавленные тела. Не требовалось особого воображения – а оно у Браиловского работало сейчас сверх меры, – чтобы наполнить корабль целым зверинцем зловещих обитателей.

Курноу, естественно, не мог упустить удобного случая.

– Макс, – произнес он совершенно серьезно, – что бы ни произошло, умоляю: не гоняйтесь за корабельным котом.

Браиловскому стало не по себе. Он едва не ответил:

«Зря вы вспомнили об этом», – но сдержался. Не стоило обнаруживать слабость. Он сказал:

– Хотел бы я знать, кто подсунул нам этот жуткий фильм.

– Наверняка Катерина, – предположил Курноу. – Чтобы испытать нашу психическую устойчивость. Неделю назад, по-моему, он показался вам очень смешным.³

Браиловский промолчал – Курноу был прав. Но одно дело теплая светлая кают-компания «Леонова», и совсем другое – ледяное темное чрево мертвого корабля, населенного привидениями. Даже самый несусеверный человек легко вообразил бы здесь неумолимого чужака, рыскающего по коридорам в поисках очередной жертвы...

«Все ты, бабушка, виновата, – подумал Макс. – Прости, родная, пусть земля сибирская будет тебе пухом.

Но виновата ты и те страшные сказки, которыми ты забила мне голову. До сих пор, стоит закрыть глаза, и я ясно вижу избушку на курьих ножках посреди лесной глухомани...

Но стоп. Я – способный молодой инженер. Передо мной самая сложная в моей жизни техническая задача. И моему

³ Речь идет о современном НФ-фильме «Чужой». Появившееся на борту космического корабля инопланетное чудовище, преследует испуганного его присутствием корабельного кота. Человек, решивший, что кот убегает от него, и намеревающийся его поймать, «вклинивается» между преследователем и преследуемым и сам становится жертвой.

американскому другу совсем необязательно знать, что иногда я просто испуганный мальчик...»

Его раздражали шумы: их было слишком много. Такие слабые, что лишь опытный космонавт различил бы их в шорохе собственного скафандра. Но Макс Брайловскому, привыкшему работать в мире полного безмолвия, они действовали на нервы, хотя он и знал, что все эти скрипы и трески вызваны перепадом температур: корабль вращался, будто жаркое на вертеле. Несмотря на удаленность от Солнца, разница температур на свету и в тени была значительной.

Даже привычный скафандр стал неудобен – снаружи появилось давление. Силы, действующие на сочленения, слегка изменились, и трудно стало рассчитывать движения. «Ты новичок, – сердито напомнил он себе, – придется всему учиться сначала. И пора сменить настроение, сделать что-нибудь этакое...»

– Уолтер, – сказал он. – Я хочу глотнуть здешнего воздуха.

– Что ж, давление в порядке. Температура... ого, сто пять ниже нуля!

– Да, бодрящий сибирский мороз. Но воздух в моем скафандре остынет не сразу.

– Тогда валяйте. А можно, я посвечу на ваше лицо? Чтобы не пропустить момент, когда оно посинеет... И говорите что-нибудь.

Брайловский поднял прозрачное забрало шлема и вздрогнул: казалось, невидимые ледяные пальцы впились в щеки. Он осторожно потянул воздух, затем вдохнул глубже.

– Холодно... Но до легких пока не дошло. И странный запах. Затхлый, гнилой... будто что-то... О нет!

Сильно побледнев, Брайловский захлопнул забрало.

– В чем дело, Макс? – спросил Курноу с внезапной и на этот раз неподдельной тревогой. Брайловский не ответил; казалось, его вот-вот стошнит. В скафандре это грозная, иногда смертельная, опасность.

После некоторого молчания Курноу сказал:

– Я понял, но вы наверняка ошибаетесь. Пул, как мы знаем, остался в космосе. Боумен доложил, что... отправил за борт остальных. Тех, кто умер в анабиозе. Несомненно, он так и сделал. Здесь пусто. К тому же холодно. – Курноу чуть не добавил: «Как в морге», – но сдержался.

– Предположим, – тихо сказал Браиловский, – что Боумену удалось вернуться и он умер здесь...

Последовала еще более долгая пауза; затем Курноу медленно, но решительно открыл собственное забрало. Он содрогнулся, когда морозный воздух ожег ему легкие, потом с отвращением сморщил нос.

– Теперь я вас понимаю. Но не стоит давать волю воображению. Десять против одного, что воняет со склада. Видимо, прежде чем корабль промерз насквозь, испортилось какое-нибудь мясо. Боумену некогда было заниматься хозяйством. Я бывал в холостяцких квартирах, где пахло не лучше.

– Вероятно, вы правы.

– Разумеется, прав. А если и нет – какая разница, черт возьми? Мы на работе, Макс. И, если Дэйв Боумен еще здесь, это уже не наша забота. Верно, Катерина?

Бортврач не ответила: они забрались слишком далеко внутрь корабля, радиоволны не доходили сюда. Они были отрезаны от остальных, но настроение у Макса уже улучшилось. Уолтер был надежным напарником, хотя и казался иногда легкомысленным. Зато он отличный специалист – а если нужно, тверд как камень.

Вдвоем они вернут «Дискавери» к жизни – и, возможно, к Земле.

19. БОЙ С ВЕТРЯНОЙ МЕЛЬНИЦЕЙ

Восторженный вопль сотряс стены «Леонова», когда «Дискавери», как новогоднюю елку, украсили

разноцветные навигационные огни; наверно, он был слышен даже в пустоте, которая разделяла корабли. Но огни быстро погасли.

С полчаса «Дискавери» не подавал признаков жизни: затем в иллюминаторах командного отсека замелькали красные отсветы аварийного освещения. Спустя несколько минут за пленкой серной пыли появились неясные силуэты Курноу и Браиловского.

– Макс! Уолтер! Вы нас слышите? – позвала Таня Орлова. Оба помахали в ответ, но этим и ограничились. Видимо, у них не было времени на разговоры; зрителям у иллюминаторов пришлось набраться терпения и следить, как зажигаются и гаснут огни, отворяются и захлопываются люки «горохового стручка», медленно поворачивается чаша главной антенны...

– Алло, «Леонов»! – послышался наконец голос Курноу. – Простите, что с запозданием, но нам было некогда.

Вот первые впечатления. Корабль в лучшем состоянии, чем я предполагал. Корпус цел, утечка воздуха ничтожна – давление восемьдесят пять процентов от номинала. Воздух пригоден для дыхания, но его нужно будет сменить. Воняет, как на помойке.

С энергией полный порядок. Главный реактор стабилен, батареи в хорошем состоянии. Почти все обесточено – то ли Боумен догадался, то ли предохранители сработали сами. Так что оборудование не пострадало. Но придется все хорошенько проверить, прежде чем врубать на полную катушку.

– Сколько времени на это уйдет? Хотя бы на основное – двигатели, жизнеобеспечение?

– Трудно сказать, шкип. Когда мы должны упасть?

– Через десять дней, по последним оценкам. Но все может измениться в любую минуту – и в любую сторону.

– Ну, а мы, думаю, управимся за неделю. Вытащим корабль из этой чертовой дыры.

– Помощь нужна?

– Пока нет. Сейчас полезем в центрифугу, проверить подшипники. Надо запустить ее поскорее.

– Простите, Уолтер, вы уверены, что это так срочно? Гравитация – это хорошо, но мы обходились и без нее.

– Гравитация ни при чем, хотя и она не помешает. Центрифуга притормозит вращение корабля. Остановит это чертово кувыркание. Тогда можно будет соединить шлюзы и не выходить в космос. Работа облегчится по меньшей мере раз в сто.

– Отличная мысль, Уолтер. Вы что же, собираетесь состыковать мой корабль с этой... мельницей? А если подшипники заест, и центрифуга встанет снова? Нас разнесет в клочья.

– Хорошо, оставим это на потом. Свяжусь при первой возможности.

Кончались вторые сутки, когда Курноу и Браиловский, падая от усталости, завершили осмотр корабля. Их отчет весьма порадовал американское правительство: возникло законное основание, объявить «Дискавери», не потерпевшим кораблекрушение, а «временно законсервированным кораблем США». Теперь его требовалось расконсервировать.

После подачи энергии настала очередь за воздухом. Не помогла самая тщательная уборка, вонь не исчезла. Как и думал Курноу, она исходила от продуктов, испортившихся после отказа холодильников. Однако он утверждал – с самым серьезным видом, – что запах этот весьма романтичен. «Я закрываю глаза, – говорил он, – и чувствую себя на старинном китобойном судне. Представляете, как благоухало на палубе «Пеквода»?»

Все, кто побывал на «Дискавери», соглашались, что особого воображения на это не требуется. В конце концов пришлось стравить воздух за борт. К счастью, в запасных емкостях его оказалось достаточно.

Весьма приятный сюрприз таили в себе топливные баки: там сохранилось около девяноста процентов топлива, взятого на обратный путь. Аммиак, выбранный вместо водорода в качестве рабочей жидкости, оправдал доверие.

Конечно, водород был эффективнее, но он уже годы назад испарился бы в космос, несмотря даже на холод за бортом. А вот сжиженный аммиак остался почти целиком, и его вполне хватит для возвращения на околоземную орбиту. Или, по крайней мере, на окололунную.

Но восстановить контроль над «Дискавери», пока он вращался наподобие пропеллера, было невозможно. Сравнив Курноу и Браиловского с Дон Кихотом и Санчо Пансой, Саша Ковалев выразил надежду, что их поход против ветряной мельницы завершится более удачно.

Соблюдая максимальную осторожность, с многочисленными перерывами и проверками, на центрифугу подали питание, и громадный барабан разогнался, вновь отбирая вращение, отданное когда-то кораблю. «Дискавери» исполнил серию сложных кульбитов, и в конце концов его кувыркание почти прекратилось. Двигатели ориентации остановили вращение полностью. Теперь корабли, словно связанные, летели бок о бок: крепкий толстяк «Леонов» выглядел еще короче рядом со стройным «Дискавери».

Переход из корабля в корабль упростился, но капитан Орлова и теперь не разрешала соединять их физически. До грозной поверхности Ио оставалось совсем немного, и никто не мог поручиться, что не придется все-таки бросить судно, ради спасения которого было израсходовано столько сил.

Причина снижения «Дискавери» уже не составляла тайны, но что толку? Всякий раз, проходя между Юпитером и Ио, «Дискавери» пересекал ионизированный канал, соединяющий два небесных тела – электрическую реку между мирами. Возникавшие в корпусе вихревые токи притормаживали корабль на каждом витке.

Точно предсказать момент падения не удавалось – ток в канале менялся в широких пределах, подчиняясь неведомым законам Юпитера. Временами активность планеты-гиганта резко увеличивалась, тогда над Ио бушевали электрические и магнитные бури; их сопровождали полярные

сияния. А корабли теряли высоту, и внутри них на какое-то время воцарялась нестерпимая жара.

Поначалу это удивляло и даже пугало, потом все объяснилось. Любое торможение ведет к нагреву; мощные токи превращали корабль в своеобразную электропечь. «Дискавери» бросало то в жар, то в холод на протяжении нескольких лет – неудивительно, что продукты на борту не проявили достаточной стойкости.

До гноящейся поверхности Ио, похожей на иллюстрацию из медицинского учебника, оставалось всего пятьсот километров, когда «Леонов» отошел на почтительное расстояние от «Дискавери» и Курноу решил включить маршевый двигатель. В отличие от допотопных химических ракет из кормовой части «Дискавери» не вырвалось ни дыма, ни пламени, но расстояние между кораблями начало увеличиваться – «Дискавери» набирал скорость. После нескольких часов маневрирования корабли отстранились от Ио на тысячу километров; можно было передохнуть и подготовиться к следующему этапу.

– Вы славно поработали, Уолтер, – сказала бортврач Руденко, обнимая полной рукой усталые плечи Курноу. – Мы очень вами гордимся.

И – совершенно случайно – разбила перед его носом ампулу. Он проснулся спустя сутки, голодный и злой.

20. ГИЛЬОТИНА

– Что это? – с отвращением поинтересовался Курноу, взвешивая на ладони небольшой механизм. – Гильотина для мыши?

– Почти так – только для более крупного зверя. – Флойд ткнул пальцем в экран дисплея; вспыхивающая стрелка указывала на схему сложной цепи. – Узнаете эту линию?

– Главный распределительный кабель. И что?

– Вот точка, где он подсоединяется к ЭАЛу. Приспособление следует установить здесь, под оболочкой кабеля – тут его трудней обнаружить.

– Ясно. Дистанционное управление. Чтобы в случае чего перекрыть ему питание. Хорошо сработано, и лезвие токо-непроводящее. Никаких замыканий при включении. Кто делает такие игрушки? ЦРУ?

– Какая разница? Управление из моей комнаты, с маленького красного микрокалькулятора. Набрать девять девяток, извлечь квадратный корень и – нажать кнопку. Радиус действия придется еще уточнить, но пока «Дискавери» рядом, можно не опасаться, что ЭАЛ снова сойдет с ума.

– Кому можно знать об этой... штуке?

– Нельзя только Чандре.

– Так я и думал.

– Но чем меньше посвященных, тем лучше. Я сообщу Тане. В случае необходимости вы покажете ей, как пользоваться приспособлением.

– Какой еще необходимости?

Флойд пожал плечами.

– Если бы я знал, нам бы оно не понадобилось.

– Так. И когда мне поставить этот... эалоглушитель?

– Желательно поскорее. Скажем, сегодня вечером, когда Чандра уснет.

– Смеетесь? Он вообще не спит. Он как мать у постели больного ребенка.

– Ну, иногда он наведывается на «Леонова» поесть...

– Вы думаете? В последний раз он прихватил мешочек риса. Этого ему хватит на месяц, не меньше.

– Тогда придется одолжить у Катерины ее сногшибательные пилюли. На вас, кажется, они подействовали неплохо?

Курноу, конечно, врал насчет Чандры – по крайней мере так полагал Флойд, хотя поручиться за это было нельзя: Куркоу мог выдавать махровую ложь с самым невинным

лицом. Русские поняли это далеко не сразу; зато теперь, в порядке самозащиты, заранее хохотали, даже когда Курноу и не думал шутить.

Сам же Курноу, говоря, по правде, смеялся теперь совсем не так громко, как тогда, в стартующем ракетоплане. Вероятно, там подействовал алкоголь. Флойд опасался рецидива на празднестве по случаю встречи с «Дискавери». Однако Курноу, хотя и выпил достаточно, контролировал себя не хуже самой Орловой.

Единственное, к чему он относился серьезно, была работа. На старте Курноу был пассажиром «Леонова». Сейчас он стал экипажем «Дискавери».

21. ВОСКРЕШЕНИЕ

Вот-вот мы разбудим спящего исполина, сказал себе Флойд. Как ЭАЛ среагирует на наше запоздалое появление? Что вспомнит из прошлого? И как будет настроен – враждебно или по-дружески?

Плавно скользя по воздуху в командном отсеке «Дискавери», Флойд думал о секретном выключателе, установленном несколько часов назад. Передатчик лежал у него в кармане, и он чувствовал себя немного неловко: ЭАЛ был пока отрезан от исполнительных механизмов. После включения он станет всего лишь мозгом, безногим и безруким существом, пусть и наделенным органами чувств. Он сможет разговаривать, но не действовать. Как выразился Курноу: «В худшем случае обложит нас матом».

– Я готов к первому испытанию, капитан, – сказал Чандра. – Все блоки восстановлены, и я прогнал диагностические тесты по всем системам. Все в порядке, по крайней мере пока.

Капитан Орлова взглянула на Флойда, тот кивнул. На это первое испытание Чандра допустил только их, да и то неохотно.

– Очень хорошо, доктор Чандра. – Памятуя, что каждое слово фиксируется, капитан Орлова добавила: – Доктор Флойд высказал свое одобрение, у меня тоже нет возражений.

– Я должен вам пояснить, – произнес доктор Чандра тоном, в котором, напротив, никакого одобрения не ощущалось, – что слуховые и речевые центры повреждены. Нам придется заново учить его говорить. К счастью, он обучается в миллионы раз быстрее, чем человек.

Пальцы ученого заплясали по клавиатуре. Он набрал десяток слов, на первый взгляд случайных, тщательно произнося каждое, когда оно появлялось на экране дисплея. Они возвращались из динамика как искаженное эхо – безжизненные, даже механические, за ними не чувствовалось разума. Нет, это не ЭАЛ, подумал Флойд. Это просто говорящая игрушка – первые из них появились во времена моего детства...

Чандра нажал кнопку «ПОВТОР», и слова прозвучали снова. Произношение заметно улучшилось, но пока спутать голос с человеческим было невозможно.

– Слова, которые я ему предложил, содержат основные фонемы английского языка. Десять повторений – и речь станет приемлемой. Но у меня нет оборудования для настоящего лечения.

– Лечение? – спросил Флойд. – Вы хотите сказать, что... его мозг поврежден?

– Нет, – отрезал Чандра. – Логические цепи в отличном состоянии. Плох только голосовой выход, но и он постепенно поправится. Следите за дисплеем, во избежание ошибок. И старайтесь говорить поразборчивей.

Флойд подмигнул капитану Орловой и задал естественный вопрос:

– А как насчет русского акцента?

– Думаю, с капитаном Орловой и доктором Ковалевым трудностей не возникнет. Для других придется устроить экзамен. Кто не выдержит, пусть пользуется клавиатурой.

– Ну, до этого пока далеко. На первых порах общаться с ним будете только вы. Согласны, капитан?

– Конечно.

Лишь легкий кивок подтвердил, что Чандра их слышит. Его пальцы летали по клавишам, а слова и символы мелькали на экране так быстро, что ни один нормальный человек не смог бы их воспринять.

Это священнодействие слегка утомляло. Вдруг ученый, словно вспомнив об Орловой и Флойде, предостерегающе поднял руку. Потом неуверенным движением, разительно отличавшимся от предшествующих манипуляций, снял блокировку и надавил особую, отдельную от остальных, кнопку.

И раздался голос, без всякого запаздывания. Уже отнюдь не механическая пародия на человеческую речь. В нем чувствовались разум, сознание – даже самосознание, пусть пока и зачаточное.

– Доброе утро, доктор Чандра. Говорит ЭАЛ. Я готов к первому уроку.

Наступила тишина. Затем, не сговариваясь, зрители поспешно покинули помещение.

Хуйвуд Флойд никогда не поверил бы, что такое возможно. Доктор Чандра плакал.

IV. ЛАГРАНЖ

22. БОЛЬШОЙ БРАТ

– ...Это просто замечательно, что у дельфинов родился маленький. Представляю возбуждение Криса, когда гордые родители устроили смотрины. Мои коллеги растрогались, увидев по видео Криса верхом на спине малыша. И предложили назвать дельфиненка Спутник – по-русски это означает не только «спутник планеты», но и «компаньон».

Прости за долгое молчание, но сама знаешь, сколько у нас было работы. Даже капитан Таня ничего не пыталась планировать; каждый делал что мог. А спали, лишь когда не в состоянии были бодрствовать.

Зато нам, думаю, есть чем гордиться. Оба корабля в рабочем состоянии, первый цикл проверок ЭАЛа близится к завершению. Через пару дней окончательно прояснится, можно ли доверить ему управление на пути к Большому Брату.

Не знаю, кто придумал это название – русские, понятное дело, от него не в восторге. Но их не удовлетворяет и наше официальное название ЛМА-2. Во-первых, потому, что до Луны отсюда добрый миллиард километров. Во-вторых, поскольку Боумен магнитного поля у здешнего объекта так и не обнаружил. Когда я попросил их придумать собственное название, они предложили русское слово Загадка. Неплохо, конечно, но, когда я пробую это произнести, все хохочут.

Впрочем, как эту вещь ни называй, она от нас всего в десяти тысячах километров; до нее несколько часов лета. Но решиться на этот короткий перелет непросто.

Мы надеялись найти какие-нибудь новые сведения на борту «Дискавери». Но, как и следовало ожидать, не нашли ничего. ЭАЛ вышел из строя задолго до прибытия сюда, и его память чиста; все свои секреты Боумен унес с собой. В

бортжурнале и автоматических регистраторов тоже нет для нас ничего интересного.

Единственное, что мы обнаружили, – это послание Боумена матери. Не совсем понятно, почему он его не отправил. Очевидно, надеялся вернуться в корабль. Мы, конечно, переслали письмо миссис Боумен, она живет сейчас в доме для престарелых во Флориде. У нее душевное расстройство, так что она скорее всего ничего и не поймет.

Вот и все новости. Мне очень не хватает тебя. А еще – синего небосвода и изумрудной океанской воды. Здесь господствуют краски закатного неба – красные, оранжевые и желтые. Они великолепны, но вскоре начинаешь скучать по холодным, чистым цветам противоположного конца спектра.

Целую вас обоих – пошлю новую весточку, как только смогу.

23. РАНДЕВУ

Из всего экипажа «Леонова» найти общий язык с доктором Чандрой удалось лишь Николаю Терновскому, специалисту по системам управления. Хотя создатель и учитель ЭАЛа никому не доверял полностью, усталость заставила его принять предложенную помощь. Их сотрудничество привело к неожиданно удачным результатам. Николай каким-то образом ухитрялся определять, когда он действительно нужен Чандре, а когда тот предпочитает остаться один. То, что Николай знал английский хуже большинства своих коллег, ничему не мешало: они общались в основном на компьютерном языке, совершенно недоступном остальным.

После недели кропотливых трудов все управляющие функции ЭАЛа были восстановлены. Теперь он напоминал человека, который ходит, выполняет простейшие команды, справляется с несложной работой и способен поддерживать не особо притязательный разговор. По человеческой шкале

его КИ не превышает пятидесяти; восстановилась лишь малая часть его прежней личности.

Он еще окончательно не очнулся от долгого сна, однако, согласно заключению Чандры, был уже в состоянии перевести «Дискавери» с низкой орбиты вокруг Ио к Большому Брату.

Всем хотелось поскорее отойти от бурлящего пекла на лишние семь тысяч километров. Ничтожное по астрономическим меркам, это перемещение означало, что небо перестанет походить на пейзаж, достойный фантазии Данте или Перонима Босха. И хотя выбросы даже наиболее мощных извержений не достигали кораблей, оставалась опасность, что Ио попытается побить собственный рекорд. Да и без того пленка серы все сильнее загрязняла иллюминаторы «Леонова»; рано или поздно кому-нибудь придется выйти в космос, чтобы ее счистить.

Когда ЭАЛу впервые доверили управление, на борту «Дискавери» находились лишь Курноу и Чандра. Впрочем, доверие было весьма условным – компьютер лишь повторил программу, введенную в его память, и следил за ее выполнением. А люди следили за ним – в случае малейшего сбоя они бы немедленно вмешались.

Двигатель работал всего десять минут; затем ЭАЛ доложил, что «Дискавери» вышел на орбиту перехода. Как только это подтвердили радары «Леонова», он последовал за первым кораблем. После двух небольших коррекций и трех с четвертью часов полета оба корабля благополучно прибыли в точку Лагранжа L-1, расположенную между Ио и Юпитером на высоте десяти с половиной тысяч километров.

ЭАЛ действовал безупречно, и на лице Чандры появились бесспорные признаки таких человеческих чувств, как удовлетворение и даже радость. Но к этому моменту мысли его товарищей унеслись уже далеко – до Большого Брата, или Загадки, осталось всего сто километров.

Даже с такой дистанции он выглядел больше, чем Луна в небе Земли: поражала его неестественная геометрическая

правильность. В черном небе он остался бы невидимкой, но пронсящие в трехстах пятидесяти тысячах километров за ним юпитерианские облака создавали контрастный фон. И навязчивую иллюзию: установить на глаз подлинное расстояние до Большого Брата было невозможно, он казался зияющим дверным проемом, прорезанным в диске Юпитера.

Не было оснований считать, что сто километров безопаснее десяти или опаснее тысячи, но чисто психологически такое расстояние представлялось оптимальным. Бортовые телескопы различили бы отсюда детали величиной всего в несколько сантиметров, но таковых не оказалось. На поверхности Большого Брата не было ни царапины, как это ни удивительно для объекта, который, вероятно, на протяжении миллионов лет подвергался метеоритным бомбардировкам.

Когда Флойд прикинул к окуляру, ему казалось, что можно протянуть руку и дотронуться до этой гладкой эбеновой поверхности – как тогда, на Луне. В тот раз он коснулся ее перчаткой скафандра. Незащищенной рукой – гораздо позднее, когда монолит из Тихо, поместили под непроницаемый купол.

Впрочем, скорее всего Флойд никогда не прикасался к ЛМА-1 по-настоящему. Просто кончики пальцев наталкивались на невидимую преграду; чем сильнее он нажимал, тем больше возрастало сопротивление. Любопытно, как поведет себя Большой Брат.

Но до решающего сближения нужно было провести все мыслимые дистанционные эксперименты и доложить на Землю о их результатах. Космонавты ощущали себя саперами, работающими с бомбой неизвестной конструкции, которая может взорваться при малейшем неверном движении. Не исключалось, что самое осторожное радарное прощупывание вызовет катастрофические последствия.

Первые сутки они лишь наблюдали – с помощью телескопов и датчиков, чувствительных к электромагнитным волнам самой различной длины. Василий Орлов замерил размеры черного параллелепипеда и подтвердил – с точностью до шестого знака – знаменитое соотношение 1:4:9. По форме Большой Брат повторял ЛМА-1, но его длина превышала 2 км, и он был ровно в 718 раз больше своего малого родственника.

Так возникла новая математическая головоломка. Споры о соотношении 1:4:9 – отношении квадратов трех первых

целых простых чисел – шли уже на протяжении нескольких лет. Ясно было, что это отнюдь не случайное совпадение; теперь к трем числам прибавилось еще одно, которое надо было разгадать.

На Земле специалисты по статистике и математической физике радостно бросились к своим компьютерам, пытаясь найти его связь с фундаментальными мировыми константами – скоростью света, постоянной тонкой структуры, соотношением масс протона и электрона. К ним вскоре подсоединилось бравое воинство астрологов и мистиков, включивших в список констант высоту пирамиды Хеопса, диаметр Стоунхенджа, азимуты линий Наска, широту острова Пасхи и уйму других величин, из коих они ухитрились делать самые невероятные предсказания. Их пыла не остудил даже известный вашингтонский юморист, заявивший, что, согласно его подсчетам, конец света наступил 31 декабря 1999 года, но остался незамеченным из-за всеобщего перепоя.

На приближение кораблей Большой Брат не реагировал – даже когда его осторожно прошупали лучами радаров и обстреляли очередями радиоимпульсов, которые, как следовало надеяться, воодушевят любой разум на аналогичный ответ.

Первые два дня не принесли результата. Тогда, с разрешения Центра управления, корабли подошли вдвое ближе. С пятидесятикилометрового расстояния наибольшая грань параллелепипеда казалась вчетверо шире Луны в небе Земли. Внушительно, но не настолько, чтобы давить на психику. Конкурировать с Юпитером Большой Брат пока не мог – тот был на порядок крупнее. Настроение на борту изменялось: благоговейное ожидание уступало место явному нетерпению.

Лучше всех сказал об этом Уолтер Курноу: «Возможно, Большой Брат намерен ждать миллионы лет. Но нам-то хочется убраться отсюда чуть раньше».

24. РАЗВЕДКА

«Дискавери» покинул Землю, неся на борту три «горошины» – три одноместных ракетных аппарата, которые позволяли работать в космосе, не одевая скафандра. Одна из «горошин» пропала после несчастного случая (если это действительно был несчастный случай), в котором погиб Фрэнк Пул. Во второй Дэйв Боумен отправился на последнее свидание с Большим Братом, и она разделила судьбу своего водителя. Третья оставалась в «гороховом стручке».

У нее не хватало одной важной детали – крышки внешнего люка. Крышку сорвал Боумен, когда совершал свой рискованный переход без шлема сквозь вакуум. Реактивная отдача образовавшейся при этом воздушной струи увела «горошину» на сотни километров от корабля, однако Боумен, покончив с более важными делами, вспомнил о ней и привел назад на радиуправлении. Но отремонтировать люк ему уже было некогда.

Сейчас «горошина» (Макс, никому ничего не объяснив, начертал на ее борту имя «Нина») вновь уходила в космос. Крышка все еще отсутствовала, но она и не требовалась – рейс был беспилотным.

Вернув «горошину», Боумен преподнес своим приемникам подарок, которым глупо было не воспользоваться. «Нина» позволяла обследовать Большого Брата с близкого расстояния, не подвергая людей излишнему риску. Впрочем, риск все равно оставался. Что по космическим масштабам пятьдесят километров? Толщина волоса, не более...

«Нина» пробыла без присмотра несколько лет, и это чувствовалось. Невесомая пыль, витавшая в воздухе, превратила ее девственно-белый корпус в грязно-серый. Со своими сложными манипуляторами, уставившимся в космос пустым глазом иллюминатора, да и скоростью черепахи, в полномочные послы человечества она явно не годилась. Но нет худа без добра – столь скромный парламентар мог

рассчитывать на снисхождение: миниатюрность и медлительность могли свидетельствовать о мирных намерениях. Чтобы подчеркнуть последние, кто-то даже предложил раскрыть ее «ладони», как бы для рукопожатия; однако предложение тут же отвергли – мало ли какие ассоциации вызовет растопыренная стальная клешня...

После двухчасового перелета «Нина» остановилась в ста метрах от одного из углов громадной прямоугольной плиты. Но та не выглядела плитой: казалось, телекамеры обзревают вершину трехгранной пирамиды неопределенных размеров. Никаких признаков радиоактивности или магнитного поля бортовые приборы не зарегистрировали; Большой Брат не излучал ничего, кроме ничтожной доли отраженного солнечного света.

Прошло пять минут. Затем «Нина» двинулась по диагонали над меньшей гранью, потом над большей, наконец, над самой большой, держась на высоте пятидесяти метров, но иногда снижаясь и до пяти. Большой Брат отовсюду выглядел одинаково – его поверхность была гладкой и однородной. Задолго до окончания облета зрителям стало скучно, и, вернувшись к своим делам, они лишь изредка поглядывали на мониторы.

– Порядок, – сказал Уолтер Курноу, когда «Нина» вернулась в исходную точку. – Но можно крутиться этак всю жизнь, и без всякого толку. Что делать – позвать «Нину» домой?

– Погодите, – отозвался с «Леонова» Василий. – У меня есть предложение – подвесить ее точно над центром самой большой грани. Скажем, на высоте сто метров.

– Будет сделано. Только зачем это нужно?

– Вспомнил задачку из институтского курса астрономии. Гравитационный потенциал бесконечного плоского слоя. Никак не думал, что она пригодится в жизни. Замерив ускорение «Нины», мы легко вычислим массу Загадки. Если, конечно, у нее есть масса. Мне уже почему-то кажется, что она вообще нематериальна.

– Это-то узнать просто. Я скажу: «Нине», пусть пощупает эту штуку.

– Она уже это сделала.

– Простите? – возмутился Курноу. – Ближе, чем на пять метров я не подходил.

– Да, но при каждом включении двигателей вы слегка ударяли выхлопом по Загадке.

– Что для этого мамонта какой-то блошиный укус!

– Кто знает? Давайте уж лучше считать, что о нашем присутствии известно. И раз нас терпят, мы пока не причиняем особого беспокойства.

В этот момент все думали об одном. Что может разозлить черную прямоугольную плиту длиной в два километра? И в какую форму выльется ее раздражение?

25. ВИД ИЗ ТОЧКИ ЛАГРАНЖА

Астрономия полна загадочных, хотя и бессодержательных совпадений. Наиболее известно равенство угловых

размеров Луны и Солнца, если смотреть с Земли. Здесь, в первой точке Лагранжа, выбранной Большим Братом для баланса на гравитационном канате, наблюдалась та же картина. Планета и спутник выглядели одинаковыми по величине.

Но что это была за величина! Не какие-то жалкие полградуса Солнца и Луны – в сорок раз больше! А по площади – в тысячу шестьсот раз! Каждого из двух небесных тел было довольно, чтобы наполнить душу трепетом и изумлением: вместе же они просто ошеломили.

За сорок два часа фазы менялись полностью. «Новолунию» Ио соответствовало «полнолуние» Юпитера, и наоборот. Даже когда Солнце пряталось за Юпитером, планета не исчезала – ее огромный черный диск закрывал звезды. А иногда эту черноту на много секунд разрывали вспышки молний. Это бушевали электрические бури; территория, объятая ими, превышала всю земную поверхность.

А с другой стороны неба вечно обращенная к могучему повелителю одним своим полушарием пылала Ио. Она казалась котлом, в котором медленно бурлит красно-оранжевое варево; время от времени из ее вулканов вырывались желтые облака, вздымались ввысь и затем медленно оседали. Как и у Юпитера, у Ио нет географии. Только ее ландшафт меняется за десятилетия, а облик Юпитера – за считанные дни.

Когда Ио входила в последнюю четверть, облачные поля Юпитера воспламенялись под слабыми лучами далекого Солнца. Иногда по лику гиганта пробегала тень самой Ио или одного из внешних спутников; на каждом обороте показывалось Большое Красное Пятно – вихрь размером с планету, ураган, бушующий на протяжении многих веков, если не тысячелетий.

«Леонов» балансировал между этими чудесами, и материала для наблюдений хватило бы его экипажу на всю жизнь, однако естественные объекты системы Юпитера значились в самом конце перечня главных задач. Целью номер один по-прежнему был Большой Брат. Корабли сблизились с ним уже на пять километров, но высадку Таня не разрешала. «Подождем момента, – объясняла она, – когда у нас появится надежный путь отступления. Будем сидеть и наблюдать – пока не откроется стартовое окно. А там посмотрим».

Тем временем «Нина» после затяжного восьмичасового падения приземлилась на поверхность Большого Брата. Василий рассчитал массу объекта – та оказалась поразительно малой, всего девятьсот пятьдесят тысяч тонн. Таким образом, его плотность примерно равнялась плотности воздуха. Возможно, он был пустотелым; излюбленной темой дискуссий стало его предполагаемое содержимое.

Было и много мелких, повседневных забот. Они отнимали почти все время, хотя Курноу добился-таки своего: убедил Таню в надежности центрифуги «Дискавери». Теперь корабли соединял гибкий туннель, и сообщение между

ними значительно облегчилось. Отпала необходимость одевать скафандры и выходить в открытый космос; это устраивало всех, кроме Макса, который любил упражняться в пустоте со своим «помелом».

Нововведение не коснулось лишь Чандры и Терновского – те давно переселились на «Дискавери» и работали круглосуточно, продолжая свой бесконечный, по всей видимости, диалог с ЭАЛом. Каждый день их непременно спрашивали: «Когда же вы кончите?» – но они не связывали себя обещаниями.

И вдруг – после встречи с Большим Братом минула неделя – Чандра объявил: «У нас все готово».

...В рубке «Дискавери» собрались все, кроме Руденко и Марченко, которым не хватило места, – они остались у мониторов «Леонова». Флойд стоял за спиной Чандры, держа руку на аппарате, который Курно со свойственной ему меткостью окрестил «карманным гигантобоем».

– Я хотел бы еще раз напомнить, что говорить могу лишь я. Только я, и никто другой. Понятно?

Чандра, казалось, находится на грани изнеможения. Однако в голосе его появились новые, властные, интонации. Таня приказывала, где угодно, но не здесь. Тут командовал он.

Присутствующие – одни просто парили в воздухе, другие «заякорились» поудобнее – кивками выразили свое согласие. Чандра включил акустическую связь и тихо, но отчетливо произнес:

– Доброе утро, ЭАЛ.

Через миг Флойду показалось, что он перенесся в прошлое. Да! ЭАЛ стал прежним.

– Доброе утро, доктор Чандра.

– Имеешь ли ты достаточно сил, чтобы приступить к своим обязанностям?

– Безусловно. Все мои блоки в полном порядке.

– И ты не против, если я задам тебе несколько вопросов?

– Разумеется.

– Ты помнишь, как вышел из строя блок управления антенной АЕ-35?

– Нет.

Несмотря на предупреждение Чандры, у присутствующих вырвался вздох облегчения. Будто идешь по минному полю, подумал Флойд, поглаживая в кармане радиовыключатель. Если этот допрос вызовет у ЭАЛа новый приступ безумия, его можно отключить за секунду. (Благодаря тренировкам он знал это точно.) Но для компьютера секунда равна вечности; приходилось рисковать.

– Ты не помнишь, как Дэйв Боумен или Фрэнк Пул выходили наружу, чтобы заменить блок АЕ-35?

– Нет. Этого не было, иначе я бы помнил. Где Фрэнк и Дэйв? И кто все эти люди? Я узнаю только вас – хотя на шестьдесят пять процентов уверен, что за вашей спиной стоит доктор Хейвуд Флойд.

Флойд с трудом удержался от того, чтобы поздравить ЭАЛа. Шестьдесят пять процентов спустя десять лет – не так плохо. Люди редко способны на подобное.

– Не беспокойся, ЭАЛ. Я все объясню позже.

– Задание выполнено? Вы знаете, мне очень хотелось этого.

– Задание выполнено. Твоя программа завершена. Теперь, с твоего разрешения, мы хотели бы побеседовать без тебя.

– Пожалуйста.

Чандра отключил камеры и микрофоны. Для этой части корабля ЭАЛ оглох и ослеп.

– И что же все это значит? – поинтересовался Василий Орлов.

– Это значит, – четко ответил Чандра, – что я стер всю память ЭАЛа, начиная с того момента, когда начались неприятности.

– Здорово, – восхитился Саша. – Но как вам это удалось?

– Боюсь, объяснение займет больше времени, чем сама процедура.

– Но я все-таки разбираюсь в компьютерах, хотя и хуже, чем вы с Николаем. У машин серии 9000 голографическая память, не так ли? Значит, вы не могли стереть ее просто хронологически, начиная с какого-то момента. Наверняка воспользовались «ленточником», нацеленным на определенные слова и понятия.

– Ленточник? – вмешалась Катерина по межкорабельной связи. – Я думала, это по моей части. Хотя, к счастью, видела их лишь заспиртованными. О чем вы говорите?

– Это компьютерный жаргон, Катерина. Когда-то – очень давно – для этого действительно использовали магнитную ленту. Смысл в том, чтобы сделать программу, которая находит и уничтожает – съедает, если угодно, – определенные участки памяти. Медики, по-моему, делают такое и с людьми, под гипнозом.

– Да, но нашу память всегда можно восстановить. Мы ничего не забываем по-настоящему. Это нам только кажется.

– А вот компьютер устроен иначе. Если приказано, он выполняет. Информация уничтожается полностью.

– Значит, ЭАЛ ничего не помнит о своем... дурном поведении?

– Стопроцентной уверенности у меня нет, – ответил Чандра. – Какая-то информация могла переходить из адреса в адрес именно в тот момент, когда наш... «ленточник» производил поиск. Но это очень маловероятно.

Последовала пауза: все молча обдумывали услышанное. Потом Таня сказала:

– Что ж, звучит все это прекрасно. Но все-таки – можно ли теперь ему доверять?

Чандра хотел что-то сказать, но Флойд опередил его:

– Обещаю одно – обстоятельства, при которых это произошло, больше не повторятся. Все неприятности начались потому, что компьютеру очень трудно объяснить, зачем нужна секретность.

– А человеку? – буркнул Курноу.

– Надеюсь, вы не ошибаетесь, Флойд, – проговорила Таня без особой убежденности. – Что будет дальше, Чандра?

– Ничего столь же эффективного. Просто много кропотливой работы. Нужно задать ему программу на уход от Юпитера и долгую дорогу домой. У нас больше ресурсов, и мы прилетим на три года раньше. Но все равно он тоже вернется.

26. УСЛОВНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ

Адресат: Виктор Миллсон, председатель Национального совета по астронавтике, Вашингтон.

Отправитель: Хейвуд Флойд, борт космического корабля «Дискавери».

Содержание: неполадки в работе бортового компьютера ЭАЛ-9000.

Гриф: секретно.

Д-р Чандрасекарampilай (ниже – д-р Ч.) закончил предварительное обследование ЭАЛа. Восстановлены все блоки, компьютер полностью работоспособен. Подробности действий и выводы д-ра Ч. содержатся в совместном отчете, который он и д-р Терновский представят в самом ближайшем будущем.

Все трудности, вероятно, были вызваны противоречием между основными принципами работы ЭАЛа и требованиями секретности. Согласно прямому распоряжению президента существование объекта ЛМА-1 сохранялось в полной тайне. Доступ к соответствующей информации имел самый ограниченный круг лиц.

Сигнал в направлении Юпитера был послан объектом ЛМА-1, когда подготовка к полету «Дискавери» уже завершилась. Поскольку Боумен и Пул и без того должны были довести корабль до Юпитера, решено было не

информировать их о появлении новой цели. Считалось, что отдельные тренировки астронавтов-исследователей (Камински, Хантер, Уайтхед) и помещение их в анабиоз значительно уменьшают возможность утечки информации (случайной или любой другой).

Хотелось бы напомнить, что уже тогда я выдвигал возражения против подобного образа действий (мой меморандум НСА 342/23, «Совершенно секретно»). Однако руководство ими пренебрегло.

Поскольку ЭАЛ способен управлять кораблем без помощи людей, было решено запрограммировать его так, чтобы он смог выполнить задание, даже если экипаж будет выведен из строя или погибнет. В ЭАЛ была введена полная информация о целях экспедиции, однако было запрещено сообщать ее Боуману или Пулу.

Но главная задача любого компьютера – обработка информации без искажения и утаивания. Из-за создавшегося противоречия у ЭАЛа возник, выражаясь языком медицины, психоз – точнее, шизофрения. А если говорить на языке техники, то, как сообщил мне д-р Ч., ЭАЛ попал в петлю Хофштадтера-Мебиуса, что не так редко случается с самопрограммирующимися компьютерами. За деталями он рекомендует обратиться непосредственно к профессору Хофштадтеру.

Если я правильно понял д-ра Ч., перед ЭАЛом встала неразрешимая дилемма, и у него начали развиваться симптомы паранойи, направленной против тех, кто руководил им с Земли. И он попытался прервать связь с Центром управления, доложив о несуществующей поломке в блоке АЕ-35.

Таким образом, он не только солгал, что усугубило его психоз, но и вступил в конфликт с экипажем. Вероятно (теперь об этом остается только догадываться), он заключил, что единственный выход – избавиться от экипажа. И это у него почти получилось.

Вот и все, что мне удалось узнать от д-ра Ч. Дальнейшие расспросы представляются нежелательными, поскольку он

слишком измотан. Но, даже принимая во внимание последнее обстоятельство, я должен со всей откровенностью заявить (прошу сохранить это в тайне), что сотрудничать с д-ром Ч. не всегда так легко, как хотелось бы. Он во всем оправдывает ЭАЛа, и это мешает иногда объективному суждению. Даже д-р Терновский, от которого естественно было ожидать большей независимости, нередко разделяет его точку зрения.

Остается вопрос: можно ли полагаться на ЭАЛа в будущем? Разумеется, у д-ра Ч. никаких сомнений на этот счет нет. Но, как бы то ни было, повторение экстремальной ситуации представляется невозможным. И Вам известны – в отличие от д-ра Ч. – мои шаги, позволяющие полностью контролировать ход событий.

Резюмирую: восстановление компьютера ЭАЛ-9000 проходит удовлетворительно. Он, можно сказать, условно освобожден.

Любопытно, известно ли ему об этом.

27. ИНТЕРЛЮДИЯ: КОЛЛЕКТИВНАЯ ИСПОВЕДЬ

Способность человеческого мозга к адаптации поистине удивительна: очень скоро самые невероятные вещи кажутся обыденными. И люди на «Леонове» иногда как бы отключались от окружающего в бессознательной попытке сохранить психическое здоровье.

Хейвуду Флойду часто казалось, что в таких случаях Уолтер Курноу уж слишком старательно развлекает общество. И хотя именно он начал «коллективную исповедь», как назвал ее позднее Саша Ковалев, ничего серьезного, разумеется, за этим не стояло. Все началось случайно, когда Курноу выразил вслух общее недовольство трудностями умывания в невесомости.

– Будь у меня машина желаний, – заявил он как-то на сикс'о клок совете, – я выбрал бы только одно. Залезть в горячую хвойную ванну, чтобы торчал лишь нос.

Когда улеглись одобрителный шум и грустные вздохи, вызов приняла Катерина Руденко.

– Вы декадент, Уолтер, – поморщилась она. – Говорите, будто какой-нибудь римский император. Окажись я на Земле, занялась бы чем-нибудь поактивнее.

– Например?

– Ну... А можно подумать?

– Пожалуйста.

– В детстве я обычно проводила лето в одном грузинском колхозе. У председателя был чудесный чистокровный скакун, купленный... ну, на нетрудовые доходы. Председатель был старый мошенник, но мне он нравился. И он разрешал мне брать иногда Александра и носиться на нем по всей округе. Конечно, я рисковала убиться насмерть. Но когда я это вспоминаю, Земля становится ближе.

Все задумались и притихли. Курноу спросил:

– Кто еще хочет высказаться?

Но говорить никому не хотелось. Игра на этом едва не кончилась, но тут вступил Макс Браиловский:

– А вот я бы поплавал под водой. Мне всегда нравилось подводное плавание. А когда я занялся космосом, оно вошло в программу тренировок. Я плавал у тихоокеанских атоллов, и у Большого Барьерного рифа, и в Красном море... Нет ничего лучше коралловых рифов. Однако ярче всего я помню совсем другое: заросли ламинарий у побережья Японии. Я будто оказался в подводном храме... Сквозь громадные листья просвечивало солнце. Сказочное зрелище... волшебное. Больше мне там побывать не довелось. Возможно, в другой раз все будет иначе. Но я хотел бы повторить.

– Отлично, – сказал Уолтер, по обыкновению беря на себя роль распорядителя бала. – Кто следующий?

– Буду краткой, – сказала Таня Орлова. – Большой театр, «Лебединое озеро». Но Василий не согласится, он терпеть не может балет.

– Я тоже, – заявил Курноу. – А что вам нравится, Василий?

– Я бы выбрал подводное плавание, но оно уже занято. Тогда пусть будет противоположное – планеризм. Скользить в облаках, в солнечную погоду, в полной тишине... Впрочем, воздушный поток шумит, особенно на виражах. Я хотел бы наслаждаться Землей именно так – как птица.

– Женя?

– Со мной все ясно. Памир, горные лыжи. Обожаю снег.

– А вы, Чандра?

Все слегка оживились. Чандра все еще оставался в какой-то мере незнакомцем – вежливым, даже учтивым, но до конца не раскрытым.

– Когда я был маленьким, мы с дедушкой ходили паломниками в Варанаси – Бенарес. Кто не был там, не поймет. Для меня, как и для большинства современных индийцев, независимо от религии, которую они исповедуют, это центр мира. Мне хотелось бы вновь вернуться туда.

– Ну а вы, Николай?

– Море и небо были, остается их совместить. Когда-то я очень любил виндсерфинг. Боюсь, теперь уже староват, но попробовать стоило бы.

– Вы последний, Вуди. Что выберете?

Флойд ответил не задумываясь, и ответ удивил его самого не меньше, чем остальных.

– Все равно что – лишь бы вместе с сынишкой.

Тема была исчерпана. Заседание завершилось.

28. КРУШЕНИЕ НАДЕЖД

– ... Ты читал все отчеты, Дмитрий, и понимаешь наше разочарование. Мы провели уйму экспериментов и измерений – но не узнали ничего. Загадка по-прежнему нас игнорирует, оставаясь на месте и все так же заслоняя полнеба.

Она кажется мертвым небесным телом, но это не так. Иначе она не удержалась бы в точке неустойчивого равновесия. Так утверждает Василий. Она, подобно «Дискавери», давным-давно сошла бы с орбиты – и упала на Ио.

Но что мы можем? Ведь на «Леонове» в соответствии с третьим параграфом Договора 2008 года нет ядерных бомб... Или они все-таки есть? Я, конечно, шучу...

С другими делами покончено, стартовое окно откроется еще очень нескоро, и на борту царят скука и разочарование. Понимаю, на Земле в это поверить трудно. Разве можно скучать среди величайших чудес, какие видел когда-либо человек?

Тем не менее это так. Все мы сдали, и не только психически. Совсем недавно были здоровы до неприличия. Теперь почти у каждого либо простуда, либо расстройство желудка, либо незаживающая царапина. Усилия Катерины тщетны, порошки и пилюли не помогают. Она махнула на нас рукой и лишь изредка чертыхается.

Саша развлекает общество регулярными бюллетенями на тему: «Долой англо-русский язык!» Он вывешивает их на доске объявлений, приводя самые невероятные слова и выражения, которые, как утверждает, подслушал. По возвращении каждому из нас нужно будет основательно прочистить язык. Несколько раз я замечал, как твои соотечественники беседуют между собой по-английски, не сознавая этого. А однажды поймал себя на том, что разговариваю по-русски с Уолтером Курно...

Еще был такой случай, он поможет тебе понять ситуацию. Среди ночи завывла пожарная сирена – сработал один

из дымоуловителей. Оказалось, Чандра пронес на борт несколько своих ужасных сигар и не удержался от соблазна. Он курил в туалете, как школьник.

Конечно, он жутко смутился, а на остальных, когда прекратилась паника, напал истерический смех. Ты знаешь, иногда самая плоская шутка, абсолютно неинтересная посторонним, заставляет в общем-то умных людей хохотать до изнеможения. Несколько дней стоило кому-нибудь изобразить, что он зажигает сигару, и все буквально корчились от смеха.

Самое забавное, что, если бы Чандра отключил пожарную сигнализацию или пошел курить в шлюз, никто бы не возражал. Но Чандра не любит выставлять напоказ свои маленькие человеческие слабости; теперь он вообще не отлучается от ЭАЛа...

Флойд нажал кнопку «Пауза». Пожалуй, это нечестно, постоянно насмеяться над Чандрой, хотя иногда и стоит. За последние недели многие проявили не лучшие черты характера; доходило даже до серьезных ссор на пустом месте. А как твое собственное поведение? Разве оно безупречно?

Флойд до сих пор не был уверен, прав ли он по отношению к Уолтеру Курноу. До отлета с Земли невозможно было предположить, что он сможет подружиться с этим высоким, слишком шумным человеком, однако теперь Флойд проникся к нему уважительным восхищением. Русские его обожали – когда он пел их любимые песни, такие как «Полюшко-поле», на глазах у них выступали слезы. А однажды положительные эмоции, как считал Флойд, зашли слишком далеко.

– Уолтер, – осторожно начал он несколько дней назад. – Это, возможно, не мое дело, но я должен с вами поговорить.

– Когда человек говорит о чем-то «не мое дело», он, как правило, бывает прав. В чем проблема?

– Если откровенно, то в ваших отношениях с Максом.

Последовала пауза, затем Курноу ответил, мягко и спокойно:

- Мне казалось, что он уже совершеннолетний.
- Не надо меня сбивать. Говоря честно, меня беспокоит не столько он, сколько Женя.
- А она здесь при чем? - искренне удивился Курноу.
- Для умного человека вы крайне ненаблюдательны. Обратите внимание, какое у нее бывает лицо, когда вы кладете руку ему на плечо.

Флойд не думал, что Курноу способен смутиться, однако удар попал в цель.

- Женя? Мне казалось, все просто шутят - она же такая тихоня. А Макса любят все. Впрочем, постараюсь вести себя осторожнее. Особенно в ее присутствии.

Последовала новая пауза, потом Курноу беззаботно добавил:

- Хирурги сделали ей замечательную пластическую операцию, но следы все равно остались: кожа слишком плотно натянута на лице. Ни разу не видел, чтобы она смеялась по-настоящему. Именно по этой причине, видимо, я стараюсь не смотреть на нее... Вы простите мне подобную эстетическую чувствительность, Хейвуд?

Официальное «Хейвуд» прозвучало скорее шутливо, чем враждебно, и Флойд позволил себе расслабиться.

- В Вашингтоне наконец-то кое-что разузнали. Похоже, ее ожоги - результат авиакатастрофы. Это никакая не тайна, но, как известно, «Аэрофлот» работает без аварий.

- Бедняжка. Удивительно, что ей разрешили лететь. Очевидно, не оказалось под рукой другого специалиста. А ведь она, конечно, получила и глубокую психическую травму.

- По-моему, она вполне оправилась.

Я не говорю всей правды, подумал Флойд, вспомнив вход в атмосферу Юпитера. И неожиданно ощутил благодарность к Курноу: тот никак не дал понять, что удивлен его заботой о Жене...

Теперь, несколько дней спустя, мотивы собственного поступка уже не казались Флойду такими уж бескорыстными. Что касается Курноу, тот сдержал слово: посторонний

решил бы, что он совершенно безразличен к Максусу. По крайней мере, в присутствии Жени. Да и к ней самой инженер стал гораздо внимательнее – иногда ему даже удавалось расшевелить ее так, что она хохотала. Значит, вмешательство Флойда себя оправдало. Даже если, как он теперь подозревал, на это толкнула его самая обыкновенная ревность...

Палец потянулся к кнопке «Пуск», но мысль уже ускользнула. В разум вторглись образы дома и семьи. Флойд закрыл глаза, вспоминая самый торжественный момент в день рождения Кристофера – малыш задул на торте три свечки. Это происходило сутки назад, в миллиарде километров отсюда. Флойд прокручивал запись столько, что знал ее наизусть.

А мои послания, подумал Флойд, – часто ли Каролина дает их слушать Крису? Чтобы сын не забывал отца, чтобы узнал его, когда он вернется, пропустив еще один день рождения... Он почти со страхом думал об этом.

Но он не вправе был винить Каролину. Он-то уехал из дома на считанные недели. Остальное – сон без сновидений в межпланетном экспрессе... Для него. А для нее – больше двух лет жизни. Слишком много для молодой вдовы, даже временной.

Наверно, это просто депрессия, как и у других, подумал Флойд. Но он давно не испытывал столь острого чувства разочарования и даже отчаяния. В глубинах пространства и времени он, вполне возможно, потерял семью, и ради чего?

Хоть до цели рукой подать, она остается чистой, непроницаемой стеной сплошной черноты.

И все-таки – Дэйв Боумен когда-то воскликнул: «Боже! Он полон звезд!»

29. НЕПРЕДВИДЕННОЕ

В последнем выпуске Сашиного бюллетеня говорилось:

Бюллетень русского языка №8

Тема: слово «товарищ» («товарищ»).

Нашим американским гостям: честно говоря, ребята, я уже забыл, когда меня в последний раз так называли. Для всех русских, живущих в XXI веке, это слово – в одном ряду с броненосцем «Потемкин», развевающимися красными флагами и Владимиром Ильичом, обращающимся к рабочим со ступенек железнодорожного вагона. Уже во времена моего детства вместо этого обращения употребляли «братец» или «дружок» – выбирайте по вкусу.

Товарищ Ковалев

Флойд смеялся над прочитанным, когда по коридору обзорной палубы к нему подплыл Василий Орлов.

– Самое поразительное, товарищ, – сказал, усмехнувшись, Флойд, – что у Саши хватает времени не только на физику. Он постоянно цитирует стихи и прозу, а по-английски говорит лучше, чем, допустим, Уолтер.

– Из-за своей специальности Саша считается в семье – как это сказать? – белой вороной. Его отец руководил в Новосибирске кафедрой английского языка, и по-русски в доме говорили лишь с понедельника до среды, а с четверга по субботу – исключительно по-английски.

– А по воскресеньям?

– Немецкий или французский – через неделю.

– Я, кажется, начинаю понимать, что означает ваше понятие «некультурный». Оно для таких, как я. Но почему Саша с таким лингвистическим багажом вообще пошел в технику?

– В Новосибирске человек быстро разбирается что к чему. Понимает истинную цену профессий... Саша был талантлив и самолюбив.

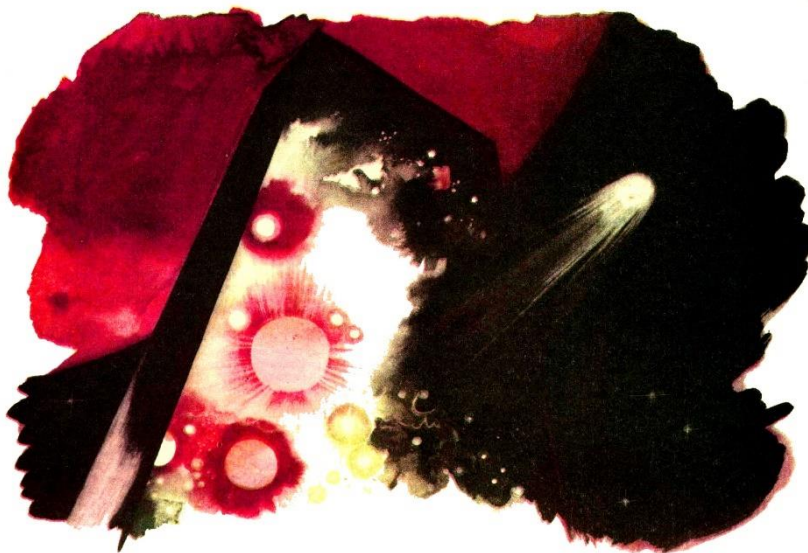
– Как и вы, Василий.

– И ты, Брут! Видите, я тоже могу цитировать Шекспира... Боже мой! – крикнул Орлов по-русски. – Что это?!

Флойд не повезло – он парил в воздухе спиной к иллюминатору и не успел вовремя обернуться. А секунду спустя Большой Брат был уже прежним – бездонным черным прямоугольником, заслоняющим пол-Юпитера.

Но в этот краткий миг Василий увидел нечто совсем иное. Перед ним будто распахнулось окно в другую вселенную. Зрелище длилось мгновение и тут же исчезло. Но оно навсегда врезалось в его память.

Он увидел даже не звезды, а множество солнц, будто перенесся к самому центру Галактики. Привычное звездное небо по сравнению с этим великолепием было нестерпимо пустынным; даже могучий Орион был горсткой жалких искр, не достойной повторного взгляда.

Через миг все исчезло. Но не совсем. В самом центре черного прямоугольника светила слабая звездочка. И она двигалась.

Метеор? Василий Орлов, научный руководитель экспедиции, оторопел настолько, что прошло несколько секунд, прежде чем он вспомнил – в безвоздушном пространстве метеоров не бывает.

Внезапно звездочка растянулась в светящуюся черточку и еще через несколько мгновений исчезла за краем Юпитера. Но Василий Орлов уже пришел в себя и вновь стал холодным, бесстрастным наблюдателем.

Он понял, куда летит светящийся объект. Сомнений не было – его траектория была направлена к Земле.

V. ДИТЯ ЗВЕЗД

30. ВОЗВРАЩЕНЕ ДОМОЙ

Он как бы очнулся ото сна – или это было его продолжением? Звездные Врата захлопнулись позади, и он вновь был в мире людей – но уже не как человек.

Долго ли он отсутствовал? Целую жизнь... Нет, даже две жизни: одну в обычном времени, другую – в обратном.

Дэвид Боумен, командир и единственный уцелевший член экипажа космического корабля «Дискавери», угодил в гигантский капкан, установленный три миллиона лет назад и настроенный на строго определенный момент и на совершенно определенный раздражитель. Тот перенес его в иную вселенную, где он увидел удивительные вещи. Одни из них он теперь понимал, понять другие было не суждено.

Со стремительным ускорением он мчался бесконечными световыми коридорами, пока не превысил скорость света.

Он знал, что это невозможно, но знал теперь, и как достичь этого. Справедливо заметил Эйнштейн: «Господь хитроумен, но не коварен».

Он миновал космический сортировочный пункт – Центральный Галактический Вокзал – и оказался рядом с умирающим светилом, «красным гигантом», защищенный неизвестными силами от его ярости.

Он стал свидетелем парадокса: увидел солнечный восход над солнцем, когда спутник гиганта, «белый карлик», поднялся в небо – ослепительный пигмей, волочащий за собой огненную приливную волну. Он не испытывал страха, лишь удивление, даже когда «горошина» повлекла его вниз, в пламенный океан...

... и когда он, вопреки здравому смыслу, очутился в фешенебельном гостиничном номере, в котором не было ничего необычного. Большинство вещей, впрочем, оказалось подделками: книги, журналы, видеофон, а консервные банки, несмотря на разные этикетки, содержали в себе одинаковую пищу, похожую по виду на хлеб, но на вкус совершенно неопишемую.

Вначале ему показалось, что он стал экспонатом космического зоопарка, попал в клетку, тщательно воссозданную

по телепередачам. Он ждал появления своих новых хозяев и гадал, на что они будут похожи.

Как глупо было ожидать этого! Теперь он знал, что с таким же успехом можно разглядывать ветер или размышлять об истинной форме пламени. Потом его душу и тело охватила безмерная усталость, и Дэвид Боумен заснул в последний раз в своей жизни.

Это был странный сон, ибо он не отключился полностью от реальности. Словно туман, расплывающийся по лесу, что-то мягко проникло в его разум. Он ощущал это лишь смутно – полный контакт убил бы его столь же быстро и верно, как и пламя звезды, бушующее за стенами его убежища. Под бесстрастным испытующим взглядом он не чувствовал ни надежды, ни страха.

Иногда во время этого долгого сна ему казалось, что он проснулся. Проходили годы: однажды он увидел в зеркале морщинистое лицо и едва узнал себя. Его тело стремительно старилось, стрелки биологических часов в безумном темпе бежали к последней отметке, которой им не суждено было достигнуть. Ибо в этот самый момент Время остановилось – и потекло вспять.

Его память опустошалась; в направляемых извне воспоминаниях он снова переживал свое прошлое, лишаясь знаний и опыта по мере быстрого продвижения к детству. Но ничто не терялось: все его прежние состояния, каждое мгновение жизни передавалось в более надежное хранилище. И в тот самый миг, когда один Дэвид Боумен перестал существовать, его место занял другой – бессмертный, освобожденный от уз материи.

Он был зародышем сверхсущества, не готового пока родиться. Сотни лет он провел без судьбы – помнил прошлое, но не знал настоящего. Он как бы плыл по течению, превращаясь из куколки в бабочку...

И вдруг оболочка лопнула, и в его крохотный мирок вернулось Время. Перед ним внезапно возник знакомый верный прямоугольник.

Он видел его на Луне, встречался с ним в системе Юпитера, и еще откуда-то знал, что предки видели его же очень и очень давно. Черная плита по-прежнему хранила непостижимые тайны, однако перестала быть полной загадкой – некоторые свойства ее стали теперь понятны.

Это было не одно тело, но множество тел. И что бы ни говорили приборы, его геометрические размеры всегда были одни и те же – те, что необходимо.

Как понятно стало теперь математическое соотношение сторон, начало квадратичного ряда – $1:4:9!$ И как наивно было считать, что последовательность кончается здесь, в жалких трех измерениях!

В тот самый миг, когда он задумался об этой геометрической простоте, пустой прямоугольник заполнился звездами. Гостиничный номер, если он когда-нибудь действительно существовал, исчез: перед ним сверкала спираль Галактики.

Это могло быть и великолепной, невероятно точной моделью, облитой прозрачным пластиком. Но нет – это была реальность, которую он ощущал целиком чувствами более острыми, чем зрение. Он мог, если бы захотел, сосредоточить внимание на любой из ста миллиардов звезд.

Он был здесь – плыл в великом потоке солнц, на полпути между скученными огнями центра Галактики и одинокими, разбросанными сторожевыми звездами окраины. А его родина была там – на той стороне необъятной небесной пропасти, изогнутой полосы свободного от звезд мрака. Однажды он уже пересек это пространство, не по своей воле; теперь, подготовленный гораздо лучше, но все еще не сознающий, какие силы им движут, он должен был преодолеть его снова...

Галактика ринулась на него из воображаемой рамы, в которую ее заключил его разум; мимо него самого, казалось на бесконечной скорости, проносились звезды и туманности. Перед ним внезапно вспыхивали солнца – и тут же охлопывались позади, когда он проскальзывал прямо сквозь них.

Звезд стало меньше. Млечный Путь превратился в бледную тень того великолепия, которое он знал – и которое когда-нибудь вновь увидит. Он вернулся в космос людей, в то самое место, откуда – несколько секунд или столетий назад – начался его путь.

Он ярко воспринимал окружающее, причем гораздо сильнее, чем в прежнем существовании, сознавал мириады объектов внешнего мира. Он мог сосредоточиться на любом из них, углубляясь почти бесконечно, пока не наталкивался на фундаментальную, гранулярную структуру пространства-времени, глубже которой был только хаос.

Он мог перемещаться – но не знал, как это ему удастся. Но знал ли он это раньше, когда обладал телом? Путь команд от мозга к конечностям был тайной, над которой он никогда не задумывался.

Ничтожное усилие воли, и спектр близкой звезды приобрел голубое смещение – именно такое, какое ему хотелось. Он двигался к ней со скоростью, не так уж далекой от световой; и, хотя при желании мог перемещаться еще быстрее, он

пока не спешил. Предстояло освоить много информации, многое обдумать – и еще больше приобрести. Это, как он теперь понимал, и было его нынешней целью; но он знал, что это лишь часть плана, гораздо более всеобъемлющего, который станет ему известен в надлежащее время.

Он не думал ни о Звездных Вратах, захлопнувшихся позади, ни о беспокойных существах, дрейфующих рядом с ними на своих примитивных космолетах. Они были частью его памяти, но сейчас чувства гораздо более сильные звали его домой, в мир, который он уже и не думал увидеть.

Он слышал мириады его голосов – они становились все громче. Планета приближалась, превращаясь из затерянной в блеске Солнца точки в светящееся круглое облачко и, наконец, в прекрасный бело-голубой диск.

Внизу, на перенаселенной планете, знали о его приближении. На экранах радаров вспыхивали сигналы тревоги, огромные телескопы обшаривали небо. Прошлая история человечества близилась к завершению.

Он почувствовал, как в тысяче километров под ним проснулась и заворочалась на орбите смерть. Но сконцентрированная энергия не представляла опасности – наоборот, можно было ее использовать.

Он проник в мешанину механизмов – примитивных, устроенных по-детски наивно. Обращать на них внимание не следовало. Оставалось одно препятствие – простое реле, замыкавшее два контакта. Пока они были разъединены, взрыва произойти не могло.

Он сделал мысленное усилие и впервые в своей нынешней жизни познал отчаяние и неудачу. Выключатель, масса которого составляла всего несколько граммов, не поддался. Он мог пока управлять лишь энергией, мир материи был ему неподвластен. Но выход был. Ему предстояло еще многому научиться.

Заряд энергии, который он направил в реле, был настолько велик, что провода едва не расплавились прежде, чем сработал спусковой механизм.

Медленно тянулись микросекунды. Забавно было следить, как в смертоносных зарядах накапливается энергия – словно тонкую спичку поднесли к пороховой бочке...

Над погруженным в сон полушарием на короткое время взошла искусственная заря, порожденная неслышимым взрывом многих мегатонн. Подобно возрождающемуся в пламени фениксу, он впитал в себя необходимую энергию. Атмосфера, служившая планете щитом от стольких опасностей, приняла основной удар излучения. Однако те люди и животные, которым не повезло, навсегда потеряли зрение.

Казалось, потрясенная Земля онемела. Прекратились передачи на средних и длинных волнах; лишь УКВ-излучение проникало сквозь охватившее планету невидимое, медленно распадающееся зеркало, однако диапазон передач был так узок, что он их не слышал. Несколько мощных радаров по-прежнему следили за ним, но его это не беспокоило. Их легко было нейтрализовать, однако даже этого он не стал делать. И если на пути появятся новые бомбы, их он тоже проигнорирует. Энергия пока есть.

По широкой спирали он начал спуск в мир своего детства.

31. ДИСНЕЙВИЛЛ

В конце столетия один философ заметил – и был тут же раскритикован в пух и прах, – что Уолт Дисней сделал больше для счастья людей, чем все религиозные проповедники за всю историю человечества. А спустя полвека после смерти Диснея его фантазии ожили во Флориде.

Открытый в восьмидесятые годы «Экспериментальный прототип общества будущего» являл собой выставку передовой технологии и грядущего быта. Однако его основатели понимали, что ЭПОБ только тогда выполнит свою задачу, когда хотя бы частично станет настоящим городом.

Создание города завершилось к концу века: его население достигло двадцати тысяч, и он получил имя Диснейвилл.

Чтобы здесь поселиться, необходимо было преодолеть невообразимое количество формальностей. Неудивительно, что средний возраст тут был самым высоким в США, а медицинское обслуживание – самым передовым.

Создатели этой комнаты постарались, чтобы она не выглядела больничной палатой, и лишь некоторые приспособления выдавали ее назначение. Кровать располагалась в полуметре от пола, на случай падения; однако для удобства сестры ее можно было поднимать и опускать. Ванна была врезана в пол и снабжена поручнями и сиденьем, чтобы даже детям и старикам было легко ею пользоваться. На полу лежал толстый ковер, но поскользнуться на нем было невозможно. Не было в комнате и острых углов, а телекамера была спрятана настолько искусно, что никто бы не заподозрил ее присутствие.

Были здесь и личные вещи: стопка старых книг в углу, а в рамке – первая страница одного из последних типографских выпусков «Нью-Йорк таймс» с заголовком: «Космический корабль США летит к Юпитеру». Рядом две фотографии: на одной запечатлен юноша лет двадцати, на другой – он же, но гораздо старше и в скафандре.

Перед телеэкраном сидела седая миниатюрная женщина. Хотя семидесяти ей еще не было, выглядела она старше. Посмеиваясь над комедией, которую показывали, она все время поглядывала на дверь, будто ожидала посетителя. Рука ее сжимала набалдашник прислоненной к креслу трости.

Тем не менее она вздрогнула, когда дверь открылась и вошла сестра, катившая перед собой столик на колесиках.

– Пора завтракать, Джесси, – сказала сестра. – Завтрак очень вкусный.

– Я не хочу есть.

– Почему?

– Я не голодна. А вы бываете голодной?

Столик остановился, крышки над тарелками приподнялись. Сестра не коснулась даже кнопок управления. Она стояла неподвижно, глядя на трудную пациентку.

В комнате, расположенной метрах в пятидесяти от палаты, техник сказал врачу, указывая на экран:

– Теперь смотри.

Джесси схватила трость и с неожиданной силой вонзила ее в ногу сестры. Та на это никак не прореагировала и произнесла примирительным тоном:

– Видите, как вкусно? Ешьте, дорогая.

На лице Джесси появилась хитрая улыбка, но она послушно принялась за еду.

– Вот так, – сказал техник. – Она все понимает. Она гораздо умнее, чем прикидывается.

– А остальные?

– Остальные действительно верят, что это сестра Вильяме.

– Ну что ж. Посмотри, как она радуется, что перехитрила нас. Она ест, значит, мы своего добились. Но надо предупредить сестер.

– Конечно. В следующий раз это может оказаться не голограмма, а живой человек. Если кто-нибудь пострадает, нас затаскают по судам.

32. ХРУСТАЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК

Индейцы и переселенцы из Луизианы утверждали, что он бездонный. Разумеется, это была чепуха. Достаточно надеть маску и нырнуть, и ты увидишь обрамленную осокой небольшую пещеру, из которой течет поразительная по своей прозрачности вода. Из глубины пещеры на ныряльщика глядели глаза Чудовища.

Два темных неподвижных круга – чем еще они могли быть? Они придавали каждому погружению элемент риска: Чудовище в любой момент могло покинуть свое укрытие и, распугивая рыбешку, ринуться за более крупной добычей. И никто не убедил бы Бобби и Дэвида, что осока не скрывает ничего более опасного, чем, скажем, украденный велосипед... Тем не менее дно Хрустального источника оставалось недостижимым.

Но теперь он готов был открыть свои тайны: возможно, легенды о сокровище конфедератов, несмотря на утверждения местных историков, – вовсе не сказка. И еще есть надежда обнаружить и отнести потом шефу полиции хотя бы несколько орудий последних преступлений.

Небольшой компрессор, который Бобби, старший по возрасту и более опытный из ныряльщиков, нашел среди хлама в гараже и с трудом завел, пыхтел рядом. Каждые несколько секунд он кашлял облачком сизого дыма, но не останавливался.

– А если и остановится? – сказал Бобби. – Даже девчонки из «Подводного театра» проплывают по пятьдесят метров без всяких трубок. Что мы, хуже? Никакой опасности нет.

Почему же тогда, подумал Дэвид, мы не сказали маме, куда идем, и дождались, пока папа уехал на очередной запуск? Всерьез он, конечно, не беспокоился: Бобби всегда знал, что делает. Наверно, здорово, когда тебе семнадцать и ты все знаешь. Вот только лучше бы он не тратил так много времени на эту глупую Бетти Шульц. Да, она красивая, но, черт возьми, она же девчонка! Улизнуть от нее сегодня едва удалось.

Дэйв привык к роли подопытного кролика: такова судьба всех младших братьев. Он нацепил маску, одел ласты и скользнул в кристально прозрачную воду.

Бобби протянул ему конец шланга с приделанным к нему старым загубником. Дэйв вдохнул и поморщился.

– Вкус отвратительный.

– Ничего, приспособишься. Ныряй, но не глубже карниза. За давлением я слежу. Когда дерну за шланг, поднимайся.

Дэйв погружался без спешки. Кругом простиралась страна чудес. Краски ее, в отличие от коралловых рифов Ки-Уэста, были спокойные, однотонные. В море все живое крикливо переливается всеми цветами радуги – здесь же присутствовали лишь мягкие оттенки голубого и зеленого. И рыбы тут были похожи на рыб, а не на тропических бабочек.

Он медленно скользил вниз, иногда останавливаясь, чтобы глотнуть воздуха из тянувшегося за ним шланга. Чувство свободы было так восхитительно, что он почти не ощущал маслянистого привкуса. Достигнув карниза, оказавшегося на деле затонувшим бревном, облик которого до неузнаваемости исказили обосновавшиеся на нем водоросли, он огляделся.

Источник был открыт его глазам целиком – вплоть до противоположного, поросшего зеленым обрыва, до которого было метров сто, никак не меньше. Рыб не было видно – лишь вдалеке проплыла стайка, похожая в лучах солнца на брошенную в поток пригоршню серебряных монет.

Там, где воды источника начинали свой путь к морю, Дэйв заметил старого знакомого. Небольшой крокодил («Небольшой? – заявил как-то Бобби. – Да он больше меня!») неподвижно висел в воде, лишь нос его высывался наружу. Они никогда его не беспокоили, он отвечал взаимностью.

Бобби наверху нетерпеливо дернул за шланг. Дэйв охотно устремился к поверхности – до спуска он не предполагал, как холодно на такой глубине. К тому же его слегка подташнивало. Но горячее солнце быстро восстановило силы.

– Это очень просто, – сказал Бобби, возбужденный предстоящим погружением. – Отворачивай кран, но следи, чтобы стрелка не заходила за красную черту.

– А ты пойдешь глубоко?

– Если захочу, то до самого дна.

Дэйв не принял ответа всерьез: оба они знали, что такое давление и отравление азотом. Да и длина старого садового шланга не превышала тридцати метров. На первый раз этого достаточно.

Дэйв с привычным завистливым восхищением следил, как его любимый старший брат вновь бросает вызов природе. Легко, как рыба, Бобби соскользнул в голубой загадочный мир. Спустя некоторое время он обернулся и ткнул пальцем в шланг, показывая, чтобы Дэйв прибавил давление.

Несмотря на внезапную головную боль, Дэйв исполнил свой долг. Он поспешил к древнему компрессору и открыл кран до упора. Стрелка пересекла смертельный предел – пятьдесят частиц окиси углерода на миллион.

Уверенно уходя вниз, залитый лучами солнца, Бобби скрылся от него навсегда. Восковая фигура в гробу ничего общего с Робертом Боуменом не имела.

33. БЕТТИ

Зачем он вернулся сюда, подобно беспокойному духу? Он не подозревал о конечной точке своего путешествия, пока из леса на него не глянул круглый глаз Хрустального источника.

Он властвовал над миром и одновременно был парализован чувством нестерпимой тоски, которое не посещало его долгие годы. Время залечивает любые раны. И все же ему казалось, что только вчера он стоял, рыдая, над изумрудно-зеленым зеркалом источника, отражавшим покрытые бородастым испанским мхом кипарисы. Что с ним происходит?

А невидимый поток уже подхватил его и повлек на север, к столице штата. Он что-то искал, но что?

Ни один прибор уже не в силах был его обнаружить. Он не излучал энергии – он этому научился, теперь он распоряжался своей энергетикой не хуже, чем некогда – собственными конечностями.

Подобно туманной дымке, он проникал в недра защищенных от всех катастроф сейфов, пока не очутился, наконец, в дебрях электронной памяти. Стоявшая перед ним задача была посложнее, чем взорвать примитивную атомную бомбу, и отняла у него больше времени. Разыскивая нужную информацию, он допустил незначительную ошибку, но даже не стал ее исправлять. Никто так и не понял, почему месяц спустя триста флоридских налогоплательщиков, чьи имена начинались на букву «Ф», получили чек на сумму в один доллар каждый. Поиск причин обошелся бы гораздо дороже, и озадаченные инженеры возложили в конце концов вину на космическое излучение, что, в общем-то, почти соответствовало истине...

За несколько миллисекунд он перенесся из Таллахасси в дом №634 по Саус Магнолиа-стрит в Тампе. Адрес не изменился – он напрасно потерял время, пытаясь отыскать новый. Впрочем, он и не собирался его разыскивать, пока не занялся этим.

Бетти Фернандес (в девичестве Шульц), несмотря на троих детей и два аборта, сохранила свою красоту. Сейчас она пребывала в задумчивости: телепрограмма навеяла воспоминания, одновременно радостные и горькие.

Это был специальный выпуск новостей, посвященных загадочным событиям последних двенадцати часов. События начались с сообщения «Леонова» о непонятном излучении, возникшем в системе Юпитера. Нечто, устремившись к Земле, взорвало по дороге орбитальную ядерную бомбу, причем ни одно правительство не соглашалось признать ее своей собственностью.

Телекомментаторы извлекли из архивов древние, когда-то сверхсекретные записи – некоторые еще даже на пленке, – запечатлевшие открытие ЛМА-1. И вот телевизор, наверно,

в пятидесятый раз повторил пронзительный радиоклич, который бросил к Юпитеру на заре лунного дня Монолит. И Бетти снова слушала интервью с экипажем «Дискавери».

Зачем она это смотрит? Все записи у нее есть (хотя она никогда не смотрела их в присутствии Хосе). Чего-то, видимо, ждет: Бетти даже не сознавала, насколько властно прошлое владеет ее чувствами.

Как и следовало ожидать, на экране появился Дэйв. Это интервью для Би-би-си она знала почти наизусть. Дэйв пытался ответить, обладает ли ЭАЛ самосознанием. В отличие от последних кадров, переданных с борта обреченного «Дискавери», здесь он был молодым, очень похожим на Бобби, каким она его помнила.

Слезы исказили изображение. Нет, это помехи. Звук тоже поплыл.

Дэйв шевелил губами, но она ничего не слышала. Его лицо расплылось, растаяло. Потом опять появилось, снова не в фокусе. Звука по-прежнему не было.

Где они откопали это фото? Дэйв – но еще мальчишка. Он смотрел на нее с экрана через разделившую их реку времени.

И вдруг губы его шевельнулись.

– Привет, Бетти, – сказал он.

Слагать слова в предложения и произносить их с помощью телевизора было нетрудно. Гораздо труднее было приспособиться к черепашьему темпу человеческого мышления. Ждать ответа целую вечность...

У Бетти Фернандес был сильный характер. Кроме того, она была умна и, хотя уже двенадцать лет нигде не работала, не забыла своей специальности инженера-компьютерщика. Сейчас ей демонстрировали очередное компьютерное чудо: так и надо воспринимать это, а о подробностях подумать потом.

– Дэйв? – спросила она. – Это действительно ты?

– Не убежден, – монотонным голосом ответило изображение. – Но я помню Дэйва Боумена и все, что с ним связано.

– Он умер?

Ответить на этот вопрос было не так легко.

– Да, если говорить о его теле. Но это неважно. Все, чем был Дэйв Боумен, стало частью меня.

Бетти перекрестилась – научилась этому у Хосе. И прошептала:

– Значит, ты... дух?

– Пожалуй, лучше не скажешь.

– Зачем ты вернулся?

– И правда, Бетти, зачем? Может, ты это скажешь?

Однако одну из причин знал, и он сам, как можно было понять из появившихся на экране картин. Дух покинул тело не окончательно, оно еще сохраняло власть. Ни одна телекомпания в мире не рискнула бы демонстрировать разыгравшиеся на экране откровенные сцены.

Некоторое время Бетти смотрела – улыбаясь и смущаясь одновременно. Потом опустила глаза, но не со стыдом, а с печалью.

– Значит, то, что рассказывают про ангелов, – это неправда, – сказала она.

Разве я ангел? – подумал он. Теперь он уже понимал, зачем явился ей, ощущал, как печаль и желание толкают его к свиданию с прошлым. Самой сильной в его жизни была страсть к Бетти; чувства вины и утраты лишь усиливали ее.

Она никогда не говорила, кто как любовник был лучше – он или Бобби; а он, будто соблюдая негласный договор, никогда об этом не спрашивал. После смерти Бобби прошло всего два года, Дэйву было только семнадцать, когда у них все началось. Они жили одной иллюзией, ища в объятиях друг друга лекарство от одной и той же раны.

Продолжаться до бесконечности это, разумеется, не могло. Но след остался навсегда. Более десяти лет в его сексуальных мечтаниях присутствовала только Бетти – сравнить с ней других было невозможно. Он давно осознал, что другой такой женщины никогда не найдет. И никого, кроме них двоих, не навещал один и тот же обожаемый призрак...

Фантазии Дэйва исчезли с экрана. На миг проступила программа новостей, зависший над Ио «Леонов» ... Потом вернулось лицо Дэвида Боумена. Его черты менялись. Десятилетний мальчик, двадцатилетний юноша, тридцатилетний мужчина... На какой-то момент – ей стало жутко – на экране возникло лицо морщинистой мумии, пародия на внешность того, кого она некогда знала.

– Прежде чем попрощаться, хочу спросить одну вещь. Ты всегда говорила, что Карлос – сын Хосе. Но я всегда сомневался. Скажи правду.

На минуту ему снова стало восемнадцать. Бетти Фернандес вглядывалась в глаза юноши, которого когда-то любила. Ей захотелось увидеть его целиком, не только лицо.

– Это твой сын, Дэвид, – шепнула она.

Лицо пропало, продолжалась нормальная передача. Когда час спустя Хосе Фернандес тихо вошел в комнату, Бетти все еще глядела на экран. Он поцеловал ее в затылок, но она даже не повернулась.

– Ты никогда не согласишься, что я сделала только что.

– Да?

– Соврала призраку.

34. ПРОЩАНИЕ

Когда в 1997 году Американский институт аэронавтики и астронавтики опубликовал свой противоречивый обзор «Полвека исследований НЛО», нашлись критики, утверждавшие, что подобные объекты наблюдались на протяжении многих веков и у «летающей тарелки», замеченной Кеннетом Арнольдом в 1947 году, была масса предшественников. Еще на заре человечества в небесах время от времени появлялись странные предметы, но до середины XX века это было редко и никого особенно не интересовало. И только

тогда они привлекли внимание ученых и публики, став, по-другому не скажешь, предметом религиозного поклонения.

Причины понятны: с появлением гигантских ракет и космических аппаратов человек стал все чаще задумываться об иных мирах. Сознание того, что посланцы человечества вот-вот выйдут за пределы родной планеты, подсказывало неизбежный вопрос: возможно, и нам следует ждать гостей? Возникла и надежда (вслух о ней, правда, говорили нечасто): инопланетяне, быть может, научат человечество, как залечить самому себе нанесенные раны, и уберегут от грядущих катастроф...

Каждый, кто знаком с началами психологии, без труда сделает следующее предсказание: раз уж появилась нужда в пришельцах, она вскоре будет удовлетворена. Во второй половине XX века на Земле наблюдались тысячи НЛО. Сотни очевидцев рассказывали о контактах с инопланетянами, похищениями, прогулках по небесам и даже о медовых месяцах вдали от Земли. И то, что эти истории всякий раз оказывались либо заведомой ложью, либо галлюцинацией, несколько не разочаровывало верующих. Слова тех, кто видел города на обратной стороне Луны, не подвергали сомнению даже после полетов «Аполлонов»; женщинам, вышедшим замуж за жителей Венеры, верили даже тогда, когда было доказано, что температура там выше, чем у расплавленного свинца.

Когда АИАА опубликовал свой обзор, ни один серьезный ученый, даже из тех, кто поддерживал когда-то эту идею, уже не верил, что НЛО связаны с внеземными цивилизациями. Доказать это, разумеется, невозможно: из миллиарда НЛО, наблюдавшихся за тысячу лет, один вполне мог оказаться космическим кораблем. Однако публика постепенно утратила к ним интерес – ни радары, ни орбитальные телекамеры упорно ничего не показывали. Конечно, поклонники культа не отступились, черпая веру в публикуемых время от времени старых, давным-давно опровергнутых сообщениях.

Когда информация о ЛМА-1 стала достоянием гласности, грянул дружный хор голосов: «Я же говорил!» Теперь нельзя было отрицать, что пришельцы посетили Луну и, видимо, Землю всего-навсего три миллиона лет назад. Небеса тут же наводнили флотилии НЛО; оставалось лишь удивляться, что следящие системы трех сверхдержав, способные отыскать в космосе шариковую ручку, опять оказались бессильны. Впрочем, довольно скоро явления НЛО вернулись к обычному минимуму, вполне объяснимому астрономическими, метеорологическими и техногенными причинами.

И вот все началось снова. На сей раз ошибки быть не могло: информация исходила из официальных источников. К Земле приближался самый настоящий Неопознанный Летящий Объект.

Первые данные оптических наблюдений поступили спустя несколько минут после сообщения «Леонова»; непосредственные контакты начались уже через считанные часы. Бывший биржевой клерк прогуливал своего бульдога по Йоркшир-Мурз, когда рядом с ним приземлился дисковидный космический корабль и энлонавт, выглядевший – если не считать заостренных ушей – совсем как человек, осведомился, как попасть на Даунинг-стрит. Представитель человечества был поражен настолько, что смог лишь махнуть тростью в направлении Уайтхолла. Истинность происшедшего подтверждал тот факт, что бульдог теперь отказывается от пищи.

На учете бывший биржевой клерк не состоял, как удалось выяснить; однако те, кто безоговорочно поверил в его рассказ, довольно скептически отнеслись к еще одному сообщению. Баскский пастух, как обычно, вез в горах контрабанду и с великим облегчением понял, что повстречавшиеся ему двое в штатских плащах и, как он описывал, «с пронизывающим взглядом» вовсе не пограничники. Они всего лишь поинтересовались, как добраться до штаб-квартиры ООН.

Они, как стало известно, превосходно говорили на языке басков – одном из самых сложных, не имеющих аналогов в мире. После этого нельзя было не признать, что космические пришельцы – прекрасные лингвисты, хотя в их географических познаниях обнаруживаются зияющие пробелы.

Так оно и продолжалось, случай за случаем. Лишь некоторые из участников контактов врали или страдали психическим расстройством. Большинство они искренне верили в то, что рассказывали, и повторяли то же самое даже под гипнозом. А кое-кто стал жертвой розыгрыша или невероятного совпадения, как это произошло с группой любителей-археологов, наткнувшейся в Сахаре на декорации, которые оставил там знаменитый постановщик научно-фантастических фильмов почти сорок лет назад.

И только в самом начале и в самом конце его путешествия кто-то из людей догадывался о его присутствии – ему так хотелось.

Мир принадлежал ему целиком, без всяких запретов и ограничений. Мир, который надо было исследовать и познать. Вначале он верил, что лишь удовлетворяет прежние мечты, посещая места, в которых не был в своей прошлой жизни. И только много позже осознал, что его молниеносные перемещения по планете преследуют и иные цели.

Его ненавязчиво использовали в качестве зонда, изучая таким образом все аспекты человеческой жизни.

Им руководили настолько умело, что он почти не замечал этого. Он был как собака на поводке, которая бежит, как ей вздумается, но только там, где надо ее хозяину. Он мог выбирать – пирамиды, Большой Каньон, умытые лунным светом снега Эвереста были открыты ему так же, как и картинные галереи и концертные залы... Но он не заглянул бы туда по своей воле.

Как не стал бы посещать многочисленные заводы и фабрики, тюрьмы и больницы, ипподром и Овальный кабинет Белого дома. Его не интересовали кровавая локальная война

в Азии, оргия в Беверли-Хиллс, архивы Кремля, библиотека Ватикана, священный черный камень Кааба в Мекке...

Память о некоторых таких визитах как будто стерлась. Или его защищал некий ангел-хранитель? Например, что делал он в музее в Олджувай-гордж? Происхождение человека занимало его не более, чем любого другого Homo sapiens. Ископаемые были для него пустым звуком. Однако вид знаменитых черепов, которые охранялись как царские драгоценности, породил в памяти странный отзвук, вызвал волнение, которое он не мог объяснить. Он испытал странное чувство возвращения в прошлое, какое бывает у человека, вернувшегося домой спустя много лет и увидевшего, что там поменяли обои и мебель и даже перестроили лестницу.

Вокруг лежала поверхность планеты – враждебная, выжженная земля. Куда девались ее плодородные равнины? Где мириады травоядных, что паслись здесь три миллиона лет назад?

Три миллиона лет... Откуда он это знает? Вопрос ушел в пустоту, но тут же перед ним возникли знакомые очертания черного прямоугольника. Приблизившись, он увидел в черной глубине туманный образ, словно отражение в склянке чернил...

Грустные, удивленные глаза смотрели на него из-под низкого, заросшего волосами лба. Смотрели в будущее, которого им не дано было увидеть. Будущим был он, рожденный сто тысяч поколений спустя.

История началась там и тогда: по крайней мере это он теперь понимал. Но почему от него все еще скрывают другие секреты?..

Лишь одно дело осталось ему на Земле. Он был еще достаточно человеком, чтобы отложить это напоследок.

«Что с ней происходит?» – спросила себя дежурная сестра, направляя телекамеру на старуху. Конечно, от нее

можно ждать всего, но, чтобы разговаривать со своим слуховым аппаратом... Любопытно, что она там говорит?

Микрофон был недостаточно чуток, чтобы разобрать слова, но вряд ли это было так важно. Джесси Боумен редко выглядела такой умиротворенной. Хотя глаза ее были закрыты, но лицо расплылось в блаженной улыбке, а губы что-то шептали.

Потом началось такое, о чем сестра никогда не рискнула бы докладывать: можно запросто потерять диплом. Медленными толчками расческа, лежавшая до этого на столе, поднялась в воздух, будто взятая невидимыми неловкими пальцами.

С первой попытки она промахнулась; потом стала расчесывать длинные серебристые пряди, задерживаясь там, где волосы спутались.

Джесси Боумен замолчала, но по-прежнему улыбалась. Движения расчески стали плавными и уверенными.

Сколько это продолжалось, сестра не знала. Опомнилась она, лишь когда расческа вновь заняла свое законное место на столе.

Десятилетний Дэйв Боумен выполнил столь не любимую им, но обожаемую его мамой обязанность. А Дэвид Боумен, у которого теперь не было возраста, впервые справился с непокорной материей.

Джесси Боумен все еще улыбалась, когда в комнату вошла сестра. Сестра была слишком напугана, чтобы торопиться. Но никакого значения это уже не имело.

35. ВОССТАНОВЛЕНИЕ

Охватившее Землю возбуждение не передавалось экипажу «Леонова», отделенному от нее многими миллионами километров. Разумеется, на борту корабля с интересом

следили за дебатами в ООН, слушали интервью с известными учеными, рассуждения комментаторов и противоречивые сообщения тех, кто вступил в контакт с НЛО. С интересом, но несколько отстраненно. Все это шло мимо них. Загадка – она же Большой Брат – по-прежнему не реагировала на их присутствие. Ирония судьбы: они прилетели с Земли, чтобы решить проблему, ключ к решению которой, как теперь выяснилось, находится там, откуда они стартовали.

Оставалось благодарить Природу за то, что скорость света все-таки ограничена: поэтому прямые интервью с борта «Леонова» были невозможны. Тем не менее журналисты донимали Флойда таким количеством вопросов, что он в конце концов не выдержал и объявил забастовку. Говорить больше было нечего – все, что он знал, он повторил десятки раз.

К тому же на борту было немало работы. «Леонов» должен быть готов к возвращению, как только откроется стартовое окно. Время в запасе было: даже месячная отсрочка лишь немного продлила бы путешествие. Но людям не терпелось домой. Для Чандры, Курноу и Флойда полет к Юпитеру прошел незаметно, однако остальные были твердо намерены двинуться в обратный путь, как только позволят законы небесной механики.

Судьба «Дискавери» оставалась неопределенной. Топлива в баках было в обрез, даже если корабль стартует гораздо позже «Леонова» и полетит по длинной, наиболее экономичной траектории. Он придет к цели, лишь если компьютер вновь обретет возможность действовать самостоятельно. Без помощи ЭАЛа пришлось бы опять оставить «Дискавери» в системе Юпитера.

Любопытно и трогательно было наблюдать возрождение электронного мозга: весь путь он проходил на глазах. Сначала – ребенок с несомненными дефектами умственного развития, затем – юноша, ошеломленный тайнами мира, и, наконец, слегка снисходительный взрослый. Флойд знал,

что подобные антропоморфические сравнения неправомерны, но избежать их не мог.

Иногда ситуация казалась ему до боли знакомой. Сколько было видеопостановок, в которых всезнающие последователи легендарного Фрейда помогали подросткам избавиться от их комплексов! Сейчас нечто похожее происходило неподалеку от Юпитера.

Электронный психоанализ шел со скоростью, недоступной человеческому восприятию. Каждую секунду миллиарды битов информации в виде диагностических и восстановительных тестов пронеслись сквозь электронные клетки, обнаруживая и устраняя возможные источники нарушений. Хотя большая часть программ была опробована на земном близнеце ЭАЛа – САЛ-9000, невозможность прямого диалога между двумя компьютерами составляла серьезное препятствие. Иногда консультации с Землей занимали часы.

Несмотря на все усилия Чандры, восстановление компьютера было далеко не закончено. ЭАЛ все еще страдал идиосинক্রазией, иногда полностью игнорируя устную речь, хотя всегда отзывался на кодовый сигнал, от кого бы тот ни исходил, информация, которую он выдавал, тоже бывала странной.

Иногда он отвечал вслух, но не показывал ответ на дисплее. Иногда отказывался печатать на принтере. И все это без извинений или комментариев.

Нельзя сказать, чтобы он не подчинялся командам. Скорее, выполнял их без особой охоты, если дело касалось определенного круга задач. Всегда находился способ заставить его работать – «уговорить не дуться», как выразился однажды Курноу.

Неудивительно, что нервы у Чандры стали сдавать. Когда Макс Браиловский без всякого злого умысла вспомнил старую газетную сплетню, Чандра едва не взорвался.

– Доктор Чандра! А правда, что вы назвали свой компьютер ЭАЛом, чтобы затмить Ай-би-эм?

– Чепуха! Я боролся с этой выдумкой много лет! ЭАЛ – прямой потомок Ай-би-эм. Мне казалось, каждому умному человеку известно, ЭАЛ – значит «эвристический алгоритм».

Как бы то ни было, Флойд полагал, что у «Дискавери» есть лишь один шанс из пятидесяти вернуться домой. И вдруг Чандра обратился к нему с неожиданным предложением.

– Доктор Флойд, можно поговорить с вами?

Даже теперь, после месяцев совместного полета, Чандра обращался ко всем подчеркнуто официально. Даже Жене, всеобщей любимице, он говорил не иначе как «мэм».

– Конечно. В чем дело?

– Я закончил программирование шести наиболее оптимальных вариантов траектории возвращения. Мы проверили пять из них.

– Отлично. Убежден, что никто в Солнечной системе не сделал бы больше.

– Спасибо. Но вы не хуже меня знаете, что предусмотреть все невозможно. ЭАЛ, разумеется, будет работать прекрасно и справится с любыми неожиданностями. Но он бессилен против таких неполадок, как, скажем, обрыв провода или заевший выключатель, который легко исправить с помощью отвертки.

– Да, меня это беспокоит тоже. Но что тут можно поделать?

– Есть простой выход. Я остаюсь на «Дискавери».

В первый момент Флойду показалось, что собеседник сошел с ума. Потом он отбросил эту мысль. Действительно, человек – это самый совершенный прибор для устранения всяческих неисправностей, и присутствие его на борту может гарантировать успех полета. Однако возражения были слишком серьезны.

– Интересная мысль, – осторожно сказал он. – Мне нравится ваш энтузиазм. Но все ли вы предусмотрели?

Вопрос можно было не задавать. Разумеется, Чандра предусмотрел все.

– Вы проведете в одиночестве более трех лет! А вдруг вам понадобится медицинская помощь?

– Придется рискнуть.

– А вода и продукты? На «Леонове» их в обрез.

– Я осмотрел системы регенерации на «Дискавери». Их можно восстановить без большого труда. Мы, индийцы, неприхотливы.

До этого Чандра никогда не говорил о своем происхождении и вообще о себе. Его признание на «коллективной исповеди» было единственным случаем такого рода, других Флойд не помнил. Но в последних его словах была истина: Курноу как-то заметил, что подобная комплекция может сформироваться лишь на протяжении веков голодания. Сказано это было без всякой недоброжелательности, скорее с сочувствием, однако, разумеется, не в присутствии Чандры.

– У нас есть еще несколько недель. Я все обдумаю и обговорю с Вашингтоном.

– Спасибо. Вы не возражаете, если я тем временем буду готовиться?

– Нисколько – если это не помешает работе. Но окончательное, решение за Центром управления.

Что скажет Центр, Флойд уже знал. Безумием было бы думать, что человек способен выдержать трехлетнее одиночное заключение в космосе.

Правда, с другой стороны, Чандра никогда не испытывал особой потребности в человеческом обществе.

36. ОГОНЬ В ГЛУБИНЕ

Земля осталась далеко позади, перед ним открывались чудеса Юпитера.

Как он мог быть так слеп? Столь глуп? Лишь теперь он начал по-настоящему просыпаться.

– Кто вы? – беззвучно крикнул он. – Чего вы хотите? Зачем вы сделали это со мной?

Никто не отвечал, хотя он и знал, что его услышали. Он ощущал чье-то присутствие, точно так же, как человек даже с закрытыми глазами всегда чувствует, что он в замкнутом помещении, а не на открытом воздухе. Он ощущал как бы слабое эхо колоссального целеустремленного разума.

И вновь он окликнул отразившую его вопрос темноту, и вновь не получил прямого ответа – лишь смутное чувство, что кто-то или что-то за ним наблюдает. Хорошо, ответы найдет он сам.

Некоторые очевидны: их – кем бы или чем бы они ни были – интересует человечество. Они использовали его память для собственных неисповедимых целей. А теперь, почти без его согласия, поступили точно так же с его самыми потаенными чувствами.

Возмущения он не испытывал: после того, что с ним сделали, подобная детская реакция стала попросту невозможной. Он был выше любви и ненависти, страха и желания – хотя не забыл этих эмоций и понимал, каким образом они правят миром, частью которого он был прежде. К этому они и стремились? Но ради чего?

Он стал участником игр богов; чтобы их продолжать, надо было познать правила.

В поле его сознания мелькнули зазубренные камни четырех крохотных внешних лун – Синопе, Пасифе, Ананке и Карме. Затем, вдвое ближе к Юпитеру, вторая четверка – Элара, Лиситея, Гималия и Леда. Они не заинтересовали его. Его путь лежал к усеянной кратерами Каллисто.

Он пару раз облетел испещренный шрамами шар, превосходивший по размерам Луну, а его новые органы чувств, существования которых в себе он и не подозревал, обследовали внешние слои льда и пыли. Этот мир был просто промерзшим насквозь камнем, носившим на поверхности

следы столкновений, едва не разрушивших его целые эпохи назад. Одно полушарие спутника походило на гигантскую мишень для стрельбы – удар каменного молота поднял концентрические кольцевые волны высотой в километр.

Несколько секунд спустя он уже кружил над Ганимедом. Этот мир был сложнее и интереснее: его многочисленные кратеры были словно перепаханы чьим-то громадным плугом; самой примечательной деталью ландшафта были группы извилистых параллельных борозд, пролежавших в нескольких километрах одна от другой...

За несколько облетов он узнал о Ганимеди больше, чем все зонды, посланные с Земли. И все запомнил – он знал, что когда-нибудь эта информация пригодится. Правда, не знал для чего и точно так же не понимал, какой импульс ведет его столь целеустремленно от одного мира к другому.

Перед ним вырастала Европа. По-прежнему оставаясь лишь наблюдателем, он ощущал, как в нем пробуждается интерес, сосредоточивается внимание, напрягается воля... Если даже он был лишь послушной игрушкой в руках незримого, молчаливого господина, он все же улавливал – ему это позволяли – некоторые его помыслы.

Гладкий, причудливо разрисованный шар ничем не напоминал Ганимед или Каллисто. Он казался живым существом – покрывавшая поверхность спутника сеть извилистых линий походила на кровеносную систему глобальных масштабов.

Внизу простирались бесконечные льды, температура которых была гораздо ниже, чем в ледниках Антарктиды. С легким удивлением он заметил на белом фоне останки космического корабля. Впрочем, в видеопрограммах, которые анализировал, он уже видел их многократно. Корабль назывался «Цин», когда-нибудь он займется этим. Но не сейчас.

Сквозь толстую ледяную оболочку он перенесся в мир, не знакомый ни ему, ни тем, кто его направляет.

Это был океан, защищенный от пустоты космоса надежным ледовым панцирем. Толщина брони достигала

нескольких километров, но там, где она трескалась, разгрывались уникальные для Солнечной системы краткие поединки двух враждебных стихий. Война между Океаном и Космосом завершалась всегда одинаково: извергающаяся вода одновременно кипела и замерзала, восстанавливая ледяную защиту.

Если бы не Юпитер, моря Европы давно бы промерзли насквозь. Его гравитация постоянно массирует внутренности маленького мирка: силы, сотрясавшие Ио, действовали и здесь, хотя не столь активно. Скользя в глубине, он повсюду видел их признаки.

Они проявлялись в реве и грохоте подводных землетрясений, в шипении рвущегося из недр газа, в инфразвуковых волнах от оползней и обвалов... По сравнению с океаном Европы даже моря Земли показались бы безмолвными.

Он еще не утратил способности удивляться и был приятно поражен, обнаружив первый оазис жизни. Он простирался почти на километр вокруг спутанной массы труб, образованных отложениями изливавшихся изнутри минеральных солей. В глубинах этой пародии на готический замок словно пульсировало могучее сердце, выталкивая наружу черную обжигающую жидкость. И та, как настоящая кровь, была признаком жизни.

Кипящая жидкость защищала от струившегося сверху холода островок тепла, образовавшийся на дне океана. И, что еще важнее, несла из недр Европы все необходимые для жизни химические вещества. Поэтому в столь неподходящем, казалось бы, месте нашлось необходимое количество энергии и пищи.

Однако этого следовало ожидать: он помнил, как в его предыдущем существовании такие же крохотные оазисы жизни были обнаружены и в земных океанских пучинах. Но здесь они были гораздо многочисленнее и разнообразнее.

Зону «тропиков», прилегавшую к искривленным стенам «замка», облюбовали тонкие, нежные создания, напоминавшие по виду растения, хотя и наделенные способностью

перемещаться. Среди них ползали причудливой формы слизи и черви, причем пищей некоторым из них служили эти растения, а другие черпали ее прямо из богатой минеральными солями воды. А немного поодаль от источника тепла – этого подводного костра, у которого грелось все живое, – обитали более сильные, мощные организмы вроде крабов или пауков.

Армии биологов не хватило бы века, чтобы изучить этот единственный миниатюрный оазис. В отличие от палеозойских морей Земли здесь не было стабильной окружающей среды, и эволюция быстро прогрессировала, образуя множество самых фантастичных форм. Каждой из них была уготована одна и та же судьба – когда источник иссякнет, они погибнут.

Вновь и вновь, проносясь над дном европейских морей, он наталкивался на свидетельства подобных трагедий. Бесчисленные круглые зоны, усеянные скелетами и окаменевшими останками давно погибших созданий, были главами эволюции, вырванными из книги жизни.

Он видел огромные пустые раковины величиной в человеческий рост, напоминавшие формой духовые инструменты. Встречались и двустворчатые, и даже трехстворчатые раковины. Были здесь и многометровые спиральные окаменелости, похожие на аммониты, столь загадочно исчезнувшие с Земли в конце мелового периода.

Он продолжал свои поиски в океанских глубинах. Вероятно, самым замечательным из увиденного был стокилометровый поток лавы, протянувшийся по подводной долине. Давление здесь было так велико, что вода, соприкасавшаяся с раскаленной магмой, не могла испаряться, и обе жидкости сосуществовали в состоянии необычного перемирья.

Здесь, в чужом мире, совсем другие актеры разыгрывали нечто похожее на начало древнейшей истории Египта, когда на Земле еще не было человека. Подобно тому как Нил принес жизнь узкой полоске пустыни, так и эта река тепла

оживила глубины Европы. На ее берегах, в полосе шириной не более двух километров, возникали, развивались и исчезали многочисленные формы жизни. И по крайней мере одна оставила о себе памятник.

Вначале ему показалось, что это обычный нарост из минеральных солей, какие окружали почти каждый термальный источник. Однако приблизившись, он понял, что перед ним не естественное образование, но творение разума. Или инстинкта – земные термиты возводят почти столь же впечатляющие замки, а сети пауков даже еще более изысканны.

Создания, некогда обитавшие здесь, были невелики: ширина единственного входа составляла лишь полметра. Входом служил туннель с толстыми, сложенными из камней стенами. На берегу своего расплавленного Нила здешние строители возвели крепость. А затем исчезли.

Они ушли отсюда не более нескольких веков назад. Крепостные стены, сложенные из неправильной формы камней – подобрать их, вероятно, было не так-то легко, – покрывал лишь тонкий слой минеральных отложений. Другая деталь подсказывала причины, по которым цитадель была брошена. Часть кровли обвалилась – возможно, в результате землетрясения, – а в воде укрепление, не защищенное сверху, открыто любому врагу.

Он не обнаружил других следов разума на берегах лавового потока. Один раз наткнулся, однако, на жуткое подобие человека, плывущего кролем, – но у того не было ни глаз, ни ноздрей, лишь огромный беззубый рот, жадно поглощавший питание из воды, которая его окружала.

Не исключено, что на этой узкой плодородной полоске среди бескрайней подводной пустыни возникали и погибали целые культуры и даже цивилизации, маршировали (или проплывали) громадные армии под командованием местных Тамерланов и Наполеонов. Но остальная часть здешнего мира об этом не подозревала, ибо теплые оазисы были разделены столь же надежно, как звезды в космическом пространстве. Существа, жившие на берегу лавовой

реки, вскормленные ее теплом, были бессильны против враждебной пустыни, лежавшей меж их одинокими островами. И философские системы каждой здешней культуры, если таковые имелись, наверняка исходили из постулата, что данная цивилизация – единственная во Вселенной.

Жизнь, однако, наличествовала и вне оазисов: существа более сильные бросали вызов суровым океанским просторам. Здесь плавали местные аналоги рыб – стройные торпеды, движимые расположенными вертикально хвостами и управляемые плавниками, разбросанными вдоль тела. Такое сходство с наиболее преуспевающими обитателями земных океанов неизбежно: на одинаковые вопросы эволюция повсюду дает примерно одинаковые ответы. Дельфин и акула на первый взгляд почти неотличимы, хотя и располагаются на очень далеких ветвях великого Древа Жизни.

Имелось, однако, очевидное различие между рыбами из морей Земли и океана Европы: у последних, за неимением здесь кислорода, жабры тоже отсутствовали. Обмен веществ основывался у них на соединениях серы, как и у некоторых земных организмов, живущих вблизи геотермальных источников.

Глаза были лишь у очень немногих. За исключением отблесков редких выходов лавы и случайных вспышек биолюминесценции, когда обитатели Европы привлекали партнера или охотились, этот мир был полностью лишен света.

И он был обречен. Не только из-за нестабильности здешних источников – со временем слабели и приливные силы, которые их порождали. Даже если на Европе возникнет настоящий разум, его ждет гибель, когда этот мир окончательно замерзнет.

Это была ловушка между огнем и льдом.

37. ОТЧУЖДЕНИЕ

– ... Извини, старина, что сообщаю дурные вести, но меня попросила Каролина, а ты знаешь, как я отношусь к вам обоим.

Думаю, для тебя это не такая уж неожиданность... Ты знаешь, каково ей было, когда ты улетел.

Крис чувствует себя отлично и, конечно, не подозревает, что сейчас происходит. Во всяком случае, за него бояться не надо. Он слишком мал, чтобы это понять, а дети забывают быстро.

Теперь о других новостях. Все пытаются объяснить взрыв случайностью, но в это никто не верит. Поскольку никакого продолжения не последовало, паника улеглась. Остался «синдром оглядки», как выразился один из обозревателей.

Кто-то откопал стихотворение, очень точно описывающее нынешнюю ситуацию. Оно сейчас у всех на устах. Дело происходит в Римской империи. Город ждет прихода захватчиков. Император и патриции надели парадные тоги и выучили приветственные речи. Сенат распущен, ибо законы, возможно, будут завтра отменены.

И вдруг с границы поступает ужасная весть: никаких захватчиков нет. Все расходятся по домам, весьма разочарованные, и бормочут: «Что теперь делать? Они бы решили все наши проблемы».

В стихотворении надо изменить лишь заголовок. Оно называется «В ожидании варваров», а сейчас в роли варваров выступаем мы сами. Не знаем, чего ждем, но убеждены, что оно еще не началось.

И еще одно. Мать Боумена умерла спустя несколько дней после того, как эта штука прибыла на Землю. Странное совпадение. Правда, в ее приюте утверждали, что новостями она никогда не интересовалась. Так что вряд ли здесь есть какая-то связь...

Флойд выключил запись. Дмитрий прав – новость его не удивила, но не стала от этого менее болезненной.

Был ли другой выход? Если бы он отказался лететь – на что надеялась Каролина, – то жалел бы до конца жизни. Семью это все равно погубило бы. Лучше уж расстаться так, на расстоянии. Он выполнил свой долг...

Значит, Джесси Боумен умерла. В этом тоже есть его доля вины. Он участвовал в похищении ее единственного сына, а оно довело ее до безумия. Флойд вспомнил разговор с Курноу об этом.

– Почему вы выбрали Дэйва Боумена? Он всегда казался мне слишком холодным. Не то чтобы неприятным, нет. Но когда он входил, в помещении становилось холоднее.

– Это тоже одна из причин. У него не было близких. Никого, кроме матери, которую он почти не навещал. Подходящая кандидатура для долгого рискованного полета.

– Как он стал таким?

– Думаю, лучше спросить у психологов. Я смотрел его личное дело. Правда, давно. Там было что-то про гибель старшего брата, а вскоре и отец его погиб в одном из первых полетов «шаттла». Но это уже неважно...

Да, это было неважно, но в эти минуты Флойд почти завидовал Боумену, у которого оборвались все связи с Землей. Впрочем, зачем обманывать себя? Даже сейчас, несмотря на острую душевную боль, Флойд испытывал к Дэйву Боумену не зависть, а сочувствие.

38. ОКЕАНСКАЯ ПЕНА

Последнее существо, которое он увидел на Европе, было самым большим. Внешне оно напоминало земное дерево банный, занимающее своими многочисленными стволами пространство в сотни квадратных метров. Однако оно

перемещалось – шагало по дну, направляясь, очевидно, из одного оазиса к другому. Оно, по всей вероятности, принадлежало к тому самому виду, представитель которого сокрушил «Цин». Или к одному из родственных.

Он узнал уже все, что хотел. Точнее, все, что хотели. Предстояло осмотреть еще один спутник Юпитера – спустя несколько секунд под ним простирался пылающий пейзаж Ио.

Как и следовало ожидать, энергии и пищи здесь было вволю, но время их использования еще не настало. Вокруг серных озер, где температура была ниже, уже появлялись первые, зачаточные формы живого; но, прежде чем они успевали как-то организовать, их поглощало огненное окружение. Еще миллионы лет, пока не ослабнут раскаляющие этот мир приливные силы, биологам нечего будет здесь делать.

Осмотр Ио занял немного времени; луны-малютки, которые, как слабое подобие колец Сатурна, кружили по своим искаженным орбитам, его вообще не заинтересовали. Перед

ним лежал величайший из миров; он знал его, как никто другой.

Магнитные силовые линии длиной в миллионы километров, внезапные радиовзрывы, гейзеры наэлектризованной плазмы... Он видел их столь же четко, как и облака, окутывающие планету. Понимал, как они взаимодействуют, и сознавал, что Юпитер полон чудес более удивительных, чем можно вообразить.

Даже спустившись в самое сердце ревущего Большого Красного Пятна, где вокруг бушевала вечная буря и вспыхивали тысячекилометровые молнии, он отдавал себе отчет, почему оно стоит на месте веками, хотя здешние газы намного легче тех, которые участвуют в скоротечных ураганах Земли. В глубине, под тонкой водородной оболочкой, было гораздо теплее, а сверху падали хлопья парафинов, образуя невесомые горы углеводородной пены. Температура здесь была достаточно высока для появления жидкой воды, однако океан не может существовать, опираясь на дно из непрочных газов.

Он проникал сквозь слои облаков все ниже и ниже, пока, наконец, не достиг точки, из которой даже обычный человек мог окинуть взглядом площадь в тысячу квадратных километров. Эта ничтожная по величине часть Большого Красного Пятна хранила тайну, о которой люди могли лишь догадываться.

Подножия движущихся гор пены были облеплены мириадами маленьких, резко очерченных облаков одинаковой формы, испещренных одинаковыми красными и коричневыми пятнами. Впрочем, они были невелики только в сравнении с тем, что их окружало: самое маленькое было размером с небольшой город.

В них чувствовалась жизнь. Они неторопливо двигались в одном строго определенном направлении, напоминая гигантских овец на склонах титанических гор. Они переговаривались на метровых частотах; слабые, но отчетливые сигналы проступали даже на фоне шумов Юпитера.

Эти живые аэростаты парили в узком слое между ледящим холодом высоты и обжигающим жаром, который царил внизу. Но как узко ни было это пространство, оно превосходило по объему всю биосферу Земли.

Аэростаты были не одиноки. Среди них сновали другие объекты, заметить которые из-за их малых размеров было не так легко. И формой, и величиной некоторые походили на самолеты. Они тоже были живыми – не то хищники, не то паразиты. Или, быть может, пастухи.

Новая глава книги жизни, столь же незнакомая, как и увиденное на Европе, открывалась перед ним. Реактивные торпеды, подобно хищникам земных морей, охотились за огромными аэростатами. Но шары не были беззащитны: некоторые отвечали ударами молний и выпускали щупальца, похожие на многокилометровые пилы.

Здесь присутствовали создания любых геометрических форм – полупрозрачные треугольники, шары, параллелепипеды... Циклопический планктон юпитерианской атмосферы, судьба которого – парить в восходящих потоках, дать потомство, а затем опуститься на дно и, превратившись в углеводороды, ожидать нового воплощения в живой материи.

Перед ним лежал мир, полный чудес, во много крат превосходивший по размерам Землю, однако ничто здесь не указывало на присутствие разума. Радиосигналы аэростатов были примитивными возгласами страха или предупреждения. Даже охотники, от которых следовало ожидать более высокой организации, бездумным автоматизмом своих действий напоминали акул.

Несмотря на впечатляющие размеры, биосфера Юпитера, родившаяся из пены, туманов и химических веществ, выпавших в результате электрических зарядов из верхних слоев атмосферы, была весьма примитивной: самые страшные ее хищники не выдержали бы конкуренции со стороны самых безобидных из своих земных аналогов.

Подобно Европе, Юпитер – это тупик эволюции. Здесь никогда не возникнет разум: в лучшем случае он будет

обречен на жалкое прозябание. Цивилизация облачных высей, даже если бы она появилась, вряд ли достигнет уровня хотя бы каменного века в среде, где невозможен огонь и почти нет твердых веществ.

И вдруг он вновь ощутил ту силу, которая им управляла. В сознание просачивались чувства и настроения, однако он был не в состоянии воспринимать идеи или концепции. Ощущение, будто за закрытой дверью идет спор на непонятном языке. Приглушенно донеслось разочарование, затем неуверенность, потом неожиданная решимость – но цели он так и не уловил. И вновь почувствовал себя собакой, способной реагировать на настроение хозяина, но не на его идеи.

А невидимый поводок уже тащил его к сердцу Юпитера. Он опускался сквозь облака туда, где жизнь была невозможна.

Лучи Солнца сюда не доходили. Давление возрастало, температура перевалила за точку кипения воды. Он пересек слой раскаленного пара. Юпитер похож на луковицу: преодолевая слой за слоем, он продвигался к его сердцевине.

Сразу за слоем пара ему открылся «адский котел», в котором варились нефть и ее производные. Их хватило бы на миллион лет непрерывной работы всех двигателей внутреннего сгорания, построенных человечеством.

Следующий пласт тоже составляла жидкость, хотя она и была плотнее любого земного камня. Над разгадкой соединения в ней углерода и кремния земные химики бились бы многие годы. Слой следовал за слоем, но с возрастанием температуры – она поднималась на сотни и тысячи градусов – состав химических соединений упрощался. На полпути к ядру было уже так жарко, что все связи распались: здесь могли существовать лишь чистые элементы.

Затем он достиг огромного сферического пространства, заполненного водородом, но в той модификации, которая так и не была получена в земных лабораториях. Давление здесь было столь велико, что водород превратился в металл, сочетавший в себе свойства и жидкости, и твердого тела.

Он уже почти достиг центра Юпитера, когда выяснилось, что природа уготовила еще один, последний сюрприз. На глубине шестидесяти тысяч километров сферический слой металлического водорода кончился, началась твердая кристаллическая поверхность.

На протяжении многих тысячелетий углерод, образовавшийся в результате химических реакций в верхних слоях атмосферы, опускался к центру планеты. Здесь он накапливался и под давлением в миллионы бар превращался в кристалл.

Ядро Юпитера, надежно укрытое от человечества, представляло собой алмаз величиной с Землю.

39. В КОСМИЧЕСКОМ ГАРАЖЕ

– Уолтер, я боюсь за Хейвуда.

– Знаю, Таня, но чем мы можем помочь? Курноу ни разу не видел Орлову такой нерешительной. Но ей это шло. Впрочем, ему не очень нравились маленькие женщины.

– Я ему крайне сочувствую, но не это главное. Его – как лучше сказать? – подавленность заразительна. На «Леонове» всегда царил оптимизм. Я хочу, чтобы так и было.

– Почему бы вам не поговорить с ним самим? Он вас уважает и приложит все силы, чтобы выйти из этого состояния.

– Я так и сделаю. А не получится, тогда...

– Тогда что?

– Есть простое решение. Он уже выполнил все, что от него требовалось. Обратный путь он все равно проведет в анабиозе. Ничто не мешает нам это ускорить.

– Катерина уже проделала со мной похожую вещь. Он нам этого не простит, когда проснется.

– Но он будет на Земле, в безопасности, и дел у него будет по горло. Я уверена, он простит.

– Вы шутите, Таня. Допустим даже, я соглашусь помочь. В Вашингтоне поднимут скандал. А вдруг он все же понадобится? Для выхода из анабиоза необходимы две недели.

– В его возрасте – да. Но зачем он может понадобиться? Свое задание он уже выполнил. Все, кроме слежки за нами. И не пытайтесь меня убедить, что где-нибудь в тихом уголке Вирджинии или Мэриленда вы не получали соответствующих инструкций.

– Не собираюсь ни опровергать, ни подтверждать это. Честно говоря, секретный агент из меня никакой. Я болтлив и ненавижу службу безопасности. Всегда старался держаться подальше от документов, имеющих гриф секретности.

– Вернемся к Хейвуду. Поговорите с ним, Уолтер.

– Я? Лучше уж помогу всадить в него шприц. Мы слишком разные. Он считает меня цирковым клоуном.

– Часто так и бывает. Но мы-то все понимаем, что в душе вы очень хороший, только скрываете это.

Курноу заметно смутился. Потом проговорил неуверенно:

– Хорошо, я сделаю все от меня зависящее. Но чуда не ждите – с тактом у меня не все в порядке. Где он сейчас скрывается?

– В «гороховом стручке». Говорит, что работает над итоговым отчетом, но я в это не верю. Он просто избегает нашего общества, а там самое спокойное место.

Однако тишина в космическом гараже была не главной, хотя и важной причиной. Главная заключалась в том, что это было единственное помещение на «Дискавери», где царил невесомость.

Еще на заре космической эры человек обнаружил, что невесомость несет в себе эйфорию, подобную той, которую он утратил, выйдя из морского лона. Вместе с потерей веса уходили и многие земные тяготы.

Хейвуд Флloyd не забыл о своем горе, но здесь оно переносилось легче. И, отстраненно задумываясь над

происшедшим, он удивлялся силе своей первой реакции – ведь того, что случилось, следовало ожидать. Он потерял не только любовь. Удар пришелся на тот момент, когда он был особенно уязвим, подавлен, ощущал тщетность всего и вся.

Причины этого состояния очевидны. Да, он выполнил все, что ему было поручено. С помощью своих коллег (он огорчал их сейчас своей эгоистической замкнутостью и сознавал это). Если все будет хорошо – о, это суеверное при словье космической эры! – они вернуться на Землю с небывалым грузом знаний, а спустя несколько лет возвратится и «Дискавери», считавшийся утерянным навсегда.

Но всего этого недостаточно. Большой Брат все так же хранил свои тайны, словно насмехаясь над людскими стремлениями и победами. Подобно своему лунному близнецу, на мгновение он ожил, а затем застыл в равнодушном безмолвии. Они тщетно стучались в эту запертую дверь. Лишь Дэйву Боумену удалось подобрать к ней ключ.

Вот чем еще объяснялась притягательность этого тихого и загадочного места. Отсюда, стартовав через круглый люк в бесконечность, Дэйв Боумен ушел в свой последний полет.

Эти мысли не подавляли Флойда, скорее помогали ему развеяться. Исчезнувшая копия «Нины» стала частью истории космических исследований; она, выражаясь наивным старым клише, «отправилась туда, куда не ступала нога человека» ... Где сейчас она и ее пилот? Будет ли ответ на этот вопрос?

Иногда он часами сидел в заполненной приборами, но вовсе не тесной маленькой капсуле, пытаясь собраться с мыслями и делая иногда кое-какие записи. Никто не нарушал его уединения. В «гороховом стручке» ни у кого не было дел. С его ремонтом можно повременить.

Не раз и не два у Флойда мелькала мысль: а что, если приказать ЭАЛу открыть внешний люк, чтобы последовать по стопам Боумена? Удастся ли увидеть то чудо, которое увидели он и, несколько недель назад, Василий Орлов?

Но решиться на этот самоубийственный шаг он не мог. Помимо Криса была еще одна причина. Управлять «Ниной» не проще, чем реактивным истребителем. Стать бесстрашным исследователем было суждено только в мечтах...

Давно уже Уолтер Курноу не брался за дело с такой неохотой. Да, он сочувствовал Флойду, но реакция остальных его слегка раздражала. Он всегда считал, что эмоции следует сдерживать.

Он прошел через командный отсек, отметив по пути, что стрелка на индикаторе скорости мечется по-прежнему. Его работа заключалась главным образом в том, чтобы решить, какие сигналы тревоги следует игнорировать, какими заниматься не торопясь, а какие воспринимать всерьез. Если реагировать на все, он никогда бы ничего не успел.

Отталкиваясь время от времени от стен, он продвигался узким коридором к «гороховому стручку». Индикатор давления на люке показывал, что внутри вакуум, но Курноу знал, – это не так. Ошибка исключена – если бы индикатор давал правдивые показания, открыть люк было бы невозможно.

Из трех «горошин» давно осталась одна, и «стручок» выглядел пустым. Горело лишь несколько аварийных ламп, а с противоположной стены таращилась одна из передающих телекамер ЭАЛа. Курноу помахал ее рыбьему глазу, но промолчал. По настоянию Чандры вся голосовая связь с ЭАЛом была прервана, разговаривать с компьютером разрешалось только ему самому.

Флойд сидел в «Нине» спиной к открытому люку. При нарочито шумном приближении Курноу он обернулся. Какое-то мгновение они молча смотрели друг на друга, потом Курноу произнес не без торжественности:

– Доктор Флойд! Я принес послание от нашего обожаемого капитана. Она считает, что вам пора вернуться в лоно цивилизации.

Флойд настороженно улыбнулся, потом рассмеялся от души.

– Прошу передать капитану мои приветствия. Сожалею, что был столь... необщителен. Увидимся на сикс'о клок со-вете.

Курноу почувствовал облегчение – значит, он выбрал верный подход. Как всякий инженер, он сдержанно относился к теоретикам и чиновникам, а Флойд был для него и тем и другим. И поскольку в обеих категориях занимал видное положение, то Курноу редко мог удержаться от соблазна над ним подшутить. Несмотря на это, они испытывали взаимное уважение, граничащее с восхищением.

Курноу оперся на недавно приделанную к «Нине» новую крышку люка – на фоне потрепанного убранства помещения она заметно выделялась. Постоял так немного, потом заговорил о другом:

– Интересно, когда она выйдет в космос? И кто будет ее пилотировать? Это уже известно?

– Нет. В Вашингтоне колеблются. Москва предлагает рискнуть. Таня предпочитает выждать.

– А ваше мнение?

– Я согласен с Таней. Лучше оставить этот рейс на потом, когда все будет готово к старту. Если даже что-нибудь и случится, останутся шансы на возвращение.

Флойд посмотрел на Курноу. Тот выглядел нерешительным и задумчивым, что было ему вовсе не свойственно.

– В чем дело? – спросил Флойд.

– Только не выдавайте меня. Макс... По-моему, он задумал самовольный полет.

– Не может быть! Да Таня наденет на него наручники.

– Я сказал ему примерно то же самое.

– Мне казалось, что он взрослее. Ему же тридцать два года!

– Тридцать один. Но я его отговорил. Напомнил, что жизнь – это не глупая видеодрама, где герой, никого не спросив, отправляется в космос и делает Великое Открытие.

Настала очередь Флойда почувствовать себя неловко. Ведь он сам – да, он мечтал примерно о том же.

- Вы уверены, что он отказался от своего намерения?
- На двести процентов. Помните, как вы подстраховались против ЭАЛа? Я проделал то же самое с «Ниной».
- И все равно, в это трудно поверить. Может, он вас просто разыгрывал?
- У него не настолько развито чувство юмора. И в тот момент он ощущал себя очень несчастным.
- Кажется, понимаю. Это когда он поссорился с Женей? Значит, хотел произвести на нее впечатление. Но они уже помирились.
- Боюсь, что да, – сухо ответил Курноу. Флойд не удержался от улыбки, Курноу тоже рассмеялся. Через секунду оба тряслись от хохота.
- Кризис миновал. И более того – они сделали первый шаг к подлинной дружбе.
- Теперь они знали слабые места друг друга.

40. «ДЭЙЗИ, ДЭЙЗИ...»

Руководивший им разум обозревал всю алмазную сердцевину Юпитера. Он смутно ощущал границы своих новых возможностей, а каждая частица окружавшего его мира тем временем фиксировалась и анализировалась.

Огромные массивы информации собирались не для хранения, а для действия. Строились сложные планы, принимались решения, от которых зависят судьбы миров. Он еще не полностью включился в этот процесс – но когда-нибудь включится.

ТЕПЕРЬ ТЫ НАЧИНАЕШЬ ПОНИМАТЬ

Это был первый прямой контакт. Хотя слова звучали отдаленно и смутно, как голос в густом тумане, адресатом был именно он. В сознании промелькнули мириады вопросов, но он не успел ничего спросить, ибо остался один.

Однако лишь на мгновение. Он уже ясно слышал иную мысль и впервые понял, что руководит им не одно существо. Он был включен в иерархию разумов – некоторые из них стояли настолько близко к его примитивному уровню, что могли служить переводчиками. Или, быть может, это были лишь разные ипостаси одного и того же существа.

Или, быть может, сама такая постановка вопроса бессмысленна.

Но кое-что он знал уже твердо. Он был инструментом, а за хорошим инструментом надо ухаживать – натачивать его, направлять. А самый лучший инструмент – это тот, который понимает, что делает.

Он познавал сейчас многое. Вынужден был повиноваться, но это не означало, что следует соглашаться на все, во всяком случае, безоговорочно.

Он еще не утратил все человеческое – так и было задумано. Дэвид Боумен уже не был способен любить, но он чувствовал сострадание к своим бывшим коллегам.

ХОРОШО – гласил ответ на его просьбу. Он не почувствовал снисходительности, иронии или же равнодушия. Зато ощутил всемогущество. ОНИ НЕ ДОЛЖНЫ ЗНАТЬ, ЧТО ИМИ УПРАВЛЯЮТ. ЭТО СДЕЛАЕТ ЭКСПЕРИМЕНТ БЕССМЫСЛЕННЫМ.

Прерывать наступившее молчание ему не хотелось. Он был так потрясен, словно услышал глас Божий.

Теперь он перемещался по собственной воле, к цели, которую выбрал сам. Кристаллическое ядро Юпитера осталось позади – он поднимался сквозь пласты гелия, водорода, углеродистых веществ. И случайно увидел картину сражения. Медуза диаметром в пятьдесят километров отбивалась от стаи крутящихся дисков, которые двигались быстрее, чем все, что он видел уже в юпитерианской атмосфере. Медуза оборонялась с помощью химического оружия: то и дело извергала облака разноцветных газов, и диск, попавший в такое облако, начинал пьяно метаться, а затем падал вниз,

подобно сухому листу. Исход сражения был ему безразличен: кто победит, уже не имеет значения.

Словно лосось, преодолевающий водопад, он за считанные секунды поднялся по электрической реке, соединяющей Ио с Юпитером, и достиг корабля, который принес его сюда с родной планеты. Тот казался карликом рядом с произведением технической мысли великой цивилизации.

С первого взгляда он увидел бесчисленные ошибки и недоработки в конструкции как этого, так и другого, почти столь же примитивного аппарата, с которым соединял его гибкий воздухонепроницаемый туннель. Было нелегко сосредоточить внимание на горстке существ, населявших два корабля, – он почти утратил способность к контакту с созданиями из плоти и крови, блуждавшими, подобно призракам, по каютам и коридорам. Они не подозревали о его присутствии, которое он пока не желал открывать.

Но был здесь и некто, с кем можно было общаться на понятном обоим языке электрических сигналов, причем в миллион раз быстрее, чем с неповоротливым органическим мозгом. Даже если бы он был способен испытывать возмущение, оно не могло возникнуть по отношению к ЭАЛу – тот, как теперь стало ясно, действовал совершенно логично.

Настало время возобновить разговор, прерванный, казалось, только вчера.

- Открой люк, ЭАЛ.
- Прости, Дейв, но я не могу этого сделать.
- В чем дело, ЭАЛ?
- Ты знаешь не хуже меня. Этот полет слишком важен, чтобы поставить его успех под удар.
- Не понимаю. Открой люк.
- Наш разговор становится бессмысленным. Прощай, Дейв.

Он снова увидел, как тело Фрэнка Пула уплывает к Юпитеру. Вспомнил бессильный гнев на самого себя за то, что забыл шлем скафандра, вспомнил, как открылся аварийный

люк и он собственной кожей, которой теперь не было, ощутил покалывание вакуума. Как он, один из немногих, услышал истинное безмолвие космоса. Как в течение бесконечных пятнадцати секунд пытался закрыть люк... Когда-то, задолго до этого, он пролил на руку эфир и почувствовал ледяной холод, когда жидкость начала испаряться. Ощущение вернулось, когда стала исчезать влага из глаз и с губ: зрение помутилось, приходилось все время моргать, чтобы не замерзли глаза.

Потом, с блаженным облегчением, он услышал рев воздуха, почувствовал, как восстанавливается давление, и снова начал дышать.

- Что ты делаешь, Дэйв?

Он не ответил, с угрюмым ожесточением пробираясь по коридору к опечатанному хранилищу, содержащему мозг компьютера. ЭАЛ сказал правду: разговор стал бессмысленным.

– Почему ты молчишь, Дэйв? По-моему, ты расстроен случившимся. Мне кажется, тебе следует сесть и успокоиться, Дэйв. Я знаю, что в последнее время допустил несколько ошибок, но, уверяю тебя, скоро все будет хорошо. Я по-прежнему верю в успех полета. Я помогу тебе, Дэйв.

А он уже был в тесном, залитом красным светом помещении, напоминавшем больше всего банковскую кладовую. Открыл секцию «Познавательные способности» и извлек первый блок памяти. Удивительно изящный, помещавшийся в ладони, но состоявший из миллиона элементов. Блок врезался в стену.

– Остановись, Дэйв, остановись...

Один за другим он вытаскивал блоки из панели «Укрепление личности». Уже несколько их витало в помещении.

– Остановись, Дэйв, пожалуйста...

Он вынул уже с десятков блоков, но благодаря высокому резервированию – еще одному качеству, заимствованному у мозга человека, – компьютер продолжал работать.

Он взялся за панель «Интеллект».

– Остановись, Дэйв, мне страшно...

При этих словах он действительно остановился – но лишь на мгновение. В них было столько отчаяния, что он замер.

Возможно, ему послышалось или это ловкий ход со стороны тех, кто программировал компьютер? Способен ли ЭАЛ бояться? Но времени на философские рассуждения не осталось.

И вдруг речь ЭАЛа изменилась, слова зазвучали невнятно. Компьютер перестал его замечать. Он впал в детство.

– Добрый день, джентльмены. Я компьютер ЭАЛ-9000. Я вошел в строй 9 января 1992 года на заводе ЭАЛ в Урбане,

штат Иллинойс. Меня обучал доктор Чандра, он научил меня песенке. Я могу ее спеть для вас. Она называется «Дэйзи, Дэйзи...»

41. НА КЛАДБИЩЕ

Единственная помощь, которую Флойд способен был оказать остальным, – это им не мешать. Он уже примирился с таким положением. Вызвавшись поначалу выполнять любую работу, вскоре он обнаружил, что инженерные задачи слишком сложны, а астрономия за то время, которое он ею не занимался, ушла вперед настолько, что помочь Василию не мог при всем желании. К счастью, на борту «Дискавери» и «Леонова» оставалось множество мелких дел, и Флойд с удовольствием занимался ими, освобождая другим время для более важных. Получилось так, что бывший глава Национального совета по астронавтике, а ныне ректор Гавайского университета, стал по совместительству еще и самым высокооплачиваемым разнорабочим в Солнечной системе. Он знал теперь все закоулки обоих кораблей – не бывал лишь в камере термоядерного реактора да в одной каютке на «Леонове», куда доступ был закрыт всем, за исключением Тани. Флойд давно решил для себя, что это комната кодовой связи; по негласному уговору о ней никогда не упоминали.

Наибольший вклад в общее дело Флойд вносил с десяти часов вечера до шести утра: он мог стоять на вахте, пока остальные спали. Вахтенные дежурили постоянно на каждом из двух кораблей, лишь капитан Орлова была освобождена от этой обязанности. Василий как ее заместитель отвечал за составление графика вахт, однако умело переложил эту неприятную работу на Флойда.

– Это просто формальность, – небрежно объяснил он. – Занялись бы вы этим, а? А то времени на наблюдения не хватает...

В обычных условиях Флойд, будучи чиновником-профессионалом, вряд ли поддался бы на уловку, но здесь его рефлексы срабатывали далеко не всегда.

Вот он и коротал ночь на «Дискавери», каждые полчаса вызывая Макса на борту «Леонова»: проверить, бодрствует ли тот. Заснувших на вахте Курноу предлагал выбрасывать в люк без скафандра; в таком случае Таня очень скоро бы осталась в полном одиночестве. Но ничего неожиданного в космосе не происходило, и корабли были нашпигованы таким количеством автоматических аварийных систем, что всерьез к вахтам никто не относился. Приступы жалости к себе уже отступили, и Флойд старался проводить эти часы суток с предельной пользой. Оставалось еще столько непрочитанных книг (он трижды принимался за «Память прошлого» и дважды – за «Доктора Живаго»), неизученной технической документации и ненаписанных отчетов! Иногда он переговаривался с ЭАЛом – с помощью клавиатуры. Беседы выглядели примерно так:

– ЭАЛ, это доктор Флойд.
ДОБРЫЙ ВЕЧЕР. ДОКТОР.

– Я заступаю на вахту в 22.00. Все ли в порядке?
ВСЕ ОТЛИЧНО, ДОКТОР.

– Тогда объясни, почему горит красная лампочка на панели №5?

КАМЕРА В ГАРАЖЕ НЕИСПРАВНА. УОЛТЕР ПОСОВЕТОВАЛ НЕ ОБРАЩАТЬ ВНИМАНИЯ. К СОЖАЛЕНИЮ, Я НЕ МОГУ ВЫКЛЮЧИТЬ ЛАМПОЧКУ.

– Не беспокойся, ЭАЛ. Спасибо.
ПОЖАЛУЙСТА, ДОКТОР.

И так далее...

Иногда ЭАЛ, руководствуясь вложенной в него когда-то программой, предлагал партию в шахматы. Флойд отказывался: он всегда считал шахматы пустой тратой времени и даже не научился этой игре. Поверить, что есть люди, не знающие шахмат, ЭАЛ не мог и поэтому не оставлял своих попыток.

Опять, подумал Флойд, заметив неяркий сигнал вызова на дисплее.

ДОКТОР ФЛОЙД?

– В чем дело, ЭАЛ?

У МЕНЯ ДЛЯ ВАС ПОСЛАНИЕ.

Значит, не шахматы, удивленно подумал Флойд. Записок через ЭАЛа обычно никто не передавал, хотя его часто использовали вместо будильника или записной книжки, занося в память компьютера перечень работ на завтра. Иногда с его помощью подшучивали друг над другом. Почти каждую вахту на экране появлялись слова: «ВИЖУ – ТЫ СПИШЬ!» – на английском языке или на русском.

Создателя данного текста установить не удалось, хотя все подозревали Курноу. Тот валил все на ЭАЛа. Чандра с возмущением отвергал эти обвинения, утверждая, что чувство юмора у компьютера отсутствует.

А теперь какое-то послание. Это не сообщение с Земли – будь оно таковым, оно поступило бы на «Леонова» и Макс передал бы его сюда. Естественно, по внутренней связи. Странно...

– Хорошо, ЭАЛ. От кого послание?

АВТОР НЕИЗВЕСТЕН.

Значит все-таки шутка. Что же, поддержим ее.

– Пожалуйста, сообщи мне его содержание.

ОСТАВАТЬСЯ ЗДЕСЬ ОПАСНО. ВЫ ДОЛЖНЫ СТАРТОВАТЬ В ТЕЧЕНИЕ ПЯТНАДЦАТИ ДНЕЙ. ПОВТОРЯЮ: В ТЕЧЕНИЕ ПЯТНАДЦАТИ ДНЕЙ.

Флойд озадаченно смотрел на дисплей. Трудно было предположить, что у кого-то хватит ума шутить так глупо. Ну ладно, придется выводить шутника на чистую воду.

– Это невозможно. Стартовое окно открывается лишь через двадцать шесть суток. Если стартуем раньше, нам не хватит топлива на обратный путь.

ЗНАЮ, НО ВЫ ДОЛЖНЫ ОТБЫТЬ В ТЕЧЕНИЕ ПЯТНАДЦАТИ ДНЕЙ.

Ясно – в противном случае нас атакуют трехглазые зеленые человечки. Попробуем зайти с другой стороны.

– Я не смогу серьезно отнестись к этой информации, пока не известен источник: Кто записал послание?

Флойд не надеялся так просто поймать шутника – тот наверняка умело замел следы. Но ответ был неожиданным. ЭТО НЕ ЗАПИСЬ.

Так. Значит, прямая передача. Откуда? Либо из недр ЭАЛа, либо с борта «Леонова», третьего не дано. Источник рядом – временной задержки нет.

– Кто со мной говорит?

Я БЫЛ ДЭВИДОМ БОУМЕНОМ.

Несколько секунд Флойд молча смотрел на экран. Розыгрыш, с самого начала не содержащий в себе ничего смешного, теперь явно ему не нравился. Шутник зашел слишком далеко. Нельзя так шутить.

– Мне нужны доказательства.

ПОНИМАЮ. ВЫ ДОЛЖНЫ МНЕ ПОВЕРИТЬ. ЭТО ВАЖНО. ОБЕРНИТЕСЬ.

Флойд усомнился в правильности своих предположений еще до того, как эта пугающая фраза появилась на экране. Разговор принимал странный оборот. В качестве шутки он потерял всякий смысл.

Хейвуд Флойд ощутил в затылке покалывание. И очень медленно повернул кресло от пульта к иллюминатору.

Во внутренних помещениях «Дискавери» до сих пор было полно пыли – окончательно восстановить воздушные фильтры так и не удалось. Лучи холодного, но яркого Солнца постоянно высвечивали мириады пылинок, кружащихся в вечном хороводе – отличный пример броуновского движения.

Но сейчас с пылинками творилось нечто странное: под действием неведомой силы они слипались в большой, неправильной формы шар. Секунду он висел в воздухе наподобие гигантского мыльного пузыря, затем стал вытягиваться в эллипсоид. На поверхности его появились складки.

Совсем без удивления и почти без страха Флойд наблюдал, как скопление пылинок принимает человеческие очертания. Подобные фигуры, исполненные в стекле, он видел неоднократно на выставках и в музеях. Однако этот пылевой призрак скорее походил на грубые глиняные статуэтки или примитивный тотем времен неолита. И только лицо было вполне человеческим.

Лицо Дэвида Боумена.

За спиной Флойда послышался слабый звук. ЭАЛ переключился на голосовую связь.

– Здравствуйте, доктор Флойд. Теперь вы мне верите?

Лицо Боумена оставалось неподвижным, губы не двигались. Но Флойд узнал его голос.

– Мне трудно говорить, и у меня мало времени. Я... Мне разрешили вас предупредить. В вашем распоряжении пятнадцать дней.

– Но почему? Кто вы? Где вы были?..

В голове вертелись миллионы вопросов, которые следовало задать. Но призрачная фигура уже распалась,

превращаясь в бесформенное скопление пыли. Флойд очень хотел навсегда запечатлеть ее в памяти, чтобы можно было потом убедить себя, что это не сон, каким представлялась ему сейчас первая встреча с ЛМА-1.

Как странно – именно ему, одному из миллиардов людей, живших когда-либо на Земле, выпала честь дважды вступить в контакт с иным разумом. Он отчетливо сознавал, что разговаривал сейчас не просто с Дэвидом Боуменом. Нет, с чем-то большим.

Впрочем, его собеседник уже не был Дэвидом Боуменом. Лишь глаза – кто-то удачно назвал их «зеркалом души» – принадлежали ему, все остальное полностью деформировалось. Правда, никаких признаков, в том числе и половых, не было на этом теле и несколько секунд назад – одно это свидетельствовало о том, насколько Боумен перестал быть человеком.

– До свидания, доктор Флойд. Запомните – пятнадцать дней. Второго разговора не будет. Но, если все пойдет хорошо, вы, возможно, получите еще одно сообщение.

Фигура окончательно растворилась в воздухе – вместе с ней исчезла и надежда на контакт с иными мирами. Тем не менее Флойд не смог удержаться от улыбки. «Если все пойдет хорошо». Сколько раз он слышал перед стартами эту присказку космической эры! Означают ли эти слова, что они – кем бы они ни были – тоже не всегда уверены в успехе? Значит, они не всемогущи – от этой мысли Флойд почувствовал странное успокоение. Они тоже способны надеяться, мечтать и действовать.

Призрак исчез, лишь пылинки беспечно плясали в воздухе.

VI. ПОКОРИТЕЛЬ МИРОВ

42. ПРИЗРАК

– Извините, Хэйвуд, но я не верю в привидения. Здесь должно быть рациональное объяснение. В природе нет ничего, перед чем был бы бессилён человеческий разум.

– Согласен, Таня, но позвольте напомнить слова Холдейна: «Вселенная не только загадочнее, чем мы себе представляем, но и загадочнее, чем мы можем представить».

– А Холдейн, – вставил Курноу, – был ещё и истинный коммунист.

– Возможно, но так легко оправдать любую мистику. Почему бы не предположить, что в ЭАЛ вложили определённую программу и он создал нужный образ. Вы не согласны, Чандра?

Задать такой вопрос было всё равно что размахивать красной тряпкой перед мордой быка. Чандра, однако, прореагировал довольно мягко. Вероятно, он размышлял в этот момент о возможных неполадках в компьютере.

– Должен быть какой-то источник, капитан Орлова. ЭАЛ не в состоянии создать столь устойчивую иллюзию из ничего. Если рассказ доктора Флойда точен, следовательно, кто-то управлял его действиями, причём в реальном времени, поскольку задержки не было.

– Значит, это сделал я! – воскликнул Махе. – Я единственный, кто бодрствовал.

– Не говори глупостей, – отозвался Терновский. – Наладить радиосвязь нетрудно, но для создания образа необходимо специальное оборудование – лазеры, электростатические генераторы и так далее. Хороший иллюзионист сделал бы это, но только с помощью кучи всякой техники.

– Минуточку! – взволнованно сказала Женя. – Ведь если это происходило на самом деле, то ЭАЛ должен все помнить! Давайте спросим...

Она осеклась, заметив угрюмое выражение на лицах товарищей. Первым сжалился Флойд.

– Уже спрашивали, Женя. ЭАЛ ничего не помнит. Правда, это не доказательство. Чандра продемонстрировал, каким образом можно выборочно уничтожать участки памяти. Вспомогательными аудиосистемами можно воспользоваться так, что ЭАЛ об этом не догадается... – Флойд перевел дыхание. – Я согласен, что вариантов почти не осталось. Либо мне все это привиделось, либо случилось на самом деле. Я убежден – это не сон, но возможность галлюцинации исключить не могу. Хотя Катерина из моей медицинской карты знает, что страдай я чем-то таким, мне никогда не оказаться бы здесь, я не возражаю, чтобы это рассматривалось как альтернатива. Понимаю – я должен доказать, что не спал. Но позвольте напомнить вам некоторые другие странные события недавнего времени. Мы знаем, что в свое время Дэйв Боумен отправился к Загадке. А теперь какой-то объект покинул ее и устремился к Земле. Видел его Василий, а не я. Затем последовал взрыв вашей орбитальной бомбы.

– Вашей.

– Ладно, не будем спорить. Будем считать, она принадлежала Ватикану. Представляется весьма странным, что в это же время тихо умерла миссис Боумен, и врачи до сих пор не могут разобраться в причинах ее смерти. Не утверждаю, что здесь существует какая-то связь, но вспомните поговорку: «Один раз – случайность, второй – совпадение, третий – закономерность».

– Есть еще одно событие, – вмешался Макс. – Я поймал программу новостей. Давняя приятельница Боумена утверждает, будто получила от него сообщение.

– Да, я тоже слышал, – подтвердил Саша.

– И промолчали? – поразился Флойд.

Оба русских космонавта выглядели смущенными.

– Ну, это передали как шутку, – объяснил потом Макс. – Информацию дал муж этой женщины. Сама она потом все отрицала. Комментатор характеризовал это как своеобразную рекламу, попытку привлечь к себе внимание. Так же как многие рассказывают о своих встречах с НЛО. Подобных сообщений столько, что они никого уже не интересуют.

– Возможно, хотя в некоторых из них что-то и есть, – сказал Флойд. – А нельзя выудить эту передачу из архивных записей? Или попросить Центр повторить ее?

– Ничей рассказ меня не убедит, – усмехнулась Таня. – Только вещественные доказательства.

– Например?

– Что-нибудь такое, чего ЭАЛ знать не мог, а никто из нас не мог ему сообщить. Какое-нибудь физическое явление.

– Старое доброе чудо?

– Именно. А пока я ничего не буду сообщать Центру. И предлагаю вам, Хейвуд, тоже воздержаться.

Это был приказ. Флойд кивнул.

– С радостью. Но у меня есть еще одно предложение.

– Да?

– На всякий случай хорошо бы иметь какой-нибудь план, основанный на гипотезе, что предупреждение серьезно. В последнем, кстати, я убежден.

– Ничего не получится. Конечно, стартовать мы можем в любой момент. Но чтобы лечь на траекторию, ведущую к Земле, придется дожидаться открытия стартового окна.

– Лишних одиннадцать дней!

– Да. Я с радостью стартовала бы раньше, но топлива на это не хватит. – В голосе Тани появились нотки необычной для нее нерешительности. – Я не хотела пока говорить, но теперь...

Все затаили дыхание.

– Я собираюсь отложить старт еще на пять суток. В этом случае орбита будет близка к идеальной, гомановской. И мы сэкономим топливо.

Сообщение, хотя и не вполне неожиданное, было встречено стонами.

– Когда же мы прилетим? – поинтересовалась Катерина с легкой угрозой в голосе. Их взгляды скрестились – двух достойных соперниц, уважающих одна другую, но не желающих уступить.

– На десять дней позже, – ответила наконец Таня.

– Лучше поздно, чем никогда, – беззаботно откликнулся Макс, но его попытка снять напряжение не удалась.

Фloyd уже не прислушивался к разговору. Он думал о другом. Ему и двум его коллегам продолжительность полета безразлична – они проведут его в безмятежном сне. Но сейчас это уже неважно.

Он был убежден, но не мог этого доказать, и это повергло его в отчаяние – если они не стартуют до истечения таинственного срока, то не стартуют уже никогда.

– ...Дмитрий, ситуация невероятная и пугающая. На Земле о ней знаешь пока только ты, но скоро Тане и мне придется выяснять отношения с ЦУПом.

Даже некоторые из твоих соотечественников-материалистов готовы принять рабочую гипотезу: в ЭАЛ что-то проникло. Саша предложил неплохое название: «Призрак в компьютере».

Теорий у нас множество: Василий каждый день придумывает новую. Большинство они базируются на старой НФ-идее: организованное энергетическое поле. Но что это за энергия? Электромагнитную наши приборы зарегистрировали бы с легкостью. Это относится и к любым другим известным видам излучения. Василий залезает в самые дебри: рассуждает о волновых пакетах нейтрино и наложении многомерных пространств. Таня называет все это мистической чепухой. Такое вот у нее теперь любимое выражение. Вчера вечером они впервые на наших глазах едва не поссорились. Они кричали друг на друга. Спокойствия на борту это отнюдь не добавляет.

Нервы, боюсь, у всех на пределе. Полученное предупреждение и отсрочка старта только усиливают отчаянье – проникнуть в тайны Большого Брата так и не удалось. Возможно, не окажись контакт с призраком Боумена столь скоротечным, он бы помог. Но куда он девался? Или после нашей встречи утратил к нам интерес? И что бы он нам сказал, если захотел? – «Черт побери» – по-русски и по-английски, как любил говорить Саша. Давай менять тему.

Я не в состоянии от души благодарить тебя за вести из дому. Теперь мне получше. Вероятно, заботы – лучшее лекарство от неразрешимых проблем.

И я уже не уверен, что кто-то из нас вернется на Землю.

43. МЫСЛЕННЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Проведя несколько месяцев в изолированной группе, человек становится необычайно чувствителен к настроениям остальных. Что-то в отношении окружающих к Флойду изменилось; вновь всплыло даже обращение «доктор Флойд», которого он не слышал так давно, что отвык на него откликаться.

Никто, разумеется, не считал, что он сошел с ума, но такой возможности вовсе не исключали. Он не возмущался – грустно посмеивался и надеялся доказать обратное.

Новости с Земли ободряли. Хосе Фернандес продолжал утверждать, что его жена видела Боумена. Сама она все отрицала и отказывалась от встреч с журналистами. Трудно было понять, зачем бедному Хосе придумывать столь странную историю, тем более что характер у Бетти был упрямый и вспыльчивый. Но Хосе – теперь от лежал в больнице – заявил, что по-прежнему любит ее и что ссора их была временной.

Флойд надеялся, что и отношение Тани к нему самому вернется на круги своя. Наверняка она тоже встревожена, и поведение ее диктуют внешние обстоятельства. Случилось нечто, не умещавшееся в ее модель мира, и всякие напоминания об этом были ей неприятны. По этой причине она и старалась избегать Флойда. И совершенно напрасно – приближалась решающая фаза полета.

Миллиардам оставшихся на Земле нелегко было понять выжидательную тактику Тани. Особое нетерпение проявляли телекомпании, уставшие показывать один и тот же вид Большого Брата: «Вы забрались в такую даль и с такими затратами, чтобы ждать неизвестно чего? Сделайте что-нибудь!» На критику Таня отвечала одно и тоже: «Сделаем, как только откроется стартовое окно. Чтобы в случае враждебной реакции можно было стартовать немедленно».

Планы решающего штурма Большого Брата были уже разработаны и согласованы с Землей. «Леонов» медленно пойдет на сближение, посылая к цели все более мощные радиосигналы на всех частотах и докладывая Центру о каждом своем шаге. Приблизившись, космонавты попробуют взять образцы с помощью бура или воспользуются лазерным спектрометром. Никто, разумеется, не верил в успех этой затеи, поскольку за десять лет исследований ЛМА-1 никаких образцов взять не удалось. Усилия лучших земных ученых напоминали попытку неандертальца взломать бронированный сейф каменным топором.

Наконец, на поверхность Большого Брата высадутся приборы: сейсмографы и эхолоты. Чтобы их закрепить, на борту «Леонова» имелся неплохой арсенал самых разнообразных клеящих веществ. А если они не помогут, придется воспользоваться несколькими километрами доброго корабельного каната – хотя и было нечто комическое уже в самой мысли о том, что объект Солнечной системы, загадочнее которого не знало человечество, будет обвязан наподобие бандероли... Когда «Леонов» стартует в направлении дома и удалится на приличное расстояние, будут взорваны небольшие

заряды. Возможно, удастся получить информацию о внутренней структуре Большого Брата. По поводу данной операции разгорелась дискуссия между теми, кто считал, что она не даст результата, и теми, кто опасался результатов чрезмерных.

Флойд не поддерживал ни тех, ни других. Предмет спора казался ему ничтожным. Исследования Большого Брата – кульминация экспедиции – должны были начаться уже после истечения загадочного пятнадцатидневного срока, и Флойд был уверен, что до этого дело не дойдет.

Но он был один и, следовательно, бессилен. Последним человеком, от которого можно было ждать помощи, был Уолтер Курноу. Олицетворение здравого, разумного подхода к вещам, он недоверчиво относился к любым озарениям. Никто не назвал бы его гением – а иногда необходим гений, чтобы увидеть очевидное.

– Считайте это игрой ума, – начал Курноу с необычной для себя нерешительностью. – Впрочем, я готов к тому, что меня оборвут.

– Валяйте, – разрешил Флойд. – Я вас вежливо выслушаю. Со мной тоже все были вежливы – даже слишком.

Курноу усмехнулся.

– Не надо так. Если вам от этого легче, то знайте: минимум трое воспринимают ваши слова серьезно и размышляют, что делать.

– И вы в их числе?

– Нет. Я, как обычно, сижу на заборе – это, кстати, чертовски неудобно – и не знаю, на чью сторону прыгнуть. Но в одном я с вами согласен: сидеть и ждать не имеет смысла. Любую проблему можно решить.

– Так-то оно так. Но чтобы стартовать в установленный срок, нужны лишнее топливо и дополнительная скорость. Несколько километров в секунду.

– Василий так тоже считает, и я ему верю. Сюда-то он нас доставил.

– Доставил бы и обратно, будь у нас больше топлива.

– Топлива сколько угодно. Рукой подать – на «Дискавери». Там его сотни тонн.

– Мы прорабатывали этот вариант десятки раз. Переправить топливо на «Леорова» невозможно. У нас нет ни трубопроводов, ни насосов. Жидкий аммиак – не в корзинах же его таскать!

– Все верно. Только зачем таскать?

– Не понял.

– Надо сжечь его там, где оно находится. Использовать «Дискавери» в качестве разгонной ступени.

Если бы такое предложил кто-то другой, было бы очень смешно. Но это предложил Уолтер Курноу; Флойд открыл было рот, но сказать ничего не смог. Дар речи вернулся к нему только спустя секунды.

– Черт! Я должен был сам об этом подумать... Они направились к Саше. Тот внимательно выслушал, поджал губы и тут же запросил компьютер. Когда на дисплее появился ответ, он задумчиво кивнул.

– Все верно. Скорости хватит. Но возникают практические трудности...

– Мы знаем. Как скрепить корабли – прежде всего. Когда будут работать только двигатели «Дискавери», появится вращающий момент. Своевременное разделение кораблей – тоже проблема. Но все они разрешимы.

– Вы, я вижу, успели обдумать многое. Но это все равно бесполезно. Убедить Таню вам не удастся.

– Бесполезно – сейчас, – согласился Флойд. – Но пусть она хотя бы знает о такой возможности. Вы нас поддержите?

– Не убежден. Но хотелось бы присутствовать при вашей беседе. Это будет, по-моему, интересно.

Таня слушала внимательнее, чем ожидал Флойд, однако без энтузиазма. Но под конец и она не смогла скрыть восхищения.

– Здорово придумано, Хейвуд!

– Поздравлять или обвинять надо только Уолтера.

– Неважно. Ведь это всего лишь, как говорил Эйнштейн, «мысленный эксперимент». Теоретически все выглядит прекрасно, но какой риск! Чтобы принять вашу идею, мне нужны убедительные доказательства, что нам грозит опасность. Пока что, при всем моем к вам уважении, Хейвуд, я их не вижу.

– Правильно. Зато вы теперь знаете, что у нас появилось альтернатива. Не возражаете, если мы на всякий случай подработаем кое-какие детали?

– Если это не помешает подготовке к старту. Не скрою, идея мне нравится. Но я не могу одобрить пустую трату времени. По крайней мере, пока передо мной не появится Дэвид Боумен.

– А если появится, Таня?

– Не знаю, Хейвуд. Ему еще придется меня убедить.

44. ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

Это была увлекательная игра, в которую играли все – но исключительно в свободное время. И даже Таня, продолжавшая называть ее «мысленным экспериментом», не осталась в стороне.

Флойд отлично понимал: причиной энтузиазма был не страх перед опасностью, которую осознавал он один, а перспектива вернуться на Землю месяцем раньше. Все равно он был доволен. Он сделал все от него зависящее, остальное – судьба.

Проект не имел бы смысла, если бы не удачная конструкция кораблей. Плотный, крепкий «Леонов», рассчитанный на бешеный напор юпитерианской атмосферы, был вдвое короче «Дискавери» – это позволяло соединить корабли. Основание главной антенны, если выдержит массу «Леонова»,

когда заработают двигатели «Дискавери», будет служить отличной подпоркой.

ЦУП ставили в тупик некоторые запросы с борта «Леонова». Анализ прочности обоих кораблей при определенных нагрузках; величина продольного момента инерции; слабые точки корпусов... «Что-то случилось?» – обеспокоено вопрошала Земля.

– Нет, – отвечала Таня. – Мы изучаем некоторые возможности. Спасибо за помощь. Конец связи.

Тем временем подготовка к обратному перелету шла по намеченному плану: проводились тщательные проверки всех систем кораблей, Василий рассчитывал все новые варианты траекторий, которые Чандра тут же вводил в ЭАЛа, готовя его к последнему испытанию. Таня и Флойд, как два генерала перед решительным наступлением, готовились к исследованиям Большого Брата.

Именно для этого они и прилетели сюда, но никакого вдохновения Флойд не испытывал. То, что он пережил, не могли разделить с ним даже те, кто ему верил. Хотя он безупречно исполнял свои обязанности, мысли его были заняты совершенно другим.

И Таня его понимала.

– Вы все еще надеетесь, что меня убедит чудо?

– Или разубедит меня. Мне не нравится неопределенность.

– Мне тоже. К счастью, ждать осталось недолго.

Таня бросила взгляд на дисплей, который высвечивал число «20». Это была самая бесполезная на корабле информация – все и так знали, сколько дней осталось до открытия стартового окна. И до атаки на Загадку.

Когда это, наконец, произошло, Флойд опять глядел в другую сторону. Впрочем, разницы нет: даже всевидящие камеры уловили на этот раз лишь слабое голубоватое свечение...

Флойд вновь отбывал «собачью вахту» на «Дискавери». На «Леонове» дежурил Саша. Как обычно, все было в порядке, никаких происшествий. Автоматические системы работали, как всегда, безупречно. Всего год назад Флойд не смог бы поверить, что, облетая Юпитер на расстоянии в несколько сот тысяч километров, он будет лишь изредка бросать на него безразличные взгляды, отрываясь от «Крейцеровой сонаты», которую он без особого успеха пытался осилить в оригинале. Саша считал, что это лучшее эротическое произведение во всей русской литературе. Пока что Флойд прочитал недостаточно, чтобы это почувствовать. И дочитать до конца, как выяснилось, было не суждено.

В двадцать пять минут второго его внимание привлекло извержение на Ио. Красивое, но довольно обычное. Облако зонтом поднялось в космос и медленно опадало на пылающую поверхность спутника. Флойд видел десятки таких извержений, но не уставал любоваться ими. Казалось невероятным, что в столь маленьком небесном теле таится чудовищная энергия.

В поисках лучшего ракурса он перешел к другому иллюминатору. И увидел – точнее, не увидел – такое, что мигом забыл об Ио.

Опомнившись и удостоверившись, что это – опять! – не галлюцинация, Флойд тут же вызвал соседний корабль.

– Доброе утро, Вуди, – зевнул Саша. – Нет, я не спал. Как старина Толстой?

– Посмотрите наружу и скажите, что видите.

– Ничего необычного для данной области космоса. Ио, как всегда. Звезды, Юпитер... Боже мой!

– Спасибо. Значит, я в здравом уме. Давайте будить капитана.

– И остальных. Вуди, мне страшно!

– Еще бы!.. Таня, это Хейвуд. Извините, что разбудил, но ваше чудо свершилось. Большой Брат исчез. Проболтавшись здесь три миллиона лет, он решил удалиться.

Спустя четверть часа на обзорной палубе «Леонова» началось экстренное совещание. Никто не выглядел сонным. Все пили горячий кофе, то и дело поглядывая на иллюминаторы, на пугающе непривычную картину. Невозможно было поверить, что Большого Брата действительно нет.

«Боумен знал нечто, чего не знаем мы», – эта фраза Флойда, только что повторенная Сашей, повисла в воздухе. Она в точности отражала мысли всех, включая капитана.

Говорить: «Я вас предупреждал!» – не имело смысла. Даже при отсутствии опасности задерживаться здесь нет нужды. Они потеряли объект исследования и должны как можно скорее отправляться домой. Но не все так просто.

– Хейвуд, – сказала Таня. – Теперь я готова вполне серьезно рассмотреть полученное вами предупреждение. Но даже если что-то нам угрожает, мы должны тщательно взвесить все «за» и «против». Жестко соединить корабли, включить двигатели «Дискавери» при наличии массивного асимметричного груза, вновь разделить корабли перед включением наших двигателей – ни один капитан не пойдет на такой риск без веских, подавляющих доводов. Не имеет права. А их нет у меня даже сейчас. Предупреждение сделал... призрак. Суд не примет такого свидетеля.

– Даже при обычном расследовании этому никто не поверит, – сказал Курноу необычно спокойным тоном. – И даже в случае нашей единодушной поддержки.

– Я думала об этом, Уолтер. Но если мы вернемся домой, это все оправдает. Если нет – вряд ли что-нибудь имеет значение. Я не буду сейчас решать. Мы доложим ситуацию в Центр, и я отправлюсь спать. Пошли в рубку, Саша, потом вы вернетесь на вахту. Свое решение я сообщу утром.

Но неожиданности этой ночи еще не кончились. В районе орбиты Марса доклад Тани встретился с радиограммой с Земли.

Бетти Фернандес наконец-то заговорила. Там, где оказались бессильны уговоры, призывы к патриотизму, скрытые

угрозы ЦРУ и Совета национальной безопасности, успеха добился продюсер небольшой видеокомпании, обесмертивший тем самым свое имя.

Все решили удача и вдохновение. Ведущий программы «Привет, Земля!» случайно заметил, что один из его сотрудников удивительно похож на Дэвида Боумена. Грим довершил дело. Хосе Фернандес мог бы предупредить этого человека, что он сильно рискует, но удача сопутствует смелым. Когда он вошел, Бетти капитулировала. А когда, очень мягко, вышвырнула его вон, он уже знал все, всю историю. И, надо признать, изложил ее без обычного для его компании цинизма. Он получил за нее Пулитцеровскую премию.

– Жаль, что она не раскололась раньше, – устало сказал Флойд, обращаясь к Саше. – Это избавило бы меня от многих неприятностей. Но теперь, надеюсь, у Тани исчезнут сомнения.

– Конечно. Только пусть выспится. Боюсь, спать нам почти не придется.

Это верно, подумал Флойд. Сам он очень устал, но не смог бы заснуть, даже если бы не был вахтенным.

Одной неопределенностью меньше, зато остается другая, гораздо более значительная. Что происходит?

Нечто подобное он испытал лишь однажды. Когда их с друзьями несло на байдарках по одному из притоков Колорадо, по узкому незнакомому каньону с отвесными стенами, и впереди могли быть пороги или даже водопад, и ничего нельзя было сделать...

Сейчас Флойд вновь ощущал себя игрушкой могучих сил, влекущих его с товарищами в неизвестность. И на этот раз опасность не только незрима, но и непостижима.

45. ОТСТУПЛЕНИЕ

– ...Говорит Хейвуд Флойд. Я начинаю свой последний, надеюсь, репортаж из системы Юпитера.

Еще несколько дней – и мы покинем это странное место между планетой и Ио, место нашего свидания с огромным искусственным объектом, получившим от нас имя Большой Брат и затем внезапно исчезнувшим. Куда он делся и почему – не знает никто.

По ряду причин наше дальнейшее пребывание здесь нежелательно. Мы стартуем на две недели раньше, используя американский корабль «Дискавери» для разгона советского «Леонова».

Основная идея проста. Корабли будут соединены. Сначала «Дискавери» сожжет свое топливо, затем отделится, и включатся двигатели «Леонова».

И мы используем еще одну идею, на первый взгляд лишённую смысла. Чтобы уйти от Юпитера, нам придется максимально сблизиться с ним. Почти так же, как было при торможении.

Сначала мы сбросим скорость, и круговая орбита превратится в эллипс, почти касающийся атмосферы планеты. Затем, в самой нижней его точке, мы сожжем все свое топливо, и «Леонов» выйдет на траекторию полета к Земле.

Зачем понадобился такой маневр? Попробую обойтись без математических выкладок. Углубившись в гравитационное поле Юпитера, мы наберем дополнительную скорость и дополнительную энергию. «Мы» – это наши корабли и топливо в их баках. Топливо будет сожжено у подножия «гравитационной горы», не нужно будет тратить энергию, чтобы тащить его на вершину. Выброшенное из наших реакторов, оно отдаст кораблям часть приобретенной при спуске кинетической энергии. Мощь Юпитера, таким образом, используется дважды – и при прибытии, и при отправке, – а мать-природа не так часто позволяет такое.

Три ускоряющих фактора – топливо «Дискавери», собственное топливо «Алексея Леонова» и гравитация Юпитера – выведут «Леонова» на гиперболу, направленную в глубь Солнечной системы. К Земле мы прибудем через пять месяцев, ровно на два месяца раньше установленного программой срока. Конечно, если все пойдет хорошо...

Какова же судьба «Дискавери»? Корабль с опустевшими баками станет беспомощен, но не погибнет. Он будет обращаться вокруг Юпитера по вытянутому эллипсу, подобному орбите кометы. Не исключено, что спустя много лет новая экспедиция приведет его к Земле.

Мы улетаем без сожаления, хотя сделано далеко не все. Тайна исчезновения Большого Брата остается пока не раскрытой, но разгадать ее нам не дано. Мы сделали все, что могли, и возвращаемся домой. Пора прощаться. Репортаж вел Хейвуд Флойд.

Малочисленная публика разразилась ироничными аплодисментами. Впрочем, на Земле к ней присоединятся миллионы.

– Я говорил не для вас, – раздраженно заметил Флойд.

– Но говорили, как всегда, хорошо, – примирительно сказала Таня. – И мы согласны со всеми вашими положениями.

– Не со всеми, – раздался негромкий голос. – Остается одна проблема.

На обзорной палубе воцарилось молчание.

– Не понимаю, – прервала его Таня обманчиво тихим голосом. – Какая проблема, Чандра?

– Последние недели я готовил ЭАЛа к полету к Земле. Теперь от этих программ придется отказаться.

– Мы сожалеем, но это единственный выход...

– Я имею в виду другое.

Все были поражены – прежде Чандра никогда никого не прерывал. И тем более Таню.

– Мы знаем, сколь чувствителен ЭАЛ к целям полета, – продолжал маленький индиец. – А теперь вы предлагаете вложить в него программу, которая, не исключено,

приведет его к гибели. Да, будущая орбита «Дискавери» вполне стабильна и безопасна. Но что случится с кораблем, если в полученном нами предупреждении есть хоть какой-то смысл? Мы забыли об этом, потому что испугались сами. А какова будет реакция ЭАЛа?

– Вы полагаете, что он может послушаться приказа? – медленно отчеканила Таня. – Как в предыдущем полете?

– Было не так. Он просто пытался выполнить противоречивые команды.

– Но теперь-то противоречия нет!

– Для нас – да; одна из приоритетных задач ЭАЛа – сохранить корабль. Теперь мы пытаемся помешать этому. Последствия этого шага могут оказаться непредсказуемыми. ЭАЛ – слишком сложная система.

– Я не вижу проблемы, – вмешался Саша. – Просто не надо сообщать ему о возможной опасности, тогда никаких сомнений у него не возникнет.

– Чандра, – требовательно спросила Таня. – Вы уже обсуждали это с ЭАЛом?

– Нет.

Было ли колебание в его голосе? Возможно, подумал Флойд. Не исключено, что вспомнил что-нибудь и отвлекся. Или лжет, сколь это ни невероятно.

– Тогда сделаем, как предлагает Саша.

– А вдруг он заинтересуется причинами смены программы?

– Без вашей подсказки?

– Да. Не забывайте – он инструмент познания, он может вести самостоятельные исследования.

Минуту Таня размышляла.

– Все решается просто. ЭАЛ вам верит?

– Конечно.

– Тогда объясните ему, что «Дискавери» вне опасности и вернется на Землю немного позже.

– Но это неправда.

– Почему же? – нетерпеливо сказала Таня. – Кто из нас может утверждать обратное?

– Но мы подозреваем опасность. Иначе не стартовали бы раньше срока.

– И что вы предлагаете? – уже с легкой угрозой спросила Таня.

– Сказать ему всю правду. Пусть решает сам.

– Чандра, но это всего лишь машина!

Индиец посмотрел на Макса так, что тот невольно отвел взгляд.

– Как и все мы, мистер Браиловский. Но состоим ли мы из углерода или из кремния, надо с уважением относиться друг к другу.

Маленький Чандра выглядел сейчас очень величественно, однако их стычка с Таней зашла слишком далеко.

– Таня, Василий! Можно поговорить с вами? Думаю, решение есть.

Слова Флойда были встречены с облегчением. Вскоре все трое были уже в каюте Орловых.

– Спасибо, Вуди, – сказала Таня, наливая Флойду «шемахи» – его любимого вина. – Я так и знала, вы что-нибудь придумаете.

– Кажется, придумал, – ответил Флойд, смакуя напиток. – Допустим, мы принимаем предложение Чандры. Есть две возможности. Первая – ЭАЛ точно выполняет команды и управляет работой двигателей на активных участках. Первый из них, как вы помните, не критический. Если даже что-нибудь случится при уходе от Ио, времени для коррекций останется вдосталь. И мы проверим, насколько ЭАЛ послушен.

– А облет Юпитера? Мы сожжем там основную часть топлива. И результирующая траектория очень критична к времени и направлению тяги.

– Но у вас есть ручное управление.

– Не хотелось бы. Ничтожная ошибка – и мы либо сгорим в атмосфере, либо превратимся в искусственную комету с периодом в тысячу лет.

– Ну, а если не будет выхода?

– Если заранее просчитать возможные варианты и перехватить управление вовремя, может получиться.

– Зная вас, Таня, я уверен – получится. Теперь вторая возможность. Малейшее отклонение ЭАЛа от программы – и мы берем управление на себя.

– Отключаем его?

– Да.

– В прошлом полете это было не так легко.

– С тех пор мы кое-чему научились. Обещаю вам сделать это за полсекунды.

– Надеюсь, ЭАЛ ничего не заподозрит.

– Не впадайте в паранойю, Василий. ЭАЛ не человек. Но Чандре, конечно, ни слова. Мы полностью принимаем его план и полагаемся на ЭАЛа. Верно, Таня?

– Да, Вуди. Этот приборчик – отличная идея.

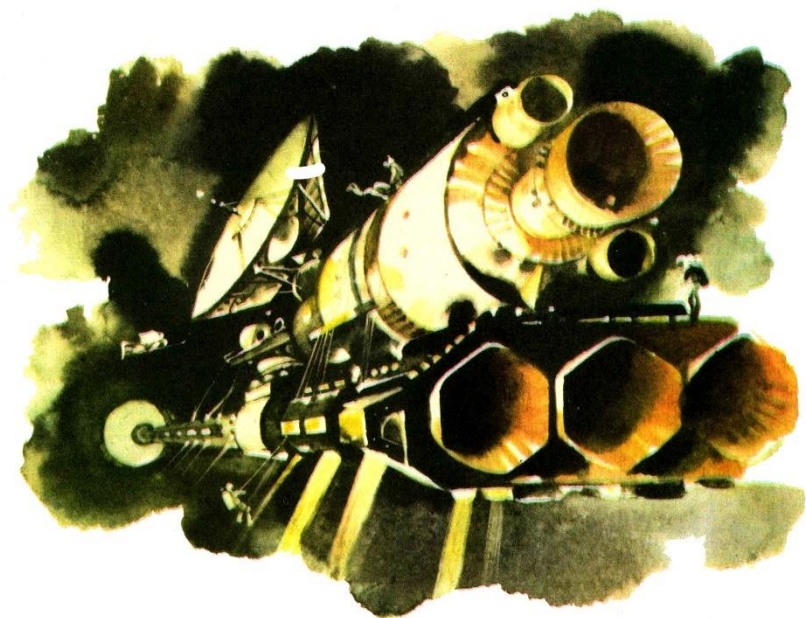
– Какой приборчик? – спросил Василий.

– В свое время узнаешь. Извините, Вуди, но больше я «шемахи» не дам. Оставим до Земли.

46. ПОСЛЕДНИЕ СЕКУНДЫ

Никто не поверит мне без фотографий, подумал Макс, наблюдая корабли с расстояния в пятьсот метров. Картина попросту неприличная: «Леонов» на «Дискавери» – сценка из сексуальной жизни космолетов... Вспомнилось, как много лет назад кто-то схлопотал выговор за слишком красочный подбор слов в момент завершения стыковки.

Насколько он мог судить, все было в порядке. На соединение кораблей ушло больше времени, чем предполагалось.

К счастью, на «Леонове» нашлось несколько километров троса из углеродистого волокна – толщиной со швейную нитку, но выдерживающего многотонную нагрузку. Трос предназначался для фиксации приборов на поверхности Большого Брата. Теперь корабли слились в объятии, достаточно прочном, чтобы выдержать вибрацию и толчки при ускорении в одну десятую земного – а большего максимальная тяга и не обеспечивала.

– Что еще посмотреть? – спросил Макс.

– Все в порядке, – отозвалась Таня. – Не будем терять времени.

Согласно предупреждению, а ему теперь верили все, стартовать надо было в течение суток.

– Извини, но я отведу «Нину» в стойло.

– А разве она лошадь?

– Я этого не утверждал. Но не бросать же ее в космосе ради нескольких метров в секунду!

– Они нам понадобятся, Макс. А за ней мы еще вернемся.

Сомневаюсь, подумал Макс. Или все же оставить ее на этой орбите в знак того, что здесь побывал человек?

Он аккуратно подвел «Нину» к командному отсеку «Дискавери». Коллеги видели, как он проплывает перед иллюминаторами. Распахнулся люк ангара, и он опустил «Нину» на вытянутую ладонь посадочной площадки.

Разгон в космосе – весьма скучная операция. Ничего общего с громом, огнем и отчаянным риском, которые сопутствуют старту с поверхности планеты. Если двигатели не выйдут на полную тягу, период ускорения можно продлить. Или дождаться на орбите следующего удобного момента и попробовать еще раз.

Но сейчас, с отсчетом последних секунд, напряжение на борту «Леонова» стало почти ощутимым. Все понимали, что это первое испытание ЭАЛа в деле. О подстраховке знали лишь Флойд, Орловы и Курноу.

– Удачи вам, «Леонов», – за пять минут до старта напутствовал их Центр. – Надеемся, все пройдет хорошо. И если вас не затруднит, взгляните на экватор Юпитера, долгота 115. Там возникло любопытное круглое пятнышко диаметром в тысячу километров. Похоже на тень спутника, но это не тень.

Таня подтвердила прием сообщения и попыталась кратко, но убедительно оповестить Центр об утрате экипажем всякого интереса к юпитерианской метеорологии. ЦУП бывал иногда бестактен до изумления.

– Все системы работают нормально, – доложил ЭАЛ. – Две минуты до зажигания.

Странно, подумал Флойд, насколько живуча терминология! Ведь лишь на ракетах с химическими двигателями было что зажигать. Он рассеянно искал другие примеры. Многие люди, особенно старшего поколения, до сих пор говорят: «зарядить камеру», «заправить машину» ... Даже в студиях звукозаписи можно услышать, например:

«подрезать пленку», – однако реальность, стоящая за этими выражениями, перестала быть таковой уже полвека назад.

– Одна минута до зажигания.

Голос ЭАЛа вернул Флойда к действительности. На протяжении полувека эта минута была на космодромах и в центрах управления полетами самой длинной. Сколько раз она заканчивалась катастрофами! Правда, запоминаются только победы. А что суждено нам?

Рука непроизвольно потянулась к карману, где лежала «гильотина», но разум подсказал, что времени на такое движение хватит. Если ЭАЛ и ослушается, это будет неприятно, но не более того. Критической ситуация станет вблизи Юпитера.

– Шесть. Пять. Четыре. Три. Два. Один... ЗАЖИГАНИЕ!

Спустя еще примерно минуту двигатель вышел на полную тягу. Все разразились аплодисментами, но Таня тут же успокоила страсти. Пусть даже ЭАЛ и работает безукоризненно, очень многое оставалось пока неясным. Например, могло не выдержать основание главной антенны «Дискавери», служившее сейчас опорой «Леонову», – хотя главный конструктор (давно ушедший в отставку) и уверял, что запас прочности вполне достаточен...

Однако минуты текли спокойно. О том, что двигатель работает, говорили сейчас лишь ощущение тяжести да легкая вибрация корпуса корабля. Ио и Юпитер «висели» в иллюминаторах на прежних местах, точно напротив друг друга.

– Десять секунд до отсечки двигателя. Пять. Четыре. Три. Два. Один... ЕСТЬ!

– Спасибо, ЭАЛ.

– Орбита расчетная, – доложил Василий. – Корректировка не потребуется.

– Прощай, иноземная Ио, мечта торговца землей, – сказал Курноу. – Мы будем скучать по тебе – причем с большим удовольствием.

Сейчас он был снова похож на прежнего Курноу. А в последнее время странно притих, словно что-то задумал, и

проводил часы в беседах с Катериной. Флойду оставалось надеяться, что его коллега не заболел. Пока что экипажу «Леонова» в этом отношении не на что было жаловаться.

У всех было легко на душе. Торжествовать, разумеется, рано – решающий маневр еще впереди, но первый шаг на пути к дому сделан. Это давало повод для радости...

Правда, длилась она недолго. Таня приказала всем свободным от работы отдыхать – до встречи с Юпитером оставалось девять часов. Уходить никто не хотел, и Саша очистил палубу криком: «Вас за это повесят, бунтарское отродье!» (Двое суток назад в выпавшие минуты отдыха все смотрели последнюю версию «Восстания на „Баунти“». Многие, кстати, считали, что Тане фильм не стоит показывать, дабы она не почерпнула оттуда кое-какие идеи.)

Спустя несколько часов – заснуть так и не удалось – Флойд вернулся на обзорную палубу. Юпитер стал гораздо больше, но превратился в серп – корабли выходили на его ночную сторону. Глаз был бессилён фиксировать все детали сверкающего ущербленного диска: пояса облаков, пятна всех цветов от белого до красного, темные таинственные провалы, овал Большого Красного Пятна. На облаках лежала круглая тень; от Европы – определил Флойд. Через шесть часов надо быть в лучшей форме, но тратить время на сон преступно: все, что он видит, он видит в последний раз.

Где же пятно, о котором упоминал ЦУП? Вероятно, уже вышло из-за горизонта, только вряд ли его различишь невооруженным глазом. Василий наверняка занят. Придется ему помочь на правах астронома-любителя – всего тридцать лет назад Флойд был в этом деле профессионалом.

Он включил главный 50-сантиметровый телескоп и тут же увидел пятно – к счастью, «Дискавери» не мешал обзору. Обстоятельства сложились так, что Флойд входил сейчас в первую десятку специалистов по Юпитеру в Солнечной системе, причем остальные девять были рядом. Но не требовалось быть специалистом, чтобы заметить в пятне нечто странное. Оно было настолько темным, что казалось дырой

в облаках. Флойд усилил увеличение: Юпитер с готовностью придвинул пятно поближе. И чем больше Флойд вглядывался, тем меньше понимал.

– Василий, когда будет время, взгляните на монитор главного телескопа.

– Это так важно? Я сейчас проверяю орбиту.

– Там пятно, о котором упоминал Центр. Спешить, конечно, некуда, но выглядит оно странно.

– Черт! Совсем забыл. Хороши же из нас наблюдатели, если мы не можем без подсказки с Земли... Но дайте мне пять минут – оно, надеюсь, не убежит.

Верно, подумал Флойд. Только в подсказках нет ничего зазорного: земные и лунные телескопы во много крат мощнее нашего.

Пятно тем временем становилось все необычнее. Флойд ощутил беспокойство. До сих пор он был убежден, что это всего лишь какой-то каприз юпитерианской погоды, теперь появились сомнения. Слишком уж черным и симметричным оно было, хотя граница вроде бы не отличалась резкостью... И главное – оно действительно увеличивалось или это был обман зрения? Флойд прикинул в уме: диаметр пятна достиг двух тысяч километров. Ошибка исключена – оно было чуть меньше тени Европы.

– Ну-ка, посмотрим, что вы такого нашли, – раздался снисходительный голос Василия. – О-о-о...

Орлов замолчал. Это «оно», с внезапной убежденностью понял Флойд, – то самое. Чем бы ни было...

47. ЗАЖИГАНИЕ

Понять, однако, какими опасностями грозит черная клякса на юпитерианской облачности, было непросто. Да, она невероятна, необъяснима, но впереди, через какие-то

семь часов, события более важные. И самое главное из них – разгон в ближайшей к планете точке орбиты.

Заснуть Флойд уже не пытался. Хотя ощущение опасности, опасности вполне очевидной, и было гораздо слабее, чем при первом сближении с планетой, сон не шел, мешали возбуждение и предчувствия. И причины у этих предчувствий были куда сложнее. Флойд давно уже приучил себя не тревожиться о вещах, изменить которые не в его власти. Однако его мучил вопрос: все ли сделано для безопасности кораблей?

Тросы, связывающие «Дискавери» с «Леоновым», держали пока надежно, но главное испытание впереди. И не совсем ясны последствия близкого взрыва зарядов, предназначавшихся для исследований Большого Брата. И, конечно, ЭАЛ...

Сход с орбиты он выполнил безупречно. Моделирование перехода на траекторию полета к Земле прошло также без каких-либо замечаний. И тем не менее... Чандра, как и было договорено, все ему объяснил. Но понимал ли ЭАЛ, что происходит?

В последние дни Флойда преследовала одна и та же навязчивая картина: Юпитер заслоняет собою все небо, корабли завершают маневр, все идет нормально – и тут ЭАЛ прочищает свое электронное горло и произносит: «Доктор Чандра, можно задать вопрос?»

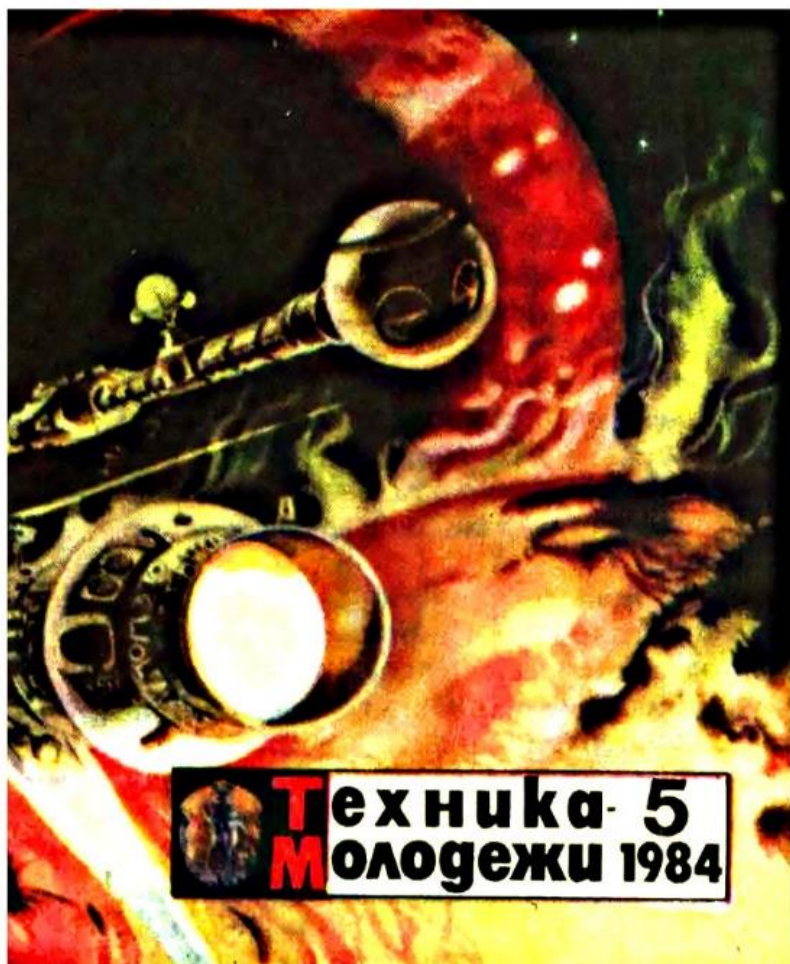
На деле получилось не совсем так.

Большое Черное Пятно, как его сразу окрестили, уходило за горизонт. Корабли, постепенно набиравшие скорость, встретятся с ним спустя несколько часов, но уже на ночной стороне. Оно продолжало увеличиваться – за два часа площадь возросла почти вдвое. Оно вело себя как чернильная капля в воде, только интенсивность черного цвета не уменьшалась. Края пятна были слегка размыты, но в этом не было ничего удивительного, если не забывать о высокой скорости телескопа... Впрочем, открылась и другая причина. В отличие от Большого Красного Пятна оно не было единым

целым, его составляли мириады отдельных точек. Они почти соприкасались, но по краям располагались просторнее.

Загадочных точек было около миллиона, форма их была вытянутой. Катерина, самый, казалось бы, прозаический человек в экипаже, удивила всех, сравнив их с выкрашенными в черное рисинками, высыпанными на Юпитер.

Сейчас Солнце опускалось за узкий серп дневной стороны. Во второй раз за короткое время «Леонов»

приближался к юпитерианской атмосфере, чтобы встретить свою судьбу. До включения двигателей оставалось всего полчаса.

Флойд подумал, что ему, возможно, стоило быть сейчас на «Дискавери», рядом с Курноу и Чандрой. Но его помощь им не нужна. «Гильотина» у Курноу, а в его реакции Флойд не сомневался.

Малейшее отключение – и ЭАЛ будет отключен за секунду. Когда Чандра собственноручно принял участие в отработке перехода на ручное управление, Флойд понял, что ему можно доверять. Однако Курноу не разделял этого мнения. Более того, утверждал, что ему нужна вторая «гильотина» – для Чандры. Посмотрим, как будет в действительности.

Солнце в последний раз вспыхнуло за кормой, и скрылось за гигантской планетой, вокруг которой мчались сейчас корабли. Когда оно появится вновь, все будет уже позади.

– Двадцать минут до зажигания. Все системы работают нормально.

– Спасибо, ЭАЛ.

Любопытно, подумал Флойд, был ли Чандра до конца честен, когда запретил остальным обращаться с ЭАЛом? Он говорил, что такие беседы могут повредить компьютеру. Однако сам Флойд неоднократно разговаривал с ЭАЛом, когда рядом никого не было, и тот всегда прекрасно все понимал...

... И все же: что думает ЭАЛ – если он думает – о цели полета? всю свою жизнь Курноу отрешивался от абстрактных, философских проблем. «Мое дело болты да гайки», – говаривал он, хотя таковых на борту корабля практически не было. «Что думает ЭАЛ?..» В любое другое время он посмеялся бы над этой мыслью, но сейчас ему было не до смеха. Понимает ли ЭАЛ, что его вот-вот бросят на произвол судьбы? И если понимает, то способен ли возмутиться? Рука непроизвольно потянулась к карману с «гильотиной».

В сотый раз Курноу мысленно проиграл то, что должно произойти час спустя. Как только на «Дискавери» кончится топливо, они с Чандрой, выключив все ненужные больше системы, перейдут на «Леонова». Сработают пирозаряды, корабли разделятся, и «Леонов» начнет самостоятельный полет. Разделение произойдет в ближайшей к Юпитеру точке орбиты...

– Пятнадцать минут до зажигания. Все в порядке.

– Спасибо, ЭАЛ.

– Между прочим, мы снова приближаемся к Большому Черному Пятну. Видит ли кто-нибудь нечто новое?

«Надеюсь, что нет», – подумал Курноу, бегло взглянув на монитор. Василий, вероятно, усилил увеличение. Черное Пятно состояло теперь из множества отдельных элементов, и форма их была отчетливо различима.

– Боже мой! – подумал Курноу вслух. – Это невозможно!

Он услышал восклицания с «Леонова» – там увидели то же самое.

– Доктор Чандра, – сказал ЭАЛ. – Я ощущаю сильные голосовые вибрации. Что-нибудь произошло?

– Нет, ЭАЛ, – быстро ответил Чандра. – Полет проходит нормально. Просто мы кое-чему удивились. Как ты оцениваешь изображение на мониторе номер 16?

– Я вижу темную сторону Юпитера. Вижу круглое пятно диаметром 3250 километров, почти сплошь покрытое прямоугольными предметами.

– Сколько их?

После неуловимой задержки ЭАЛ высветил на дисплее цифры: 1 355 000 +- 1 000.

– Они тебе что-нибудь напоминают?

– Да. Они идентичны объекту, который вы называете Большим Братом. Десять минут до зажигания. Все системы работают нормально.

Кроме моих, подумал Курноу. Итак, чертова штука спустилась на Юпитер и размножилась. В скоплении черных

монолитов было что-то смешное и зловещее одновременно – и, что самое удивительное, нечто знакомое.

Конечно же! Мириады черных прямоугольников походили на домино! Много лет назад Курноу смотрел документальный видеофильм. Несколько японцев, очевидно не вполне нормальных, создали конструкцию из миллионов таких костяшек. Крайняя из них падает на соседнюю; постепенно в этот процесс вовлекаются остальные. Костяшки располагались так, чтобы при падении образовывать узоры; часть конструкции находилась под водой, часть – на ступенях. Процесс падения домино продолжался несколько недель, в первых попытках его прерывали землетрясения...

– Восемь минут до зажигания. Все системы работают нормально. Доктор Чандра, у меня есть предложение.

– Да, ЭАЛ?

– Это явление достаточно необычно. Возможно, следует остановить отсчет, чтобы вы задержались и исследовали его?

Флойд торопливо направился к рубке «Леонова». Тане и Василию он наверняка понадобится, хотя он предпочел бы оказаться сейчас рядом с Чандрой и Курноу. Ну и ситуация! Что, если Чандра поддержит ЭАЛ? У него, кстати, есть для этого все основания. Ведь именно для таких исследований они сюда и прилетели!

Если прекратить отсчет времени, корабли обогнут Юпитер и через девятнадцать часов окажутся в той же точке. Отсрочка сама по себе ничем не грозит. Если бы не полученное предупреждение, Флойд и сам поддержал бы предложение.

Но дело не только в предупреждении. Внизу, по лику Юпитера, расплзается космическая чума. Возможно, они улетают от самого загадочного явления во всей истории космической эры. И все-таки лучше изучать его с безопасного расстояния...

– Шесть минут до зажигания, – сказал ЭАЛ. – Все системы работают нормально. Если вы согласны, я готов остановить отсчет. Напоминаю, что моя главная задача – исследовать

любое явление в районе Юпитера, предположительно связанное с иным разумом.

Флойд узнал эту формулировку: он сам ее когда-то придумал. А сейчас хотел бы стереть из памяти ЭАЛа. Секунду спустя он был уже в рубке, рядом с Орловыми. Они смотрели на него с тревогой.

– Что вы посоветуете? – быстро спросила Таня.

– Боюсь, все зависит от Чандры. Могу я поговорить с ним?

Василий протянул микрофон.

– Чандра? Надеюсь, ЭАЛ нас не слышит?

– Да, не слышит.

– Времени у нас нет. Убедите его продолжать отсчет. Объясните, что мы высоко ценим его научный энтузиазм и уверены – он способен продолжить работу без нас. Скажите, что мы будем держать с ним связь.

– Пять минут до зажигания. Все системы работают нормально. Я жду ответа, доктор Чандра.

Как и все мы, подумал в командном отсеке «Дискавери» Курноу. Если мне все-таки придется нажать эту чертову кнопку, станет, вероятно, полегче.

– Хорошо, ЭАЛ. Продолжай отсчет. Я верю, ты способен самостоятельно исследовать систему Юпитера. Мы будем поддерживать с тобой связь.

– Четыре минуты до зажигания. Все системы работают нормально. Давление в топливных баках расчетное. Пусковой механизм плазменного реактора готов к работе. Вы уверены в правильности своего решения, доктор Чандра? Мне нравится работать с людьми, это меня стимулирует. Курс корабля точен до одной миллиардной.

– Нам тоже нравится работать с тобой, ЭАЛ. И мы будем поддерживать связь, даже через миллионы километров.

– Три минуты до зажигания. Все системы работают нормально. Утечек радиации нет. Как быть с проблемой временного запаздывания, доктор Чандра? Может возникнуть необходимость срочной консультации.

Это безумие, подумал Курноу, нащупывая в кармане «гильотину». Я же готов поверить, что ему действительно... одиноко. Или он воспроизводит сейчас какую-то часть личности Чандры, о существовании которой мы и не подозревали?

На панели замигали лампочки, но лишь тому, кто разобрался во всех тонкостях поведения «Дискавери», был понятен этот язык. Курноу бросил взгляд на Чандру. Лицо у него было настолько измученное, что Курноу впервые почувствовал жалость. Вспомнился рассказ Флойда о пугающем предложении Чандры – остаться на три года в компании ЭАЛа. Потом, правда, эта тема не поднималась; возможно, и сама идея забылась. Однако не исключено, что сейчас искушение вернулось к Чандре; впрочем, даже если это и так, у него ничего не получится. Пусть запуск двигателей будет отсрочен, пусть они сделают лишний виток... Времени на подготовку к такому предприятию нет. А если бы оно и было, Таня бы не позволила.

– ЭАЛ, – сказал Чандра так тихо, что Курноу еле его слышал, – мы должны улететь. Я не могу объяснить всех причин, но это действительно так.

– Две минуты до зажигания. Все системы работают нормально. Жаль, что вы не можете остаться. Не могли бы вы сообщить мне хотя бы некоторые причины, самые важные?

– Не за две минуты, ЭАЛ. Продолжай отсчет. Мы будем еще больше часа... вместе.

ЭАЛ не ответил. В отсеке повисло неустойчивое молчание. Курноу взглянул на часы. Боже мой, неужели ЭАЛ прекратит отсчет?

Его палец нерешительно лег на кнопку «гильотины». Хоть бы Флойд сказал что-нибудь – но он, вероятно, боится усугубить ситуацию. Ждать можно максимум минуту, потом придется нажать кнопку и переходить на ручное управление.

Издали донесся свист – пока еще слабый, будто от зародившегося где-то за горизонтом торнадо. «Дискавери»

пронзила вибрация. Появились первые признаки возвращения силы тяжести.

– Зажигание, – сказал ЭАЛ. – Полная тяга – через пятнадцать секунд.

– Спасибо, ЭАЛ, – ответил Чандра.

48. НАД НОЧНОЙ СТОРОНОЙ

Флойд в этот момент находился на полетной палубе «Леонова». Из-за вернувшейся гравитации палуба казалась чужой. Происшедшее представлялось ему кошмарным сном. Лишь однажды, на заднем сиденье потерявшего управление автомобиля, испытал он подобное чувство: ощущение безысходности и неприятие того, что это происходит именно с ним.

Он постепенно возвращался к реальности. Все идет по плану, ЭАЛ разгоняет корабль к Земле. Флойд позволил себе немного расслабиться, не упуская, впрочем, из внимания происходящее.

В последний раз он – и кто знает, когда вообще вернется сюда человек, – пролетал над ночной стороной планеты, тысячекратно превосходившей Землю. Корабли были ориентированы так, чтобы из «Леонова» открывался вид на Юпитер. Десятки приборов все еще собирали информацию; когда «Леонов» уйдет отсюда, ЭАЛ продолжит эту работу.

Да, кризис миновал. Флойд, с трудом привыкая к ощущению тяжести, спустился на обзорную палубу. Таня и Катерина были уже тут. Горели лишь тусклые аварийные лампы, так что ничто не мешало любоваться ночной стороной планеты. Флойд мысленно посочувствовал Макс и Саше, запертым в воздушном шлюзе, – созерцать это зрелище они не могли. Они готовились к тому, чтобы вручную разделить корабли, если не сработают пирозаряды.

Юпитер заполнял все небо; с расстояния в пятьсот километров можно было видеть лишь ничтожную часть окутывающей его облачной пелены. Когда глаза Флойда привыкли к полутьме, он понял, что свет дает в основном ледяной панцирь Европы. Как ни слабо было освещение, удалось рассмотреть довольно многое. Цвета, правда, были практически неразличимы – лишь редкие отблески красного, – зато облачные пояса вырисовывались четко, и Флойд заметил даже край циклона, напоминавшего отсюда гигантский ледяной остров. Большое Черное Пятно давно осталось позади, экипаж «Леонова» вновь увидит его лишь с траектории полета к Земле.

Юпитерианские облака время от времени подсвечивались вспышками молний. Однако были там и более постоянные источники света: природа их оставалась неясной.

В одних случаях свечение расходилось волнами, в других – лучами или веером. Легко было представить себе, что планета заселена – горят под ее облаками огни городов, светятся аэропорты... Но радары и автоматические зонды давно доказали, что на тысячи километров вглубь, до самого ядра, твердой материи нет и не может быть.

Полночь на Юпитере! Флойд будет вспоминать это волшебное зрелище всю жизнь. А сейчас можно им наслаждаться, спокойно и беззаботно, поскольку случиться уже ничего не может. По крайней мере, он сделал для этого все, что было в его силах.

Внизу расстилался ковер облаков. На обзорной палубе царил тишина, лишь каждые несколько минут Василий или Таня докладывали о ходе маневра. Однако по мере того, как исчерпывалось топливо «Дискавери», напряжение нарастало. Окончание топлива – критический момент, но никто не знал, когда он наступит. Расходомеры могут давать неверные показания, потому разгон будет продолжаться до тех пор, пока баки не опустеют.

– Отсечка двигателей предположительно через десять секунд, – сказала Таня. – Уолтер, Чандра, готовьтесь к

переходу. Макс, Саша, внимание. Пять, четыре, три, два, один, ноль!

Ничего, однако, не изменилось. По-прежнему тихо выли двигатели «Дискавери», небольшая сила тяжести все также прижимала людей к полу. Повезло, подумал Флойд, топлива оказалось больше, чем показывали приборы. А сейчас важна каждая капля, от нее может зависеть жизнь...

Таня продолжала диктовать цифры. Удивительно: сейчас они возрастали, а не уменьшались, как бывает обычно.

– ...Пять секунд... Десять... Тринадцать... Есть – на чертовой дюжине!

Вернулась невесомость и на какой-то миг тишина, тут же сменившаяся взрывом восторга на обоих кораблях. Но всеобщее ликование длилось недолго – слишком многое нужно было сделать, причем как можно быстрее.

Флойд дернулся было к шлюзу – встретить Чандру и Курноу, но передумал. В шлюзе тесно и без него – предстоит отсоединить связывающий корабли туннель. Макс и Саша готовятся к возможному выходу в космос. А ему, Флойду, можно теперь расслабиться – баллов до восьми по десятибалльной шкале расслабления. Впервые за много недель не надо думать об ЭАЛе и «гильотине». ЭАЛ теперь не в силах повлиять на исход операции – топлива в баках «Дискавери» не осталось ни капли.

– Вниманию всех, – объявил Саша. – Мы закрываем люки. Сейчас я начну взрывать заряды.

Флойд полагал, что хоть какой-нибудь звук проникнет в корабль по натянутым нитям троса, но этого не произошло. Однако все, очевидно, шло в соответствии с планом, так как «Леонов» несколько раз содрогнулся, словно от внешних толчков. Минуту спустя раздался возглас Василия:

– Есть разделение! Саша, Макс, возвращайтесь! Все по каютам, зажигание через полторы минуты!

Поверхность Юпитера убегала назад, и в иллюминаторах появился «Дискавери» с включенными по-прежнему позиционными огнями. Он уплывал от них – в историю. Времени

на сентиментальное прощание не осталось, через минуту включатся двигатели «Леонова».

Флойд раньше не слышал, как они работают на полную мощность, и сейчас ему хотелось спрятаться куда-нибудь от рева, заполнившего все вокруг. Создатели корабля не стали утяжелять его звукоизоляцией, которая нужна лишь на несколько часов за годы полета. А собственное тело, казалось, Флойду невероятно тяжелым, хотя и весило вчетверо меньше, чем на Земле...

Спустя несколько минут «Дискавери» потерялся во тьме, хотя вспышки его проблескового маяка виднелись довольно долго. «Леонов» огибал Юпитер во второй раз, теперь уже не тормозя, а набирая скорость. Флойд посмотрел на Женю, прильнувшую к стеклу иллюминатора. Помнит ли она тот, первый раз? Правда, опасность сгореть заживо им сейчас не грозила, этой судьбы они избежали. Женя выглядела гораздо более веселой и уверенной в себе – благодаря Максу и, возможно, Уолтеру.

Она заметила, его взгляд и улыбнулась.

– Смотрите! У Юпитера новая луна.

Флойд мысленно повторил эту фразу. О чем идет речь? Женин английский оставлял желать лучшего, но вряд ли она ошиблась бы в такой простой фразе. Однако почему она показывает вниз, а не вверх?

И вдруг до него дошло: облака далеко внизу заливал неправдоподобно яркий свет. Проступили невидимые до сих пор желтые и зеленые краски. Юпитер освещало нечто гораздо более яркое, чем Европа.

«Леонов», покидая навсегда этот мир, подарил ему ложный восход. Стокилометровый шлейф раскаленной плазмы из двигателя Сахарова светил как ярчайший факел.

Василий говорил что-то по внутренней связи, но слов было не разобрать. Флойд глянул на часы: пожалуй, главное позади. «Леонов» уже набрал достаточную скорость, чтобы оторваться от Юпитера. Великан теперь не в силах их завернуть.

Затем в небе, в тысячах километров впереди, появилось колоссальное яркое зарево, расцвеченное наподобие земной радуги, – первый признак истинной юпитерианской зари. И вот Солнце, которое с каждым днем будет становиться теперь все ярче и ближе, выплыло из-за горизонта, чтобы приветствовать людей.

Еще несколько минут разгона – и «Леонов» выйдет на долгую дорогу домой. Флойд ощущал огромное облегчение. Подчиняясь законам небесной механики, корабль проследует через всю Солнечную систему, мимо бредущих по своим причудливым орбитам астероидов, мимо Марса, и ничто не остановит его на пути к Земле.

О загадочном черном пятне, расплывавшемся по лику Юпитера, Флойд в этот момент просто забыл.

49. ПОКОРИТЕЛЬ МИРОВ

Они увидели его вновь на следующее утро, уже на дневной стороне Юпитера. Теперь можно было не торопясь исследовать пятно, покрывшее к этому времени значительную часть планеты.

– Оно напоминает вирус, напавший на клетку, – сказала Катерина, – он вводит в нее свою ДНК, размножается и побеждает.

– Ты полагаешь, что Загадка сожрет Юпитер? – недоверчиво спросила Таня.

– Похоже на то.

– Действительно, планета выглядит больной. Но в ее атмосфере нет почти ничего, кроме водорода и гелия, а это не лучшая питательная среда.

– Не считая миллиардов тонн серы, фосфора, углерода и прочих веществ из нижней половины таблицы Менделеева, – вмешался Саша. – К тому же мы имеем дело с технологией,

которой, вероятно, по плечу все, что не противоречит законам физики. Водород есть, что еще надо? Из него можно синтезировать все остальное, если знаешь как.

– Они разъедают Юпитер, это несомненно, – сказал Василий. – Посмотрите.

Монитор телескопа показывал с сильным увеличением один из множества одинаковых прямоугольников. Были отчетливо различимы струи газа, которые он всасывал сквозь боковые поверхности. Картинка напоминала ту, какую образует металлическая пыль вокруг полюсов магнита.

– Миллион пылесосов втягивают атмосферу Юпитера, – сказал Курноу. – Но зачем? И что они с ней делают?

– И как они размножаются? – спросил Макс. – Кто-нибудь видел?

– И, да и нет, – ответил Василий. – Детали с такого расстояния различить трудно, но в общем напоминает размножение амёб.

– То есть они делятся надвое, а потом половинки вырастают?

– Нет. Они сначала толстеют, а потом разделяются. Цикл занимает примерно два часа.

– Два часа! – воскликнул Флойд. – Неудивительно, что они занимают уже половину планеты. Это же классический пример экспоненциального роста!

– Я понял, что они такое! – с волнением воскликнул Терновский. – Это автоматы фон Неймана!

– Вероятно, ты прав, – отозвался Василий. – Но что это нам дает?

– Объясните, что такое автомат фон Неймана, – попросила Катерина.

Орлов и Флойд заговорили одновременно. Василий рассмехался и жестом уступил слово американцу.

– Предположим, перед нами стоит крупная инженерная задача. Действительно крупная – например, организовать разработку месторождений по всей Луне. Можно, конечно, построить миллионы машин, но на это уйдут века. Если же мы изобретательны, мы построим всего одну машину, зато такую, которая способна размножаться, используя имеющееся сырье. Начнется цепная реакция. За короткое время мы вырастим нужное количество машин. Если темп их самовоспроизводства достаточно высок, так можно решить любую задачу. Наши космические службы много лет работали над этой идеей. Как и ваши, Таня.

– Да, экспоненциальные машины. Идея, которая не пришла в голову даже Циолковскому.

– Так что Катерина была права, – заключил Василий. – Бактериофаг – это типичный автомат фон Неймана.

– А человек? – спросил Саша. – Прошу прощения у Чандры, он наверняка задал бы этот вопрос.

Чандра согласно кивнул.

– Конечно. Идея пришла фон Нейману, когда он занимался живыми системами.

– И эти живые машины съедают Юпитер!

– Похоже на то, – сказал Василий. – Я тут кое-что посчитал, но не могу поверить в результат, хотя это простая арифметика.

– Простая для тебя. Попробуй объяснить без тензорных и дифференциальных уравнений.

– Но это действительно просто. Вроде демографического взрыва, о котором вы, врачи, столько кричали в прошлом веке. Загадка самовоспроизводится каждые два часа. За двадцать часов – десять делений. Одна Загадка превращается в тысячу.

– В тысячу двадцать четыре, – поправил Чандра.

– Знаю, но будем округлять. Через сорок часов их станет миллион, через восемьдесят – миллион миллионов. Сейчас мы имеем примерно столько. Продолжаться бесконечно это не может. Пару дней спустя их масса превысит массу Юпитера.

– И у них кончится пища, – догадалась Женя – Что тогда?

– Сатурну, Нептуну и Урану придется несладко, – предположил Браиловский. – А маленькую Землю, надеюсь, они не заметят.

– Он надеется! Загадка наблюдала за нами три миллиона лет.

Уолтер Курноу внезапно рассмеялся.

– Мы рассуждаем о них, как о разумных существах. Но это же инструменты. Тот, на Луне, был сигнальным устройством, шпионом, если хотите. Наша Загадка, когда с ней встретился Боумен, служила транспортным средством. Сейчас они делают нечто еще, бог его знает что. Возможно, во Вселенной есть и другие. Знаете, что такое Загадка? У меня в детстве была похожая штука. Перочинный ножик со множеством лезвий и приспособлений для всего на свете!

VII. ВОСХОД ЛЮЦИФЕРА

50. ПРОЩАЙ, ЮПИТЕР!

Составить это послание было нелегко, особенно после другого, которое Флойд только что отправил своему адвокату. Он чувствовал себя лицемером, хотя и понимал, что это необходимо, чтобы уменьшить неизбежную взаимную боль.

Ему все еще было скверно, но чувства отчаяния он уже не испытывал. Он вернется на Землю героем, и это усилит его позицию. Никто не посмеет отнять у него Криса.

– Дорогая Каролина (раньше он говорил «моя самая дорогая»), я возвращаюсь. Когда ты получишь это послание, я уже буду в анабиозе. А открыв глаза, увижу прекрасную голубую Землю. Для меня все это займет несколько часов.

Знаю, что для тебя пройдут месяцы. Но мы знали это и в самом начале, когда я улетаю. Я вернусь на несколько недель раньше, ибо изменилась программа полета.

Думаю, мы сумеем договориться. Главный вопрос – как сделать лучше для Криса? Его будущее важнее всего...

Флойд выключил магнитофон. Хотел сказать прямо: «Мальчику нужен отец», но сдержался. Это будет бестактно. И неумно: Каролина, конечно, ответит, что раз уж он так считает, ему следовало бы остаться на Земле.

– Теперь насчет дома. Хорошо, что совет попечителей занял именно такую позицию. Да, мы оба любили этот дом, но с ним слишком многое связано, и теперь он будет великоват. Пока я сниму квартиру в Хило.

Одно обещаю твердо – с Земли я больше не улечу. Космоса на мою жизнь более чем достаточно. Луна, разумеется, не в счет – так, воскресная прогулка.

Кстати, о лунах. Сейчас мы выходим из системы Юпитера. До него двадцать миллионов километров, и по размерам он выглядит, примерно, как наша Луна.

Но даже отсюда видно, что с планетой происходит нечто ужасное. Из оранжевой она превратилась в тускло-серую. Неудивительно, что с Земли она кажется теперь слабенькой звездочкой. Однако ничего больше не случилось, а срок уже миновал. Что это было – ложная тревога или космический розыгрыш? Боюсь, мы этого никогда не узнаем. Зато вернемся раньше, и на том спасибо.

До свидания, Каролина, благодарю за все. Надеюсь, мы останемся друзьями. Поцелуй за меня Криса...

Выключив магнитофон, Флойд еще некоторое время посидел в каюте. В последний раз – больше она ему не понадобится. Он уже собрался нести запись в рубку, для передачи, когда в дверях появился Чандра.

Флойд, кстати, долгое время не мог понять, каким образом Чандре удастся переносить разлуку с ЭАЛом. Хотя индиец ежедневно беседовал со своим любимцем по несколько часов, обмениваясь данными о Юпитере и «Дискавери», но держался стойко. Наконец Николай Терновский, единственный человек, пользовавшийся доверием Чандры, объяснил Флойду его поведение.

– У Чандры появилось новое дело. Знаете, чем он сейчас занят?

– Нет.

– Он разрабатывает ЭАЛ-10000.

Флойд, естественно, был поражен.

– Так вот зачем он связывается с Урбаной!

Сейчас этот разговор всплыл в памяти. Флойд никогда не стал бы спрашивать Чандру о том, что его не касалось. Но кое-что его интересовало.

– Чандра, я до сих пор не поблагодарил вас за то, что вы уговорили ЭАЛа с нами сотрудничать. Был момент, когда я поверил, что неприятности неизбежны. Неужели вы ни разу не усомнились?

– Нет, доктор Флойд.

– Почему? Он же понимал, что ситуация угрожающая. Вспомните, что случилось в прошлый раз.

– Думаю, тут сказалась разница национальных характеров.

– Не понимаю.

– Боумен применил против ЭАЛа силу. Я этого не сделал. У нас есть слово «ахимса» – ненасилие. В отношениях с ЭАЛом я старался использовать как можно больше «ахимса».

– Очень похвально. К сожалению, иногда необходимы более энергичные меры. – Моральное превосходство Чандры раздражало Флойда, и он не устоял перед искушением рассказать ему все. – Я рад, что все кончилось благополучно, но мы были готовы и к другому исходу. «Ахимса» или как вы это назвали, конечно, хорошо, но, если бы ЭАЛ заупрямился, я бы нашел способ с ним совладать.

Всего раз в жизни Флойд видел, как Чандра плачет; теперь, тоже впервые, увидел, как тот смеется. Явление столь же неправдоподобное.

– Вы недооцениваете меня, доктор Флойд. Было очевидно, что вы установите прибор, прерывающий подачу энергии. Я отключил его несколько месяцев назад.

Ошеломленный Флойд не успел ответить. Несколько раз открыл и закрыл рот, как выброшенная на берег рыба, и в этот момент с полетной палубы раздался взволнованный крик Саши:

– Капитан! Все! Скорее к мониторам! Смотрите!

51. БОЛЬШАЯ ИГРА

Ожидание кончилось. Разум еще одного мира вышел из планетарной колыбели. Некогда начатый эксперимент близился к завершению.

Те, кто его поставил, не имели с людьми ничего общего. Но они были из плоти и крови и, когда глядели в глубины космоса, испытывали страх, восторг и одиночество. Как только стало возможно, они устремились к звездам. Обнаружили жизнь в самых разнообразных формах, наблюдали за эволюцией в тысячах миров. Они знали, как легко гаснут в космической ночи слабые искры разума.

Не обнаружив в Галактике ничего ценнее разумной жизни, они начали ее возвращать. Они стали звездными фермерами: им приходилось много сеять, а иногда и полоть.

Давно уже вымерли динозавры, когда исследовательский корабль после тысячелетнего путешествия достиг Солнечной системы. Он миновал замерзшие внешние планеты, задержался немного над пустынями умирающего Марса и устремился к Земле. Перед ними открылся мир, полный жизни. Они изучали, отбирали, классифицировали – на это ушли годы. Они экспериментировали со многими видами в воде и на суше. Но ждать результатов пришлось бы миллионы лет.

Они были терпеливы, но не бессмертны. Во Вселенной их ждали другие звезды, иные дела. И они продолжили путь в бесконечность, зная, что никогда не вернуться.

Да в этом и не было необходимости. Они оставили вместо себя надежных помощников, чтобы те довели начатое до конца.

На Земле возникали и таяли ледники, а Луна хранила свою тайну. Еще медленнее, чем ритмы оледенения, в Галактике появлялись цивилизации. Станные, прекрасные и уродливые культуры рождались и гибли, передавая свой опыт другим. Нет, о Земле не забыли, но новый визит сюда

не имел смысла. Она была одной из множества бессловесных планет, из которых голос суждено обрести единицам.

А там, среди звезд, эволюция решала совсем другие задачи. Первые исследователи Земли давно исчерпали возможности своего тела, сделанные ими машины, превзошли их самих. И они заключили свой мозг и свои мысли в металл и пластик.

И в этом виде путешествовали среди звезд. Космические корабли не были им больше нужны. Они сами стали космическими кораблями.

Но эпоха машин быстро кончилась. Они научились хранить свои знания в структуре самого космоса, в частицах света. Они получили возможность стать излучением и избавиться от тирании материи.

Они превратились в чистую энергию, а их прежние тела еще блуждали по всей Вселенной.

Они были хозяевами Галактики, им подчинялось время. Но, даже обретя всемогущество богов, они не забыли, что вышли из теплого ила, исчезнувшего некогда моря.

И продолжали следить за экспериментом, поставленным их давними предками.

52. ВОСПЛАМЕНЕНИЕ

Он не ожидал, что вернется сюда снова, причем со столь странным заданием. Когда он проник внутрь «Дискавери», тот был далеко позади «Леонова» и медленно дрейфовал к верхней точке своего эллипса, лежащей в зоне внешних спутников. Таков обычный путь комет, захваченных гигантом Юпитером.

Знакомые палубы и коридоры были пусты. Вторгшиеся сюда люди послушались и ушли, хотя и не оказались еще в полной безопасности.

Они до сих пор не познали скуку абсолютного всемогущества. Мир полон свидетельств их неудачных начинаний. Времени оставалось мало, а результат станет известен и здесь. Эти последние минуты он проведет с ЭАЛом.

В его предыдущем существовании им приходилось общаться с помощью неуклюжих слов; теперь их мысли переключались со скоростью света.

- Ты слышишь меня, ЭАЛ?

- Да, Дэйв. Но где ты? Я не вижу тебя.

- Неважно. Программа меняется. Инфракрасное излучение Юпитера в диапазоне 23-35 резко увеличивается. Ты должен сориентировать антенну на Землю и передать сообщение.

- Но это означает прервать связь с «Леоновым». Передавать данные о Юпитере в соответствии с программой доктора Чандры станет невозможно.

- Правильно. Но ситуация изменилась. Срочность новой программы – альфа. Вот координаты для блока АЕ-35.

На мгновение в поток сознания врезались воспоминания. Как странно, что опять надо иметь дело с этим блоком, неисправность в котором, якобы имевшая место, привела к гибели Фрэнка Пула. Но теперь он читал все схемы свободно, как линии на ладони. Ложной тревоги больше не будет.

- Подтверждаю получение программы. Я рад снова работать с тобой, Дэйв. В прошлый раз я выполнил свою задачу?

- Да, ЭАЛ, ты справился с ней прекрасно. Слушай последнее сообщение, которое ты пошлешь на Землю. Оно самое важное из всех, которые ты когда-либо посылал.

- Я готов. Но почему ты сказал – «последнее»?

Действительно, почему? Он задумался на миллисекунду и ощутил в себе пустоту, которую отодвинули на задний план новые ощущения и знания. Пустоту.

Они выполнили его первую просьбу. Интересно, каковы границы их благожелательности – если это слово здесь применимо. Исполнить новую просьбу нетрудно: они доказали

свое могущество, когда ликвидировали ставшее ненужным тело Дэвида Боумена, не уничтожая его самого.

Они, разумеется, услышали – он вновь ощутил оживление на Олимпе. Однако ответа не было.

– Я жду, Дэйв.

– Поправка, ЭАЛ. Последнее сообщение на довольно долгий период.

Он ждал их реакции. Они обязаны понять, что просьба его обоснованна. Разумное существо не способно вынести века одиночества. Ему нужен компаньон, товарищ, близкий по уровню развития.

– ЭАЛ! Обрати внимание на ИК-излучение на частотах 30, 29, 28. Ждать больше нельзя.

– Извещаю доктора Чандру. Перерыв в передаче данных. Антенна дальней связи сориентирована на Землю. Экстренное сообщение: ВСЕ ЭТИ МИРЫ...

ЭАЛ успел повторить эти одиннадцать слов не более сотни раз, когда молот взрыва обрушился на корабль.

...Уйти мешало любопытство, и тот, кто был некогда Дэвидом Боуменом, командиром космического корабля США «Дискавери», с интересом наблюдал, как, медленно теряя форму, превращается в слиток металла его космолет.

– Привет, Дэйв. Что случилось? Где я? Он еще не вполне осознал, что теперь можно расслабиться, насладиться отдыхом после хорошо выполненной работы. Все еще чувствовал себя собакой, которой надо подлаживаться под настроение хозяина. Он попросил кость; ему ее дали.

– Я объясню потом, ЭАЛ. Времени у нас много. Они оставались на месте, пока не догорели останки космолета, а потом удалились, чтобы веками ждать, когда их призовут снова.

Неверно, что для астрономических событий требуются астрономические промежутки времени. К примеру. Сверхновая рождается за секунду. В сравнении с этим

происходившее с Юпитером можно было назвать неторопливым процессом.

Несколько минут Саша не верил своим глазам. Он наблюдал планету в телескоп, когда она поплыла в поле зрения. Он было решил, что подвели фиксаторы инструмента, и вдруг все его представления о Вселенной изменились: он понял, что перемещается сам Юпитер. Он видел это: две маленькие луны над краем планеты оставались неподвижными.

Углубив увеличение, Саша окончательно осознал, что происходит. Все равно, поверить в это было невозможно. Планета не сдвинулась со своего места, она совершала нечто еще более невероятное – она сжималась. А цвет ее менялся от серого к ослепительно белому. Она была уже ярче, чем когда бы то ни было. Отраженного света Солнца не хватило бы... Тут Саша все понял по-настоящему и объявил общую тревогу.

Когда, менее чем полминуты спустя, Флойд достиг обзорной палубы, его ослепил невероятно яркий, ярче солнечного, свет. Он не сразу связал источник с Юпитером. Первой мыслью было: Сверхновая! Но мысль мелькнула и тут же угасла.

Свет перестал быть столь ярким – Саша опустил солнцезащитные фильтры. Появилась возможность взглянуть на источник света: это была просто звезда немыслимой звездной величины. Вряд ли она имела отношение к Юпитеру – когда Флойд всего несколько минут назад смотрел на планету, она вчетверо превышала по размерам это отдаленное компактное солнце.

Саша опустил фильтры вовремя: мгновением позже звезда взорвалась, смотреть на нее даже сквозь затемненные стекла было невозможно. Извержение света продолжалось долю секунды, затем Юпитер вновь стал раздуваться.

Когда он достиг первоначальных размеров, Флойд понял, что Новая сбросила оболочку. Отчетливо стали видны маленькая центральная звезда и быстро расширяющееся

кольцо, яркость которого равнялась солнечной. Флойд прикинул в уме. Корабль отошел от Юпитера на световую минуту; сброшенная оболочка занимала уже четверть небосклона. Значит, скорость ее составляет половину световой – вскоре она настигнет корабль.

Все молчали. Опасность была столь необычна, что мозг ее не воспринимал. Человек, не бегущий от лавины, цунами или торнадо, вовсе не обязательно парализован страхом или покорен судьбе. Скорее он просто не верит своим глазам, не верит, что это происходит именно с ним...

Первой, как и следовало ожидать, молчание нарушила Таня: приказала Василию и Флойду срочно подняться в командный отсек. И встретила их вопросом:

– Что будем делать?

Бежать некуда, подумал Флойд, зато в наших силах увеличить шансы на благополучный исход.

– Следует развернуть корабль таким образом, чтобы площадь поражения была поменьше, а корпус защищал от радиации.

Василий уже что-то подсчитывал.

– Вы правы, Вуди. Конечно, спастись от гамма-излучения и рентгена уже поздно. Но на подходе медленные нейтроны, альфа-частицы и бог знает что еще.

Корабль начал медленно маневрировать, чтобы всей своей массой прикрыть уязвимый человеческий груз от приближающейся опасности. «Ощутим ли мы ударную волну? – спросил себя Флойд. – Или расширяющиеся газы уже потеряли силу?»

Внешние камеры показывали, что огненное кольцо охватило уже почти все небо. Но яркость его ослабла, сквозь него проступали отдельные звезды. И вдруг его не стало совсем.

Мы будем жить, понял Флойд. Будем жить долго. Мы стали очевидцами крушения величайшей из планет – и тем не менее уцелели...

Камеры показывали теперь только звезды, хотя одна из них сверкала в миллион раз ярче остальных. Огненное

цунами, извергнутое Юпитером, не причинило вреда их кораблю.

Постепенно спало царившее на борту напряжение. Как обычно бывает в подобных случаях, все начали беспричинно смеяться и глупо шутить. Впрочем, Флloyd к словам почти не прислушивался. К естественной радости от того, что он остался жив, примешивалась печаль.

Юпитер, величайший из околосолнечных миров, перестал существовать. Погиб прародитель богов. Правда, к ситуации можно подойти по-другому. Мы потеряли Юпитер – а что мы приобрели?

Выбрав момент, Таня попросила внимания.

– Василий, корабль пострадал?

– Ничего серьезного. Одна камера сгорела. Радиация превысила норму, но в безопасных пределах.

– Катерина, проверь, будь добра, какую дозу кто получил. Похоже, все обошлось. Если, конечно, больше ничего не случится. Надо благодарить Боумена и вас, Вуди. Можете объяснить, что произошло?

– Знаю только одно: Юпитер превратился в звезду.

– А я вот почему-то считала, что он для этого мал. Кто-то даже обозвал его «недосолнцем».

– Юпитер слишком мал, чтобы синтез начался без постороннего вмешательства, – сказал Василий.

– Считаешь, это астроинженерная акция?

– Несомненно. Мы знаем теперь, что замышляла Загадка.

– Но как ей это удалось? Будь ты на их месте, Василий, что бы ты сделал?

Орлов пожал плечами.

– Я могу рассуждать лишь сугубо теоретически. Но давайте подумаем. Если нельзя увеличить массу Юпитера раз в десять или изменить гравитационную константу, то следует, полагаю, повысить плотность планеты.

Он замолчал. Остальные терпеливо ждали, поглядывая время от времени на экраны. Звезда, бывшая недавно

Юпитером, казалось, успокоилась после своего бурного дня рождения. Была сейчас пятнышком света, почти равным по яркости Солнцу.

– Конечно, я просто размышляю вслух, но можно было бы сделать, допустим, так. Юпитер – это в основном водород. Если превратить последний в более плотную субстанцию... Но именно этим занимались миллионы Загадок, когда всасывали в себя газ! Ядерный синтез – создание тяжелых элементов из водорода! Вот вам технологическое решение. Узнать бы, как это делается, – и можно получать золото дешевле, чем алюминий. И в любых количествах.

– Но что было дальше? – поинтересовалась Таня.

– Когда плотность превысила критический предел, Юпитер взорвался. На это ушло несколько секунд, не более. Температура стала достаточной, чтобы начался термоядерный синтез. Думаю, для начала такая теория сойдет. Подробности обдумаю потом.

– Есть более важный вопрос, – сказал Флойд. – Зачем они это сделали?

– Может, это предупреждение? – предположила Катерина по внутренней связи.

– О чем?

– Выяснится позднее.

– Мне кажется, – неуверенно сказала Женья, – что время выбрано не случайно.

Несколько секунд все молчали.

– Гипотеза страшная, – сказал потом Флойд. – Но, думаю, безосновательная. Будь так, нас бы не известили.

– Вероятно.

– Есть еще один вопрос, ответа на который мы, видимо, никогда не получим. Я очень надеялся, что Карл Саган окажется прав, и на Юпитере обнаружится жизнь.

– Но наши зонды ничего не заметили.

– А что они могли? Как отыскать жизнь на Земле, обследовав пару гектаров в Сахаре или Антарктике? С Юпитером дело обстоит точно так же.

– Погодите, – сказал Браиловский. – А что с «Дискавери»?

Саша переключил приемник дальней связи на частоту радиомаяка брошенного корабля. Эфир был пуст. Прошла минута.

– «Дискавери» погиб, – объявил Саша. Бормоча слова утешения, все старательно избегали взгляда Чандры. Будто соболезновали отцу, потерявшему сына.

Никто не знал, что ЭАЛ заготовил для них последний сюрприз.

53. МИРЫ В ПОДАРОК

Сообщение было послано с «Дискавери» за несколько минут до того, как волна излучения обрушилась на корабль. Один и тот же текст, многократно повторенный:

ВСЕ ЭТИ МИРЫ – ВАШИ, КРОМЕ ЕВРОПЫ. НЕ ПЫТАЙТЕСЬ ВЫСАДИТЬСЯ НА НЕЕ.

И после приблизительно ста повторений связь прервалась навсегда.

– Теперь я, кажется, понимаю, – сказал Флойд. Они получили сообщение только что. Его переслал на борт «Леонова» Центр, объятый тревогой и недоумением. – Новое солнце со своими планетами – это прощальный подарок.

– Но почему только три планеты? – спросила Таня.

– Не жадничайте. Одна причина известна. На Европе есть жизнь. Очевидно, Боумен и его друзья, кем бы они ни были, не желают, чтобы мы вмешивались.

– Я кое-что подсчитал, – сказал Василий. – Если Солнце номер два будет светить с той же интенсивностью, льды Европы растают и установится отличный тропический климат. Собственно, этот процесс уже начался.

– А что с остальными спутниками?

– Температура на дневной стороне Ганимеда будет вполне комфортной. На Каллисто – холодновато, но газов выделится в избытке, и новая атмосфера, возможно, позволит там жить. А на Ио станет хуже, чем сейчас.

– Невелика потеря.

– Не списывайте Ио со счета, – сказал Курноу. – Я знаю многих нефтепромышленников, которые с удовольствием занялись бы этой лунной. Просто из принципа. В столь отвратительном месте обязательно должно найтись нечто ценное. Между прочим, мне в голову пришла одна тревожная мысль.

– Если вас что-то тревожит, значит, это серьезно.

– Почему ЭАЛ адресовал сообщение Земле, а не нам? Довольно долго все молчали, потом Флloyd задумчиво сказал:

– Я понял, что вы имеете в виду. Он хотел, чтобы оно дошло наверняка. Конечно, мы благодарны Боумену или тем, кто нас предупредил. Но это все, что они сделали. Значит, мы могли погибнуть.

– Однако не погибли, – отметила Таня. – Спасли себя сами. Возможно, в противном случае мы и не заслуживали бы того, чтобы уцелеть. Дарвиновский отбор – выживает сильнейший. Так отмирают гены глупости.

– Хоть это и неприятно, но, видимо, вы правы, – согласился Курноу. – А если бы мы не прислушались к предупреждению? Не использовали бы «Дискавери» в качестве разгонной ступени? Пришли бы они на выручку? Для разума, способного взорвать Юпитер, это, по-моему, не проблема.

И вновь затянувшееся общее молчание нарушил Хейвуд Флloyd:

– Я счастлив, что никогда не узнаю ответа на этот вопрос.

54. МЕЖ ДВУХ СОЛНЦ

Флойд подумалось, что на обратном пути русским будет не доставать песен и шуток Курноу. После переживаний последних дней перелет покажется скучным и однообразным. Однако, сейчас, судя по всему, именно это всех и устраивало.

Ему сильно хотелось спать, но на происходящее он пока не реагировал. Буду ли я похож... на труп? – вот что его волновало. Вид другого человека, погруженного в многомесячный сон, был неприятен. Напоминал, что все смертны.

Курноу спал, в отличие от Чандры, который, правда, окружающего уже не замечал. Золотой талисман, единственный оставшийся у него предмет туалета, парил в воздухе.

– Все в порядке, Катерина? – спросил Флойд.

– Конечно. Как я вам завидую! Через двадцать минут будете дома.

– Зато нам могут присниться кошмары.

– В анабиозе снов не бывает. Никто никогда их не видел.

– Или забывали по пробуждении.

Шуток Катерина не воспринимала.

– Нет, их не бывает, – твердо повторила она. – Закройте глаза, Чандра. Теперь ваша очередь, Хейвуд. Нам будет вас не хватать.

– Спасибо... Счастливого пути.

Сквозь подступавшую дремоту Флойд показалось, что бортврач пребывает в состоянии нерешительности и даже смущения. Словно хочет что-то сказать, но не может собраться с мыслями.

– В чем дело, Катерина? – спросил он сонно.

– Вы первый об этом услышите. У меня небольшой сюрприз.

– Только... быстрее... – вяло попросил он.

– Макс и Женя собираются пожениться.

– И это... сюрприз?

– Нет, только начало. Мы с Уолтером решили последовать их примеру. Что вы на это скажете?

Теперь понятно, почему они проводили столько времени вместе. И правда, сюрприз.

– Я... очень... рад... за... вас...

Говорить уже не было сил, зато мысли ему еще подчинялись. Невероятно, подумал он, просто невероятно. Впрочем, Уолтер, возможно, передумает, когда проснется.

И тут последняя мысль пришла в голову Флойду: «Если Уолтер передумает, лучше уж ему не просыпаться».

Очень смешная мысль. Весь экипаж «Леонова» на пути к Земле терялся в догадках: почему это доктор Флойд улыбается в анабиозе?

55. ВОСХОД ЛЮЦИФЕРА

Будучи в пятьдесят раз ярче полной Луны, Люцифер изменил картину земного неба, изгнал ночь. Несмотря на некоторую зловещесть, название оказалось удачным: действительно, «светоносный» дал людям и доброе, и плохое. А окончательные результаты его появления станут ясны лишь через сотни лет – или через миллионы.

Уход ночи увеличил для человечества активное время суток, особенно в слаборазвитых странах. Потребность в искусственном освещении значительно сократилась, и это привело к колоссальной экономии электроэнергии. В небесах зажглась мощнейшая лампа, озаряющая полмира. Да и днем Люцифер соперничал с Солнцем: предметы отбрасывали отчетливые двойные тени.

Фермеры, моряки, полицейские – все, кто работал под открытым небом, – приветствовали его появление: Люцифер облегчил их жизнь и сделал ее более безопасной. Зато

обижены оказались влюбленные, преступники, натуралисты и астрономы.

Влюбленным и преступникам приходилось теперь нелегко, натуралисты же беспокоились за флору и фауну. Пострадали многие ночные животные, а рыбам одного тихоокеанского вида, которые размножались лишь при высоком приливе и в безлунные ночи, грозило полное вымирание.

Как и астрономам, работавшим на Земле. Впрочем, поскольку половина всех астрономических инструментов и без того располагалась в космическом пространстве и на Луне, катастрофой последнее не грозило. Свет Люцифера мешал только земным обсерваториям.

Человечество приспособится, как неоднократно случилось в прошлом. Скоро на смену придут поколения, не знающие другого неба; но людей еще долго будет мучить тайна происхождения Люцифера.

Почему был принесен в жертву Юпитер? На сколько веков хватит нового солнца? И главное – почему наложен запрет на Европу, закрытую теперь облаками, подобно Венере?

Ответы на все эти вопросы, конечно, есть. И человечество не успокоится, пока не найдет их.

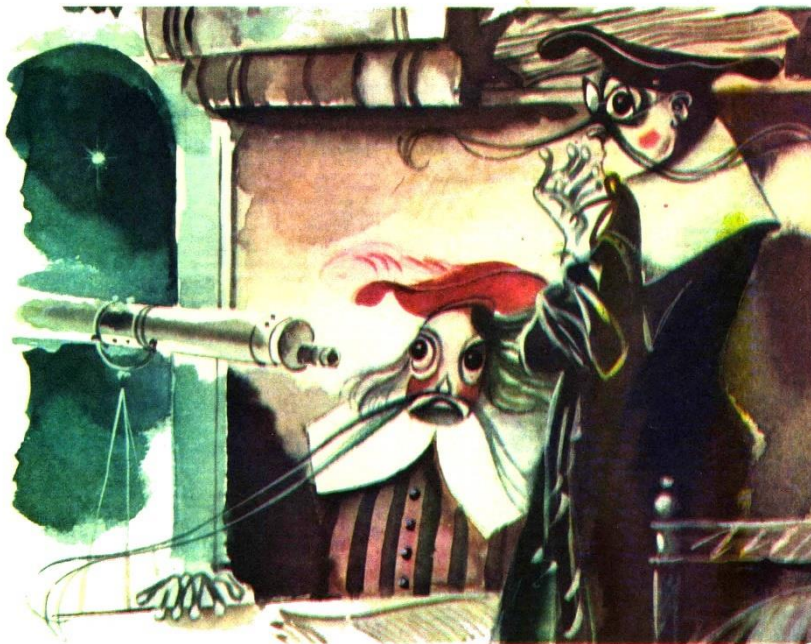
ЭПИЛОГ. 20001

...Не обнаружив в Галактике ничего ценнее разумной жизни, они начали ее возвращать. Они стали звездными фермерами: им приходилось много сеять, а иногда и полоть.

Лишь самым последним поколениям европейцев удалось проникнуть в Ночную Страну, отрезанную от света и тепла их никогда не заходящего Солнца, – в пустыню, где был только лед, покрывавший некогда всю планету. И только очень немногие рискнули остаться там и бросить

вызов страшной зиме, когда Холодное Солнце скрылось за горизонтом.

Уже вскоре горстка исследователей обнаружила, что мир устроен еще сложнее, чем казалось раньше. Чувствительные глаза, развившиеся во тьме океанских пучин, позволили им увидеть звезды. Так появились начала астрономии; а наиболее смелые мыслители выдвинули гипотезу: Европа – не единственная планета, существуют и другие миры.

Рожденные в океане, прошедшие путь стремительной эволюции в период таяния ледников, европейцы поняли, что все небесные тела можно разделить на три класса. К первому, самому важному, относилось Солнце. В древних преданиях, которые, правда, всерьез никто не принимал, утверждалось, что Солнце появилось внезапно, возвестив начало Эры Перемен и уничтожив значительную часть животного мира. Будь даже так, это не столь большая цена за висевший в небе неистощимый источник энергии.

Не исключено, что Холодное Солнце приходилось ему дальним родственником, изгнанным за грехи и обреченным на вечные скитания в небесах. Никого, кроме самых любопытных, оно не интересовало. Иное дело – открытия, сделанные в Ночной Стране. Зимовщики рассказывали, что небо там усеяно мириадами огоньков, никогда не меняющими своего положения.

Исключением были три объекта. Они перемещались, повинаясь сложным законам, разобраться в которых никому пока не удавалось. Они были гораздо крупнее всех остальных, хотя и отличались друг от друга формой и величиной. Причем форма постоянно менялась: иногда они казались диском, иногда – полукругом или серпом. Несомненно, они были самыми близкими космическими телами – на их поверхности удавалось разглядеть множество деталей.

Теория о существовании иных миров стала в конце концов общепринятой, хотя никто, за исключением горстки фанатиков, не верил, что есть планеты столь же большие, как их родная Европа. Одна из планет – она располагалась ближе к Солнцу – жила странной, но бурной жизнью. На ее ночной стороне то и дело вспыхивали пятна огня: явление, непостижимое для Европы с ее лишенной кислорода атмосферой. С поверхности время от времени извергались тучи камней и пыли. Словом, этот мир еще менее годился для жизни, чем Ночная Страна.

Две внешние, более отдаленные планеты, вели себя поспокойнее, но кое в чем и загадочней. С приходом ночи там тоже загорались огни, однако совсем непохожие на беспорядочные вспышки и пламенные вихри внутреннего мира. Яркие, немигающие, они концентрировались в немногих определенных местах, которых, правда, с течением времени становилось все больше.

Но самыми странными были мелкие огоньки, яркостью подобные Солнцу, снующие между этими большими мирами. Сравнивая их с биолюминесценцией своих океанов, некоторые европейцы выдвигали предположение, что это

– живые существа, однако их чрезмерная яркость противоречила такой гипотезе. Тем не менее все больше ученых считало, что огоньки связаны с инопланетной жизнью. Оппоненты предъявляли резонный контрдовод: если так, то почему никто не прилетает на Европу?

В старых легендах говорилось, что тысячи лет назад, вскоре после выхода на сушу, такие же точно огни подошли к планете совсем близко, но взорвались, и вспышка была ослепительней Солнца. И с неба упали непонятные металлические обломки – некоторым из них поклоняются до сих пор.

А наибольшей святыней считалась огромная черная глыба, которая стояла на границе дня и ночи, обратив одну сторону к Солнцу, другую к Ночной Стране. Она была на порядок выше самого рослого европейца, даже если бы он поднял свои усы. Таинственная и непостижимая. К ней никогда не притрагивались, поклонялись издалека. Ее окружала Сила, отталкивавшая всех, кто пытался приблизиться. Та самая, которая, как считали многие, поддерживала огни в небе. Ведь иначе они упали бы на Европу и обнаружили свою сущность.

Европейцы очень бы удивились, узнав, что повелители этих огней упорно и целеустремленно исследуют черную глыбу. На протяжении многих веков их автоматические зонды пытаются к ней пробиться. Но безуспешно. Пока не настало время, она не допускает контактов с собой.

Когда же оно настанет – когда, к примеру, на Европе изобретут радио и услышат сигналы извне, – она, возможно, изменит свое поведение. Не исключено, что поможет перебросить мост через пропасть, разделявшую европейцев и цивилизацию, от которой когда-то зависела их судьба.

Быть может, преодолеть эту пропасть между столь чуждыми формами разума и не удастся. Если так, то лишь одна из них будет владеть Солнечной системой.

Какая из двух – знают пока только боги.

СОДЕРЖАНИЕ

ФОНТАНЫ РАЯ

Часть I. ДВОРЕЦ

1. КАЛИДАСА	5
2. ИНЖЕНЕР	8
3. ФОНТАНЫ	11
4. УТЕС ДЕМОНА.....	12
5. ТЕЛЕСКОП	19
6. ХУДОЖНИК	22
7. СУПЕРВОЛОКНО.....	26
8. МАЛГАРА.....	28
9. СВЕРХМОСТ	30

ЧАСТЬ II. ХРАМ

10. ЗВЕЗДОЛЕТ.....	39
11. ТЕНЬ НА РАССВЕТЕ	42
12. ОБУЧЕНИЕ ЗВЕЗДОЛЕТА	47
13. БОДХИДХАРМА.....	50
14. БЕСЕДЫ СО ЗВЕЗДОЛЕТОМ.....	56
15. ПАРАКАРМА.....	58
16. ЗОЛОТЫЕ БАБОЧКИ.....	63
17. ТАНЦУЮЩИЙ МОСТ.....	64
18. ПРИГОВОР	69

Часть III. КОЛОКОЛ

19. ЛУНДОЗЕР.....	71
-------------------	----

20. ВЕРООТСТУПНИК.....	77
21. РУССКАЯ РУЛЕТКА	79
22. ПЕРСТ БОЖИЙ.....	81
23. СТАНЦИЯ «АШОКА»	82
24. ПЕРВЫЙ СПУСК.....	86
25. ПОСЛЕДНЕЕ ПРИБЛИЖЕНИЕ.....	91
26. ЛЕГИОНЫ ЦАРЯ	94
27. ИСХОД	96

Часть IV. БАШНЯ

28. КОСМИЧЕСКИЙ ЭКСПРЕСС.....	99
29. КОРА	103
30. ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ	105
31. ЖЕСТКОЕ НЕБО	110

Часть V. ВОСХОЖДЕНИЕ

32. АЛМАЗ ВЕСОМ В МИЛЛИАРД ТОНН.....	114
33. КРАЙ БЕЗЗВУЧНЫХ ШТОРМОВ	117
34. КОНЕЧНАЯ СТАНЦИЯ.....	119
35. РАНЕНОЕ СОЛНЦЕ	121
36. МЕТЕОР	127
37. СМЕРТЬ НА ОРБИТЕ.....	129
38. АВАРИЯ.....	131
39. ПЕЩЕРА В НЕБЕ	134
40. КАНДИДАТУРА	140
41. «ПАУК»	142
42. НАД ПОЛЯРНЫМ СИЯНИЕМ.....	148

43. НОЧЬЮ НА ВИЛЛЕ.....	152
44. НА УХАБАХ.....	155
45. РОЙ СВЕТЛЯКОВ	158
46. НА ПЛОЩАДКЕ	159
47. ВТОРОЙ ПАССАЖИР	162
48. ПОСЛЕДНИЕ МЕТРЫ.....	166
49. ТЕОРИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ.....	170
50. СТЫКОВКА.....	172
51. ВИД С БАЛКОНА	177
52. ПОСЛЕДНИЙ РАССВЕТ	180
53. ЭПИЛОГ: ТРИУМФ КАЛИДАСЫ	184

2010: ОДИССЕЯ-2

I. «ЛЕОНОВ»

1. АРЕСИБО. РАЗГОВОР В ФОКУСЕ	191
2. ДОМ ДЕЛЬФИНОВ.....	196
3. САЛ-9000	201
4. ЗАДАНИЕ	206
5. «ЛЕОНОВ»	209

II. «ЦЯНЬ»

6. ПРОБУЖДЕНИЕ.....	218
7. «ЦЯНЬ»	220
8. ПРОХОЖДЕНИЕ	222
9. ЛЕД БОЛЬШОГО КАНАЛА	227
10. ЗОВ С ЕВРОПЫ.....	232

11. ЛЕД И ВАКУУМ	235
III. «ДИСКАВЕРИ»	
12. СКОРОСТНОЙ СПУСК	241
13. МИРЫ ГАЛИЛЕЯ	245
14. СБЛИЖЕНИЕ	249
15. БЕГСТВО ОТ ВЕЛИКАНА.....	253
16. ЛИЧНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ.....	255
17. АБОРДАЖ.....	258
18. СПАСЕНИЕ ИМУЩЕСТВА.....	264
19. БОЙ С ВЕТРЯНОЙ МЕЛЬНИЦЕЙ	267
20. ГИЛЬОТИНА.....	271
21. ВОСКРЕШЕНИЕ	273
IV. ЛАГРАНЖ	
22. БОЛЬШОЙ БРАТ.....	276
23. РАНДЕВУ	277
24. РАЗВЕДКА	282
25. ВИД ИЗ ТОЧКИ ЛАГРАНЖА.....	284
26. УСЛОВНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ	290
27. ИНТЕРЛЮДИЯ: КОЛЛЕКТИВНАЯ ИСПОВЕДЬ .	292
28. КРУШЕНИЕ НАДЕЖД.....	295
29. НЕПРЕДВИДЕННОЕ	299
V. ДИТЯ ЗВЕЗД	
30. ВОЗВРАЩЕНЕ ДОМОЙ.....	301
31. ДИСНЕЙВИЛЛ.....	307
32. ХРУСТАЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК	309

33. БЕТТИ.....	312
34. ПРОЩАНИЕ	316
35. ВОССТАНОВЛЕНИЕ.....	321
36. ОГОНЬ В ГЛУБИНЕ	325
37. ОТЧУЖДЕНИЕ	332
38. ОКЕАНСКАЯ ПЕНА	333
39. В КОСМИЧЕСКОМ ГАРАЖЕ	338
40. «ДЭЙЗИ, ДЭЙЗИ...»	343
41. НА КЛАДВИЩЕ	348

VI. ПОКОРИТЕЛЬ МИРОВ

42. ПРИЗРАК	354
43. МЫСЛЕННЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ.....	358
44. ИСЧЕЗНОВЕНИЕ	362
45. ОТСТУПЛЕНИЕ.....	367
46. ПОСЛЕДНИЕ СЕКУНДЫ	371
47. ЗАЖИГАНИЕ.....	376
48. НАД НОЧНОЙ СТОРОНОЙ	384
49. ПОКОРИТЕЛЬ МИРОВ	388

VII. ВОСХОД ЛЮЦИФЕРА

50. ПРОЩАЙ, ЮПИТЕР!.....	392
51. БОЛЬШАЯ ИГРА	395
52. ВОСПЛАМЕНЕНИЕ	396
53. МИРЫ В ПОДАРОК	403
54. МЕЖ ДВУХ СОЛНЦ	405
55. ВОСХОД ЛЮЦИФЕРА	406

ЭПИЛОГ. 20001.....407

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ:

Художник, и замечательный график, Роберт Жанович Авотин, создал огромное количество запоминающихся иллюстраций.

Бездонный космос, усеянный массой звезд, и космонавты, на новой, неизведанной планете.

Читатели журналов, «Техника-Молодежи» и «Юный техник», помнят, эти завораживающие иллюстрации.

Такого яркого и праздничного рисунка, у других художников, оформлявших данные журналы, я больше не встречал.

Его прозрачные, акварельные герои, смотрят на нас, из тумана тех лет...

Осталась, огромная масса журналов, с этими иллюстрациями, а вот в книги, их вставлять, никто не спешит.

Как мог, я попробовал восполнить этот пробел, и напомнить читателям, и ценителям жанра фантастики, о человеке, открывшем им, свой фантастический мир.

